

ИРИНА СТРАЖЕВА

ТЮЛЬПАНЫ С КОСМОДРОМА

ИРИНА СТРАЖЕВА

ТЮЛЬПАНЫ С КОСМОДРОМА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

С $\frac{70302-259}{078(02)-78}$ 276—78

ОТ АВТОРА

Книга окончена.

Мне легко и чуточку грустно. Еще раз прошли перед глазами прожитые годы, которые за дымкой времени, пожалуй, виделись мне несколько иными: память сглаживает теневые моменты жизни, а все светлые делает еще более яркими и рельефными...

Перелистываю последние страницы.

«Какая цель твоей книги?»

Она предназначается в первую очередь юношам и девушкам, принимающим сегодня эстафету времени. Рассказать в ней я хотела о своем поколении, о нашей жизни и главным образом о самом близком, самом дорогом моем человеке.

О человеке, беззаветно любившем людей, Родину и ракеты.

О человеке, прожившем напряженную, порой не такую легкую, но в конечном итоге очень светлую жизнь.

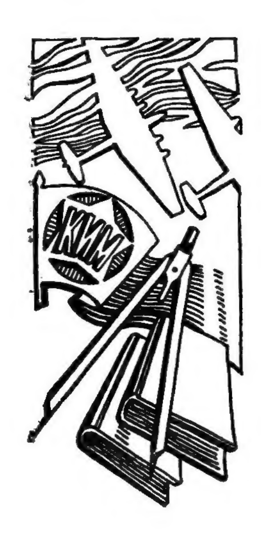
Человек этот — академик Михаил Кузьмич Янгель.

Надеюсь, что «Тюльпаны с космодрома» позволят читателю ближе познакомиться с судьбой главного конструктора ракетно-космических систем и в какой-то степени с его работой в этой интереснейшей области.

Хочу выразить глубокую признательность всем товарищам, поделившимся со мной воспоминаниями о Михаиле Кузьмиче, а также сыну Александру, помогавшему мне в работе над книгой, и племяннику Аркадию Андрющенко, сделавшему к ней иллюстрации.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВСТРЕЧА НА РАЗВИЛКЕ

Московский авиационный институт. В стенах этого именитого вуза прошли студенческие годы и Михаила Кузьмича Янгеля, и мои. Потом эстафету приняли наши дети — Людмила и Александр. «Авиационно-космическая семья, — шутили друзья, — из племени маи-тян».

Михаил Янгель был одним из первых, с кем я столкнулась в МАИ осенью 1935 года буквально на второй или третий день после зачисления в институт.

Комитет комсомола помещался внизу старого аудиторного корпуса. Я пришла становиться на комсомольский учет. За столом — чернявая девушка:

— Первокурсница? Давай билет и заполни анкету: в какой группе, откуда к нам пришла?

Я протянула девушке новенький комсомольский билет, который получила при обмене документов во Фрунзенском райкоме комсомола.

— Да он у тебя с помаркой! Ставить на учет не имею права. Иди в свой прежний райком и выясняй.

— Какая это помарка? Просто немного расплылись чернила. Зачем в райком? — запротестовала я.

— Ничего не знаю. Хочешь, впрочем, зайди к секретарю.

— Как его зовут?

— Янгель. Михаил Янгель.

Он сидел за письменным столом и что-то писал. Густая шапка тем-

ных волос. Синяя вылинявшая куртка. Мне он показался очень большим и очень сильным.

— Что у тебя? Да ты садись.

Секретарь внимательно посмотрел на меня, и его темные глаза засветились дружеской теплотой.

— Пришла становиться на учет, а не ставят. Помарка, говорят. Посылают из-за этого в райком.

Михаил Янгель взял мой билет в руки.

«Решит вопрос положительно — значит, хороший парень, не бюрократ», — загадала я.

— Помарка, говоришь? А по-моему, просто небрежно промокнули. Нечего из-за такой мелочи в райком посылать, да еще первокурсницу.

Он улыбнулся.

— Трудно начинать учиться? А откуда пришла к нам? Что делала в комсомоле?

И Янгель стал подробно расспрашивать меня о прошлой работе.

Третий химический техникум имени Нансена. Здесь, в Мерзляковском переулке, вблизи Никитских ворот, познавала я сложные законы химической науки. Учась в техникуме, проходила практику на опытном химическом заводе, расположенном в районе Большой Садовой улицы. Работала слесарем и даже какое-то время кочегаром. С третьего курса начала без отрыва от занятий работать в одном из цехов аппаратчиком.

После окончания техникума осталась работать на том же опытном заводе технологом. Поручили мне заниматься производством антраниловой кислоты — полупродукта для изготовления духов.

— Специфика чисто женская, — сказал начальник цеха. — А бригаду дадим мужскую, боевую. Справишься?

— Справлюсь, — пообещала я.

Хозяйство у меня было солидное. Рабочие — тоже. С ними быстро установились добрые деловые отношения. Многие из них годились мне в отцы, но работе это не мешало.

Комсомольский коллектив нашего цеха был удивительно дружным. Устраивали диспуты на острые темы, разгружали в дни субботников товарные вагоны и часто в выходные дни, захватив с собой волейбольный мяч, выезжали в Подмосковье.

Память отчетливо сохранила работу в ночных сменах.

Большая Садовая тех лет. Тусклый свет фонарей... Шагая на завод, я обычно попадала в оживленную толпу возвращавшихся из театров людей.

Надев в раздевалке шерстяную спецовку и плотные резиновые перчатки, шла принимать смену.

Огромные мешалки, ведомые ремнями трансмиссий, размешивали в чанах химические реактивы. Тут же пузатенькие нутчи и «одноногие» шаровые мельницы, напоминающие огромные волчки. Специфический запах химического производства заполнял этажи.

В цехе в ночную пору было немноголюдно... Гул трансмиссий и скрежет мешалок... От одного аппарата к другому, от чана к чану, от очередной нутчи к следующей. Медленно ползли стрелки на больших электрических часах...

Через три года после окончания техникума решила поступать на химический факультет МГУ. Но основательной подготовке к сдаче экзаменов помешала срочная и длительная командировка на Украину: в Рубежанске сдавали корпус по производству антраниловой кислоты.

Вступительные экзамены сдала не блестяще. Неужели не примут?!

— Приходи на будущий год и лучше подготовься. Не прошла у нас по конкурсу, — сказал секретарь приемной комиссии, отдавая мне документы. — Кстати, кое-где недобор. Можешь попытать счастья в другом вузе.

Вышла на Манежную площадь опечаленной. Так хотелось учиться... А что, если поехать в авиационный институт и попроситься на рабфак? Там директором наш бывший преподаватель техникума.

Села на трамвай и махнула к Соколу, на развилку двух шоссе — Ленинградского и Волоколамского.

Директор рабфака встретил приветливо, внимательно изучил экзаменационную ведомость. Прочел комсомольскую характеристику.

— Зачем тебе идти на рабфак? Вступительные экзамены сдала, да еще в университет, где требования очень высоки. Характеристика у тебя хорошая: активная комсомолка, рабочий стаж — три года... Пойдем-ка в приемную комиссию.

На другой день в списках принятых на первый курс я нашла свою фамилию.

...Не помню, как долго просидела я в кабинете секре-

таря комитета комсомола. Расстались дружески. Прощаясь, Янгель встал, крепко пожал руку, сказал:

— Духом не падай. Заходи в комитет. Всегда буду рад помочь советом. Я тоже пришел в МАИ прямо с фабрики. Работал ткацким поммастера. Видишь, как получается: ткач и химик встретились в МАИ.

— Спасибо, приду, — пообещала я. И не удержалась: — Знаешь, когда вошла сюда, то загадала: бюрократ секретарь или нет?

— Ну и что оказалось на деле? — искренне рассмеялся он.

— К счастью, не бюрократ. Я их очень не люблю.

— Хорошо, что так, — ответил Михаил. — Получить титул бюрократа в двадцать четыре года не слишком приятно... Я, кстати, тоже очень не люблю, когда кто-то не решает ясных вопросов и начинает гонять людей.

Много позже друг наших студенческих лет Павел Ерзин, учившийся на курс старше меня, рассказывал, что его, как члена комитета комсомола, тотчас после моего ухода вызвал Янгель и сказал:

— Надо тебе, Паша, заняться первым курсом. Проведи выборы комсоргов. Заходила сегодня вставать на учет одна девушка. Активная комсомолка, с производства. Вот ее и надо бы порекомендовать в комсорги.

— И знаешь, — лукаво щурился Павел, вспоминая об этом эпизоде, — Михаил вдруг покраснел. В первый раз увидел смущенного секретаря.

Первый курс. Неумелые записи в конспектах. Как все необычно и, что скрывать, трудно. Справлюсь ли? Чувство тревоги нет-нет да и шевельнется в груди.

Прошло несколько дней с момента нашей первой с Мишей встречи. В вестибюле аудиторного корпуса мы столкнулись после окончания лекций. В гудящей толпе студентов я едва расслышала:

— Как дела? Что не заходишь в комитет комсомола?

И мне показалось, что вокруг все разом посветлело. Его теплая, большая ладонь дольше, чем положено при простом рукопожатии, сжимала мои пальцы.

На всю жизнь запомнился мне тот осенний погожий день. Мы вышли из аудиторного корпуса. Миша взял у меня черный потрепанный портфель, туго набитый тетрадями и книгами.

— Чувствуется, что первокурсница! Носишь с собой небось все учебники?.. Если не возражаешь, провожу тебя до трамвайной остановки.

Жила я тогда в самом центре Москвы, на теперешней Пушкинской улице. Наш дом был прямым продолжением здания театра Станиславского и Немировича-Данченко. Поселились мы в нем с моей мачехой Ксенией Петровной Спасской незадолго до моего поступления в МАИ.

До сих пор не могу вспоминать без горечи комнату, в которой мне пришлось прожить вплоть до замужества. Низкие своды старинной купеческой постройки, дымная полуразрушенная печь, маленькие окна полуподвального этажа, полное отсутствие элементарных удобств. Но тяжелее всего в повседневной жизни был, пожалуй, темный плотный занавес вместо одной из стен, отделявший нашу проходную комнату от соседней.

— Далеко живешь от института? — спросил Миша.

— Возле площади Пушкина.

— Повезло. С родителями?

— Нет, с мачехой.

— Извини. Родители умерли?

— Нет, оба живы. Так сложилась жизнь. Потом когда-нибудь расскажу.

Он посмотрел сочувственно. Сказал:

— А я живу в студенческом городке, во Всехсвятском. Хожу до института пешком. Но часто бываю и даже ночую в поселке Сокол у своего друга Николая Гусарова. Прекрасный человек, настоящий товарищ. У него замечательная мать — Федосия Петровна. Всегда пирогами угощает, да какими вкусными! — Добавил с грустью: — Так иногда хочется побыть, хоть недолго, в уютной домашней обстановке, посидеть за семейным столом.

— А твои родители живы?

Он ответил не сразу:

— Отец недавно умер. Мать жива. Растит моих младших братьев и сестер. У нас семья большая, крестьянская. Двенадцать душ детей. Есть в Сибири таежная деревушка Зырянова. Ты о ней, конечно, и не слышала. Так я оттуда. Там родился, там и рос. Уехал в Москву, когда исполнилось пятнадцать... Мать и сейчас работает в колхозе. Хорошая она у меня, добрая.

Давно остались позади и трамвайная остановка, и поворот к Всехсвятскому студенческому городку, где жил

Янгель. Мы шли вдоль Ленинградского шоссе. Говорили об институте, комсомольских делах.

Неузнаваемо изменился с той поры облик Ленинградского района столицы, с которым связано так много воспоминаний.

Я иду по скверу, разбитому возле аудиторного корпуса МАИ. Смотрю на красивые, стройные ели. Помню, как их сажали. Они были тогда с меня ростом. Сейчас их серебристые макушки поднялись выше крыши четырехэтажного здания.

На Ленинградское шоссе выходит своим фасадом одно из новых учебных зданий Московского авиационного института.

Если встать лицом к корпусу, то взгляд остановится на большой мемориальной доске. Отчеканенный из титана барельеф М. К. Янгеля. И надпись: «Здесь с 1931 года по 1937 год учился выдающийся ученый и конструктор, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР академик Михаил Кузьмич Янгель».

Занятиям на первом курсе ощутимо стало мешать мое увлечение лыжным спортом.

— Вам наверняка не хватает стипендии, и вы нуждаетесь в приработке, — сказал мне однажды Николай Григорьевич Лаптев, под руководством которого я делала в техникуме дипломный проект. — Не хотите ли помочь мне в изготовлении лыжных мазей для «Спартака»? Это занятие можно совместить и с лыжными тренировками.

Изготовление лыжных мазей — дело не такое уж простое: лыжня бывает и «мокрой» и «морозной». Мы стали с Николаем Григорьевичем заядлыми болельщиками «Спартака»: как правило, не пропускали ни одного соревнования и искренне радовались, когда удачно выступившие спортсмены говорили, что занять призовое место им помогли наши мази.

Много времени проводила я в Останкинском парке, где начала ходить на лыжах вместе с опытными, маститыми спортсменками.

На одном из отборочных соревнований заняла второе место. И меня тут же включили в команду для участия в соревнованиях на приз газеты «Вечерняя Москва».

В МАИ в это время проходила третья общеинститут-

ская комсомольская конференция, на которой с отчетным докладом выступал Михаил Янгель. В институтской газете «Пропеллер» был дан подробный отчет о ее работе:

«...В вестибюле необычное для выходного дня оживление. Около колонн группы беседующих делегатов. Сегодня комсомолия МАИ проводит свою третью конференцию. Сегодня комитет отчитывается перед организациями.

...Мимо двух комсомольцев, поставленных у дверей закрытого собрания, проследовал, бережно перенося закутанную в марлю ногу, Миша Янгель, поддерживаемый монументальным Шпаком и ершистым Ерзиным.

...За столом президиума появляется Брызжатый и по поручению комитета ВЛКСМ открывает 3-ю институтскую конференцию. Избран президиум. Председательствующий т. Фролов предоставляет слово т. Янгелю.

... — Работа организации делится на два основных периода: до решений XI пленума ЦК ВЛКСМ и после него, — говорит докладчик, — принципиально новое, что внесено в работу коллектива пленумом ЦК ВЛКСМ, — это поворот лицом к массово-воспитательной работе, как основной задаче коллектива».

Янгель подробно освещает вопросы учебно-производственной жизни, стахановского движения в лабораториях, говорит о знатных людях комсомола. Акцентирует внимание на состоянии комсомольского хозяйства и научно-исследовательской работы. Докладчик призывает молодежь «...творить новое, дерзать и быть достойными сынами великой партии Ленина».

Я с большим вниманием прочитала этот номер газеты. На конференции меня не было, так как в группе к этому времени избрали нового комсорга.

«Янгель отчитывается» и «Парад-алле» — так были названы два дружеских шаржа Игоря Гума, помещенные тут же в газете. На первом Миша изображен при костылях, с высоко поднятой правой рукой. Незадолго до отчетного собрания он неудачно упал на лыжах и подвернул себе ногу. На втором рисунке карикатурист изобразил Янгеля идущим впереди старых членов комитета: Ногтева, Чусляева, Рыженкова и Назарова. Все пятеро шли с портфелями, а Миша к тому же и на лыжах. Видимо, намек на вывихнутую ногу.

— Вот и две «фотографии» Янгеля на память, — сказала я подружкам. — Янгель на трибуне, да еще с костылями, и Янгель на лыжах.

Прочитала информацию о новом составе комитета комсомола.

Теперь в комитет заходить нет причины. Не будет там Миши Янгеля.

Лыжные соревнования на приз газеты «Вечерняя Москва» для команд общества «Спартак» прошли удачно: первое и третье места среди женских команд. В занявшей третье выступала я.

Вечером в ресторане Филиппова на улице Горького спартаковцы праздновали свою победу. На банкет пришли руководители общества, знаменитые братья Старостины, другие известные спортсмены.

Ужин был отменный. Много шутили, пели. Добрые слова были сказаны в адрес нашей женской команды новичков. Ко всеобщему удовольствию, на эту встречу пришли актеры цыганского театра «Ромэн». Пели песни и о гитаре, и о черных очах, и о калитке. И потрясающе плясали.

В приподнятом настроении покинула я веселую компанию. Дом был совсем рядом, но спешить туда не хотелось. Медленно шла по опустевшей уже улице Горького.

— Ирина?! Одна?! В такой поздний час?!

Миша смотрел на меня с удивлением и, как сразу поняла, с осуждением. Мы давно уже не виделись. Мне показалось, что лицо его осунулось и он сильно похудел.

Сбивчиво рассказала ему о своих спортивных успехах и только что закончившемся банкете.

— Так вот почему тебя не видно в институте! Перестала заниматься, не ходишь в читальню... Забросила комсомольскую работу. Лыжами, значит, увлеклась... По ресторанам ходишь...

Мы вышли на Пушкинскую площадь. Белые снежинки, кружась, падали на землю.

— На фабрике я тоже занимался спортом. Держал первенство по области в беге на полторы тысячи метров. Знаю, как спорт может увлечь, захватить человека. Но, понимаешь, никогда нельзя отходить от главной цели, если выберешь ее всерьез. Во имя этого приходится чем-то жертвовать. Тем же спортом, потому что он сейчас не самое главное... Ты поступила в авиационный институт, чтобы стать специалистом. Не так ли? Мне жаль,

что ты не осознала всей необходимости систематической и серьезной работы над учебным материалом с первого курса. Просто жаль...

Так со мной давно никто не говорил. Да и говорил ли вообще когда-нибудь?! Долго мы стояли у здания театра на Пушкинской улице. Я искренне пообещала Мише серьезно взяться за занятия и подумать об излишнем увлечении спортом.

— А где дом, в котором ты живешь? — спросил он, когда я протянула на прощанье руку.

— Покажу, но не сегодня, — ответила я. — Он во дворе, совсем близко.

Я не хотела, чтобы именно в этот вечер он увидел мое убогое жилище.

Еще в сентябре 1935 года Миша Янгель оформился на должность конструктора второй категории в ОКБ Николая Николаевича Поликарпова. Его работа была тесно связана с темой дипломного проекта, которым он теперь усиленно занимался. В институте бывал редко.

Студенческая столовая. Шум. Веселый гомон. Звон ложек, вилок, ножей. Вкусный запах борща.

Мы встретились с Мишей у раздачи. Он помог донести тарелки до стола, и мы с аппетитом принялись за обед.

— Что-то тебя совсем не видно?

— Захлестнула работа. И потом не за горами защита диплома. Знаешь, Ирина, я так рад, что попал именно в конструкторское бюро Поликарпова. Очень интересно. Работают с небывалым энтузиазмом. Мне это по душе... Кончишь МАИ, приходи сюда же.

Начало инженерной деятельности. Первые самостоятельные шаги.

— Вы помните Янгеля тех лет, когда он только пришел в ваш коллектив? — спрашиваю ветеранов поликарповского ОКБ.

Дмитрий Людвигович Томашевич долгое время работал заместителем главного конструктора. В своих воспоминаниях он пишет:

«...В 1935 году КБ было в основном «молодежное», набиравшееся опыта в процессе внедрения в серию самолетов И-15 и И-16, разработки их модификаций и нового

самолета И-17. Жизнь шла очень напряженно. Михаил Кузьмич сразу включился в работу, не показывая признаков растерянности или боязни трудностей, как многие новички».

Василий Иванович Тарасов был одним из ведущих конструкторов КБ.

«...Коллектив, — вспоминает он, — сложился на редкость дружный и творчески спаянный. И вот в него после окончания четвертого курса Московского авиационного института сначала для подготовки дипломного проекта, а затем на работу был направлен Михаил Кузьмич Янгель. С первых шагов он окунулся в атмосферу дружбы и товарищества, проникнутую ответственным отношением к выполняемой работе, требовательной необходимостью проявления личной технической инициативы. Это импонировало молодому специалисту, развивало и укрепляло его прямой, открытый характер, приучало смело решать возникающие вопросы».

Алексей Александрович Сарычев окончил МАИ в 1936 году и раньше Янгеля начал работать у Поликарпова. В прошлом рабочий, член партии с 1930 года, он вместе с ОКБ сначала кочевал по «чужим» заводам, а потом, когда опытный завод был наконец оформлен как самостоятельная единица, связал с ним свою дальнейшую судьбу. «Милый фантаст» Леша, как называл его Миша, частенько бывал в нашем доме, и, чуть только в двери показывалась его фигура, я знала: сейчас начнется жаркая дискуссия. Они любили спорить.

«...Меня все время влекло к нему. На встречу с ним я шел с каким-то особенным чувством, как когда-то в юности ходил на свидания. У него всегда было припасено много интересных фактов, мыслей, идей... У нас были общие друзья и недруги. Кузьмич был прежде всего коммунистом... Он был великолепным организатором, не просто уважаемым, но и любимым всеми, с кем ему довелось работать. Закалку он получил еще в студенческие годы, будучи секретарем комитета комсомола МАИ.

Я слышал немало его выступлений на партийных собраниях в институте. Все они были деловиты, логичны, целеустремленны. Он никогда не кривил душой, предпочитал говорить правду в глаза. Мог быть и твердым и жестким. Но вместе с тем это был обаятельный человек. Общение с ним всегда доставляло радость.

Когда из МАИ он пришел в ОКБ Поликарпова, я от-

вечал за работу нашей малочисленной бригады аэродинамиков, и мне довелось давать ему первую работу. Много лет спустя он говорил, представляя меня старушке украинке, Елене Матвеевне, долгие годы жившей в доме Янгелей, что приехал его «учитель». Это было, конечно, преувеличением, но лестным для меня: не всякому выпадет счастье быть «учителем» будущего академика. По правде говоря, я сам многому учился у Кузьмича.

Вскоре после прихода Янгель избирается парторгом ОКБ. Тут ему было где приложить свою неукротимую энергию...»

Виктор Яковлевич Соколов работал у Поликарпова с весны 1930 года.

— Тогда еще не было ОКБ, — поясняет он. — Была бригада под руководством Николая Николаевича. В нее-то и пришел Михаил Янгель для выполнения дипломного проекта.

«Студент Янгель, — пишет В. Я. Соколов в своих воспоминаниях, — взялся за выполнение сложного проекта одноместного скоростного истребителя-моноплана.

Из пяти студентов-дипломников Поликарпов обратил на Янгеля особое внимание. Его, как и членов всей бригады, заинтересовала судьба парня, добравшегося из таежной Сибири до Москвы и теперь заканчивавшего учебу в институте.

Помню, при очередном рассмотрении проекта Николай Николаевич пошутил: «Уж не пешком ли ты добирался из Сибири, как в свое время шел в науку Ломоносов?» Поликарпов увлеченно консультировал проект Янгеля. Однажды сказал: «А голова у тебя есть. Что думаешь делать, когда закончишь институт? Оставайся у нас: такие головы нам нужны».

Все знали, что Николай Николаевич был скуп на похвалы. Но Янгель так его заинтересовал, что он дал специальное указание не упустить этого парня, обязательно привлечь к работе в бригаде и, в чем можно, помочь ему. Михаила Кузьмича не нужно было уговаривать: он сам твердо решил после завершения учебы работать у Поликарпова.

Средний возраст бригады не превышал двадцати пяти лет. Самому Николаю Николаевичу было тогда сорок четыре года. В этот период вся бригада насчитывала не более сотни человек. Основную массу составляла молодежь, окончившая среднюю школу. Бывшим школьникам не

хватало теоретических знаний. Михаил Кузьмич, несмотря на колоссальную загруженность, находил время, чтобы вести кружки по изучению математики, сопротивления материалов, разбору и анализу конструкций. Во время занятий у него на столе всегда лежали взятые из цеха отдельные детали конструкций и агрегатов. Он наглядно показывал, как надо и как не надо конструировать, приучал самостоятельно решать технические вопросы, четко давать указания для производства, все допущенные в чертежах ошибки исправлять немедленно».

...Разговор в столовой все продолжался. Миша живо рассказывал мне о работе, о своих новых друзьях.

— Поликарповский коллектив — «колыбель» нашей истребительной авиации. Недаром Николая Николаевича прозвали «королем истребителей». Ты, наверное, еще мало знаешь о его самолетах. Есть у него не только истребители. Например, учебный самолет У-2...

Янгель обладал удивительной способностью легко и доступно объяснять самые сложные вещи. И, в чем я не раз убеждалась впоследствии, он мог даже людям, далеким от техники, так доходчиво рассказывать о сугубо технических проблемах, что они зачастую входили в невольное заблуждение: как все просто!

Рассказ о самолетах Поликарпова он начал тогда с Р-5.

— Замечательная машина этот «Разведчик-пятый»! Двухместный полутораплан. В основе — сосна да фанера. Скорость около 230 километров в час. Кстати, он же ближний бомбардировщик и полярный труженик. Есть и почтовый вариант.

Еще в 1930 году самолет Р-5 был представлен на международный конкурс, организованный Ираном. В этом конкурсе приняли участие Англия, Франция, Голландия. Поликарповская машина успешно выдержала соревнование с зарубежными двухместными «коллегами» и заслуженно заняла первое место. Иранское правительство приобрело самолет для своих военно-воздушных сил.

Р-5 сыграл ярчайшую роль во времена челюскинской эпопеи. С ним связана одна из незабываемых героических страниц в истории освоения Крайнего Севера.

Челюскинская эпопея! Разве такое забывается?!

13 февраля 1934 года весь мир облетела печальная весть. В 155 милях от мыса Северного и 144 от мыса

Уэлен затонул пароход «Челюскин». Над высадившимися на лед людьми нависла смертельная опасность.

К месту гибели «Челюскина» направились ледоколы, помчались собачьи упряжки. Первыми на помощь ледовым пленникам устремились летчики. Пятеро из них летели на поликарповских Р-5. Эти самолеты выдержали труднейший арктический экзамен, показав истинно «бойцовский характер».

Имена героев-летчиков М. Т. Слепнева, Н. П. Каманина, В. С. Молокова, М. В. Водопьянова, С. А. Леваневского, И. В. Доронина, А. В. Ляпидевского стали символом мужества и бесстрашия, преданности народу. Разве забыть вас, крылатые герои далекой юности?!

...Долго и подробно рассказывал Янгель о самолетах Поликарпова.

...Великий французский писатель-фантаст Жюль Верн, родившийся около полутораста лет тому назад, оставил после себя сто томов сочинений. Их и сегодня с увлечением читают дети, взрослые. Не раз перелистывают ученые.

Константин Эдуардович Циолковский писал:

«Не помню хорошо, как мне пришло в голову сделать вычисления, относящиеся к ракете. Мне кажется, первые семена мысли заронены были известным фантазером Жюлем Верном; он пробудил работу моего мозга в известном направлении».

Биографы «отца русской авиации» Николая Егоровича Жуковского утверждают, что единственной беллетристической книгой в обширной библиотеке ученого была книга Верна «Робур-завоеватель». Она же была «настольной» у основоположника вертолетостроения Бориса Николаевича Юрьева. «Пять недель на воздушном шаре» была одной из первых книг, прочитанных в детстве Николаем Николаевичем Поликарповым.

Не составил исключения и Михаил Янгель. Он рассказывал мне, а потом и детям, какое сильное впечатление произвели на него в школьные годы сочинения французского фантаста. Минька запоем читал потрепанные книги. Вместе с бесстрашным капитаном Гаттерасом двигался сквозь ледяную пустыню, облетал на «Альбатросе» с инженером Робуром земной шар, плавал в сказочных подводных лесах на корабле капитана Немо. Он буквально до дыр зачитал «Путешествие на Луну».

Видимо, именно Жюль Верн зажег в душе деревенского мальчугана первую искорку любви к непокоренному звездному океану. Серьезное увлечение ракетной техникой пришло позже, уже в студенческие годы.

«Размышляя о прошлом, я думаю, что основной толчок моим мыслям был дан все же книгами Циолковского, — скажет много лет спустя академик Янгель. — Я и мои сверстники-студенты с неослабевающим интересом читали и перечитывали научно-фантастические повести «Грезы о Земле и Небе», «Вне Земли», «На Луне». И конечно, «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Какая необыкновенная по широте своей и замыслу книга! Я вдумывался в каждую ее строку. Мне казалось удивительно символичным и то, что год ее написания совпал с годом моего рождения...»

...В древнем русском городе на Оке сохранилось немало памятников старины. Но «паломники» сегодняшней Калуги, отдавая дань прошлому, начинают обычно свой путь по городу не с осмотра этих исторических мест. Маленький домик на бывшей Коровинской улице, носящей теперь имя Циолковского, памятник-обелиск на могиле ученого в Загородном саду, Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского — вот что в первую очередь влечет к себе людей разных возрастов и профессий, приехавших в Калугу.

«Верю в блестящее будущее человечества. Верю, что человек не только исследует Землю, но и преобразует мир планет. Отсюда, из сферы Солнца, начнется расселение человека во Вселенной. Я в этом глубоко убежден. Это — удел земного человечества».

Так писал Циолковский.

Фантазия и строгое научное обоснование. Эксперименты и теоретические расчеты. Дирижабли и ракеты в космическом пространстве. Использование энергии Солнца для нужд человечества. Прошлое Земли и ее будущее. Растения в космосе и научная этика... Как широк был круг вопросов, интересовавших Циолковского!

Всю жизнь мечтал Константин Эдуардович своими трудами хоть немного «продвинуть человечество вперед». И как пророчески звучат сегодня сказанные им когда-то слова:

«Сейчас люди слабы, но и то преобразовывают поверх-

ность Земли. Через миллион лет это могущество усилится до того, что они изменят поверхность Земли, ее океаны, атмосферу, растения и самих себя. Будут управлять климатом и будут распоряжаться в пределах солнечной системы, достигнут иных солнц и воспользуются даже материалом планет, лун и астероидов, чтобы не только строить свои сооружения, но и создавать новые живые существа».

...В один из свободных от занятий дней два студента-первокурсника из Московского авиационного института сели в вагон поезда, отправлявшегося с Киевского вокзала в Калугу.

— Я понимал, — вспоминал потом Михаил Кузьмич, — что не побывать в городе, где живет Циолковский, я просто не могу. Смотрел на мелькавшие за окном поля, желтую листву березовых рощ и неотступно думал: «Вдруг увижу Циолковского? Столкнусь на улице и заговорю?» И, представь себе, судьба подарила эту встречу. Все было неожиданно и очень удачно... Мы долго бродили с другом по улицам Калуги. Окна с наличниками и ставнями. На подоконниках — герань... Добрались и до Коровинской улицы, круто сбегавшей к реке. Калитка, ведущая в небольшой дворик. Неужели у заветной «колыбели»?! Я уговаривал друга: «Подождем немного». И Циолковский вышел из дома. Может быть, увидел из окна две окаменевшие фигуры. Константин Эдуардович любил молодежь. К нему в те годы приезжало немало таких, как мы, мечтателей... В руках у Циолковского слуховая, похожая на граммофонную труба... Позвал нас к себе.

Встреча с Циолковским... Память об этом дне Михаил Кузьмич Янгель бережно пронес через все жизненные старты.

Но не только идеи Циолковского увлекали в то время молодого Янгеля.

— Достал очень интересную книгу, — сказал он мне однажды. — Советую тебе внимательно прочесть.

И он протянул небольшого формата томик в темном переплете. На первой странице — портрет молодого человека с крупными чертами лица. На плечах — кожаное пальто. Под портретом в траурной рамке: «Макс Валье. Погиб 17 мая 1930 года при пуске сконструированного им ракетного автомобиля».

— Он погиб в тридцать пять лет. Интересный был человек. По образованию — астроном. По военной специальности — летчик. Отлично знал математику, физику. Получил университетское образование. В молодости написал фантастический роман о полете на Луну.

Мы разговаривали, сидя на скамейке в скверике возле аудиторного корпуса. День был весенний, теплый. Михаил перелистывал книгу.

— Тут о природе тяготения. И теория полета. И о воздушной оболочке Земли... А вот глава о ракетах, и отдельно дано описание ракетных кораблей для полета в мировое пространство. Макс Валье говорит о решении теоретической проблемы ракетного полета американским ученым Робертом Годдардом и немецким профессором-физиком Германом Обертом. Он не знал, видимо, о гораздо более ранних работах в этой области Циолковского. Редактор снабдил книгу Макса Валье соответствующими комментариями, дополнил материалами о Циолковском, Цандере и рассказом о воздухоплавательном приборе Кибальчича.

Валье писал о том, чего уже добился человек на Земле, и о том, что настало время, когда оковы притяжения могут быть разбиты.

Писал Валье и о том, что в работах Годдарда и Оберта дано теоретическое обоснование возможности при современном состоянии техники пробить «непроницаемый панцирь поля тяготения», окружающий Землю. Тут же он добавлял, что «это будет стоить много времени, денег, а быть может, и человеческих жизней».

Более похожий в те минуты на лирика, чем на инженера или физика, будущий конструктор ракетно-космических систем Михаил Янгель читал мне в далеком 1936 году, читал увлеченно и страстно:

«Кто в летнюю лунную ночь не испытывал горячего желания воспарить к звездам и увидать позади себя свободно висящую в пространстве Землю в виде золотого шара, становящегося все меньше и меньше и, наконец, исчезающего в мироздании алмазной песчинкой...»

С каким вниманием слушала я:

«Освободившись от цепей земного тяготения хотя бы лишь на несколько часов, мы смогли бы приобрести неоценимые познания, касающиеся глубочайших космических тайн. Это вознаградило бы нас за все труды и мучения, когда-либо понесенные исследователями и изобре-

тателями. Каким в действительности окажется мировое пространство, когда мы попадем в него сами? Будут ли звезды светить все так же или, быть может, их цвет совершенно искажается во время прохождения светового луча сквозь земную атмосферу? Все это в настоящее время еще спорно. Мы все еще даже не знаем, из чего состоит воздух на больших высотах. О Луне и о планетах не следовало бы и говорить. Разве мы знаем, каковы действительные условия на их поверхностях? Обитаемы ли они живыми существами, или же они являются жуткими ледяными пустынями, — кто сможет это доказать, пока мы не побываем там на наших кораблях вселенной?»

Он закрыл книгу. Мы долго говорили. И о звездах, и о будущем человечества. Пока это все еще так неясно, так туманно. Но до чего заманчиво!

...Книга Макса Валье лежит передо мной. Та самая. Более тридцати лет тому назад Янгель впервые поставил ее на книжную полку.

Вот я и студентка второго курса. Позади девять экзаменов и зачетов: математика, теоретическая механика, начертательная геометрия...

Во время сессии Мишу почти не видела. Знала от общих друзей, что работает «от зари до зари» над дипломным проектом.

Летом я совершила увлекательный поход в Хевсуретию. И опять студенческая жизнь. Михаил подошел ко мне в клубе института после лекции о международном положении. В сером костюме, белой рубашке. Загорелый, улыбающийся, он выглядел очень симпатично.

— Здравствуй, путешественница. Где провела лето?

— В горах.

Оставшись в опустевшем зале, мы разговорились.

Я рассказывала, как мы добрались до Казбека, о городе Орджоникидзе, где впервые встретились с Тереком, об обвале на пути и трудном переходе через бушующую реку на Военно-Грузинской дороге.

— Я еще не был на Кавказе. Расскажи мне подробнее о хевсурах. Говорят, что это гордые и очень смелые люди.

И я ему рассказала о «людях горных ущелий», о том, как красивы горы и нелегки крутые тропинки. Только о

том не сказала, что, засыпая в палатке под шум ревущей в ущелье реки, я часто вспоминала о нем.

Мой рассказ он выслушал с большим вниманием. Посетовал, что не мог поехать со мной. А потом посвятил в свои дела:

— Дипломный проект заметно продвинулся. Очень нравится работать с Поликарповым. Ты не представляешь себе, какой это талантливый конструктор! У нас его зовут «папа», «папаня», «папаша» и даже «батя». Берем все производные от слова «отец». Недаром истребители, созданные под его руководством, считаются лучшими в мире. Какие самолеты! И какая перспектива! Я так счастлив, что Николай Николаевич консультирует мой проект. К тому же он интереснейший собеседник. Мы часто беседуем на разные темы: о Сибири, рыбной ловле, музыке. Но, конечно, больше всего говорим об авиации.

Позже я познакомилась с Николаем Николаевичем Поликарповым. Имя этого замечательного конструктора в нашем доме всегда произносилось с глубоким уважением. И это вполне понятно. Поликарпов был основателем «школы» в том понимании, которое мы вкладываем в это слово, когда говорим о развитии принципиально нового направления в какой-либо области науки и техники.

На втором курсе я стала членом редколлегии институтской газеты «Пропеллер». Писала статьи о студенческой жизни, принимала участие в рейдах «легкой кавалерии», созданной комитетом комсомола и редакцией «Пропеллера» в помощь администрации.

Заканчивался третий семестр. С Мишей Янгелем почти не встречалась. В январе он защитил дипломный проект на тему «Высотный истребитель с герметичной кабиной». Государственная экзаменационная комиссия единодушно поставила ему оценку «отлично». На заседании ГЭК выступил, поддержав сибиряка, Николай Николаевич Поликарпов.

Счастливого молодого инженера я встретила в МАИ уже после зимних каникул.

— Давно разыскиваю тебя, — сказал он улыбаясь. — Во-первых, хотел доложить, что уже больше не студент. Во-вторых, хочу пригласить тебя по этому поводу на «Ивана Сусанина».

Однако пойти в Большой театр на «Ивана Сусанина» нам не довелось. Всему виной оказались лыжи.

На следующее утро после этой встречи во время занятий по физкультуре наша группа отправилась на горки Покровского-Стрешнева. Облюбовав невысокий трамплин, стали осваивать прыжки на лыжах. Один из них закончился для меня неудачно.

— Растяжение связок, — заключил хирург институтской поликлиники. — Придется транспортировать вас домой.

Машину достать было сложно. Двое ребят скрестили руки, и я взобралась на импровизированное кресло. Процессия двинулась к трамвайной остановке. И тут нам неожиданно встретился Михаил Янгель. Он с удивлением смотрел на странное шествие.

— Лыжи! — крикнула я ему. — Подвели лыжи! Подвернула ногу.

Михаил, то ли не расслышав, то ли не поняв, пожал плечами.

Более полутора месяцев пробыла я дома. Время шло, казалось, слишком медленно. На душе было тоскливо. О Янгеле я ничего не знала.

А весна вступала в свои права. Мои товарищи по курсу и многие знакомые старшекурсники вовсю готовились к летним походам, выезду в лагеря, школы аэроклуба.

В газетах почти каждый день — сообщения о все новых и новых полетах. Восхищала грандиозность задуманного, поражало величие совершенного.

Больше всего тогда, пожалуй, говорили о дрейфующей станции «Северный полюс».

Четыре тяжелых самолета АНТ-6 и АНТ-7 взяли 22 марта 1937 года старт с одного из подмосковных аэродромов. А 21 мая их лыжи коснулись льда вблизи полюса.

Экспедицию возглавлял О. Ю. Шмидт. Летчики доставили в льды Арктики научное оборудование и все необходимое для жизни отважной четверки смельчаков. С газетных полос смотрели на читателей герои крылатого двадцатого века, уверенно проложившие сложнейшие воздушные трассы. М. В. Водопьянов, В. С. Молоков, А. Д. Алексеев, И. П. Мазурук, П. Г. Головин, М. С. Бабушкин, М. И. Козлов, И. Д. Мошковский, Г. К. Орлов и

флагштурман И. Т. Спирин. Имена эти стали знакомы всем. Мальчишки — верный барометр отваги и славы — бредили летными подвигами героев, азартно играли в «ледовые походы» с «высадкой» на льдину.

Отважная четверка на дрейфующей льдине. Над головой — красный флаг Родины. Долгие девять месяцев И. Д. Папанин, Э. Т. Кренкель, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов несли свою вахту, изучали сложнейшую арктическую «кухню погоды» с ее хитрыми законами и неразгаданными тайнами.

Счет зимовкам на плавучих льдинах открыт!

— Наверное, законсервировался я на всю жизнь в благоприятных ледовых условиях тех лет. Жил как в хорошем холодильнике, — шутит Иван Дмитриевич Папанин.

— В этом человеке, — говорил о Папанине Михаил Кузьмич, — прекрасные способности организатора неразрывно связаны с большущим человеческим обаянием, которое Дмитриевич умеет пускать в ход.

Ивана Дмитриевича знают все. Это человек из легенды. Регулировщики козыряют ему и приветливо улыбаются, нарушая привычную строгость правил уличного движения. Продавцы отпускают товары без очереди. А ребятишки идут позади почетным эскортом. Еще его любят за шутку, часто острую и, как правило, меткую, но всегда дружескую, незлую.

— Иван Дмитриевич, — спрашиваю его, — правда, будто бы вы, высадившись на Северном полюсе, топали ногой, чтобы проверить прочность арктического льда?

— Точно, родненькая, топал. А то вдруг все четверо провалимся.

— Тут вот мне бумагу прислали, — сказал Иван Дмитриевич уже после того, как не стало Михаила Кузьмича. — Хотят кораблю дать имя Янгеля. Я бы рад, да у меня все «малыши». Ответил на вопрос — корабль с именем Янгеля должен быть космических масштабов...

— Спасибо, Иван Дмитриевич, за заботу. Уже заканчивают в Херсоне на судостроительном заводе сухогруз «Академик Янгель» водоизмещением восемнадцать тысяч тонн.

— Это Янгелю по плечу.

Крылатый век! Крылатые годы!

В июне 1937 года стартует АНТ-25. Экипаж в составе В. П. Чкалова, Г. Ф. Байдукова и А. В. Белякова взлетает с аэродрома Щелково в 01 час 06 минут по Гринвичу. Курс — Северный полюс. Опять ко льдам...

В просветах облаков — Баренцево море, острова архипелага Земля Франца-Иосифа... Под крылом полюс! Где-то внизу, совсем близко, папанинцы... И дальше — в туманную мглу. Залив Амундсена, Канадская земля. Тяжелый путь через Скалистые горы. И наконец, конечный пункт беспримерного перелета — аэродром Ванкувера.

Через месяц со дня отлета чкаловского экипажа в воздухе М. М. Громов, А. Б. Юмашев и С. А. Данилин. Они повторяют и еще более удлиняют чкаловский маршрут: десять тысяч километров по прямой без посадки...

Такими незабываемыми событиями жили мы в то время.

Лето 1937 года. Опустели аудитории. Потемнели окна общежитий. В корпусах запахло краской — начался профилактический летний ремонт. Студенты разъехались кто куда. Уехала из Москвы и я. Вместе с мачехой поселилась в небольшой опрятной избе недалеко от города Каширы.

Иногда над деревней пролетали самолеты. И в мечтах я все чаще и чаще уходила вместе с ними в синеву неба. Думала о Мише Янгеле. Как-то живется молодому инженеру?

А он в это время напряженно работал. Занимался модификациями самолетов И-15 и И-16. Стал ведущим инженером по машине ВИТ-2 — воздушному истребителю танков. Много времени проводил он на летном поле, часто общаясь с Валерием Павловичем Чкаловым. По-прежнему возглавлял партийную организацию ОКБ.

В своих воспоминаниях об этом периоде жизни Янгеля А. А. Сарычев пишет:

«...Работал Михаил Кузьмич с раннего утра (полеты начинались, как правило, утром) до позднего вечера. Все, кто находился в его подчинении, трудились с душой и полной отдачей сил, заражаясь его энтузиазмом.

Работы в нашем ОКБ всегда и всем хватало. Новые машины шли одна за другой. Под руководством Кузьмича

кипела и партийная жизнь. Партсобрания иной раз затягивались до утра...»

Осенью, приступив к занятиям на третьем курсе, я подала заявление о приеме в летную школу институтского аэроклуба.

Аэроклуб МАИ был в те годы предметом нашей законной гордости. С увлечением занимались в нем различными видами авиационного спорта студенты почти всех курсов, начиная со второго. Работали школы пилотов, парашютистов, летчиков-наблюдателей.

На всех торжественных вечерах курсанты аэроклуба рапортовали коллективу института о своих достижениях. И, помню, зал стоя аплодировал юношам и девушкам в синих комбинезонах и летных шлемах. Стройной шеренгой, чеканя шаг, они проходили на сцену клуба, и слова рапортов звучали строго и деловито.

Я — курсант аэроклуба! Кажется, нельзя быть более счастливой! Вечерами, при свете электрических ламп, курсанты изучали теорию полета. Программа занятий сложна. Но все-таки это еще теория. Самолет планирует, садится на три точки, выходит из штопора и переворачивается через крыло пока только на страницах учебников и листах конспектов.

Вскоре началось знакомство с материальной частью. Около моторного корпуса во дворе института появились два старых зеленых У-2. Они отлетали положенный им срок и теперь поступили в распоряжение будущих пилотов для отработки «наземки». С трепетом прикасались мы к ним ладонями: эти крылья видели небо!

Подготовке к полетам курсанты обучались по небольшого формата книге в голубом переплете. Называлась она «Курс летной подготовки школ ВВС РККА», или сокращенно КУЛП. До сегодняшнего дня стоит она на книжной полке среди самых дорогих сердцу книг. Когда-то я знала ее наизусть. Десятки раз перечитывала ее страницы перед полетом, перед выполнением очередного упражнения, при подготовке к сдаче экзаменов. Как таблицу умножения, учили курсанты наизусть знаменитые пятнадцать пунктов введения. В них были четко сформулированы «Указания курсанту-летчику (пилоту) по изучению и освоению КУЛП». Перелистываю потрепанные страницы...

«— Пункт пятый. Постоянно воспитывать в себе: воинскую дисциплинированность как на земле, так и в по-

лете; организованность, культурность в работе и быту; постоянную внимательность даже к мелочам, аккуратность, точность, быстроту в действиях и, особенно, разумную инициативность при выполнении поставленной задачи».

«— Пункт четырнадцатый. Не падать духом при временных неудачах: наоборот, при неудачах проявлять еще больше настойчивости, упорства и воли, еще больше работать над преодолением трудностей, при успехе же не зазнаваться, не допускать ослабления внимания, расхлябанности, насмешек над товарищами. Помнить, что в летной работе серьезное, осмотрительное, внимательное отношение к каждому полету и занятию, к каждой мелочи необходимо каждому летчику, независимо от его качеств, летного умения и стажа. Нарушение этого правила обязательно кончается поломкой или аварией, соблюдение его обеспечивает постоянную безаварийную высококачественную работу».

Всему этому курсанты учились в аэроклубе МАИ. Добрая, нужная школа на всю последующую жизнь.

...— Удивительная книга, — говорил Янгель, перелистывая много лет спустя старенький голубой КУЛП. — Над ее содержанием работали, как видно, умные люди и талантливые воспитатели. Как удачно здесь сочетаются необходимые конкретные рекомендации с советами общечеловеческой морали. Издать бы ее миллионным тиражом для широкого пользования.

— Учишься летать на У-2?

— Пока еще только учусь залезать в кабину. Насколько мне известно, по земле на самолетах не летают.

— Ну, тогда уж не «залезать» в кабину, а «садиться» в самолет. Почему такая колючая?

— Не люблю излишне любопытных.

Этот диалог происходит возле У-2 во дворе института. Я пришла на занятия несколько раньше других курсантов, чтобы успеть лишний раз прикоснуться к зеленому крылу.

— А какова мощность мотора у этого самолета? — продолжает допрашивать высокий симпатичный юноша в кожаном пальто, видимо все же решивший вызвать меня на разговор.

— Приходи, когда будут экзаменовать, и получишь интересующую информацию. Кстати, есть подробное описание У-2. Библиотека института открыта с девяти утра до девяти вечера.

— Вот не думал, что ты такая неразговорчивая. Ну что же, до следующей, надеюсь, более дружеской встречи.

— Счастливой посадки, разговорчивый юноша.

Он белозубо улыбается и, постояв еще немного, уходит широкой размашистой походкой.

К самолету подходят курсанты.

— О чем это ты так темпераментно беседовала с Гринчиком? — спрашивает кто-то.

— С кем?! С Гринчиком?!

Так это был сам Алексей Гринчик! «Летный король» МАИ, кумир всех курсантов, на которого мне так давно хотелось взглянуть хоть одним глазом. А я-то ему пожелала «счастливой посадки»!

Через несколько дней мы вновь встретились с Лешей Гринчиком.

— Извини, — сказала я смущенно. — Не знала, что ты Леша Гринчик. Ты ведь не представился. Я столько слышала о тебе от ребят. А тут подумала, что просто от нечего делать привязался парень.

— За что же извинять? Так мне и надо: не приставай к незнакомым девушкам. Подошел к тебе потому, что мне много о тебе рассказывал мой сибирский земляк Миша Янгель и даже показывал фотографию. Ты с ним дружишь?

— Дружу. Правда, давно его не видела. Он работает у Поликарпова и почти не бывает в МАИ. А у меня много времени отнимают занятия в аэроклубе.

— Хороший парень. Передай ему привет, когда увидишь. Я тоже давненько с ним не встречался. А теперь, раз уж познакомились, отвечай: какая мощность у мотора М-11?

И Алексей Гринчик задорно смеется. Разговор идет в дружеском тоне. Как жаль, что нет поблизости учлетов: позавидовали бы!

Алексей Гринчик, прославленный летчик-испытатель... В годы Великой Отечественной войны не раз его имя прозвучит в сводках Информбюро. А потом, когда настанут мирные дни, он сядет за штурвал реактивного самолета МиГ-9. Впервые Гринчик взлетит на нем, рассекая воздух словно острым кинжалом, 24 апреля 1946 го-

да. Успешными будут его первые полеты... Но придут и последние мгновенья жизни. О них напишет в одной из своих книг Герой Советского Союза М. Л. Галлай:

«Его гибель была неожиданной и загадочной. Он пролетал над аэродромом на высоте в несколько сот метров со скоростью, во всяком случае меньшей, чем неоднократно достигнутая им в предыдущих полетах. Внезапно на глазах у всех машина перевернулась, устремилась к земле и врезалась в нее тут же на краю аэродрома. От того, что еще несколько секунд назад было новым замечательным самолетом, осталось так мало, что о причинах катастрофы можно было только строить догадки».

Казалось, уже все определилось в жизни. Но незадолго до наступления нового, 1938 года произошло событие, повлиявшее на всю мою дальнейшую судьбу.

Я работала в редакции институтской газеты «Пропеллер» над материалом. Здесь и нашел меня Володя Мазурин, однокурсник Михаила.

— Вот где ты скрываешься, — сказал он. — Обыскал весь институт. Слышал, что усиленно готовишься к полетам. Так вот, милая летчица, я уполномочен передать тебе персональное приглашение на встречу Нового года от Михаила Янгеля. Будет и его старший брат Шура. Кстати, узнаешь на встрече одну потрясающую новость.

— Миша по-прежнему работает у Николая Николаевича? Давно его не видела.

— Разумеется, у Поликарпова. Мы там с ним вместе. Михаил теперь помощник главного.

Предстоящая встреча с Мишей и радовала и волновала. Не изменился ли он за последнее время?

Мазурины жили в самом центре Москвы. Миша встретил меня у входной двери весьма скромной квартиры.

— Как я рад, что ты пришла! Я так ждал тебя, Ирина! А это — мой старший брат Александр, или просто Шура. Учится в военной академии.

— Рад познакомиться. Слышал, слышал о тебе.

Александр крепко пожал мне руку. Он выше Михаила, грузнее. Но сходство братьев было несомненным.

Разговорились.

— Вы слушатель Военно-политической академии?

— Да, скоро ее заканчиваю.

— Миша рассказывал, что вы партизанили.

Александр закурил папиросу, откашлялся.

— Ушел в партизаны совсем юнцом. Как раз в день своего рождения — 30 августа 1919 года. Участвовал в боевых операциях под Касьянкой, Суворкой, Большой Мамырью, в районе Усть-Кута... Ты, наверное, и не слыхала об этих сибирских местах. А бои там были жаркие.

— А потом?

— В двадцатом году стал комсомольцем. Работал первым секретарем райкома комсомола в Нижне-Илимске. Создавали первые комсомольские ячейки, вели борьбу с кулачеством.

Александр рассказал, что был делегатом IV Всероссийского съезда РКСМ. К этому времени — в сентябре 1921 года — он уже вступил в ВКП(б).

— А кадровым военным стали давно? — продолжала я с интересом расспрашивать строгого на вид, но очень располагавшего к себе сибиряка.

В разговор вмешался Михаил:

— Ты прямо, как по анкете, со всеми подробностями. Отвечаю за него и кратко. Шура учился в Иркутске в военно-пехотной школе, потом жил в Горьком, а затем командовал пограничным отрядом — был начальником первой пограничной заставы в Советском Союзе... Видишь, какой у меня старший брат!

Стрелки часов отсчитывали последние минуты уходящего года. Женская половина нашей компании еще суетилась около праздничного стола. Но вот и просьба хозяев всем занять свои места.

Миша сел рядом со мной. Он был необычайно оживлен, много шутил и усиленно ухаживал за мной, то и дело подкладывая в тарелку вкусные закуски.

Зазвенели бокалы, наполненные пенистым шампанским! Прощай, старый год, прощай! Здравствуй, новый!

Володя поднялся с места, посмотрел многозначительно в нашу с Михаилом сторону.

— Так вот, друзья! Проводили мы старый год. Был он добрый, хороший. Но, помимо старого года, провожаем сегодня и наших товарищей, сидящих вместе с нами за новогодним столом. Через несколько дней Миша Янгель и Николай Зырин скажут всем «гудбай» и поплывут по океану в Соединенные Штаты Америки.

Володя говорил что-то еще, но я уже почти не слыша-

ла его. Так вот на какую новость намекал он в редакции «Пропеллера».

— Так ты очень скоро уезжаешь?

Уголки губ моего соседа чуть дрогнули.

— Уезжаю, Ирина. И радовался предстоящей поездке. А вот увидел тебя сегодня и, право, готов отказаться...

— Ну, что ты! Зачем?!. Надолго уезжаешь?

— Думаю летом вернуться. Понимаешь, это важная и нужная поездка. В Америке сейчас работают наши комиссии по закупке авиационного оборудования, знакомятся с работой ведущих авиационных заводов. Мы с Николаем едем на фирму Северского.

Разговор перешел на институтские темы. Я рассказала ему о своих занятиях, об аэроклубе, о самолетах У-2 возле моторного корпуса и обучении сложной посадке в кабину самолета.

— А лекции по метеорологии читает у нас Федя Колготин. Чудной такой. Говорит, а сам все в окошко поглядывает. И так лирически рассказывает об облаках: перистых, кучевых, перисто-кучевых, слоисто-кучевых, высоко-кучевых... Как красиво звучат их названия по-латыни: стратокумулус, цирростратус, альтокумулус...

— Ну а на лыжах катаешься по-прежнему? — лукаво спросил Михаил.

— Только по общественной линии. В начале декабря у нас был агитационный поход в подшефный Верейский район. Я даже написала об этом событии статью в «Пропеллер».

И я достала из сумочки только что вышедший номер газеты, который предусмотрительно захватила с собой специально для Миши.

— «Через овраги и сугробы»... Многообещающее название. Не прочтешь ли мне потихонечку?

И я стала читать. Заканчивалась статья так:

«...Ветер и метели последних дней давно замели и сгладили лыжни, проложенные нашими агитаторами на снежных просторах Верейского района. Но остались другие следы — следы проделанной нами работы и следы крепкой хорошей дружбы коллектива. И эти следы не замести и не остудить снегам».

— Хорошо написала про дружбу, — похвалил Миша. — Видишь, иногда и лыжи оказывают помощь в нужном деле. Нет, нет, только не подумай, что я противник лыж. Я их люблю, с удовольствием катаюсь по лесу...

Просто вспомнил сейчас наш давний ночной разговор на улице Горького. Помнишь?

Друзья, видимо сговорившись, давно оставили нас вдвоем: ушли танцевать в соседнюю комнату. Кто-то играл на гитаре, напевая: «О, эти черные глаза...»

— А тебе не хочется потанцевать? — спросил Миша.

И я вспомнила: как-то он пришел на факультетский вечер. После самодеятельности, как всегда, начались танцы. Я пригласила его на вальс. Он смущенно улыбнулся и сказал:

— Танцевать-то я, сибирский медведь, не умею. В тайге вальсу не учат. Могу сплясать «Русского», да и то на свой, «зыряновский» манер.

Расходились под утро. Хлопьями падал снег. Перебрасывались новогодними озорными снежками, кого-то дружно искупали в сугробе. А потом с настроением запели любимый марш «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...».

— Я провожу тебя до дома, — сказал Михаил.

— Смотри, Ирина! — крикнул вслед кто-то из ребят. — Как бы не увез тебя в Америку. Парень отчаянный...

Медленно шли мы по городу. Люди возвращались по домам после встречи Нового года. Пели песни, громко и радостно смеялись. Во многих окнах горел свет.

Миновали Большой театр, Дом Союзов. Свернули на Пушкинскую улицу.

Вот и ворота, ведущие к моему дому. До входной двери — несколько шагов. Остановились. Помолчали.

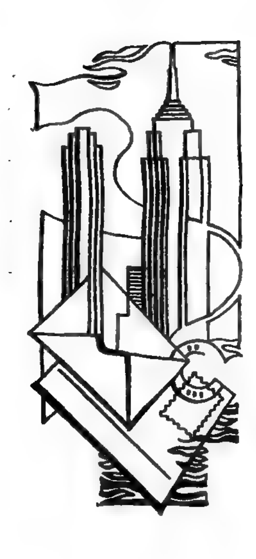
— Знаешь, мне было бы очень грустно, если бы я, вернувшись из Америки, узнал, что ты вышла за кого-то замуж.

— Ты можешь спокойно ехать, Миша. Я буду ждать тебя.

Это было объяснение в любви. Он крепко обнял меня и впервые поцеловал. А потом быстро ушел.

Так вошел новогодним утром тысяча девятьсот тридцать восьмого года в мою жизнь этот замечательный человек. Впереди нас ждало много радостей и немало свойственных жизни каждого огорчений. Много было у нас потом расставаний и встреч. Это была первая и долгая разлука.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ПИСЬМА ИЗ-ЗА ОКЕАНА

Письма из далекой Америки. Штемпель Нью-Йорка на большей части конвертов. Но есть письма из Санта-Моники, даже из Монреаля... Необычной формы конверты, фирменные листки почтовой бумаги «New York Hotel Latham», «The Windsor Montreal».

Перечитываю строки, написанные таким знакомым почерком. Кажется, будто они хранят следы его пальцев, бережно вложивших когда-то аккуратно сложенные листки бумаги в конверты с надписью: Moskow USSR, Пушкинская улица. Письма из Америки... Обычно там, за океаном, он садился поздним вечером за письменный стол после напряженного делового дня. Гасли огни реклам, редели толпы вечно спешащих куда-то людей, стихал автомобильный шум. Темнели одно за другим окна небоскребов. Ярким светлым пятном выделялась на потемневшем фоне города лишь громада закованного в сталь стодвухэтажного Эмпайр Стейтс Билдинг.

Строка за строкой заполнялось чистое поле бумаги. Это было похоже на разговор, только односторонний. Мягкий свет абажура настольной лампы навевал тихую ночную грусть. Рассказать о прожитом дне, поделиться тем, что волнует, чем он живет сейчас.

Письма из Америки... Они отправлялись в долгий путь. Под звездным

небом и согревающими лучами солнца, в штормовую погоду и легкие штили плыли в трюмах огромных океанских пароходов.

В Соединенных Штатах он много фотографировался и снимал сам.

Всего двадцать семь лет за плечами. Но как спокоен Михаил, как деловит! Вот идет он, молодой советский инженер, бульваром Санта-Моники. Ветви огромных деревьев над головой. Надвинута на лоб фетровая шляпа. На лице приветливая улыбка.

Вот он в рабочем кабинете. Задумался, склонив голову. А за окном бурлящая Пятая авеню.

Америка... Пусть она представится нам его глазами, заговорит словами его писем.

Первое письмо отправлено из Нью-Йорка семнадцатого февраля тысяча девятьсот тридцать восьмого года.

«...Вопреки моим ожиданиям оказалось, что плыть по океану не такое уж большое удовольствие. Однообразие окружающей картины, незначительное пока что укачивание, незнание ни одного иностранного языка и много других менее значительных обстоятельств делают наше путешествие по океану, я бы сказал, трудным и малоприятным.

Сейчас наш пароход окружает серое, дождливое утро, легкая зыбь и несколько десятков красивых морских чаек.

После завтрака некоторых из нашей компании укачало, другие расположились в каютах, очевидно, в ожидании участи первых, и только несколько товарищей понуро бродят по пароходу.

В общем, обстановка самая благоприятная для сочинения длинных и скучных писем.

Мне хочется рассказать тебе о своих впечатлениях от первых пяти дней путешествия по Европе.

Поездка до польской границы ничем не отличалась от обычной поездки по нашим железным дорогам. Произошло лишь одно обстоятельство, значительно осложнившее дальнейший путь, — наш поезд на какой-то станции налетел на грузовой автомобиль, вследствие чего мы приехали в Негорелое с опозданием на четыре часа и не успели на поезд прямого следования Негорелое — Париж.

Предстояло одно из двух: или ехать ближайшим поездом с пересадкой в Варшаве, или сутки сидеть в Негорелом и ждать следующего поезда прямого следования. Более осторожные из нашей компании настаивали на вто-

ром варианте, остальные же, а их оказалось большинство, настояли на немедленном следовании до Варшавы. Не буду описывать таможенные формальности, они прошли совершенно спокойно и незаметно, и мы очень скоро оказались на польской территории, в польских вагонах.

Польские пассажирские вагоны существенно отличаются от наших и прежде всего тем, что в одном и том же вагоне имеются купе всех трех классов. Мы ехали вторым классом в шестиместном мягком купе; к нашему огорчению, мы обнаружили вторую особенность польских и, как впоследствии оказалось, всех европейских вагонов, — спать можно было только сидя.

На первой же польской станции в вагон влетели разносчики чая и бутербродов, продавцы газет и мелких сладостей. Между прочим, большинство из них совершенно свободно разговаривают по-русски, и нам не было трудно получить все, что мы хотели. Польские железнодорожные служащие вежливы и неплохо к нам относятся.

В Варшаву мы приехали рано утром 13-го числа. Оказалось, что и в Варшаве нам представилось выбирать между ожиданием московского поезда прямого следования до Парижа и отправлением из Варшавы через два часа, но с пересадкой в Берлине. Вновь остановились на поездке с пересадкой. Оставшееся время ушло на завтрак и маленькую прогулку по Варшаве. Варшава — чистый и аккуратный город. Поражает только убогий вид транспорта и особенно автомобилей, которых, кстати сказать, не так уж много. Завтрак в ресторане позволил произвести некоторые наблюдения над нравами среднего польского сословия. Поляки много пьют и очень шумно проводят свой завтрак... Смеются и шутят...

Совершенно иной след остался от проезда через Германию. Это мы почувствовали, как только к нам в вагон вошли немецкие пограничные чиновники. Очень строгое, даже подчас суровое отношение к нам было заметно почти на всех лицах встречавшихся нам немцев. По обыкновению и отчасти для того, чтобы казаться равнодушными, при входе немцев в вагон мы закурили. Это дало повод одному очень молодому и еще более надменному фашисту бросить фразу: «Это ведь вам Германия». Это им было сказано после того, как мы на его замечание «не курить» указали на табличку, на которой по-польски было написано: «Для палящих».

После очень строгого просмотра документов нас при-

гласили в таможенную для регистрации валюты и, очевидно, за это время сделали осмотр наших чемоданов.

Отсутствие хотя бы немного веселых лиц, строгое, официальное обращение чиновников, размеренность их жестов и движений производят весьма неприятное, угнетающее впечатление. Это первое впечатление еще более укрепилось, когда мы проехали в глубь страны и посмотрели Берлин.

Серая германская природа в это время года, незначительное число людей, показывающихся на улицах городов и вокзалах, и какая-то придавленная тишина как нельзя лучше гармонируют с фашистским духом, дополняют его и делают более ощутимым.

В Берлине есть пять вокзалов, находящихся на одной железнодорожной линии. Мы сошли на первом из них и, к нашему удивлению, не встретили ни одного железнодорожного чиновника или какого-либо другого официального лица. За разъяснением по поводу нашего дальнейшего пути пришлось обратиться к вертевшимся около нас двум сестрам с большим красным крестом на одной руке и еще большей фашистской свастикой — на другой. Сестры вежливо проводили нас в зал для пассажиров и уверили, что поезд до Парижа будет только завтра, тогда как в действительности он отошел через полчаса после нашего приезда. После трехчасового ожидания пришлось поместиться в поезде, следующем только до бельгийской границы. Три часа, проведенные на вокзале в Берлине, были, пожалуй, самыми скучными и долгими за всю дорогу. Есть было почти нечего, пиво пить не хотелось, и в дополнение к этому руководители нашей группы были категорически против прогулки по городу. Как можно было просидеть на вокзале в Берлине три часа и не взглянуть на столицу фашистской Германии?! Сговорившись с Николаем З. и еще одним товарищем, мы отправились в часовую прогулку по Берлину. Несмотря на то, что было всего лишь девять часов вечера, город спал. В окнах домов почти совершенно не было света, оживление на улицах было примерно такое же, как у нас на улице Горького в три-четыре часа ночи, — никакого смеха, никакого громкого голоса. Мне все время чудилось, что кто-то умер и жители Берлина находятся в глубоком трауре. Заметно бросаются в глаза большое количество военных и почти полное отсутствие продовольственных магазинов. Не-

смотря на то, что мы шли по одному, между собой не разговаривали, за нами все время следил один тип в сером пальто, и мы поэтому побоялись пойти в сторону от главной улицы, туда, где было совершенно тихо и темно.

В Берлине в витринах некоторых магазинов можно видеть портреты Гинденбурга и Гитлера, причем у последнего вид отъявленного бандита и грабителя. Тупое лицо с нахмуренными бровями и жесткие, отвратительные усы производят неприятное впечатление. С этим впечатлением мы и оставили Германию.

После мрачной и неприглядной Германии с ее «сестрами красного креста», интересующимися, не в Испанию ли мы едем, с ее заводами Круппа, извергающими полыхающее пламя доменных и мартеновских печей и тучи черного дыма, с ее придавленной тишиной и надменными фашистами мы попали в живописную и во многом интересную Бельгию.

Исключительно красивые и разнообразные картины представлялись нашему любопытному взору на всем протяжении пути через Бельгию. Мы проезжали по очень гористой местности, и железная дорога, как бы играя, то пересекала, то уходила в сторону, то шла рядом с лентой хорошо асфальтированной шоссейной дороги и сверкающей на солнце полоской быстрой горной речки.

Этот своеобразный бег реки, шоссе и железной дороги изумительно красочно и живописно украшен горами, обрывистыми скалами, покрытыми густым зеленым ковром, многочисленными тоннелями и мостами и чистенькими двухэтажными домиками.

В веселом, приподнятом настроении, как-то незаметно оказались мы на вокзале в Париже.

Париж своим блеском витрин магазинов, богатыми световыми рекламами, отчаянной ездой шоферов и вообще всем своим нарядным видом в первый момент произвел просто ошеломляющее впечатление. Лишь на другой день, увидя рядом с блещущими богатством, красивыми улицами нищенские, темные и грязные переулки, мы несколько пришли в себя и уже не так восторгались лицевой стороной Парижа. Мы пробыли в Париже около двух суток и, конечно, успели увидеть очень и очень мало. Были в одном театре типа мюзик-холл и встретили там вещи, совершенно чуждые нашему театральному искусству. Впрочем, об этом будет удобнее говорить, чем

писать, и поэтому о театре и некоторых нравах парижан пока умолчу. В Париже мы встретили очень хороший прием со стороны наших служащих торгпредства, и нам жаль было с ними расставаться. Но нужно было ехать дальше, и мы отправились теперь уже морским путем...

Собственно, на этом я могу закончить свой рассказ о впечатлениях за первые пять дней путешествия по Европе...»

В письме к друзьям по работе Янгель писал:

«...Прошло четверо суток, как мы находимся в Америке. За это время и за время в дороге было так много самых разнообразных впечатлений, что их просто трудно передать в обычном письме. Надо было бы собраться за рюмкой хорошей русской водки и обо всем по душам побеседовать. Но, увы, расстояние от Нью-Йорка до Москвы — это не то что от Химок до квартиры Мазурина, скоро не соберешься. Понимаете, ребята, до щемящего чувства в груди хочется пожать вам руки, узнать, как обстоят там у вас дела».

Второе письмо мне из Америки. Дата — 13 марта.

«...Своими письмами я, наверное, уподобляюсь надоедливому комару, если тебе приходилось слышать его монотонное дребезжание в теплую летнюю ночь.

Но что делать? Я уже говорил тебе как-то, что не умею писать писем и то, что я все-таки пишу, должно быть оправдано моими сильными чувствами дружбы к тебе и тем положением, в котором я сейчас нахожусь...

Не буду много распространяться о своих чувствах: из одного того, что мои мысли в каждую свободную минуту возвращают меня в Москву, к тебе, ты поймешь мое душевное состояние...

Я буду придерживаться последовательности полученных впечатлений, так легче писать, и начну еще раз с путешествия по океану.

Когда в первый день этого путешествия я писал тебе, что плыть по океану трудно и не так уж приятно, я не представлял себе тогда, что главное-то было еще впереди, что это были еще только «цветочки».

На третий день нашего плавания, когда мы вышли в открытое море, поднялся сильный ветер и наш пароход буквально бросало из стороны в сторону и сверху вниз, как легкую ореховую скорлупу. Почти всех нас укачало, и мы боролись с морской болезнью кто как мог. Одни, например, ничего не ели, другие, наоборот, много ели и

пили, а затем при обратном процессе мучились до такой степени, что буквально синели. Я питался только фруктами и все время лежал в постели. А ветер все крепчал, и на третьи сутки разыгрался настоящий шторм.

Лишь последние сутки, когда мы подплывали к Америке, ветер стих, и мы почувствовали облегчение. К Америке мы подплывали поздно вечером и к тому же в дождливую погоду, поэтому, к моему огорчению, были лишены возможности видеть как бы выступающие из океана нью-йоркские небоскребы и обелиск Свободы. Все же приближение к земле, сознание того, что бушующее море осталось позади, радовало, и мое настроение значительно поднялось.

В Нью-Йорке нас встретили товарищи и помогли нам устроиться в отеле. Было уже поздно, но в номере не сиделось, и мы отправились бродить по городу.

В Нью-Йорке, как и в Париже, очень много богатых световых реклам, но сделаны они с меньшим вкусом и как-то теряются в громаде зданий и небоскребов.

На меня лично Нью-Йорк в целом произвел меньшее впечатление, чем Париж. Хотя отдельные улицы и некоторые сооружения, особенно небоскребы и мосты, поражают своей грандиозностью и невольно заставляют восхищаться смелостью американской строительной техники. Почти все улицы Нью-Йорка похожи одна на другую: все они прямые, широкие и всегда полны автомобилей. В первый момент казалось, что нет никакой возможности запомнить ту или иную улицу, найти нужный адрес. Но потом, когда нам объяснили систему нумерования этих улиц, то не было ничего проще этого сделать. На другой день, в какой бы части Нью-Йорка я ни находился, я всегда мог быстро определить нужное мне направление и, ни к кому не обращаясь, пройти в свой отель.

В Нью-Йорке мы были всего три дня и за это время успели побывать в двух кинотеатрах и индейском музее. Особенностью американского кино является то, что, помимо демонстрирования кинофильма, обязательно есть еще концертная программа. В громадном большинстве кинотеатров Нью-Йорка чаще всего демонстрируются какие-либо детективные фильмы со стрельбой и автомобильными катастрофами. Кончаются эти фильмы или тем, что героя-бандита сажают в тюрьму, или герой после невероятных трюков и, казалось, безвыходных положений по-

беждает всех и находит свою возлюбленную. В этом случае фильм кончается обязательно на поцелуе. Концертной программой этих кино является то, что раньше было в так называемых «бурэлеско»: выступают одна за другой артистки и под легкую музыку производят свое полное раздевание, а затем под одобрительные выкрики публики убегают со сцены.

Неприятное чувство остается после такого кинотеатра, и идти туда уже больше не хочется.

Совершенно иное мы видели и чувствовали в самом бо́льшом и, как мне кажется, самом лучшем кинотеатре в Нью-Йорке — в Radio City. Во-первых, демонстрировался цветной фильм «Том Сойер» и была изумительно богатая программа концерта. Кроме того, сама архитектура театра привела меня в восхищение своей грандиозностью и вместе с тем относительной простотой форм и линий.

Заключительным номером программы было выступление не менее сорока женщин. Нельзя не восторгаться было исключительной согласованностью и пластичностью их движений. Они работали на сцене как хороший и слаженный механизм какой-либо современной машины. Одним словом, Radio City произвел на нас очень хорошее впечатление, и мы решили смотреть кино только в этом театре.

Относительно нашей экскурсии в индейский музей можно сказать, что там есть много интересных вещей, но мне как-то не хотелось разбираться в имеющихся там экспонатах индейской древней и современной культуры. Встретилась там одна весьма интересная вещь — «скальпы» человеческих тел. В очень древнее время индейцы знали способ сохранения тел убиваемых ими врагов. Для этого из убитого вынимали все кости и зашивали разрезы. Затем тела помещали в какой-то раствор, под действием которого они пропорционально уменьшались до одной пятой — одной шестой своей первоначальной величины. Интересно было видеть такую маленькую фигурку одного старого и свирепого индейца.

В Нью-Йорке мы пробыли слишком мало, чтобы рассказывать о других достопримечательностях этого города... Хотелось побывать еще во многих местах, но нужно было и на завод явиться. Завод Северского, где мне предстоит работать до августа месяца, находится в тридцати шести милях от Нью-Йорка и по характеру состава работников представляет собой много интересного. Здесь

очень много русских, и можно встретить от рядового белой армии до генерала включительно.

Живем мы в маленьком городке Babelon в небольшом трехэтажном домике. Условия жизни неважные, неуютно и довольно дорого. И я с теми, кто приехал вместе со мной, будем искать себе другую квартиру.

Работы на заводе очень много, и все свободное время, которого остается не так уж много, уходит на изучение английского языка и обучение управлению автомобилем. Я, не проехав и двадцати метров, чуть было не задавил одного товарища.

Несколько дней назад мне нужно было сдать экзамены на получение ученического права управлять машиной. Меня предупредили, что я должен уметь читать все знаки уличного движения, на деле же оказалось, что я должен уметь еще объяснять эти знаки на английском языке. Ну, я, конечно, «провалился», экзамена не сдал. Теперь приходится готовиться более серьезно.

Это письмо я пишу, находясь в отеле в Нью-Йорке; меня сюда вызвали для работы на три-четыре дня. Вчера, в субботу, был в музее естественных наук и видел там много интересного. В этом музее собраны все виды животных, птиц и рыб. Причем все сделано так, что когда смотришь на чучело какой-нибудь жирафы, то видишь ее в естественном окружении соответствующей природы, в живых положениях. Больше всего меня заинтересовали экспонаты животных доледникового периода. В этом отделе есть полностью собранные скелеты мамонта, бронтозавра и многих других. На осмотр ушло более пяти часов, и, однако, я не мог обойти всего музея.

В нашей жизни в Америке часто происходят весьма курьезные случаи. Например, входишь в магазин и начинаешь, оперируя очень ограниченным количеством слов и большим количеством жестов, объяснять, что ты хотел бы купить ту или иную вещь. Чувствуешь, что тебя не понимают, и с отчаяния начинаешь сыпать русские слова, и потом видишь расплывающуюся улыбку на лице хозяина: «Да я же з Украины...» Такой случай у нас был в Babelon'е, когда мы зашли в один магазинчик и попали к украинке. Она, бедная, чуть не плакала от радости, получив возможность поговорить на родном языке, и дала нам много ценных жизненных советов.

Или вот, например, такой случай: один из товарищей опустил в почтовый ящик письмо, но забыл наклеить

марку. Через несколько минут к нему подходит человек и говорит, что полагается опускать в ящик письмо с маркой. До сего времени остается непонятным, как он нашел автора письма, когда на конверте не было обратного адреса и письмо не было вскрыто.

Был и такой случай, когда один товарищ рассчитался в отеле и поехал в другой город, никому ничего не говоря о своем намерении. После его отъезда на его имя в отель приходит журнал, и через пару часов этот журнал был доставлен адресату, сидевшему уже в поезде.

Эти примеры говорят об одной весьма далеко идущей стороне американской жизни — американском «сервисе» — умении обслуживать население».

В марте еще одно письмо из Нью-Йорка.

«...У меня сегодня замечательный, радостный день! По одному делу вызвали в Нью-Йорк, и в одиннадцать утра мне здесь передали твое письмо, только что принесенное с прибывшего теплохода. Какая большая радость!

Представляешь ли ты, Ира, что значит письмо с Родины, да еще от самого дорогого человека?! Кроме того, ведь твое письмо первое, которое я получаю после отъезда из Москвы. Как я благодарен тебе за него.

Несмотря на то, что через несколько часов предстоит, быть может, неблагоприятное для меня решение одного вопроса, у меня сейчас самый радостный день за последние месяцы.

Вопрос, о котором я здесь упоминаю, состоит в том, что меня хотят взять на работу в аппарат Амторга. Работа эта более руководяще-административная, чем техническая, и поэтому решение о назначении меня на эту работу будет весьма неприятным.

Я уже имел одну беседу с начальником и от этого «выдвижения» настойчиво отказывался. Обещали через несколько часов принять окончательное решение.

Свой отказ я мотивировал многими доводами, и, кажется, начальник склонен принять благоприятное для меня решение. Одной из причин, почему мне не хочется идти на эту работу, являются те условия, в которых мне удалось сейчас устроиться жить.

Дело в том, что первое время работы на заводе у нас были скверные бытовые условия — плохое обслуживание, неважное питание, общие неудобства в квартире и значительная стоимость как квартиры, так и питания.

Посоветовавшись с товарищами, мы решили искать

что-нибудь другое. Нам повезло — мы сняли три комнаты на четверых в одной американской семье, с полным обслуживанием и питанием. Очень удобная квартира, значительно дешевле и, самое главное, добродушные и приветливые хозяева. Он — солидный, пожилой американец, не расстающийся со своей трубкой, музыкант по профессии; она — домашняя хозяйка, тоже пожилая, большая любительница кухонного дела, простая и гостеприимная. Мы уже обладаем некоторым запасом слов на английском языке и кое-как с ними разговариваем. Както вечером я был дома один и в течение двух часов потел над подбором слов с составлением простых фраз о Москве, наших автомобилях и троллейбусах, о нашем прекрасном метро. Кажется, они меня кое-как поняли.

Курьезные сцены происходят с нами во время завтраков, обедов, ужинов.

Иногда нам подают такие чисто американские блюда, что никто из нас не может их есть. Отказываясь, мы все показываем на Николая З. и говорим, что он это блюдо любит. Хозяйка называет его «Николай very good» и, с учетом его худобы, не принимает никаких отказов.

Меня зовут «Майкл», и мне от них тоже достается. Когда, например, хорошо насытившись (а ем я очень быстро), я пытаюсь в удобный момент улизнуть из столовой, хозяйка заставляет идти обратно и обижается, если не съем еще какое-либо блюдо ее собственного изготовления.

Откровенно говоря, я начинаю опасаться, что при таких условиях во время пребывания в Америке я растолстею и буду похож на своего хозяина.

Пойти работать в Амторг — значит переезжать в Нью-Йорк и лишиться всех этих удобств. Не хочется также залезать в хомут руководителя и брать на себя большую ответственность. Да и рано мне еще быть руководителем.

...Продолжить письмо получил возможность только 23-го числа. Неприятное свершилось. Вчера получил распоряжение немедленно приступить к приемке дел в Амторге. Ни я, ни мои товарищи, ни хозяева квартиры не рады этому случаю.

Сегодня с чемоданчиком переехал в Нью-Йорк и пока что остановился в отеле. В субботу буду искать себе комнату, так как в отеле неудобно и дорого. Чертовски не повезло.

...Как говорят, соответственно сроку моей работы в Амторге будет продлена и моя командировка. По основной командировке я должен переехать нашу границу не позднее шестого августа. Что будет теперь — сказать трудно. Очень не хочется задерживаться здесь долго, ведь ты тогда совсем забудешь меня...»

В середине апреля меня разыскал в институте Алексей Сарычев.

— Получил из Штатов весточку.

Вынул из кармана пиджака письмо. Марки с красивыми девушками — Михаил постарался специально для друга.

— Нет, нет. Прочитаю тебе сам. И только отдельные выдержки. А то он тут ругает меня слегка за молчание... Так... Опустим для ясности серию вопросов на тему получения квартир для сотрудников, о профсоюзных делах и о том, кого приняли на работу... А вот это уже дела американские.

«...После двух-трех недель работы в комиссии, председателем которой является наш Василий Георгиевич, меня вызвали в Нью-Йорк и предложили принимать дела у одного отъезжающего в Союз товарища.

Так вот, работа, которую мне «всучили», является, по существу, более административной, чем технической, и ясно, что я этим сильно огорчен...

В общем шутки шутками, а всерьез спрашивается: за каким чертом я ехал в Америку, если я буду сидеть здесь на административной работе? В дополнение ко всему моя работа отнимает у меня много времени и даже выходные дни. Сегодня, например, первое воскресенье, что я не еду в Амторг...

...Сейчас в Нью-Йорке стоит скверная, прямо осенняя погода, и от всего окружающего, от погоды, от вчерашней кинокартины, и от того, что с Родины мало пишут, как-то грустно и тоскливо на душе...»

Шли дни. Студенческая жизнь несовместима со скукой. Напряженный график учебной работы, занятия в школе пилотов. Давно уже, как и всем студентам, мне не хватает двадцати четырех часов в сутки.

Каждое утро и поздним вечером заглядываю в почтовый ящик. А вдруг письмо со знакомым почерком на конверте? На этот раз оно действительно есть.

«20 апреля 1938 года... Пользуюсь представившимся свободным временем перед отходом в Европу одного парохода, на который я через час поеду провожать отъезжающих в Союз товарищей.

...Мне уже не в первый раз приходится провожать в Союз и встречать приезжающих в Америку товарищей (это входит в круг моих обязанностей). Если бы ты знала, Ира, с каким радостным чувством мы здесь встречаем приезжающих, так как ждем от них получить самые свежие новости из Союза, и с каким тяжелым настроением провожаем отъезжающих, жалея, что не мы, провожающие, находимся в положении возвращающихся на Родину.

После проводов, при возвращении в Амторг, у нас у всех бывают сосредоточенные, угрюмые лица; очевидно, в это время каждый вспоминает своих родных и друзей и строит планы на свой предполагаемый отъезд.

Много-много раз мне предстоит пережить это чувство, пока не подойдет и моя очередь радоваться скорому свиданию с тобой, родными, товарищами.

У меня сейчас очень много работы, и это отчасти отвлекает от разных сентиментальных мыслей и настроений. Работать приходится с утра и до поздней ночи, не исключая и большей части воскресных дней. Так что сейчас все мои намерения в отношении управления автомобилем, экскурсий по разным достопримечательностям Нью-Йорка, и тем более находящимся за пределами города, и многие другие дела пришлось пока отложить. Стараюсь кое-как вырвать время для изучения английского языка, но и это дело идет не так быстро, как хотелось бы.

Рассчитываю в скором времени полностью овладеть техникой своей работы и тогда уже буду наверстывать упускаемое сейчас. Боюсь только, что выполнить твое желание научиться танцевать мне все же не удастся. И не потому, конечно, что я не хочу уметь танцевать, а потому, что еще не знаю, как это дело здесь можно организовать, принимая во внимание мою медвежью неповоротливость. На худой конец я рассчитываю этим делом овладеть в Москве.

Я от души посмеялся над твоим вопросом относительно того, откуда у меня, как ты пишешь, такое хорошее знание улицы Горького в три-четыре часа ночи.

Когда я писал об этом, и не подумал, что это может

навести тебя на подобный вопрос. Боюсь, что мой ответ разочарует тебя немного.

Кажется, году в тридцать втором или тридцать третьем в Москве была организована проверка торговли хлебом. Я был прикреплен к магазину у Охотного ряда на Тверской. И вот, кончая подсчет хлебных талонов в два-три часа ночи, я пешком ходил до Миусской площади, а иногда и до Всехсвятского. Идя из магазина с горячей булкой (нам по особым талонам разрешали тогда без карточек брать полкило хлеба), я хорошо запомнил Тверскую, и отсюда приведенное в письме сравнение. Ничего интересного, не правда ли?»

Май звенит наступающей весной. Медленно плывет над головой моей одинокое облачко. Откуда ты? Может быть, побывало и над Нью-Йорком?

Листки календаря быстро сменяют друг друга. Один из них дарит мне письмо из Америки, датированное вторым мая.

«...Время проходит быстро и незаметно. Вот уже пролетели майские праздники, за ними пройдет лето, и настанет момент радостного возвращения в Москву. С большим нетерпением я жду этот день, когда смогу увидеть тебя и рассказать то важное, о чем не могу писать в письмах...

Из газет ты уже, наверное, знаешь, что первомайские торжества в Америке проходили 30 апреля. Так было сделано потому, что первое мая в этом году совпало с воскресеньем, а в воскресенье в больших промышленных городах бывает очень мало людей, так как все устремляются за город, на дачи, в лес или на пляж.

Мы были лишены возможности быть вместе с демонстрантами, так как, во-первых, мы не вмешиваемся во внутренние дела страны, и, во-вторых, у нас был рабочий день. Но так как демонстрация проходила по Пятой авеню, мимо Амторга, я имел возможность наблюдать ее из окна десятого этажа, и скажу прямо — был восхищен и горд трудовым населением Нью-Йорка.

Я не ожидал, что увижу такую мощную, грандиозную демонстрацию под лозунгами единого Народного фронта.

В течение девяти часов шли демонстранты широкой

лавиной, неся красные и белые плакаты и выкрикивая лозунги народного фронта, лозунги, призывающие к борьбе с фашизмом, к борьбе за мир.

Больше всего в этот день было произнесено лозунгов: «Долой фашизм», «Гитлер — Муссолини — руки прочь от Испании».

На всем пути следования демонстрации, на широких нью-йоркских тротуарах стояли плотные толпы людей, приветственными криками и бурными рукоплесканиями встречавшие стройные ряды демонстрантов. Это были не просто наблюдатели, а те же самые рабочие и служащие, почему-либо лишенные возможности встать в ряды демонстрантов.

Интересно и радостно было смотреть на единство настроений и чувств демонстрантов и людской массы на тротуарах. Я наблюдал, как некоторые стояли в течение девяти часов, не переставая приветствовать и аплодировать и, несмотря на усталость, не желая уступить свое место напирающим сзади.

Таким большим успехом первомайской демонстрации организации Народного фронта немало обязаны агитаторам. За несколько дней до праздника на улицах Нью-Йорка можно было часто встретить такого агитатора с национальным флагом в руках, бросающего пламенные призывы и лозунги в окружающую толпу.

Я сначала не понимал, почему эти агитаторы держат в руках национальное знамя. Оказывается, по американским законам человек со знаменем в руках может говорить что угодно, даже призывать к революции, и никто не имеет права запретить ему делать это, тогда как, если бы он был без национального знамени, его немедленно арестовали бы.

Вечером тридцатого апреля у нас в Амторге состоялось торжественное заседание Советской колонии.

Небольшой доклад, пение «Интернационала», ужин и затем танцы. Большая группа нетанцующих собралась в отдельной комнате, и мы там организовали пение наших русских песен. Спели все песни, которые я только знаю. В хорошем, приподнятом настроении в два часа ночи я вернулся домой и всеми мыслями и чувствами был в родной, торжественно и нарядно встречающей утро Первого мая Москве. Я слал тебе, мой милый друг, тысячи пламенных приветов и лучших пожеланий. Услышала ли ты

хоть одно из них? Долго не мог уснуть. Еще раз (не помню уж который) прочел все твои письма и долго-долго смотрел на твое фото, спрашивая немой облик дорогого друга — то ли содержание, которое хочется мне, заложено в словах: «А Ирина будет тебя терпеливо ждать».

Днем первого мая с товарищами ездил в соседний с Нью-Йорком город Бруклин на праздник детей нашей колонии и вечером большой компанией ходили в Radio City. Программа в этот день не была удачной, и я больше наблюдал за публикой, чем за экраном. В хронике показывали захват Гитлером Австрии, и, когда на экране показывался Гитлер или фашистские отряды, в зале поднимался большой шум и свист. Это публика проявляла свое недоброжелательное отношение к фашистам и их кровавой политике. В этом общем неодобрительном шуме в четырех-пяти местах зала некоторые пытались аплодировать, но их сразу же заглушала волна всеобщего негодования.

Сегодня на самолете я улетаю в Калифорнию в порядке инспекции наших компаний у Дугласа, Волти и Консолидейтед. Пробуду там до 20—25 мая. Я дал указание все письма из Союза на мое имя пересылать туда, так как надеюсь, что ты будешь писать мне чаще».

Обещанное письмо из Калифорнии пришло в конце мая.

«...Не знаю, с чего начать описание своей поездки.

Написать хочется о многом, но одна мысль вытесняет другую раньше, чем первая успевает оформиться в словах. Одно впечатление кажется более сильным, чем другое, — вот и разберись в этом сложном клубке мыслей и впечатлений и найди главную нить.

...Как я уже писал тебе, второго мая мне предстояло вылететь в Калифорнию на самолете. Это для меня был первый продолжительный полет. За один раз я «налетал» пожалуй, больше, чем налетаешь ты за первый месяц своей лагерной жизни.

Прекрасные, комфортабельные самолеты ДС-3 нормально совершают этот перелет протяжением в 2500—3000 миль в течение 18 часов. На этот раз из-за очень плохой погоды, настигшей нас во второй половине пути, мы заблудились в полосе тумана и густых облаков и прилетели в Лос-Анжелос с опозданием на четыре часа.

Много красивых картин надолго запечатлелось в моей памяти от этого полета. Вначале было очень интересно

с высоты 3—4 километров наблюдать за густо расположенными большими и маленькими американскими городами, за красивыми узкими полосками шоссейных дорог и множеством маленьких, быстро мчащихся жучков, такими с этой высоты кажутся легковые автомобили.

Затем та же картина в условиях темной ночи. Миллионы разбросанных на большой площади электрических лампочек производят впечатление звездного неба, и фантазия рисует картину, которой я очень увлекался раньше, — полета в межпланетном пространстве.

Быстро мчащиеся автомобили, освещаемые прожекторами сзади идущих машин, как-то невольно наводят на мысль о межпланетных кораблях будущего. И лучи прожекторов кажутся следами этих кораблей в мировом пространстве. Нелепая фантазия, верно ведь, Ира?!

Но чего только не способна нарисовать человеческая фантазия, когда она выскакивает за рамки реально существующего? Много-много самых разнообразных впечатлений и не менее нелепых фантазий приходило в голову во время этого полета.

Как, например, было не сравнить сплошную пелену клубящихся молочных облаков, отдающих синеватым отливом, с бушующим морем, когда пролетаешь над этими облаками. Иногда выступающие из этой пелены облаков вершины гор и утесов еще больше делают эту картину похожей на морскую панораму, хотя этот вид облаков под самолетом и создает особые, ни с чем не сравнимые виды.

Или вот как, например, было не помечтать в этот полет о том дне, когда мы с тобой вдвоем сядем на У-2 и ты высоко-высоко, выше высоких облаков, поведешь эту машину и потом стрелой направишь вниз, да так, чтобы от счастья и скорости дух захватило. Знаешь, Ирина, я почти физически ощущал этот наш с тобой первый полет.

Ты, наверное, и не подозревала, что я могу быть таким отчаянным фантазером. Откровенно говоря, я и сам мало знал об этой наклонности.

Ну ладно, вернемся к полету.

Ощущение в полете многим напоминает плавание в море, но, несмотря на очень большую болтанку, я чувствовал себя прекрасно. Очевидно, путешествие по морю и частое пользование быстрыми американскими лифтами выработали в организме противоядие от морской болезни.

В Лос-Анжелос мы прилетели третьего в середине дня.

Очень хороша для жизни эта часть территории США, которую американцы называют «Калифония».

Прекрасный мягкий климат, богатая растительность, разнообразные пальмы, апельсиновые, лимонные и другие фруктовые деревья, близость Тихого океана и многое другое сделали этот край очень населенным и очень удобным для жизни. Недаром пожилые американцы, имеющие некоторые сбережения, приезжают сюда доживать свои годы в спокойной тихой обстановке.

Особенностью Лос-Анжелоса является его разбросанность на громадной площади. Здесь почти совершенно нет высоких домов и обычной городской стесненности. Весь город утопает в зелени и производит впечатление курортного местечка. Это особенно относится к таким прилегающим к Лос-Анжелосу городам, как Голливуд, Санта-Моника и другие.

Здесь сосредоточено очень много разных киностудий, и в связи с этим в городе, особенно в Голливуде, проживает очень большое количество кинозвезд самых различных калибров и в разных положениях относительно своего заката. У одних это положение уже давно отклонилось на запад, тогда как другие только начинают блистать в лучах своего восхода. Никакие силы, даже всемогущие здесь деньги, не могут предотвратить закат какой-либо звезды, коль скоро она перешла наивысшую точку своей славы. Неспроста этих киноартисток здесь метко называют «звездами».

Кроме «звезд», калифорнийцы гордятся своими лучшими мастерами американской борьбы «Wrestle». Я много слышал о зверских приемах, применяющихся в этой борьбе, но то, что я увидел вчера в Wrestling'е, превзошло все мои предположения об этой борьбе. Ее ни в коем случае нельзя назвать спортивной, так как ничего более зверского, более варварского и отвратительного нельзя себе и представить.

В этой борьбе допустимы всевозможные приемы калечения друг друга. Борющиеся ломают друг другу пальцы, руки, выдавливают глаза, душат один другого и даже кидаются друг на друга с какими-либо посторонними предметами в руках. Попадает не только борющимся, вернее, дерущимся, но часто и судье. Вчера, например, разъяренный двадцатипятилетний парень-зверь, искалечив своего

партнера, набросился на судью и так его избил, что беднягу унесли с ринга на носилках.

Самое страшное состоит в том, что все это происходит под восторженные крики и аплодисменты публики.

Ужасно неприятное зрелище, заставляющее недоумевать, что это может быть в двадцатом веке, и возмущаться одновременно.

Что-то сегодня я расписался. Уже очень поздно. Надо хорошо выспаться, так как завтра предстоит поездка в Сан-Диего на завод Консолидейтед. Я очень доволен этой поездкой в Калифорнию, так как здесь мне уже удалось посмотреть такие самолетостроительные заводы, как Дуглас, Волти, и завтра удастся посмотреть завод Консолидейтед.

Моя работа здесь заключается в инспектировании работы наших комиссий. Двадцать четвертого мая я полечу обратно в Нью-Йорк. Хотелось бы поехать поездом, но на это нужно иметь лишние три дня, чего у меня, к сожалению, нет. Очень много работы.

Я здесь очень скучаю и часто-часто вспоминаю тебя.

Следующее письмо, очевидно, смогу написать не раньше, чем вернусь в Нью-Йорк...»

Но он написал мне из Калифорнии еще одно письмо.

«...По какому-то непонятному течению жизни оказался в полосе отчаянно плохого настроения, сомнений и одинокого переживания.

Два часа ночи. Не могу спать. Чем объяснить, что от тебя нет никаких писем? Может быть, и глупо расстраиваться по этой причине, но, пойми меня, милый друг, не могу отделаться от нахлынувших сомнений.

Я так привык к мысли, что мы будем с тобой большими друзьями, что иное мне кажется невероятным...

Ирина, ты хороший товарищ, и я надеюсь, что с получением этого письма ты напишешь мне правдиво о своем взгляде на нашу дружбу. Ведь ты понимаешь меня, не правда ли?

Моя командировка в Калифорнию подходит к концу. 24 мая рано утром полечу на самолете обратно в Нью-Йорк. С какой радостью я променял бы это возвращение в Нью-Йорк на возвращение в Москву, чтобы одним разом разрешить все мои сомнения.

Но что делать. Это будет еще не так скоро.

Ничего сколько-либо замечательного за время после отправки предыдущего письма в моей жизни не произо-

шло. На два дня съездил в Сан-Диего и еще раз осмотрел завод Консолидейтед.

Этот город расположен на берегу моря и окружен высокими холмами. Очень жаль, что не захватил с собой запасной пленки и фотоаппарат и поэтому лишен возможности сделать снимки замечательных пейзажей.

...Прости за сумбурное и, пожалуй, нелепое письмо. Я не скрываю своих чувств, потому что привык строить свои взаимоотношения с людьми на правдивых и открытых началах. Это, может быть, неромантично, но зато честно».

Письмо Миши взволновало меня. Ответ на него я писала тоже поздней ночью. Уже не помню точного его содержания, но в конверт, помимо письма, вложила свою фотографию. А на ее обороте написала последние строки стихотворения Пушкина «Ночь»:

Во тьме Твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг...

Последние три слова этого стихотворения я заменила многоточием.

Миша потом, уже будучи дома, искренне сокрушался, что не открыл там, в Америке, томика поэта. Говорил полушутя:

— Ох и лопух же я! Сколько раз говорил себе, что нельзя пренебрегать классиками! Читал тогда и думал: что хотела ты сказать мне этими точками?!

Эту фотографию, совершившую поездку из Москвы в Нью-Йорк, Миша всю жизнь носил в своем бумажнике.

Двадцать шестого мая Михаил Янгель вернулся из поездки в Калифорнию. Там его ждали письма из Советского Союза. Пришло письмо и от Алексея Сарычева. Занятость делами не позволила сразу написать ответное письмо другу. Он сел за него лишь девятого июня:

«...Я долго задержался с ответом и потому главным образом, что за мое месячное отсутствие здесь накопилось так много разных дел, что я до сего времени никак не могу с этими делами разделаться, хотя и работаю ежедневно до поздней ночи».

Звучала в этом письме тревога за состояние дел в коллективе Н. Н. Поликарпова. Там в это время были сложные взаимоотношения и, как всегда, наболевшим был во-

прос о квартирах. Янгель писал также о том, что надо очень беречь хороших и нужных работников.

«...Я понимаю, что на это ты и другие можете сказать: «Хорошо ему заниматься критикой и давать советы, а попробовал бы он сам здесь поработать». Правильно, Леша, давать советы, конечно, легче, но я хоть этим хочу помочь вам, ведь другое для меня сейчас невозможно».

Писал он Алексею и о своей поездке:

«...Несколько слов о Калифорнии. Я туда вылетел на самолете 2-го мая с целью проверки работы наших комиссий на западе. Проверкой остался очень доволен, так как и с состоянием дел хорошо ознакомился, и увидел много нового и интересного.

По два раза был на заводах Дуглас, Волти и Консолидейтед. И даже имел «удовольствие» вести разговор с самыми что ни есть настоящими капиталистами-миллионерами.

Надо заметить, что некоторые из них, например, президент фирмы «Консолидейтед», очень высокого мнения как о нашей промышленности, так и о стране в целом. Вообще интерес к нашей стране здесь очень велик. Жаль только, что сведения о наших успехах сюда доходят через кривую линзу американской прессы и радио, часто дают искаженное, а то и просто превратное изображение».

В своих воспоминаниях о Янгеле Алексей Сарычев потом напишет:

«...Передо мной его письма ко мне, которые я храню свыше тридцати лет. Они мне дороги. Они написаны аккуратнейшим почерком. Это великолепный почерк, им можно любоваться. Мне кажется, что по этому почерку можно сказать, что он принадлежит незаурядному, чудесному человеку.

О чем он пишет?

Во-первых, бешеная работа, как всегда, с утра и до поздней ночи. И эти письма пишутся, когда глаза слипаются от усталости. Мне сейчас горько и стыдно, что я так скупо отвечал ему.

Во-вторых, в них все та же забота о нашем коллективе, о людях, о жилищных делах, о нашей сплоченности.

Наше начальство в Америке хотело ему поручить административную работу. Но Кузьмич рвался домой. Его влекла техника. Тем не менее он пробыл в Америке дольше всех и наконец взмолился, чтобы его оттуда вызвали».

В район расположения летных лагерей мы выезжали на тренировку всем отрядом несколько раз в июне месяце. Шестого июня 1938 года я впервые поднялась в воздух.

Все было сделано по правилам КУЛП и так, как учил инструктор, сидящий в передней кабине самолета с непривычно строгим и напряженным лицом.

Первый долгожданный полет. Его основная цель, как сформулировано на странице шестнадцать КУЛП, — «ознакомить курсанта с ощущениями полета. Ознакомить с воздуха курсанта с аэродромом и главными ориентирами, определяющими положение аэродрома. Ознакомить с характером движения рулей для управления самолетом...».

Глухой голос инструктора в наушниках телефона. Потом мы для краткости окрестили это переговорное устройство «ухом». Особенность его в том, что здесь нет «обратной связи». Ответить своему инструктору ты не можешь.

Инструктор смотрит на меня в зеркало, закрепленное у стойки передней кабины. Смотрит строго, пристально.

Веду самолет сама. Впервые в жизни! Конечно, это еще не мой полет. Я прекрасно понимаю это. Крепко держусь за ручку двойного управления, а за аналогичную ручку не менее крепко держится сейчас в передней кабине инструктор.

Я лечу!

За воздушным крещением началась регулярная полетная жизнь. Сначала отработка полета по кругу, так называемая «коробочка». Потом отработка посадки, выработка осмотрительности в полете и правильной ориентировки. Больше всего трудностей, конечно, с посадкой. Недаром отчисление из школы курсантов было в основном с формулировкой: «Нет чувства земли».

В книжечке, заведенной каждым учлетом по указанию инструктора, записываем дату полета, номер задачи и очередного упражнения, количество сделанных за день посадок и общее время полета. В примечании перечисляем основные ошибки, замеченные во время полета инструктором. Ох эти ошибки!

Листаю странички сохранившейся полетной книжечки. Поспешные записи карандашом: «не строю маршрут», «правый крен», «поздно разворачиваюсь», «не слежу за высотой»...

Наш инструктор старше нас, курсантов. Подвижный, небольшого роста, строгий в отношениях с подчиненными. Мы звали его за глаза просто «Костя» или «Сидорыч», а

в рабочей обстановке величали полным титулом: «инструктор товарищ Сидоров». Летал он отменно.

Перед отъездом в лагерь получила от Миши письмо. На конверте три марки: портрет Вашингтона, американская красотка и пейзаж с пальмами.

«21 июня... Здесь в Нью-Йорке сейчас стоит, хотя и не солнечная, но очень жаркая и душная погода. Нигде у нас в Союзе я не встречал такого климата, когда не видно солнца и вместе с тем не находишь себе места, где можно было бы подышать свежим воздухом и немного отдохнуть.

Я очень хорошо сделал, что переехал на дачу. Там-таки действительно всегда отдыхаешь от несносной нью-йоркской духоты...

...У меня все время получается так, что возникают все новые и новые обязанности. Сделаешь одно какое-нибудь дело и рассчитываешь на нормальную работу, а тут выплывает вдруг что-нибудь новое, и нарушаются все планы непосредственно моей работы и личной жизни.

Жизнь на даче хороша еще и тем, что мне предоставляется возможность по своему желанию использовать ежедневных и неизбежных два часа дороги. Я это время использую для практики английского языка с шофером или для того, чтобы прочесть какую-нибудь книжку.

Во время командировки я прочел «Три цвета времени» Виноградова, первые главы четвертой части «Тихого Дона» и сейчас читаю «Лже-Нерона» Фейхтвангера.

Наши газеты читаю регулярно, хотя и сразу за целую неделю».

До самостоятельного вылета еще далеко. По-прежнему придирчив инструктор. Все ругает за правый крен. В графе ошибок за полетный день пишу его замечания: «Задираю нос при развороте», «Резко работаю газом».

Сколько еще впереди трудного. Как тщательно надо отрабатывать каждую фигуру, как внимательно изучать каждую задачу. На десятое июля у меня налет — четыре часа двадцать одна минута. Столько времени я провела с инструктором в воздухе. Ребята говорят, что много, а мне кажется, что это всего лишь несколько счастливых мгновений.

А что нового за океаном? Как твои дела, инженер Майкл Янгл?

«8 июля 1938 года... За время после того, что я написал тебе последнее письмо, здесь в Америке произошли два события: одно сильно взволновало всех американцев, другое — потрясло всю нашу советскую колонию.

Недели две назад в Нью-Йорке была организована встреча боксеров: негра Джо Люиса и фашиста Шмелинга. Эта встреча далеко переросла рамки обычного спортивного соревнования, так как на поединок вышли фашист и негр, за каждым из которых стояли резко противоположные общественные силы.

Сторонники фашистской арийской теории, как и сам бандит Гитлер, были уверены в победе Шмелинга. Но, к радости всех антифашистов, победа осталась на стороне Люиса. История этого матча такова: когда организаторы впервые объявили об этой встрече, то сильная и большая еврейская организация Америки выступила с заявлением, что она этот матч будет бойкотировать. Испугавшись срыва матча, фашистские заправилы пошли на то, что предложили 10% средств, вырученных от матча, передать в фонд помощи евреям — беженцам из Германии и Австрии. Бойкот был снят.

В день матча в Нью-Йорке и соседних городах было очень большое оживление — все готовились к слушанию радиопередач этой знаменательной борьбы.

Вокруг поединка и билетов развернулась большая спекуляция. К началу матча билеты дошли до 100 долларов, и была заключена не одна тысяча сделок: одни ставили на Люиса, другие на Шмелинга (при каждом удобном случае совершить какую-нибудь сделку или рискнуть своим последним долларом в надежде на выигрыш — одна из основных особенностей американцев).

Партии демократического фронта развернули большую агитационную работу против фашизма, войн и всех черных сил реакции... Борьба продолжалась недолго, всего две минуты и четыре секунды. Получив град ударов от Люиса, Шмелинг был сбит и побежден, при этом он оказался избитым так сильно, как редко избивают друг друга боксеры, ведущие борьбу в 15—17 раундов.

После объявления о победе Люиса антифашистские организации устроили мощные демонстрации, которые вылились в боевую демонстрацию демократии против фашизма и войны. Особенное ликование и торжество происходили в районах, населенных неграми. В Нью-Йорке,

например, негры устроили демонстрацию, в которой приняло участие 300 тысяч человек.

Попытка фашистов доказать, что Люис применял запрещенные приемы бокса, была очень скоро опровергнута демонстрацией на киноэкранах этой короткой борьбы. Специалисты утверждают, что это первый случай в истории, когда в поединке на первенство мира по боксу победа была достигнута в первом раунде и когда один из противников был так беспощадно избит.

Я также разделяю радость по поводу победы Люиса.

Второе событие имело место несколько позднее и оставило после себя очень тяжелый след. Группа наших инженеров ехала на автомашине с места своей работы в Нью-Йорк. При крутом повороте на большой скорости (около 75 километров в час) машина перевернулась четыре раза, и произошла ужасная катастрофа, окончившаяся смертью одного товарища и тяжелым ранением двух наших инженеров...

...Странно, что у нас с тобой примерно в одно время зародились глупые мысли, что и с каждым из нас могут произойти подобные нелепые случаи и мы можем никогда не увидеть друг друга. Если бы это случилось с тобой, милая Ирина, то для меня это явилось бы непоправимой катастрофой, самым тяжелым ударом. Глупо, конечно, что я пишу об этом, ужасно глупо. Мы еще увидим друг друга и будем вместе. Это — факт!

И все же я прошу тебя, мой хороший друг, будь осторожна и хладнокровна, когда садишься в самолет. Подожди пока думать, что ты хорошая летчица и можешь позволить себе какую-либо вольность.

Теперь несколько слов о себе.

...Не так давно я в очень резкой форме поставил вопрос об освобождении от работы в связи с тем, что срок моей командировки подходит к концу. Вместо удовлетворения моей претензии начальство запросило Москву о продлении моей командировки до января месяца...

...Вообще, я чувствую, что дело клонится к тому, что меня хотят закрепить здесь основательно, вроде как на постоянную работу. В той же телеграмме о продлении был поставлен вопрос об установлении мне персонального оклада с освобождением выплаты в Союзе. Никакие мои доводы во внимание не принимаются, и я вынужден был «бить на чувство», заявляя, что осенью я должен в Союзе жениться. Этому сочувствуют, но говорят, что если я дам

согласие и если будет согласна моя невеста, то можно будет поставить вопрос о ее оформлении в Америку. Вот тут и подумаешь, как быть.

Мне бы очень хотелось узнать твое мнение по этому вопросу. Я, конечно, понимаю, что у меня нет никаких оснований считать тебя своей невестой. Но я полагаю все же, что ты не обидишься на меня за постановку перед тобой вопроса о поездке в Америку, хотя и мало верю в эту возможность в связи с твоей учебой и сложностью вопроса о женитьбе.

В случае, если вопрос о продлении моей командировки будет решен утвердительно и ты будешь согласна обсуждать вопрос о твоей поездке в Америку, то я буду очень рад по этому последнему вопросу изложить более подробно свою точку зрения...»

Ежедневно я поднимаюсь в воздух. Каждый раз все новые задания. Часто ухожу в «зону». Там выполняю первые робкие фигуры высшего пилотажа. Но самое главное — шлифовка посадки. Чувство «земли» наконец пришло. Теперь я уже четко определяю расстояния до отдельных ориентиров.

Так идет жизнь: полеты утром и вечером, днем теоретические занятия, строевая подготовка.

Наши палатки разбиты у края леса. А по другую сторону — огромное клубничное поле, принадлежащее совхозу. Парашютисты приспособились: что ни прыжок, то «снос» прямо на клубнику. Укладывая парашют, они успевают вдоволь полакомиться ароматными ягодами. А бедным пилотам приходится любоваться клубникой с высоты в триста метров, да и то лишь при заходе на посадку. Пилоты явно недовольны.

Начальник аэроклуба просто помешан на чистоте. Каждый день мы драим наш лагерь. Курсанты называют это мероприятие операция «Окурок». Ходить с метлой и подметать дорожки не так уж весело.

Из лагеря учлетов отпускают в город только по выходным дням. Но я прошу летного комиссара отпустить меня домой в будний день. Сбивчиво излагаю свою просьбу. А он в ответ многозначительно улыбается:

— Ждешь письма из Соединенных Штатов?

— Жду, Паша. По моим расчетам, оно уже в почтовом ящике.

Друзья давно в курсе дела, знают, что из Америки в мой адрес регулярно приходит почта. Всем еще памятен комсомольский секретарь, не так давно покинувший МАИ. Знает о нашей дружбе с Янгелем и Павел. Он и сам изредка отправляет письма на Пятую авеню.

Просьба удовлетворена, и на другой день я уже «голосую» на шоссе. Стою в шлеме, комбинезоне и время от времени поднимаю вверх руку.

— Садись, парень! О, да это девушка! Летаешь, значит, на самолете?

Я быстро перелезаю через борт и «приземляюсь» на мешках с картошкой.

В почтовом ящике — два письма на мое имя. Одно из них со штампом города Нью-Йорка.

Вскрываю письмо только вечером, в палатке.

— Прочла бы вслух, — просят девочки. — Все-таки интересно, что там делается, в Америке...

«19 июля 1938 года. Нью-Йорк... Мой славный друг! Радуюсь и горжусь успехами моей милой летчицы! Думаю, что это письмо придет к тебе как раз к дням твоих первых совершенно самостоятельных полетов. Уверен в полном успехе и поэтому поздравляю с достижением звания пилота — огромной твоей победой.

Не могу не благодарить за доставленную радость быть твоим первым пассажиром, хотя и сожалею очень, что это будет только в мыслях...

...Несколько дней назад пришла телеграмма о моем срочном откомандировании в Союз. Радовался недолго, так как начальник и председатель Амторга отпустить не хотят. Чем все кончится — предвидеть трудно. Может быть, увидимся раньше, чем предполагал.

Более подробно обо всем этом тебе расскажет один товарищ, который завтра едет в Союз. Он обязательно увидит тебя, так как я с ним отправляю тебе маленькую посылочку.

Жду твоих писем — самых отрадных явлений в заграничной жизни...»

— Хорошо пишет, — вздыхает Катя. — Счастливая ты, иметь такого друга.

— А может быть, он тебе берет белый пришлет? Или красную кофточку с золотыми пуговицами? Я в одном журнале видела. Вот бы здорово, — вставляет Вера.

...— А я, девочки, сегодня в воздухе чуть не до смерти перепугалась. Смотрю, нет впереди инструктора.

В палатке темно. Мы лежим на койках и, как всегда, делимся впечатлениями прожитого дня.

— И куда же он у тебя, Ирина, делся?

— В первый момент просто не поняла. Потом нос самолета вниз, смотрю по сторонам: «Где же это он у меня выпал?!» И вдруг его голос в ухо: «Что крутишься?! Лети как летела. Здесь я. Никуда не делся. Сижу на полу кабины... Скоро будешь вылетать самостоятельно, так надо привыкнуть к мысли, что впереди голова инструктора больше не торчит... Продолжай полет!»

Девочки громко смеются.

— Здорово придумал. Но это только ему можно, рост у него небольшой. А вот наш Костя длинный, ему вовек так не согнуться...

И опять громкий смех.

В один из свободных от полетов дней съездила в Москву и была вознаграждена письмом от Миши. На конверте штамп Монреаля. Каким образом очутился Янгель в Канаде?!

«10 августа 1938 года... Не обижайся на меня, милый друг, за такие большие интервалы между письмами и не делай из этого обстоятельства вывода, что я редко вспоминаю тебя. Думаю я о тебе и вспоминаю тебя очень часто. Мне даже кажется, что ты всегда со мной. Но, очевидно, я не умею правильно организовать свою работу и время, и поэтому получается у меня все не как у людей.

...Не сердись на меня, Ириночка, — я обязательно научусь правильной организации своей работы и буду иметь много времени и для того, чтобы можно было написать большое письмо, и урок английского языка приготовить, и отдохнуть как следует.

Это письмо я пишу тебе из Канады. Мне и еще двум товарищам представился случай приехать сюда по приглашению одной фирмы осмотреть ее заводы.

Случаи такие представляются для наших товарищей, находящихся в Америке, не часто, поэтому очень многие с завистью смотрели на наши приготовления к дороге.

И действительно, поездка в Канаду дала нам много нового и интересного.

Город Монреаль, где мы сейчас находимся, отстоит от Нью-Йорка на расстоянии около 4-х сот миль. Весь этот путь мы проделали на легковой машине за 15 часов езды по живописной и красивой местности.

Мы выехали из Нью-Йорка рано утром 6-го числа,

и, несмотря на то, что день только начинался, в городе было очень душно и жарко. Нам предстояло ехать на север, и по мере удаления от Нью-Йорка нарастало наше удовольствие от чистого прохладного воздуха и изумительно красивых пейзажей природы.

Представители фирм ехали с нами и давали нам те или иные справки из истории, географии и т. д. Они же привезли нас в лучший отель города и ухаживали за нами как за большими и почетными гостями.

После встречи и обеда с президентом фирмы мы осмотрели самолеты, моторные и самолетные заводы, литейные цехи и вагоностроительные заводы. При осмотре встретили кое-что интересное, в частности, маленькие бипланчики и новые винты с изменяемым в полете шагом и диаметром, предназначенные для трансатлантических самолетов.

Целый день потратили на осмотр города и окрестностей и также получили большое удовольствие.

...После возвращения в Нью-Йорк я поеду в Калифорнию и пробуду там до 10—15 сентября. Из этого ты можешь заключить, что дело с моим возвращением в Союз пока сорвалось. На телеграмму моего начальника ответили: «Задержать до особого указания». Позднее пришло указание, что мне оформляют продление до января.

С отъезжающим сегодня в Союз Николаем З. мы выработали целый план действий по моему отъезду из Америки, и я все еще не теряю надежды на возвращение».

20 августа 1938 года. Безоблачное небо. Сухая и пыльная земля. Выгоревшая на солнце трава аэродромного поля.

Сажусь в кабину самолета. Инструктор тоже. Посмотрел в зеркало и, отстегнув привязные ремни, вылез на крыло.

— Давай одна!

Вот он, первый долгожданный самостоятельный полет! Разбег, набор высоты, разворот по «коробочке». Внимательно смотрю на приборы. Все в полном порядке.

Лечу. Сама! Одна! И кричу куда-то в синеву, просто никому, просто себе: «Здравствуй, небо!»

Три дня подряд летаю без инструктора. Ухожу в «зону» с учлетом-пассажиром. Вдали от аэродрома, над лесом, полем, над домами и дорогами выполняю полученное

от инструктора задание. Потом сажаю самолет у посадочного Т.

— Хорошо сегодня посадила, как королева, — подбадривает инструктор.

А мне смешно: разве королевы бывают пилотами?!

Как-то увлеклась фигурами пилотажа и... потеряла аэродром. А уже вечереет. Учлет, сидящий в передней кабине, показывает нерешительно рукой вправо. С трудом нашла нужные ориентиры. В наступивших сумерках еле различаю ползущие, как жуки, самолеты. Рулят на «красную черту». Все уже отлетали... Колеса шасси касаются земли...

— Знаешь, — говорит мне после ужина Володя Чиколини, — мы тебя потеряли. Инструктор спрашивает: «Где самолет?» А никто за ним, оказывается, не следил... Переживал наш Костя!..

Володя Чиколини тоже учлет. Летает классически. Я сама слышала, как начлет говорил, что у Чиколини «почерк Чкалова». Володя, конечно, гордится такой оценкой... Но он не только отличный пилот, а еще и прекрасный товарищ.

— Ты куда собираешься после окончания института? — спрашиваю Володю.

— Только в испытатели, — отвечает не задумываясь.

...Он станет летчиком-испытателем. И нелепо погибнет во время испытаний вертолета... Риск — участь крылатых людей. Прокладывать путь новой технике, которая потом надежно служит людям, очень нелегко.

Полеты каждый день. А осень все ближе и ближе. Скоро начнутся занятия в институте. Будем ездить на полеты из Москвы. Собираем и упаковываем лагерное имущество. Опустели палатки...

...Буквально влетаю в комнату в выцветшем за лето комбинезоне, летном шлеме.

— Ты что, прямо села на У-2 на Пушкинской площади? — спрашивает Ксения Петровна.

А я уже распечатала письмо. Уже прочла его. Громко кричу, кружась по комнате:

— Миша возвращается! Воз-вра-щается!

«25 августа 1938 года. Нью-Йорк... Хочется во всю силу легких кричать: «Ура!» В сентябре месяце я увижу моего славного друга! Да, родная, теперь уже определен-

но известно, что я скоро уезжаю в Союз. Я узнал об этом замечательном решении в субботу 13-го числа, когда вернулся из Канады. Оказывается, дали телеграмму с распоряжением о немедленном моем откомандировании в Союз и сообщением даты выезда...

В Ленинграде я буду 12-го сентября и с выездом в Москву дам тебе телеграмму. Никому больше о дне моего приезда я сообщать не буду, так как хочу встретить тебя первой. В связи с этим у меня есть к тебе просьба: если будет возможно, то приехать на вокзал или в крайнем случае быть дома в день моего приезда. Я с вокзала зайду к тебе домой.

Итак, мой друг, до скорой встречи!»

Последнее письмо из Америки, последнее письмо из-за океана. Я читаю его вновь и вновь и не верю, что скоро увижу Мишу. Только бы успеть до его приезда сдать экзамены в летной школе и встретить «мистера Майкла» в звании пилота запаса!

...Первое сентября приносит радость встречи с товарищами по курсу. Сколько теплых рукопожатий, сколько рассказов о проведенном лете! Загорелые, полные сил после отдыха студенты вновь заполнили аудитории. С этой возбужденной, радостной молодостью так хорошо жить и учиться!

Начались занятия. Новые курсы лекций, встречи с новыми лекторами. Особенно мне нравятся лекции Николая Сергеевича Аржаникова, читающего курс теоретической аэродинамики. У него учился Михаил Янгель. Теперь учусь я. А потом, через много лет, будет слушать лекции этого замечательного профессора наша дочь Люся.

В лекционной аудитории я обычно сижу в первом ряду. Николай Сергеевич с мелом в руках у доски. Аккуратно записывает длинные уравнения, рассказывает о свойствах газовой среды. Интеграл Лагранжа — Бернулли, формула Прандтля. Опять интегралы, полные и частные производные. Как важно на этой стадии обучения хорошо владеть математическим аппаратом!

Все ближе долгожданный день. Я продолжаю ездить в Щелково и летаю с инструктором в «зону». Идет шлифовка фигур высшего пилотажа. Правда, полеты происходят не ранним утром, как летом... День стал много короче. Осень входит в свои законные права.

Сегодня сдача экзамена комиссии. Именно в этот день из Ленинграда придет на Пушкинскую улицу, дом семнадцать телеграмма с одним словом: «Встречай». Эта телеграмма придет уже пилоту запаса.

Над аэродромом хмурое небо. Медленно ползут тучи, изредка падают на землю капли дождя. Надо же!

Комиссия в полном составе. Приехали военные летчики-истребители. Учлетов разбивают на группы. Все, конечно, волнуются.

— Тебе достался майор — настоящий ас, — предупреждает инструктор. — Будь собранна, не волнуйся и летай как учил.

Это последнее напутственное слово Сидорыча.

Рапортую майору, сидящему в передней кабине, о готовности к полету. Майор перечисляет задачи: два виража с креном в сорок градусов, два — с пятьюдесятью пятью. Потом переворот через крыло, восьмерка, петля, два боевых разворота. Закончить можно спиралью и при посадке скользнуть.

— От винта!

Замелькали деревья. Самолет, словно понимая всю ответственность сегодняшнего дня, слушается меня как никогда.

Последовательно выполняю полученное задание.

— Давай петлю! — кричит майор.

Я смотрю на показатель высоты и вижу, что для выполнения петли ее не хватает. Надо подняться выше.

— Начинай петлю!.. Начинай петлю! — кричит майор.

Майору виднее. Он давно ас, а я пока еще даже не пилот запаса... Высота явно маловата, и я никогда еще не начинала петлю так близко от земли.

Выбираю ориентир. Газ до полных оборотов. Ручка управления рулем высоты от себя. Скорость сто пятьдесят километров в час. И вот уже колеса над головой. Пикирование и выход из петли...

Крылья У-2 почти касаются воды Медвежьих озер. Скорее вверх! В зеркале вижу: майор удивленно качает головой, потом поднимает вверх большой палец. Значит, одобрил.

Посадка, как говорят у нас учлеты, просто «подарок инструктору» — притерла к земле.

Какая-то будет оценка?

— Все пятерки! — кричит еще издали возбужденный

и сияющий Сидорыч. — У всех пятерых моих курсантов пятерки! — И добавляет, обращаясь ко мне: — А тебя майор особенно похвалил. За петлю. Говорит, что чуть не искупала его в озере, но с заданием справилась отлично.

А я думаю: если бы майор знал!

Ленинградский вокзал столицы. Хожу взад и вперед по пустому перрону. Поглядываю на часы: пришла задолго до прибытия скорого поезда Ленинград — Москва.

Пять минут... Три минуты... Вдали очертания поезда... За окнами вагонов силуэты людей... Вагон номер двенадцать.

С подножки соскакивает высокий молодой человек. Элегантное серое габардиновое пальто. На голове серая фетровая, в тон пальто шляпа. Он быстро подходит ко мне, и я протягиваю ему цветы:

— Здравствуй, Миша!

Михаил Янгель возвращался из Америки тоже морским путем. На этот раз он плыл на «Нормандии», огромном трансатлантическом пароходе, принадлежавшем французской компании и начавшем регулярные рейсы по маршруту Гавр — Нью-Йорк с 1935 года.

Об этом «гиганте морей» красочно рассказали в первой главе книги «Одноэтажная Америка» Илья Ильф и Евгений Петров.

— Я целиком согласен с писателями в оценке этого парохода, — говорил потом Михаил, перелистывая страницы «Одноэтажной Америки». — Они называют «Нормандию» шедевром французской техники и искусства. И это действительно так. «Нормандия» великолепна, элегантна (если так можно сказать о пароходе), удобна и очень красива. А как она идет в шторм! Незабываема картина движения этого гиганта в океане!

На «Нормандии», как и на других трансатлантических пароходах, был первый класс, туристский и третий. Пассажиры последних двух классов не имели свободного доступа в первый, самый комфортабельный и занимающий около девяти десятых всех полезных помещений.

Янгель был пассажиром туристского класса. Но во время пути сумел все же детально осмотреть весь пароход:

побывал в салонах, оранжереях, на палубах первого класса. Полюбовался бассейном, даже заглянул в машинное отделение.

Сохранился у нас отпечатанный типографским способом список пассажиров, участвовавших в этом рейсе: «Liste des Passagers S. S. «Normandie». Двухсотым из двухсот трех человек здесь числился «Ianguel, Mr. M.».

Мы сидим с Виктором Павловичем Бутусовым, разложив на столе письма со штампами городов Америки, многочисленные фотографии давних лет. Виктор Павлович приехал в Соединенные Штаты Америки несколько раньше Янгеля.

— В представительстве, которое я возглавлял, — вспоминает Бутусов, — работало много наших инженеров. Авиационные компании «Дуглас», «Волти», «Консолидейтед», «Локхид», «Боинг» и другие располагались на Тихоокеанском побережье, представительства же находились в Нью-Йорке. Когда я вернулся из Калифорнии, куда ездил по делам, мой заместитель по авиационным вопросам сказал, что за время моего отсутствия из Союза прибыла большая группа специалистов, и он назначил председателем одной из комиссий вновь прибывшего инженера Михаила Янгеля. Через несколько дней произошла наша встреча.

Бутусов некоторое время молчит, припоминая детали.

— В мой кабинет, — продолжает он, — вошел молодой стройный человек с открытым симпатичным лицом, с копной черных волос, красивыми глазами. Через двадцать-тридцать минут я почувствовал, что знаком с ним минимум несколько лет, — таким было обаяние Миши, как я вскоре стал его по-дружески называть... В Янгеле мне понравилось, что он был всегда чисто выбрит, деловит, аккуратно одет. Говорил только о работе. В скором времени у нас начались, правда, разговоры и на семейные темы. Он сказал, что у него в Москве невеста и что по возвращении в Союз он намерен жениться. На американок, которые были не прочь увлечь Мишу, он не обращал никакого внимания.

Фар Рак Уэй — так звучит в русской транскрипции название дачного места, расположенного в сорока километрах от Нью-Йорка. Там обычно летом жили многие наши специалисты, командированные в США. Туда часто

ездили после работы Бутусов и Янгель. А этот снимок сделан накануне отъезда Янгеля из Америки. Проводы ему устроили в одном из лучших отелей — в Пенсильванском...

Встречаться с прошлым и приятно и грустно: его ведь не вернешь.

— Виктор Павлович, Миша всегда подчеркивал, что командировка в Америку много дала ему полезного для дальнейшей работы. Он был тогда еще совсем молодым инженером.

— Конечно, знакомство с новым всегда полезно. Миша был действительно молод: и как специалист, и как человек. Всего двадцать семь лет! Он ознакомился на практике с американской техникой, с достижениями отдельных фирм и заводов, их организацией.

Мы разговариваем с Виктором Павловичем еще долго. А с портрета на стене смотрит на нас Михаил Янгель, словно тоже вспоминает те годы. И рабочий кабинет в Нью-Йорке на Пятой авеню, и дачную местность Фар Рак Уэй... И свою молодость.

На вокзале он сдал в камеру хранения полосатые американские чемоданы. Мы вышли на большую привокзальную площадь.

— Неужели я в Москве?! Давай постоим немного, подышим этим воздухом. Если бы ты знала, как тосковал я вдали от Родины! Сколько раз мысленно бродил по знакомым улицам нашей столицы и так мечтал вот об этом мгновении.

С Ленинградского вокзала мы направились прямо ко мне домой.

Дома нас ждал скромно накрытый стол. Букет цветов. Немного домашнего печенья, в вазочке — ароматное клубничное варенье. Все это заботливо приготовила Ксения Петровна. Она тоже ждала Мишу с волнением: зная о нашей переписке, догадывалась, что я скоро уйду из ее дома.

И вот мы сидим за столом. Рядом. Не можем оба скрыть своей радости.

— А ты, Миша, изменился. Стал похож на американца.

— Это только внешне. Я по-прежнему все тот же сибирский медведь, бесконечно счастливый сегодня и такой

влюбленный! Просто не верю, что я в Москве. И так рад, что вижу перед собой загорелого и мужественного пилота запаса. А сейчас разреши сделать тебе первый подарок.

Он достал из кармана небольшую коробочку. В ней были изящные наручные часы фирмы «Лонжин».

— Я купил и себе часы этой фирмы, но немного большего размера, — сказал он. — Мы сверим их до секунды, а затем будем отсчитывать по ним часы и минуты до следующей встречи... А потом дни и годы совместной жизни. Да, Ирина?!

И он надел мне на руку браслет с часами. Обручальных колец в то время не носили.

Рассказы, расспросы, рассказы. Счастливый блеск двух пар глаз. Кто пережил тоску разлуки с любимым человеком, да еще на заре своей юности, тот поймет, сколько счастья принесла нам встреча в небольшой полутемной комнате, сразу словно посветлевшей от такого чудесного события.

Расстались мы поздно вечером. А потом виделись почти каждый день. Правда, иногда Миша забегал буквально на несколько минут. Надо было писать подробный отчет о командировке, готовиться к приему у наркома авиационной промышленности.

Он пришел ко мне сразу после приема у наркома. И довольный, и немного озабоченный.

— Принял меня хорошо. Правда, начал разговор оригинально: «Сколько тебе лет, Янгель?» — «Двадцать семь», — ответил я. Он обернулся к стоявшему с ним рядом то ли секретарю, то ли референту и громко сказал: «Подумать только: двадцать семь лет и уже парторг крупнейшего в стране авиационного завода». Посмотрел на меня, слегка прищурившись, привстал с кресла: «Думаем, Янгель, тебя рекомендовать на один из волжских заводов».

— На какой?

Михаил пожал плечами:

— Пока не знаю. Заполнил анкеты, написал автобиографию. В графе о семейном положении написал: «Холост». Но это только пока... Просматривая анкету, нарком спросил: «Слушай, Янгель-Мянгель, что у тебя за фамилия? Ты по национальности-то кто?» Я ему ответил: «Как написано в анкете — русский, сибиряк. А фамилия моя,

по-видимому, украинского происхождения...» В деревне Зыряновой, где я родился и вырос, моего отца и мою мать, да и всех ребятишек, звали «хохлами».

— Это ты тоже рассказал наркому?

— Нет, конечно. Это я только тебе.

— Что же дальше? — полюбопытствовала я.

— А дальше надо ждать. Нарком сказал, чтобы я сейчас занялся своими личными делами, закончил отчет и сделал ему подробный доклад о состоянии дел на американских фирмах. Он, кстати, был в Штатах незадолго до моего приезда туда и поэтому в курсе работы наших комиссий.

Полутемная проходная комната на Пушкинской улице. Сидим за столом, пьем чай. Вновь зашел разговор о фамилии Янгель.

— Сам толком не знаю, почему мы стали Янгелями. Дед был, по словам отца, Янгалем.

— А родом откуда? — спросила Ксения Петровна.

Миша стал вспоминать: дед Лаврентий из украинского села Рыжики Черниговской губернии. Там родился и отец — Кузьма Лаврентьевич.

— Корни уходят в украинские степи. Слышал я, что дед был характера крутого. Однажды жена его с грудным младенцем задремала, утомленная, у стога сена. Ехал мимо объездчик, хлестнул ее кнутом. У деда кровь и взыграла: взял косу — и на обидчика. Говорили еще, что лошадь он увел у помещика. Словом, характер бунтарский. Вот за это и выслали его на вечное поселение в Сибирь. Попал из жарких степей Украины в суровую тайгу.

— Да, но откуда все же такая фамилия? — допытывалась Ксения Петровна. Она прекрасно знала литературу, в ее книжном шкафу было немало редких книг. — Проконсультируемся у Даля? Поищем сразу на букву «я».

Толковый словарь, выпущенный в 1882 году. «Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора». Четвертый том: от «р» до «ижицы».

— Сколько русских исконных слов исчезло из обыденной речи. Возьмите «тютень». Прелесть, а не слово, — входил во вкус Михаил, перелистывая Даля. — «Тютя, увалень, неряха и замарашка...» Угадай-ка, Ирина, смысл слова «тютька»! — Он весело, от души смеялся. — Ока-

зывается, это щенок, котенок или собачка. А вот настоящий «научный» термин, тоже исчезнувший из обихода: «тямить». Это по Далю означает: «знать, разумлять, смыслить или понимать, уметь или мороковать...» Чудесно! Завтра на совещании спрошу: «Ну, как, товарищи, морокуете, разумляете, тямите по этому вопросу?!»

— Я вижу, Миша, вы совсем ушли от вопроса о фамилии.

Ксения Петровна взяла из его рук объемистую книгу:

— Что скажет о Янгеле всезнающий Даль?

На 678-й странице за «январем» стояло слово «янга».

«Янга, — говорилось у Даля, — ковш, корец, железный черпак, в коем казаки на походе иногда варят похлебку». И дальше озадачивающее пояснение: «Янга, костяные клепки». И мелким шрифтом приписано: «человек».

Воображение помогло нам в тот вечер нарисовать любопытную картину далекого прошлого семьи Янгелей... Вышел дед Лаврентий из запорожских казаков. Кто-то из предков его, видно, был кашеваром, варил похлебку и разливал ее с помощью янги. Вот и прозвали его Янгалем — ковшевым. А поскольку дед и отец у Миши неграмотными были, судьба фамилии оказалась в руках писарей, оформлявших документы. Им все равно, что Янгал, что Янгель... Так и вышло, что в последнем поколении уже смешанных по крови хохлов и сибиряков стали все Янгелями.

Из Америки Михаил Кузьмич привез пластинки, выпущенные фирмой «Victor Record». Записи Федора Шаляпина, Энрико Карузо, различные танцевальные мелодии. Мы с наслаждением слушали вечерами знаменитую «Блоху», «Эй, ухнем», арию из «Севильского цирюльника». А потом — отрывки из «Травиаты», «Роз-Мари» и, конечно, вальсы Штрауса. Одной из любимых стала пластинка с мелодиями популярного мультфильма «Белоснежка и семь гномов». Веселую песенку «Хей-хо, хей-хо, шагаем мы легко» мы напевали вместе с гномами.

Михаил Кузьмич много рассказывал об Уолте Диснее, талантливом авторе фильмов «Бэмби», «Три поросенка», «Микки-дирижер», «Странные пингвины». Последние три фильма демонстрировались у нас в 1935 году на первом Московском международном фестивале и были заслуженно отмечены премией.

— Знаешь, — говорил Михаил, — как популярен у американских ребятишек Микки Маус, этот смешной мыш-

нок с ушами, похожими на лопухи, и черной шишечкой носа. Жаль, что не привез его тебе.

...Много лет спустя я побывала в Лондоне, потом в Париже. В универсальном магазине неподалеку от центра Лондона купила, вспомнив рассказ Миши, трогательного мышонка Микки. А в парижском магазине «Самаритен» в зале игрушек пленили хорошо знакомые фигурки гномов из «Белоснежки». Особое расположение вызвал Добряк с его грустными, проникновенными глазами. Он прилетел со мной из Парижа в Москву.

— Как чудесно, что ты купила Добряка! — обрадовался моему подарку Михаил Кузьмич. — Считается, что гномы приносят в дом счастье. Думаю, Добряк не будет исключением...

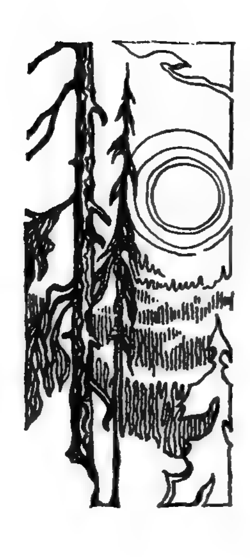
Итак, Михаила Янгеля собираются назначить парторгом ЦК на одном из заводов. Перспектива ясна. Я заканчиваю институт, и мы с мужем будем жить в городе на Волге. Правда, у меня еще впереди четвертый и пятый курсы. Потом дипломное проектирование. Но это не так страшно: не океан разделяет Москву и будущее место работы Михаила Янгеля.

Однако в жизни не всегда бывает так, как предполагаешь. Ни я, ни Михаил Кузьмич не знали еще, что в одном из городов на востоке страны был арестован Константин Янгель, беспартийный, учитель географии.

Парторгом ЦК на авиационный завод Михаила Кузьмича Янгеля не назначили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИЛИМСКИЕ НАПЕВЫ

Как ты жил до нашей встречи, Михаил Янгель?

Когда я раздумывала над этой книгой, мне казалось, что я знаю о моем муже все. Но потом отчетливо поняла, что это не совсем так. Все знает, наверное, и то до определенного времени, лишь мать о своих детях. Но даже самый близкий человек, с кем сведет жизнь на долгие годы, становится до каждой черточки понятным и близким далеко не сразу. Хотя он и не скрывает от тебя ничего, все же прожитое им покрыто какой-то дымкой неразгаданной тайны. И, проникая в нее все глубже и глубже, все острее осознаешь, что она по-прежнему далека от разгадки... Может быть, лишь бессмертный Леонардо да Винчи разгадал эту тайну, оставив людям улыбку Джоконды...

Я вспоминала рассказы Михаила Кузьмича о его детстве и юности, по крупицам собирала воспоминания родных, близких, друзей — людей, с кем жил он рядом, когда мы еще не знали друг друга. Но по отдельным эпизодам и фрагментам, как бы они ни были правдоподобны и красноречивы, не воссоздавалась атмосфера, в которой он родился и рос и стал тем Мишей Янгелем, которого я знала и любила.

Когда мой муж был жив, я ни разу не побывала в его родных краях. Сначала просто жили небогато и не могли позволить себе роскошь по-

ехать вдвоем за столько тысяч километров. Потом, когда такая возможность стала реальной, по разным причинам наши планы рушились. То болезни, то неотложные дела... Однажды было совсем собрались: уложили чемоданы, купили билеты на самолет, известили родных телеграммой, что выезжаем в Зырянову. Но... Срочный вызов. И, сдав билеты, Михаил Кузьмич тут же улетел служебным самолетом.

— Не грусти, — утешал он меня, а заодно и себя. — Мы обязательно поедем вместе, и не раз, в Зырянову. Война позади. Дети выросли. Одна забота — приурочить время отпусков. По пути завернем на Братскую ГЭС. Дома побродим вволю по тайге илимской. Воочию убедишься, как много в наших лесах ягод, грибов. Разноцветье трав какое! Но главное — рыбалка на Илиме!

...И приходило еще одно лето, и опадала листвой еще одна осень, а заветное путешествие все не удавалось. У Михаила Кузьмича не однажды была командировка в сибирском направлении, и он почти каждый раз хотя на небольшой срок, а заезжал в Зырянову. Один. Без меня.

Каждый год мы провожали на родину кого-либо из его братьев: пособить по хозяйству стареющей матери.

Регулярной была и «обратная связь». К нам в Москву часто наезжали и Мишины родные, и односельчане. Приезжая, они всякий раз говорили:

— Ждем вас в наших илимских краях земли иркутской. Очень ждем. Просим: всей семьей приезжайте, всех друзей приглашайте. Рады будем.

Михаил Кузьмич улыбался. Он-то хорошо знал радушие и гостеприимство своих земляков. Отвечал им:

— Ждите. На будущее лето обязательно нагрянем. Всей семьей и со всеми друзьями. Только держитесь! Детей-то у нас по былым деревенским масштабам немного, но друзей... Займем все зыряновские дома, а может быть, даже и Романову с Игнатьевой оккупируем.

Но вместе с Мишей и тем более с детьми побывать мне в Зыряновой не довелось. Не довелось познакомиться и с его отцом, Кузьмой Лаврентьевичем, умершим в 1935 году. Семейный архив не сохранил его фотографий. Деревенский фотограф-любитель запечатлел лишь самый скорбный момент из жизни семьи Янгелей: у гроба кормильца — плачущая мать, опечаленно глядящие дети, многочисленная родня.

Незадолго до смерти Кузьма Лаврентьевич приезжал

в Москву к сыновьям Александру, Константину, Михаилу. Хотел своими глазами убедиться: верно ли, правильно ли дети его живут. Погостил у них, полечился немного, подивился столичной сутолоке. И уехал домой. Вскоре после возвращения в Зырянову тяжело заболел и уже больше с постели не поднялся. Похоронили его на высоком берегу Илима со скромными, но от сердца идущими почестями.

Мать Миши, Анна Павловна, очень долго, несмотря на настойчивые уговоры детей, не решалась даже на короткий срок оставить дом и хозяйство: тяжела ей, старой, дальняя дорога, да и боязно как-то. О том, чтобы оставить насовсем Зырянову и поселиться в Москве, она и слышать не хотела, решительно заявляя:

— Никуда не поеду. Здесь всю жизнь и родители мои жили — Павел Степанович и Евдокия Осиповна. И родители моих родителей на этой земле крестьянствовали, в нее и легли. Куда я поеду? Как могилку Кузьмы Лаврентьевича брошу? Да и вообще не могу без тайги, без Илима. Ну а навестить, может, когда и решусь.

Я прилетела в эти суровые и дорогие края лишь в конце 1973 года. Одна, когда Михаила Кузьмича уже не стало.

Далекое его детство впервые взглянуло на меня просторами тайги через иллюминаторы Ту-104, выполнявшего рейс Москва — Братск. Потом, приблизившись, оно промелькнуло километрами проселочных дорог в запотевших окнах небольшого автобуса. На нем мы ехали из районного центра Железногорска-Илимского в совхозный поселок Березняки на открытие новой школы. Школы, которой было присвоено имя академика Янгеля.

Березняки. Таежный новый поселок. У «стен» его скоро-скоро заплещутся воды Усть-Илимского моря. И станут Березняки небольшим, но все же портовым городом. А пока нынешний поселок только набирает силу. Пустые, без стекол окна. Горы глины и песка, строительных материалов. Аккуратные железобетонные коробочки уже оформившихся, но еще не законченных домов. Готово только здание школы.

Как символично, что новые поселки и города у нас начинаются со школ, яслей, детских садов — с заботы о самом дорогом — детях. Плотными рядами стоят и малыши первоклассники, и почти совсем взрослые парни и девушки у готовых открыться в этот солнечный, безоблачный день дверей их школы, еще незнакомой, но уже такой

родной. Смотрят на нее гордо и влюбленно. После темных классов старой деревенской школы эта кажется им, наверное, сказочным дворцом. Светлые классы, хорошо оборудованные кабинеты, просторный спортивный зал... Позже, когда будет перерезана алая ленточка у входа, я увижу, как маленький мальчик тихонько заглянет в одну из открытых дверей. Осмотрев класс, он подойдет к новой парте, сядет за нее и нежно, чуть робко погладит рукой. И я пойму чувства этого малыша и тихонько прикрою дверь, боясь спугнуть счастливую улыбку на его лице с крапинками веснушек.

Долго будет звенеть в ушах первый звонок, приглашающий школьников и учителей на урок. Первый урок в школе, носящей отныне имя академика Янгеля.

Из Березняков поехали в Зырянову. И здесь-то детство Миши вплотную подошло, приблизилось ко мне. Живой картинкой прошлого глянуло из окон одряхлевшего, когда-то добротного, ладного деревенского дома, в котором долгие годы жила большая и согласная семья Янгелей.

Зырянова. Одна из сотен похожих друг на друга, разбросанных по сибирским просторам деревень. Дорога к ней ведет через тайгу. Круты спуски и подъемы. Могучие МАЗы, КрАЗы, трудяги здешних мест, волокут за собой связки хлыстов — «хворостин», каждая из которых в два, а то и в три обхвата. Везут лес на станцию Хребтовая магистрали Тайшет — Лена, ее продолжение — БАМ — магистраль семидесятых годов двадцатого века. С трудом разъезжаемся с машинами. И опять никого. Величественная тишина.

Извилинами бежит дорога. Тайга, вековая тайга вокруг. Перебрались на старом пароме через Илим-реку. Заяц, перебежав дорогу перед самым носом машины, резво скрылся в кустах. И вот за очередным дорожным поворотом внезапно, сразу — вся деревня, как на ладони. Доверчиво прижалась она к берегу спокойной и сильной таежной реки.

Долго я ждала этой встречи с тобой, Зырянова!

В середине улицы, единственной в деревне, бревенчатый дом. Пять окон с резными наличниками и полуоткрытыми ставнями глядят на прохожих, а остальные спрятались во дворе. Покосившийся забор. Осевшие на проржавелых петлях ворота. Ветхая, вросшая в землю банька во дворе... А около дома — одинокая, по-есенински грустная березка. Нежной зеленью листвы ласкает она

покрытую тесом крышу, а в сибирскую стужу стучит оголенными ветвями, будто хочет войти и погреться в тепле полюбившегося ей дома. Кроме этой березки, других деревьев на всей деревенской улице нет.

Завалинка у ворот. Присев на нее, всматриваюсь в очертания уходящих вдаль, потемневших от времени домов.

— Не смотрите на них с пристрастием, — говорит участник освобождения Праги, секретарь Нижнеилимского райкома партии Константин Семенович Калошин. Он приехал вместе с нами на открытие новой школы. Здесь, в Зыряновой, прошло когда-то и его босоногое детство. — Деревня умирает. Отжила свой срок. Часть домов перевезли уже в те места, что не будут затоплены. Часть пойдет за ветхостью на слом. Поэтому здесь давно уже не чинят крыш, не ремонтируют заборы...

Задумался немного и добавил мечтательно, с нотками сожаления в голосе:

— Скоро над этой улицей, над этой березкой, вон над той пашней и тем уходящим за Илим леском зашумит рукотворное Усть-Илимское море... Мы сейчас на его будущем дне. И останутся в памяти людей лишь воспоминания да рассказы о деревнях Зыряновой, Романовой, Игнатьевой...

— А дому Янгелей, — спрашиваю я, — тоже суждено уйти под воду?

— Нет. У него другая судьба. Вышло решение: доставить дом в Березняки и создать в нем музей. Вертолетом, наверное.

— Знаешь, — не раз говорил Михаил Кузьмич о вертолетах, — как нужны эти машины Сибири. И для доставки грузов, и для борьбы с пожарами. Нужны врачам и почтальонам. Но особенно их ценит таежный охотник. Ведь промысловики в охотугодьях Катанги живут в своих зимовьях месяцами. Машиной не добраться, а пешком до ближнего жилья и за неделю не дойдешь. Для них связь с внешним миром только вертолет.

Закрываю глаза и вижу словно наяву: летит над Зыряновой, рокоча моторами, «стрекоза». Проплывает под ней тайга со своими старыми кедрами, могучими лиственницами. И в воздушном океане, оторвавшись от столько лет державшей его земли, парит привязанный под «брюхом» вертолета старый деревенский дом. Дом, неожиданно превратившийся в музей. Дом, где когда-то родился и

рос один из многих деревенских мальчуганов, Минька Янгель... Не думал Миша, что и для такой цели может вдруг понадобиться вертолет.

...— А кто живет сейчас в доме Янгелей?

— Комбайнер с женой и двумя сыновьями-школьниками. Славные, сибирской закваски ребята.

Заходим внутрь дома. Приветливая, чуть грузная хозяйка щедро наполняет кружки теплым парным молоком, отрезает по большому ломтю хлеба, еще пахнущего особым, неповторимым запахом русской печи, угощает медом.

— Попейте нашего сибирского молочка, — говорит она нараспев, — у вас в Москве небось такого нет.

Валентина Кузьминична, младшая сестра Миши, тоже сегодня с нами. Мать троих дочерей, красивая и скромная, немногословная сибирячка, она так и осталась жить в родных краях. Муж ее, Степан Куприянович, заведует зверофермой в недавно выросшем на железнодорожной линии Хребтовая — Усть-Илимская поселке Новая Игирма. По здешним масштабам это совсем близко от Зыряновой — в какой-нибудь сотне километров.

Валя медленно идет по дому.

— Здесь в углу стол у нас стоял. Тут — диван деревянный. А мы, дети, спать любили на этой теплой печи.

Потом долго стоит на кухне у окна. Темные глаза влажнеют. Сколько добрых и давних воспоминаний вошло сейчас вместе с ней в этот дом!

И дом этот, и надворные постройки — дело рук Кузьмы Лаврентьевича. Помощниками ему были братья жены — Андрей и Степан Перфильевы. Пособляли как могли и ребятишки. А наличники на окна вырезал Андрей Поляков. Он и мебель мастерил: стол, диван, стулья. Сделал и зыбку из домотканой холщевины, в которой по очереди качались рождавшиеся один за другим дети. Сладко спал в ней когда-то и Минька.

Крестьянская жизнь приучает к труду с малолетства. Пособлять матери по хозяйству, помогать отцу по раскорчевке вековечных древесин, так называемых «чисток», под пашню, промышлять ельцов, сорогу, налимов, тайменей и прочую рыбу, грибы — маслята, рыжики, и ягоды — всей этой науке дети Кузьмы Лаврентьевича и Анны Павловны овладевали задолго до школьной скамьи. Обязанностью был и присмотр за младшими. Миша тоже освоил когда-то профессию няньки: вслед за ним, шестым по счету, мать родила еще шестерых.

— Жили мы небогато, — вспоминал впоследствии Михаил Кузьмич. — Худо было с одежонкой. От старших все, включая и полушубки, и «чирки» — кожаную обувку, и домотканые штаны с рубахами, переходило к младшим. А вообще все деревенские ребятишки лет до семи бегали в одних рубашонках до колен. Зимой в тридцати-сорокаградусные морозы катались с горок чуть ли не босые. Разгорячишься, холода и не чувствуешь. В школу километров за семь бегали до снега босиком.

Бугор на берегу Илима. Ожидая приезда сыновей, разъехавшихся потом в разные стороны из родного гнезда, Анна Павловна часто приходила сюда. Часами стояла над рекой и все смотрела и смотрела вдаль: не покажется ли там из-за поворота на долгожданной лодке и ее кровиночка... Добирались к матери из Иркутска до Заярской пристани пароходом по Ангаре, на телеге до Илимского острога, а потом уже лодкой или на плоту — по Илиму.

Ну а когда реки сковывал толстый панцирь льда, оставался лишь месячный санный путь. Но зимой сыновья приезжали редко...

...Туча мошки, называемой здесь гнусом, сплошным покровом облепляет ноги. Крохотные, страшно назойливые «истребители» лезут в нос, глаза, уши.

— Мошка — это страшное дело, — говорил Михаил Кузьмич. — В гражданскую войну беляки с ее помощью расправлялись с красноармейцами и партизанами. Привязывали обнаженных к дереву и оставляли на растерзание гнусу. Трудно придумать более ужасную пытку!

...Амбар во дворе дома. Высокая лестница ведет на сеновал.

— Сколько уж лет, как уехал из дома, — вспоминал Михаил Кузьмич, — все не забыть поры сенокоса. Косить я научился рано. Идешь утром по росе, широко размахивая острой как бритва косой. И так легко дышится! А потом в амбаре жадно вдыхаешь ароматнейший запах сена. Сибирь ведь так богата разными цветами да травами. И каким ярким ковром лежат летом на полянках лесных одуванчики, колокольчики, анютины глазки, кукушкины слезки!

...— Пройдусь вдоль деревни, — говорю я своим попутчикам.

Пыльная, немощеная улица. Она и центральный «проспект», и любимое место игры ребятишек, и живая ниточка связи между всеми домами.

Цветастый важный петух в окружении кур. Теленок у плетня, глядящий большими влажными глазами.

Тоненькие струйки дыма тянутся из труб и растворяются в сентябрьской прохладе неба. Иду и вспоминаю рассказ здешнего старожила Алексея Степановича Перетолчина, старейшего учителя, ныне пенсионера.

— Обычно собирались мы, ребятишки, у дома Янгелей. Миша крепко любил в городки играть. Рука у него была наметанная, глаз зоркий. По «дедушке на крыше», «бабушке в окошке» бил без промаха. «Письмо», коварную фигуру, всех ловчее распечатывал. Частенько уходили к речке Яре. Там грибов и ягод — навалом! Мишу ватага наша слушала, даже побаивалась маленько. Особо когда он в шутку начинал подражать строгому тону своего отца Кузьмы Лаврентьевича. Случалось и так: мы в «застукалочки» играем, а Минька сядет на траву и в книжку уткнется — не оторвешь.

Улица, улица... Такая пустынная, тихая, а когда-то звонкая, озорная. На ней играли ребятишки в бабки, лапту, любимые свои «застукалочки». А взрослые вечерами, усевшись на завалинках, пели задушевные песни.

И мне слышится, будто где-то вдали зачарованный хор-невидимка тихо, тонко выводит:

Под окном черемуха колышется,
Распуская лепестки свои.
За окном знакомый голос слышится.
И поют всю ночку соловьи...

Ветер, что ли, приглушает слова...

Песни здесь пели долгие, протяжные. После «Черемухи» — «Славное море, священный Байкал», а там — «По диким степям Забайкалья». Эта песня особенно нравилась Мише. Он рассказывал мне, как еще мальчуганом отчетливо видел бредущего с котомкой за плечами одинокого, царю неугодного илимского ссыльного, у которого никого не осталось на белом свете: ни жены, ни матери, ни детей. И было Миньке до слез жаль этого человека.

Песни России. Песни моей Родины. С чем сравнить их задушевную красоту?! Не русская ли ширь слышна в этих волжских и калужских, рязанских и илимских, воронежских и московских напевах?!

В нашей семье все очень любили песни. Без них не проходил ни один праздник, ни одна дружеская встреча.

— Если бы ты слышала, Ирина, — не раз вспоминал

Михаил Кузьмич, — как поют у нас на Илиме. Или это отголоски детства, но, поверь, прекраснее не слыхал я напевов, чем те, что звучат в сибирских краях. Поют у нас слаженно, стройно. И столько в песнях этих душевности, столько чувства, что заполняют они всего тебя и рождают в груди необычайное по силе своей волнение.

И он затягивал одну из песен. А мы с детьми тихонечко ему подпевали.

Да, хорошие песни пели на Илиме.

Незаметно подкрались сумерки. И ожили тени далекого прошлого. В этом краю сохранились лишь его отголоски. Оно, прошлое, живет в умирающих бревенчатых домах, в покосившихся завалинках деревни Зыряновой.

Сибирь, Сибирь! Прекрасный край страны моей! Как тесно переплелись в ней сегодня ее прошлое, настоящее и будущее. И разве не рассказывает так образно, так увлекательно об этой связи времен красавица Ангара!

Могучая артерия Сибири. «Верхней Тунгуской» называли когда-то Ангару местные жители. Рожденная в водах Байкала, она стала в нашей жизни подлинной «жемчужиной энергетики».

Много веков славилась эта река своими Падунскими порогами. Именно здесь воздвигли в начале семнадцатого века атаман Максим Перфильев и его казаки-первопроходцы небольшой острог. Может быть, потомки атамана живут сейчас в Зыряновой? Ведь здесь, да и в ближайших деревнях, всё Перфильевы да Перетолчины. И сама Анна Павловна Янгель, до замужества Перфильева, не тех ли атаманских кровей?!

Долгое время Енисей да Ангара были важнейшими водными путями, связывали Европейскую Русь с ее восточными землями. Тяжел и опасен был путь по порожистой и быстрой Ангаре. Но с особым грохотом бежала она в стремнине скалистого Падунского ущелья. Ширина — восемьсот метров. И на двух берегах, словно два брата, два утеса. На одном берегу Пурсей, на другом — Журавлиная грудь. Названия-то какие красивые!

Михаил Кузьмич тоже бывал здесь, и не раз. Внимательно следил за строительством Ангарского каскада. Последний раз приезжал в Братск, когда строители готовились к пуску первого агрегата.

— Какой размах! — восторженно говорил он, вернув-

шись домой. — Какое грандиозное и впечатляющее зрелище! Вот оно, воплощение ленинской мечты. Я стоял у плотины и все смотрел на воды Ангары. Сколько раз я плыл по этой реке на пароходе! Стоял и думал: «Могучая ты река, Ангара! Но еще сильнее тебя люди, создавшие на берегах твоих «восьмое чудо света» — Братскую ГЭС!»

Богатый и красивый край! Как необыкновенна здесь, в этих местах, весна. О ней так много рассказывал мне муж.

— Я с детства любил весну и страстно ждал ее наступления, — говорил он, припоминая такую давнюю и по-прежнему бесконечно близкую картину пробуждения тайги. — Первым у нас зацветает багульник. Ты никогда не видала подобных цветов! Удивительно яркие, бордово-красные. Ранней весной они словно просвечивают сквозь еще не стаявший снег. А какой пьянящий аромат! Вслед за багульником расцветают подснежники. Они действительно растут почти на снегу. Ну а потом черемуха. А пение птиц?! Тайга — многоголосый, дружный и звонкий хор. Лесной оркестр слушаешь часами. Лежишь в траве, не смея шевельнуться: вдруг спугнешь... Я бы наших композиторов почаще посылал в тайгу в командировку и особенно весной. Есть чему поучиться у лесных певчих.

И он вновь, возвращаясь к цветам, рассказывал о саранке.

— В лесу она ярко-красная, а там, где темно и сыро, становится фиолетовой. Удивительно красиво, не знаешь, с чем и сравнить.

Здесь, в Сибири, вновь и вновь оживает в моей памяти чуть глуховатый голос Михаила Кузьмича.

...Вихрастое Минькино детство! Как четко представляю я его сейчас!

Шустро, чуть не бегом удаляется в глубь тайги мальчишка с корзинкой, заглядывает под кусты, осторожно раздвигает палкой густую траву. Особенно любит он собирать рыжики. В Сибири их обычно солят на зиму, но часто мать поджаривала с картошкой, притомив в русской печи.

Ходит Минька и по ягоды. В погребе стоит сундук специально для брусники. Ведер этак на сорок. Чтобы заполнить его до краев, хоть брусники в округе и много, потрудиться надо на совесть.

Но, пожалуй, больше всего он любит рыбалить.

К этому его, как и других детей, пристрастила мать. Часто уходил с ней Минька на лодке и до рассвета, и к вечерней зорьке. Анна Павловна — на веслах, а сын — на носу с самодельными удочками в руках.

Рыбы в Илиме и его притоках было много: и линок, и хариус, и елец. А в устье Илима, в Ангаре — стерлядка. На перекатах можно взять и налима и тайменя.

— Таймень, — говорит мать, — всем рыбам рыба.

Дома Минька мастерит замысловатую снасть. Мать смотрит, покачивает головой: лобастый, опять что-то новое задумал.

А знаете ли вы, как раньше «лучили» в Сибири рыбу?!

В наступающей ночи медленно скользит по воде лодка. На носу — «коза» — железная подставка со смольем — поленьями из просохших пней. Яркий огонь ослепляет уже задремавшую рыбу. И она зачарованно замирает. Тут-то и настигает ее острога.

— Добычливо получили, — устало улыбается Кузьма Лаврентьевич, держа обеими руками объемистую корзину с еще трепещущей рыбой. — И уха будет знатная, и на зиму повялим.

По субботам деревенские ребята отправляются в ночное. Минька рысцой едет на любимце всей семьи — коне Ваньке, похлопывает его по теплой шее. Над головой звездное небо, и тишина, таежная тишина вокруг.

В отсветах костра зябко колеблются причудливые тени. Стреноженные лошади не спеша жуют сочную прибрежную траву. Свежо...

Ребята тянутся к огню: кто прилег, кто сидит на корточках. Рассказывают по кругу разные истории, одна другой страшнее: про разбойников, зверей диких... Просят и Миньку. Он охотно откликается. Память у него редкая: все прочитанное помнит до мелочей. Его слушают не перебивая.

Потрескивает костер, улетают в темноту искра за искрой. Порой вскрикнет где-то утка, подаст голос и болтливая лягушка. И опять тишина.

Минька разгребает золу, кидает в нее взятую из дома картошку и, расстелив на земле старую кофту матери, ложится. Долго вглядывается в небо, усыпанное тысячами звезд. Сосчитать бы их... И тут незаметно подкрадывается сон.

... — Радикулит тяжелый, Михаил Кузьмич! Вы никогда не застужались в детстве?

Янгель, вспомнив, расскажет врачу, как двенадцатилетним пареньком задремал однажды в ночном на «сендухе» — логове из травы — сена с пихтовыми ветками. А под утро домотканая куртка примерзла к покрытой инеем земле. Ни рукой, ни ногой шевельнуть не мог. Еле его ребята до дома довезли. Дней десять пролежал он на печи, не в силах разогнуть спину. Мать поила его травами, растирала медвежьим салом, прикладывала к пояснице горячий песок. Выходила: распрямился Минька.

Годы прошли. Случай этот и позабылся. А потом болезнь вернулась вновь, стала его постоянной спутницей.

...Тепло, уютно пыхтит самовар. В небольшой «семейной» миске, только что вынутой из печи, вкусно дымится похлебка.

Дети рассаживаются по лавкам. Есть почему-то хочется всегда, и даже очень хочется. Все смотрят на отца и ждут сигнала. А он не торопясь помешивает в миске ложкой. Слегка, еще не пробуя, присаливает: у матери обычно недосол. Крестьянская привычка — экономить соль.

Но вот и команда. У детей уже наготове по ломтю хлеба. Дружно замелькали ложки: одна, другая, третья... Отец следит, чтобы кто до времени не выловил «нечаянно» кусочек мяса: до особого сигнала зачерпывать мясо из миски не положено. Нет-нет, а кто-то норовит схитрить и тут же получает деревянной ложкой по лбу. Пожалуй, Миньке попадает чаще всех. Отец постукивает ею чувствительно, но незлобиво и при этом тихо, незаметно улыбается: шустрый в еде и работником будет проворным.

Минька к тому же и башковитый. Книгу любит. Учителя о нем похвально отзываются: соображает, все хватает на лету.

— Надо, мать, его и далее учить, — все убежденнее повторяет Кузьма Лаврентьевич. — Котя, может, и способнее, но у Миньки характера, упорства больше. Глядишь, в учителя выйдет.

Труд таежного охотника нелегок. Основательно подготовившись, мужики уходят в лес на долгий срок. Столько верст исходят по чащобам, что не счесть.

Охота у илимчан сызмальства в крови. Оно понятно: тайга кругом, и зверья в ней полно.

Александр Кузьмич, вспоминая о детстве, рассказывал:

— Отец все больше в районе реки Куты охотился. Это в верстах ста от Зыряновой. Избушку там себе поставил, нары сколотил, печку-каменку наладил.

По началу осени охотники следят за белкой: какие она нынче орехи выбрала, какие бьет шишки — сосновые или кедровые. Берет она всегда те, что полнее.

В кедраче охота потяжелее. В густых ветвях не сразу зверька приметишь. Помогает охотнику «стукач».

— Я еще подростком стал с отцом промышлять белку, — вспоминал Александр Кузьмич. — «Стукачом» у него был. Стучишь по дереву, белка и обнаружится. Начнет свой бег по деревьям, тут отец и берет ее на мушку... Меткий стрелок был. Другие охотники за сезон сотни полторы шкурок принесут, не более. А он по две-три сотни. Меньше не приносил.

...Зимние ночи в деревне тоскливы. Время тянется медленно. Слабый свет лучины. Дрожит тоненький язычок свечки в углу у иконы. Ребятишки, набегавшись за день, давно уже спят. Только Миньке не спится. Слушает, как за стеной тревожно воет ветер. Отец уже давно живет в зимовье. Бьет белку, соболя, а быть может, повстречался и с волками... Уже вернулись из тайги дядьки — Иван да Петр, а отца все нет.

— Что-то долго нынче нет Кузьмы Лаврентьевича, — качают головой мужики. — Может, с богатой добычей вернется, а может... Стужа-то вон какая ныне! Птицы камнем на зёмлю падают...

И смотрят тяжело, тревожно в глаза матери.

— Пошто меня с ребятишками стращаете? — говорит она с укором. — Привиделось мне ночью этой, что Кузьма Лаврентьевич в окошко стукнул. Выходит, скоро и будет. Будет скоро...

И, став перед иконой, быстро крестится. А в ночь, набросив на плечи платок, выходит на крыльцо. И что-то шепчет, вглядываясь в темноту: то ли богу молитву читает, то ли со своим Кузьмой разговор ведет.

— Ты что, мама? — выскакивает Минька вслед за ней. — Простынешь ведь... Промерзнешь...

— Пошто встал?! Я к ветру вышла... Об отце спросить...

«И я завтра с ветром в лесу поговорю, — думает Минька, засыпая. — Попрошу, чтобы отец поскорее вернулся... Попрошу...»

Проходит день-другой. Наконец-то! Обветренный, за-

росший Кузьма Лаврентьевич распахивает дверь своей избы. Вся ватага ребятишек бросается к нему. Виснут, забрасывают вопросами. Анна Павловна ласково смотрит: соскучились. Любят крепко отца.

...Участок под пашню выбрал Кузьма Лаврентьевич верстах в семи от дома. На склоне холма, возвышающегося над Ярой. Могучие лиственницы, росшие там густо, не отпугнули его. Знал: хоть тяжело будет рубить деревья и корчевать толстые пни, зато земля в таких местах всегда отменная.

Не один год отвоевывал он у тайги свое поле. Но как потом радовался, глядя на высокую рожь, сочную коноплю. Добрый снимал урожай.

— Ишь «Кузьмина загородка» какая стала! — кивали головой проходившие в лес мужики. Так этот участок и прозвали.

Дети помогали отцу. Сначала старшие — Александр и Константин, потом и Николай с Минькой.

У Кузьмы Лаврентьевича была своя школа трудового воспитания детей, своя особая на этот счет наука.

— А ну, кто больше сучьев и кореньев перенесет с той полянки в лес? Чье копье подалее улетит? — быстро затевал он состязание. И ребятня охотно принимала вызов. Так, играя, янгелята расчищали «чистку» — место для пашни. В Сибири это труд нелегкий.

— Отец был строг, но очень справедлив, — рассказывал Михаил. — Нас не баловал, приучал к самостоятельности, уменью постоять за себя. Мне еще и семи лет не было. Послал он меня как-то на дальний отгон за лошадью. «Только смотри, — предупредил, — на воле нрав у нее крутой. Испугаешься, побежишь — затопчет насмерть». Добрался я до места и по совету отца крикнул в голос, засвистел, закрутил над головой уздечкой. Гляжу: храпящая кобыла прямиком на меня летит. Зажмурился от страха, но сам ни с места: «побежишь — затопчет». Когда открыл глаза, она, присмиревшая, в двух шагах от меня стоит... Да, любил отец задавать нам такие уроки. На всю жизнь запомнились. И тяжело было, и страшно. Но я ему за это только благодарен.

— Неужели никогда вам от него не попадало?

— Как не попадало?! Но всегда за дело. Больше всего отец жалобщиков не любил. Слушать не хотел, если кто на кого наговаривать начинал. А мне один раз от него крепко досталось. Играли мы на улице в лапту. И я, вой-

дя в азарт, нечаянно окно разбил — слюдянку. Отец в это время у кого-то из мужиков был. Я — к матери, она меня — к отцу. Разыскал его. «Ты что, сынок?» — «В лапту играли. Разбил слюдянку нечаянно». — «Ну, иди. Скоро приду — разберусь». А дома молча снял ремень и выпорол: достать слюдянку тогда было тяжело. Побил и говорит: «Вот что я тебе, сынок, кажу. Играть с ребятами играй, но головы в игре не теряй. А на ремень не обижайся. Злее будешь, запомнишь мои уроки».

Кузьма Лаврентьевич стремился во всем помогать жене: воды ли с речки принести, с детьми повозиться. А приболеет его Нюша, то и сам обед сготовит. Все у него в руках ладилось. Мужики поначалу осуждали соседа, посмеивались над ним: «Ишь хохол выкаблучивает. Баба должна сама по хозяйству управляться. Не мужицкое это дело».

Но постепенно стали мужики и сами брать пример с Кузьмы: «наглядная агитация» пошла на пользу. Относились к нему в деревне с уважением: рассудительный, трудолюбивый, справедливый. Часто шли и за советом, а то и за помощью. Ростом был он не очень велик, но силы необыкновенной.

— Скорее, Кузьма Лаврентьевич! Опять братья дерутся, — прибегает в дом Янгелей соседка. — Разними, богом тебя прошу.

— Сейчас приду, не голоси, — поднимается Кузьма Лаврентьевич и идет к сцепившимся братьям. В драку не встревает, а говорит строго и вразумительно:

— Отпусти брата, Федор, а не то ударю, тряхану тебя как следует.

И Федор отпускает. Угроза отрезвляет: кто хоть раз испробовал на себе тяжесть кулака Кузьмы, повторения не захочет.

Был однажды случай. Крепко подвыпивший односельчанин схватил в руки кол и пошел бушевать по деревне. Все врассыпную по домам. Быть бы беде, не вмешайся Кузьма: видя, что словами не справиться, ухватил за грудки, приподнял да и повесил буяна на крюк, вбитый в стену дома. Тот повисел, повисел и взмолился: «Отпусти. Вовек такого не повторю».

Пошли как-то зимой мужики на медведя. Выманили из берлоги, уложили выстрелом в упор. Присели покурить, а тут второй медведь перед ними вырос. Не уследили охотники, что двое мишек в берлоге зазимовали.

Растерялись все — ружья хватать уже поздно. И тут Кузьма изловчился, вскочил мишке на спину, крепко ухватил за оба уха. Кричит: «Что медлите?! Стреляйте, пока держу...»

Вернулись с охоты с двумя шкурами. Одну мужики без спора Кузьме отдали. Он ее — детям: играйте! Отец, мол, поездил на этом медведе, теперь ваш черед... Миша вспоминал потом: хорошая была шкура, теплая.

Любили Кузьму Янгеля и коренные жители тайги — тунгусы, часто встречавшиеся с ним на охотничьих тропах. Всегда Кузьма Лаврентьевич готов был поделиться с ними махрой, щепоткой соли и даже патронами. Еще лечить умел: травами, кореньями, отварами.

— Хороший был человек Кузьма, — говорили тунгусы. — Жаль, рано из жизни ушел.

И, встречая в тайге кого-либо из сыновей своего старого друга, приветствовали не иначе как: «Здравствуй, сын Кузьмы».

Кузьма Лаврентьевич, хотя и прожил жизнь неграмотным, умел толково объяснять мужикам «политическую линию», суть зарождавшегося в деревне коллективного хозяйства.

— Делать надо все с умом, — пояснял он. — К примеру, чтобы березовую дугу согнуть, надо прежде всего хорошо распарить дрын. И с коммуной так, кажу я. Сначала все сообща обмозговать о ее основе, понять, чем хороша коммуна. Тогда и будет она крепкой, надежной, как дуга. Выдержит наши пятидесятиградусные морозы зимой и тридцатиградусную жару летом.

Сельскохозяйственная коммуна «Труд» была организована в Зыряновой осенью 1933 года. Кузьма Лаврентьевич вступил в нее одним из первых, привел с собой коня Ваньку, долго и верно служившего семье.

— Не горюй, мать, — сказал жене. — Другая жизнь затевается, коллективная. Значит, не свое, а общее добро прежде всего жалеть надо.

В коммуне «хохол» стал конюхом. Лошадей любил: и кормить умел, и ухаживать. Только сокрушался порой, что не знает «всей науки», потому как в книгах не силен.

Страстным желанием Кузьмы Лаврентьевича и Анны Павловны было научить своих детей «уму-разуму», грамоте. Жизнь сложилась у самих нелегкая. Учиться было негде, да и не на что. Потому-то и остались они неграмотными.

Отца Кузьмы Лаврентьевича в 80-х годах прошлого века выслали с Украины в Илимский край на вечное поселение. Приехал сначала один. Потом за ссыльным мужем последовала жена с двумя дочерьми и два сына от первого брака: Леонтий с Кузьмой.

В Зыряновой познакомился Кузьма Янгель с Нюшей Перфильевой и вскоре обвенчался в Нижнеилимской церкви. Через год решили молодые податься на заработки в Бодайбо.

На золотых приисках он работал в забое. Она стирала белье и готовила рабочим обед. Здесь у них родился первый сын, не проживший и года. Когда родился второй — Александр, вернулись в Зырянову, где жили братья Анны Павловны.

Один за другим пошли дети. Александр, старший в семье, был первым помощником отцу по хозяйству. В Зыряновой закончил начальную школу. В 1919 году шестнадцатилетним пареньком ушел в партизаны воевать с колчаковцами.

Поначалу к партизанам хотел уйти отец, но потом передумал: хозяин он более опытный, а в меткости стрельбы сын ему не уступал. Так и порешили, что надо идти Александру.

После партизанского отряда — Иркутская военно-пехотная школа. Был от иркутской комсомолии делегатом I сибконференции РКСМ, проходившей в Новониколаевске, теперешнем Новосибирске. А затем вся жизнь его уже была связана с армией: от курсанта военной школы Александр прошел путь до генерал-майора. Был начальником штаба дивизии войск НКВД в Ленинграде и всю войну, начиная с ее первого дня, не покидал этого города. Как участник Великой Отечественной войны, Александр Кузьмич был награжден многими орденами и медалями.

Следующим за Александром был Константин. Одаренный, он был любимцем матери, гордостью отца. Из школы приносил оценки «весьма хорошо». Жизнерадостный и остроумный, покоритель многих девичьих сердец, Константин первым из зыряновских парней поступил учиться в высшее учебное заведение Москвы: стал студентом Горной академии. Уезжая из Сибири, он оставил там, на родине, Дусю, свою первую любовь, и крошечную, забавную дочурку Шурочку. «Неисправимый романтик», он в поисках «цели жизни» уехал затем из Москвы учиться в Дальневосточный университет города Владиво-

стока. Плавал на кораблях, побывал в Японии, работал начальником продовольственной базы на строительстве Чуйского тракта. А затем обосновался в шахтерском городе Ленинске-Кузнецком. Работал вначале начальником экспедиции на угольной шахте имени С. М. Кирова. Потом стал учителем географии в школе.

Миша очень любил Константина, который был старше его на целых шесть лет. Впоследствии трагический излом в судьбе старшего брата отложил, и немалый, отпечаток на судьбу Михаила.

В 1907 году в семье Янгелей появилась дочь Надежда. Она рано вышла замуж и умерла, оставив двух детей. Жили они с родней отца в соседней деревне. Кузьма Лаврентьевич раздумывал недолго: запряг лошадь и с согласия жены поехал за малышами.

Анна Павловна провозилась с внуками всю ночь: мыла, стирала, глядя, как плачет в углу их отец. Наутро он уехал, сказав, что договорился сплавлять лес на реке. И больше не объявлялся. А дети стали звать деда и бабку отцом и матерью. Стала семья Янгелей еще больше.

Следующим за Надеждой был Николай. Он рано ушел из родительского дома, доставив отцу и матери немало волнений и трудных минут: взял и увез из Зыряновой невесту друга. Поехал с ней прямо в тайгу — в зимовье. Кузьма Лаврентьевич не захотел скандала. Мужики потом шутили: «Пришлось Кузьме Лаврентьевичу откупаться не одной четвертью самодельной водки. Из Илима, что ли, брал?» Николай уехал вскоре на Дальний Восток. Там в армии дослужился до полковника. Умер в 1962 году.

Шестым родился Михаил. Потом дочери — Галина, Елена, два сына — Павел и Георгий, еще дочь Валентина и, наконец, последний — Яков. Уже в 1926 году.

У каждого из детей своя судьба, но все они дороги сердцу матери.

...Мать моего мужа. Анна Павловна... С маленькой любительской фотографии смотрит, слегка прищурясь, старая женщина. Глубокие морщины покрыли ее лицо, но глаза удивительно молодые и очень добрые.

Вот мы и встретились с ней в Москве в 1962 году. Много знали друг о друге из писем, рассказов. Я отправляла своей свекрови в Зырянову резиновые сапоги, байковые рубашки, отрезы на платья, чулки, чай, пастилу и мармелад. От Анны Павловны приходили посылки из Сибири с кедровыми орехами, вяленой рыбой, которую она

сама ловила и вялила, с брусничным вареньем — его очень любил Михаил Кузьмич.

...Она вошла в переднюю московской квартиры и сразу заметалась, как птица в клетке.

— Ох, Аришенька! А машин-то у вас на улицах сколько! И куда они все едут, куда так спешат? Страх какой! Теснота-то у вас здесь какая!

Подошла к двери, подергала за ручку, сердито покосилась на замки.

— Пошто дверь-то закрыла на запоры эти? Открыть надо. У нас в Зыряновой к этому не привыкли.

— Чужие могут войти, мама. Нельзя у нас дверь открытой держать.

— А почему не зайти, если надо? Пусть заходят!

— А если не надо?

Посмотрела сурово:

— А ты, моя, со мной не шути. Дверь запрете — в доме спать не буду.

И долго качала головой, вздыхала, слушая объяснения Миши по этому непонятному для нее вопросу.

Поразил телевизор. Их в Сибири в то время еще не было.

— Так не бывает, — сказала решительно и убежденно. — Не бывает так, чтобы они в другом городе сейчас, а мы в этом. И на нас смотрят, да еще разговоры ведут.

Тут переубедить мы ее не смогли.

Но самый тяжелый удар, связанный с «новой техникой», нанес ей внук.

— Скажи, бабушка, сколько у тебя было детей и сколько внуков. Сосчитай, пожалуйста.

— Детей было сколько, говоришь?

И зашептала, припоминая:

— Шурка да Котя... Николай да Минька... Еще Надежда с Галиной... Яков последним был...

Перечислив детей, перешла на внуков:

— У Коти три да еще его Шурка... У Миши двое вас да у Георгия четверо...

После долгих подсчетов определила, что детей было двенадцать, а внуков на сегодня уже за двадцать...

Но главное было впереди. Саша, потихоньку записавший разговор на пленку, включил магнитофон на полную громкость.

— Детей было сколько, говоришь?.. Шурка да Котя... Николай да Минька, — зазвучали ее слова.

Анна Павловна просто остолбенела.

— Да что же это такое?! Пошто так над бабкой шутишь?! Это кто же меня так попугайничает?! Закрой ящик этот, Сашенька, милай! Срам-то какой!

...Врачи — терапевты, хирурги, невропатологи — долго и внимательно смотрели, выслушивали необычную пациентку. Снимали кардиограммы, назначили всевозможные анализы. Качали головами:

— Сколько вам лет, Анна Павловна?

— Восемьдесят три годка минуло.

— И все работаете?

— А как иначе? Хозяйство-то большое. И дом и огород. По ягоду бегаю, на Илиме рыбачу. Как это можно жить и не работать? Руки-то на чо человеку?

Врачи еще раз выслушали ее, осмотрели, посоветовались. Сказали Михаилу Кузьмичу:

— Такого изношенного организма давно не встречали, но и такой жизненной силы — тоже. Как она еще работает? Печень больная, кардиограмма — никуда, легкие как испорченные мехи, сама как пушиночка. Надо лечить. И серьезно. В больницу, потом — в хороший санаторий.

— Делайте все, что надо. В больницу значит в больницу. Лишь бы покрепче поставить маму на ноги.

И он ласково обнял мать.

— А насчет работы... Она сказала вам, что крестьянка. Привыкла всю жизнь трудиться от рассвета до темна. Так, наверное, и будет до последнего дня. Верно, мама?

— Верно, сынок.

Анна Павловна посмотрела чуть сурово на врачей.

— Верно. Без дела не смогу. А насчет больницы и санаториев ваших... Никуда не лягу. Не в больницу ехала. У нас в Сибири вон сколько их пооткрывали. К детям своим приехала. Погощу немного — и домой. Вот так.

Вечером, сидя в кругу родных, еще раз сказала:

— Вы меня больше и не просите. Насовсем здесь не останусь. И в больницу, как сказала, ложиться не буду. Разве лекарств столичных маленько попью. А там повидаю Шуру, Павлика. И поедем с Валей в Зырянову. Душно здесь, да и к городской жизни привыкнуть не могу. И Илим свой, и тайгу страсть как люблю. Да и могилка Кузьмы Лаврентьевича без меня уже скучает. — Задумалась, а потом лукаво улыбнулась: — Старики-то наши от ожидания, чай, помирают. Буду им о чудесах

ваших рассказывать. Одно дело дети говорят, другое — мы, старые. Ай не поверят мне про все? Скажут — в такие годы и выдумщицей стала?! — И, взяв меня за руку, по-свойски попросила: — А ты, Аришенька, мне в дорогу пастилы и мармелада поболе возьми. Угощу своих деревенских. Зубов-то у многих, как и у меня, давно нет. А сладости, вот те хрест, старики все любят...

В тот надолго запомнившийся вечер Анна Павловна была необычно оживлена. С гордостью то и дело поглядывала на Мишу: не у всякой матери сын с двумя звездами на груди, да еще академик. И все возвращалась к рассказу о своей дороге в Москву: подумать, по самому небу летела.

— А как сели мы с Валей в этот большой самолет, — говорила она, заполненная до краев необычностью совершенного ею путешествия, — вышел самый главный из летчиков. Встал прямо против нас и стал говорить громко, чтобы в гуле том все услышали. Летит, говорит, с нами одна женщина. В первый раз. Детей у нее двенадцать, и лет ей уже за восемьдесят. Летит, говорит, к знатному сыну — академику, дважды Герою... И чувствует себя в полете нашем прилично, даже хорошо...

Мне-то сначала невдомек, — продолжала она, — что это он про меня разговор свой ведет. А Валя меня в бок толкает. Летчик тут подходит близко и говорит: «От меня и от экипажа нашего, а также от пассажиров всех вам, мамаша, низкий поклон. За всю вашу жизнь спасибо. И в знак уважения руку разрешите сердечно пожать». Тут только сообразила, что он про меня всем рассказывал... И кто, думаю, успел в небе всему этому его научить?!. А руку мне вот так протянул...

И мозолистая сухонькая рука затрепетала над белой скатертью стола.

— А еще мне сон приснился. Вроде лечу не на самолете, а на этой самой Минькиной ракете. И свистит все кругом, и огонь такой... Шумит, словно тайга в ненастье. А я сижу себе, и ничуть-то мне не страшно. Ни капельки... К чему бы это, Миша? А? Может, ты меня всерьез в космонавты записать надумал?!

И с материнской нежностью смотрит и смотрит на сына.

В гостях в Москве Анна Павловна пробыла около месяца. Дней десять за этот срок прожила в доме отдыха вместе с Валей. И подлечилась немного: внучка Шуроч-

ка ей помогла. Крестьянская девочка, выросшая в Сибири, стала врачом-эндокринологом.

— У меня под окнами бегала, а теперь академиков лечит, — говорила Анна Павловна, с гордостью поглядывая на внучку. — Это я дома всем расскажу. Вон ведь какая стала.

Однажды утром Анна Павловна сказала:

— Загостилась у вас. Домой мне пора. Собирайся, Валентина. Поедем, доча, домой. Доживать свой век буду в Зыряновой.

На аэродроме в Домодедове села в ожидании отлета прямо на зеленую траву поля. Подошедшему к ней дежурному сказала:

— Ты меня, сынок, на скамейку не зови. Из Сибири я. На земле выросла и землю люблю. А на скамейку сажай своих — городских.

Поцеловала всех провожавших ее, перекрестила и заплакала. Прощаясь со мной, сказала:

— Рада была повидать тебя, Аришенька. И детей твоих тоже. Приезжай теперь ты ко мне. В тайгу сходим, рыбу половим. Только крючков рыболовных захвати поболее. У нас их не достать.

...Взлетел и ушел в зааэродромные дали лайнер Ил-18, на котором улетела домой, в Сибирь, Анна Павловна.

По приезде она подробно рассказала односельчанам о своей поездке в Москву. Похвалилась Минькой, успехами других сыновей, ладными внуками. Щедро угостила всех деревенских пастилой и мармеладом.

А в один из дней сентября пошла с туеском за плечами в тайгу по ягоды. Попила холодной воды из ручья и застудилась. Двустороннее воспаление легких — поставил диагноз местный фельдшер.

В ноябре 1962 года Анна Павловна умерла. На похороны приехали все ее дети. Отдать последний сыновний долг прилетел и Минька, которым она так гордилась и который нежно и заботливо ее любил.

Начальная Зыряновская трехклассная школа. В ней-то восьмилетним мальчиком и начал учиться в 1919 году будущий академик. Образ первого школьного учителя Ивана Константиновича Перфильева он пронес в своем сердце через долгие-долгие годы. На пороге своего шестидесятилетия он скажет комсомольцам своего конструкторского бюро:

— Вы спрашиваете о встречах с наиболее запомнившимися людьми детства. Я отвечу, наверное, так, как ответили бы на этот вопрос тысячи людей. И первым назову моего первого школьного учителя. Это он открыл передо мной первую страницу букваря и три года терпеливо учил грамоте. Я помню как сейчас его неторопливую речь, вижу его умные глаза... Нелегко вложить в руку ребенка ученическое перо, но еще сложнее зажечь в нем искорку любви к знаниям и повседневному труду.

После окончания Зыряновской школы Миша Янгель поселился у своей бабушки в Нижнеилимске и 27 октября 1922 года стал учеником четвертого класса семилетней школы. Осталась запись в протоколе за номером 14 заседания школьного совета.

«Слушали: а) заведующего Училищем Косыгина С. И., что 13 сентября н. ст. были произведены испытания для поступающих в IV класс по русскому языку и арифметике.

Постановили: а) считать учащимися IV класса следующих принятых лиц:
1) Бутакова Демида, 2) Карнаухова Степана, 3) Колмыкова Николая... 12) Черных Геннадия, 13) Янгель Михаила».

В прилагаемом к протоколу расписании перечислены предметы: русский язык, арифметика, история, зоология, рисование. В школьные занятия вводится также для всех без исключения классов знакомство с секретарством сельсовета и волисполкома, развитие политико-исторических навыков, выработка воспитательных мер воздействия.

Сохранившиеся по сей день протоколы заседаний сначала «Училищного Совета», потом «Педагогического Совета Нижнеилимского высшего начального Училища», и, наконец, «Школьного Совета Нижнеилимской школы второй ступени» велись с января 1918 года, то есть практически с первых дней установления Советской власти. За скупыми записями о доходах и расходах, ремонте зданий и приеме учеников, экзаменах и переэкзаменовках — история жизни школы, открытой в Нижнеилимске еще в 1901 году.

Когда тебе в руки попадают документы первых лет Советской власти, испытываешь невольное волнение. Так все начиналось...

Чем жила школа? Какие возникали тогда проблемы?

Протокол номер один. «На содержание сторожа

420 руб. На содержание мытницы 64 руб. Канцелярские расходы 60 руб. Пополнение учительской библиотеки 50 руб. Для учеников отпущено 150 руб.».

Какое меткое слово — «мытница». Женщина, моющая каждый день полы во всех десяти школьных комнатах с восемью голландскими печами и одной русской, да плюс баня и две комнаты с еще двумя печками...

Школьный совет выносит решение: «Отметки заменить двумя словами: «удовлетворительно» и «неудовлетворительно»; балл по поведению отменить, отдав преимущество нравственному воздействию».

Год 1919-й. Худо с учебниками. Учителя вместе с учениками подклеивают истрепанные страницы «Собрания арифметических задач» Малинина, «Курса истории и теории русской словесности» Семенова, учебника по географии Иванова. Просит и законоучитель похлопотать о приобретении новых книг: «Записки по предмету Закона божия» Лаврова и «Краткую церковную историю» Александра Рудакова.

Программа для каждого класса обширна, а укладываться надо в сжатые сроки: крестьянские дети в страдную пору помогают родителям.

Педсовет выносит решение: «Начать занятия 15 сентября н. ст. и закончить 1-го мая н. ст., так как ранее начать занятия не представляется возможным благодаря участию большинства учащихся (95%) в окончании полевых работ, а заканчивать год позднее чем 1-го мая н. ст. будет далеко не продуктивно, так как значительный процент учащихся, особенно первых трех классов, оставляет Училище из-за весеннего дроворуба, что ежегодно наблюдается с 23—25 апреля н. ст., и чем далее, тем более становится количество выбывших».

И далее:

«В текущем году Совет постановил закончить учебные занятия 11 апреля, так как на Страстной неделе учащиеся будут говеть, а продолжать занятия систематически после Пасхи нельзя, во-первых, потому, что учащиеся из дальних сел и деревень не могут придти в Училище из-за весенней распутицы и разлития рек (большинство дорог по берегу Илима), а во-вторых, после, самое большое, недели занятий и ближайшие по местожительству учащиеся будут уходить на дроворуб».

В деревнях семьи, как правило, многодетные. В школе учатся далеко не все ребятишки. В начале 1920 года на-

считывается всего лишь 120 учеников. А тут еще беда — эпидемия брюшного и сыпного тифа.

15 апреля 1920 года в протоколе появляется запись:

«Ознакомившись с отношением заведующего Нижнеилимской лечебницей о необходимости прекратить учебные занятия ввиду повального распространения эпидемии брюшного и сыпного тифа, Педагогический Совет, считаясь со многими фактами заболевания тифом среди учащихся, постановил: занятия прекратить с 6-го апреля н. ст. и считать 1919/20 учебный год оконченным».

И еще одно решение принимается в эти дни:

«В настоящем заседании Педагогический Совет, считаясь с фактом удаления из школ Закона Божьего, постановил исключить из училищного инвентаря все учебники Закона Божьего».

Главное лицо в школе Семен Иванович Косыгин. Должность председателя школьного совета он принимает по назначению уездного отдела народного образования. Косыгину тридцать два года. Преподает он в школе общеобразовательные предметы и, конечно, очень много времени уделяет хозяйственным делам. Сложно всё: детям негде жить, плохо с «учащими», как называют здесь учителей.

Еще горит в классах лучина. Еще живет вольной жизнью стремительная Ангара, с бешеным ревом пробегая узкое Падунское ущелье. Придет время — большевики заставят ее работать на пользу людям. Свет придет в темные деревенские дома. Загорятся ярко «лампочки Ильича» и в классах семилетней Нижнеилимской школы.

Но пока лучина и керосин. При их свете выносит школьный совет решение завести журнал, в котором будут отмечать против фамилии каждого учащегося «замеченные у него склонности». Делаются первые попытки перестроить воспитательную работу среди учеников.

Однако не все школьные новшества нравятся родителям. Почему отменили уроки закона божьего? Не слишком ли самостоятельными становятся дети?

И школьный коллектив вынужден обратиться за поддержкой:

«Ввиду того, что некоторые родители не вполне усвоили задачи новой школы, а вместо этого делают грубые и недозволенные замечания учащим — просим РОНО оградить от подобных родителей».

Возникают иногда и непредвиденные ситуации. Как

быть, например, с изучением немецкого языка? После обсуждения учителя решают: «Немецкий язык, не имеющий больших практических применений при существующих условиях и как увеличивающий штат учащих, не обеспеченных материально, — отложить до более благоприятного времени». Зато «преподавание курса агрономии приветствовать».

Высказывается школьный совет и за уроки пения, но «за неимением учителя пения пригласить Зорина Н. В., когда ему возможно».

Такой вот предысторией встретила Мишу Янгеля семилетняя Нижнеилимская школа, в которой он проучился два года, поступив в нее в 1922 году.

Дома обстановка была нелегкой. Миша часто бывал в Зыряновой, видел, с каким трудом сводили концы с концами отец с матерью. В семье насчитывалось к тому времени пятнадцать человек.

— Одних ложек деревянных надо три раза по пять, — говорил Кузьма Лаврентьевич, — да столько же пар чирков-обуток.

А Миша хотел учиться дальше. Родители, посоветовавшись, решили отправить Миньку к тетке по линии матери в Куйтун — город бывшей Иркутской губернии.

Младшая сестра Анны Павловны, тоже Анна, жила в Куйтуне со своим мужем Виктором Казимировичем Яскуло. Они охотно приняли племянника.

Виктор Казимирович поляк, был в царские времена политическим ссыльным. Он преподавал немецкий язык, был человеком начитанным, образованным.

В домашней библиотеке Яскуло было много книг. Миша читал их запоем. Вечерами беседовал с Виктором Казимировичем, расспрашивал его о жизни революционеров, о Ленине.

В декабре 1925 года в жизни Янгеля произошло событие большой важности: Михаила приняли в члены Российского Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

Четырнадцатилетний паренек пришел в комсомол не случайно. Пример жизни и работы старших товарищей, прежде всего брата Александра, был всегда перед его глазами. Александр, один из первых организаторов комсомольских ячеек в Нижнеилимском районе, активный

член Иркутского губкома РКСМ, рассказывал младшему брату о комсомольских делах.

Из книг Добролюбова, Герцена, Чернышевского, из рассказов о Парижской коммуне и декабристах многое запало в душу Михаилу. Его волновали пламенные строки горьковской песни о Буревестнике. Не раз перечитывал он «Овода». Неудержимо тянуло его к тому, что писал Ленин. Правда, по молодости лет он не все еще понимал в статьях и трудах Ильича. Но тут на помощь приходил Виктор Казимирович. Он-то и принес будущему комсомольцу зачитанную газету, в которой была опубликована речь Владимира Ильича на III съезде РКСМ в октябре 1920 года.

— Прочти ее внимательно, — сказал Яскуло. — Это адресовано и тебе.

Юноша выучил речь вождя революции наизусть. Ленин говорил, что, вступая в Коммунистический союз молодежи, всякий молодой человек берет «на себя задачу помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием».

В свой последний вечер на земле, сидя у догорающего камина, читал академик Янгель «Физику для любознательных» Эрика Роджерса, изданную под общей редакцией Л. А. Арцимовича.

— Вот, послушай, — сказал он мне, — в предисловии Лев Андреевич пишет, что цель этой книги — «заставить читателя думать, раскрыть перед ним внутренний механизм развития науки». Верные слова. Как важно, читая книгу, не просто «глотать» страницу за страницей, а глубоко задумываться над прочитанным.

Поздним вечером, заложив недочитанную страницу закладкой — корешком от коробки с димедролом, Михаил Кузьмич сказал:

— После юбилея дочитаю. А Льву Андреевичу скажу, что полезная это книга...

Но задуманного не выполнил: не дочитал второй том «Физики» Роджерса. Ничего не сказал и академику Арцимовичу.

Всю зиму 1925 года и весной 1926-го из Москвы в Зырянову шли письма. Студент Горной академии Константин Янгель настойчиво звал брата Мишу в столицу.

— Прав Котя, — сказал Кузьма Лаврентьевич жене. — Будем летом собирать Миньку в дорогу. Пусть кончает седьмой в Москве и учится дальше. Котя ему поможет. А денег на дорогу, может, вышлет Шура.

— И этот из дома уедет, — всплакнула было мать. Отец сказал ласково, но веско:

— Мы с тобой, Нюша, грамоты не знали и не знаем. А вот уже два сына на дорогу вышли. Надо и Миньке помочь. Способный он.

Сборы были недолгими: смена белья, варенья брусничного баночка, кедровые орехи да сало. Пора бы ехать, да обещанных Александром денег на билет все нет и нет.

Кузьма Лаврентьевич не спал всю ночь: ворочался, вздыхал, думу думал. Утром сказал Анне Павловне:

— Вот что, мать. Корову придется продать. Иного выхода не вижу. Билет Миньке покупать не на что.

Вывел, не глядя в глаза жене, корову из хлева, повел по деревенской улице. И тут навстречу почтальон:

— Кузьма Лаврентьевич! Куда собрался-то? Погоди маленько. Деньги тебе от сына.

Поворотил Кузьма Лаврентьевич домой. Двойная радость на сердце: и корова опять в хлеву замычит, и Миньку есть на что в дальний путь отправить.

Прощай, родимая деревня! За плечами холщовый мешок, в руках сундучок деревянный с шаньгами да пирогами: всю ночь пекла их мать. Утирала слезы, бегала то и дело от печи к кровати, на которой крепким сном спал ее сын.

Пароход плывет по Ангаре, шлепает не торопясь. Миша любуется берегами, прозрачностью воды. Когда теперь увидит такую красоту? Про сундучок, оставленный поодаль, позабыл, замечтался... А подошел к вещам — сундук открыт. Глянул: пусто.

Рядом — женщина с ребенком. Опустила вниз глаза, на Мишу и не смотрит.

— Оставила бы хоть немного... Зачем все-то взяла? Мать на долгую дорогу пекла. В Москву еду... Что есть-то теперь? — сказал и с грустью и с укором.

Женщина не ответила. Подняла на руки ребенка, взяла узелок и ушла в другой конец парохода.

— Так мне стало обидно, — рассказывал Миша. — Так горько. У нас ведь в Зыряновой все открыто, все на виду. Никто не ворует.

За окном вагона прошли, пробежали просторы сибирские, просторы российские. Смотрел на них Михаил жадно и любопытно. Далеко от Зыряновой столица!

И вот Михаил Янгель в Москве.

Костя, встретив его на вокзале, привез к себе в общежитие. Друзья-студенты, жившие в одной комнате с Константином, возражать не стали: где трое живут, там и четвертый поместится. Паренек всем пришелся по душе: скромный, молчаливый, чистоплотный.

Приняли Мишу в седьмой класс. Одновременно стал он и работать. Определился в стеклографию. Экономя деньги, которые получал для проезда в трамвае, пешком разносил продукцию стеклографии по адресатам.

— Зато, — вспоминал он потом не без гордости, — Москву я изучил и вдоль и поперек. Часто даже коренным москвичам справки давал, как до какой улицы добраться.

Вечерами к Косте в общежитие часто заходили знакомые девушки.

— Валяй-ка, Минька, в кино. Вот тебе на билет. Фильм сегодня просто мечта. Пошел бы с тобой, да заниматься надо, — тактично выпроваживал брата Константин. И добавлял неизменно: — А потом прогуляйся. Свежий воздух для здоровья полезен. Сибиряк, понимать должен.

— Все понимаю, Костя. Я и сам хотел пройтись, — отвечал Миша, отправляясь бродить по Москве. — А в кино что-то идти не хочется.

Шел не спеша. Смотрел, как в сумерках то тут, то там вспыхивали окна. «За каждым, — думал он, — своя жизнь, свои заботы. А как-то сейчас в Зыряновой? Что поделывает отец? Видно, уже ушел в тайгу... А мать, наверное, пироги печет...»

Медленно брел по улице. Где-то пели песни, громко смеялись. У него впереди нелегкий день: надо выучить уроки, да и заказов на завтра много... Скоро день его рождения. Пятнадцать лет. Вдали от родного дома... Но зато он будет учиться и дальше.

Стрелки часов уходили за полночь.

Подмосковная текстильная фабрика, бывшая «Вознесенская Мануфактура С. Лепешкина и сыновей». Сюда приехал в 1927 году Миша Янгель. Поступил по совету брата Кости учиться в школу фабрично-заводского ученичества.

...Год 1973-й. Асфальт шоссе блестит после только что прошедшего дождя. Сосны, березки, зеленые поля — типичный пейзаж Подмосковья.

— Красноармейск за этим поворотом. А фабрику имени Красной Армии и Флота искать не надо. Все пути идут к ней, — любезно объясняет постовой ГАИ.

Скоро появляются фабричные дома... Овраг, мост через извилистую речку Ворю.

Чистый фабричный двор. Корпуса с большими оконными переплетами. Рядом со старым зданием — совсем новое, видно, только что введенное в строй.

Понять до конца настоящее можно, лишь основательно и добросовестно изучив прошлое. Чтобы представить себе жизнь фабрики конца двадцатых годов, я познакомилась с ее историей. Мне охотно помогли в этом ветераны. О многом рассказали стенды и архивы фабричного музея. Окончательные связующие нити я нашла в старых подшивках газеты «Плуг и молот», выходившей в 1923—1929 годах. На ее страницах, извлеченных из хранилищ библиотеки имени Ленина, представлен обширный материал, рассказывающий о жизни прославленного рабочего коллектива. Сначала речь здесь идет о «Вознесенской мануфактуре», или просто «Вознесенке», а потом, после 1928 года, — о жизни «Краснофлотской», как сокращенно называют в газете фабрику имени Красной Армии и Флота.

Сейчас от столицы до Красноармейска, как говорят, рукой подать. И как странно, окунувшись в прошлое, прочесть такие, например, строки:

«...За зелеными зыбкими топями, весной и осенью непроходимыми, в пятидесяти верстах от Москвы — в пятнадцати от ближайшей станции, около ста лет тому назад была заложена Вознесенская мануфактура.

Не только одна прихоть заставила владельца выбрать для постройки фабрики этот медвежий, отрезанный от мира угол.

Более чем где-нибудь можно было здесь беспрепят-

ственно эксплуатировать рабочих; ничей взгляд не проникал через болота, ничьих ушей не достигали крики возмущения...»

Так в начале тридцатых годов прошлого века зарождалась фабрика. Поначалу небольшое хлопчатобумажное заведение купца Манухина. Потом — Вознесенская бумагопрядильная мануфактура купца Лажечникова: три огороженные десятины земли с единственным двухэтажным корпусом. Затем появляется новый владелец — коломенский мещанин, купец первой гильдии Семен Лепешкин. И называется фабрика теперь Вознесенской бумагопрядильной и плисовой мануфактурой Лепешкиных.

Число рабочих год от года растет. Через некоторое время образуется «Товарищество Вознесенской мануфактуры Лепешкина и сыновей». Основной пайщик и учредитель — Дмитрий Лепешкин, в ведении которого фабрика находится с 1860 года. Он, как и отец, купец первой гильдии. Но только теперь делит свои прибыли с представителями иностранного капитала. В «Товарищество» входят Андрей и Федор Кноппы, Василий Бэр, Иван Прове и Георгий Миндер. Все они взяли себе русские имена — это сейчас в моде... Рабочие об управляющем Кноппе говорят: «Нет дома без клóпа, нет фабрики без Кноппа».

Мастера и механики тоже преимущественно иностранцы... Оборудование бельгийское, американское, французское.

«До Революции на фабрике было три с половиной тысячи человек. Из них — пришлых с других фабрик не более двух-трех сот. Остальные — крестьяне из окружающих деревень. Некоторые из них окончательно порвали всякую связь с деревней, опролетаризировались, другие же, работая на фабрике, не бросили хозяйство и в деревне, — имели собственные домики и держались за землю».

Так писала газета «Плуг и молот».

Тяжело жилось. И рабочие вступили в борьбу — объявили в декабре 1884 года первую забастовку.

В музее фабрики хранится немало документов, рассказывающих о тяжелом прошлом рабочих-вознесенцев. Расчетные книжки, приказы, письма...

С приходом Советской власти все круто изменилось. Господин Кнопп и его приспешники бежали за границу. Фабрика перешла в руки своего настоящего хозяина — рабочего класса.

Не сразу и нелегко налаживалась жизнь.

«...Трудное время пережили рабочие. Годы голода, годы гражданской войны. Недостаток сырья, топлива, материалов...»

— У нас в цехе, да и вообще на всей фабрике, были в основном женщины, — рассказывал Михаил Кузьмич. — Я с большим уважением относился к старым, опытным ткачихам: работали они превосходно и красиво. Сначала они показались мне несколько суровыми и хмурыми. Я понимал, что за их плечами не очень-то легкая жизнь. Но после более короткого знакомства увидел, какие это добрые и душевные люди. Ко мне они относились по-матерински заботливо, и я дорожил их доверием.

Помню, — продолжал он, — долго учился разговаривать с помощью лишь губ и жестов. Шум в цехе был такой, что кричи хоть во все горло, никто тебя не услышит. А ткачихи, как и все женщины, поговорить любили. Иногда переругивались между собой на своем «языке». Но, завидя меня, грозили друг другу: «Не выражайся так крепко. Видишь, паренек здесь. Постыдись мальчугана».

Подшивка газеты за 1927 год. В этом году Миша Янгель начал учиться в школе ФЗУ Вознесенской фабрики.

Вознесенская фабрика — крупнейший промышленный центр уезда. И главные вопросы дня — это расширение производства, повышение производительности труда, снижение себестоимости. Острым словом бичуют рабочие бюрократизм. Поднимают наболевшие вопросы быта, ставят задачи: расширить больницу, улучшить работу яслей и детских площадок.

Многие вопросы волнуют фабричную молодежь. Оживить работу клуба, ввести общественных контролеров и не продавать билеты «из кармана» — на это есть касса. Активнее бороться с еще не изжитым хулиганством.

Клуб — культурный центр массовой работы. Из семисот его членов половина — женщины. А вот молодежи в активе мало. Беспокоит общественность и то, что в бараках-казармах действует еще один «клуб». Заседает он на кухнях и в корпусах, проявляя особую активность в праздничные дни. Здесь идут разговоры о том, что «англи-

чанка очень шумит, как бы войны не было», что «в кооперативе нет хорошей муки, а селедка тухлая», что «бабушка Степанида очень хорошо умеет заговаривать грыжу».

Есть одно, что объединяет всех фабричных, независимо от возраста. Здесь любят петь. Как часто и в коридоре, и на улице, и у ворот фабрики можно услышать песню: порой тягучую и грустную, порой залихватскую, удалую.

Итак, Миша Янгель — ученик школы ФЗУ. На жительство определился к местному мельнику. Цена за угол немалая, да не на улице ночевать.

Хозяйская семья жила в достатке: и питались хорошо, и одевались добротно. А у нового квартиранта дела с одежонкой плохи: совсем пообносился парень.

— Как-то в праздник, не помню в какой, — рассказывал Михаил Кузьмич, — вся семья мельника собралась на прогулку. День был солнечный, ласковый. Настроение у всех приподнятое. Дочери мельника, с которыми я дружил, стали звать и меня: «Пойдем погуляем!» А мне на улицу выйти не в чем: последние ботинки пришли в негодность. Дырки как в решете... Прогоревал я тогда весь день. Молодой был, сидеть в праздник дома обидно. А через несколько дней пошел проситься к комсомольцам в коммуну. Ребята посочувствовали, помогли. Стал я коммунаром.

История создания коммуны берет начало в 1926 году. Я узнала о ней некоторые подробности все из той же газеты «Плуг и молот». Заметка от 25 апреля 1926 года под рубрикой «Рабочая жизнь» называлась «Вознесенская коммуна рабочей молодежи».

«В одном из новых фабричных домов за номером три приютилась коммуна рабочей молодежи. В чистенькой небольшой квартире забила ключом молодая энергия.

В коммуне семнадцать человек молодежи — комсомольцев. Чистая просторная передняя, блещущая лаком новой краски, поражает опрятностью. У входа в каждую жилую комнату устроены вешалки, и дальше вешалки никого в верхнем платье не пускают.

Столовая просторная и светлая. Длинный стол, покрытый клеенкой, не носит никаких следов недавней трапезы. В момент посещения в столовой коммуны ребята

горячо и с увлечением обсуждали постановление XIV партсъезда. Еще не все чувствуют себя в силах принять участие в обсуждении, руководят 4—5 наиболее развитых товарищей; но по огонькам в глазах, по глубокому вниманию ясно, что мысль разбужена, и только надо найти способ направить ее в нужное русло.

Спален три: одна для пяти девушек и две для парней по шесть человек. Постели тщательно убраны. Заказаны к кроватям столики-шкафчики.

Кухня блещет чистотой и новыми кастрюлями. В шкафу хранится посуда, хорошо вымытая. Пищу готовит специально выделенная повариха, которую оплачивает коммуна. Остальные члены коммуны, особенно девушки, ей помогают. На питание тратят по 20 рублей в месяц на человека. И едят на эти деньги так, что любой рабфаковец позавидует.

Обед и ужин из двух блюд, чай с сахаром и булками. Приготовлено и вкусно, и опрятно. А по количеству — даже молодые аппетиты находят, что «вполне удовлетворительно».

Все славно, но молодежь на этом не останавливается. В кухне надо бы добавить посуды. Крашеные полы, чтобы не стирались, хотелось бы покрыть линолеумом. Нужно организовать библиотечку, уголок. Да мало ли нужд, которые очень бы хотелось удовлетворить молодежи. Но средств пока что не хватает.

А дело настолько хорошее, настолько велика притягательная сила коммуны, служащей наглядным примером для беспартийной молодежи, настолько ясны преимущества хорошо организованной общественной жизни, что следовало бы коммуну поддержать и дать ей возможность дальнейшего развития.

Этот вывод так ясно напрашивается, когда с удовлетворением покидаешь уютную и гостеприимную Вознесенскую коммуну».

...Год 1973-й. В партийный комитет фабрики имени Красной Армии и Флота пригласили бывших членов Вознесенской молодежной коммуны.

Я держу в руках старую фотографию, с которой смотрят на меня комсомольцы тех лет. Пытаюсь угадать: кто из них пришел на эту встречу? Много лет прошло с того дня, как встретились они перед объективом.

Иных уж нет в живых. Нет и Михаила Янгеля... Вот он на фотографии в последнем ряду...

Кто пришел сегодня? Что осталось в их памяти о годах юности, жизни в коммуне? Помнят ли они Михаила Янгеля?

— Эта фотография вам, наверное, многим знакома, — говорит секретарь партийного комитета фабрики Вера Борисовна Полисонова.

Внимательно вглядываются ветераны в старый снимок.

— Да это же ты, Татьяна! Морозова это!

— А это ты, Митя. Завхоз нашей коммуны.

Вот и вернулись они с рубежа шестидесяти лет в юность тридцатых годов! Вновь стали Таней, Сережей, Митей, Дусей, Семеном...

Сергей Седушкин, как и Миша Янгель, работал поммастера. Были сменщиками.

— Вместе жили в коммуне, вместе работали. Вместе и спортом занимались. Миша бегал тогда на полторы тысячи метров. Мы с ним в Загорске и в Яхроме, даже в Москве на стадионе «Хамовники», защищали спортивную честь вознесенцев. Три года держали первенство в области.

Седушкина перебивает Семен Ильич Монахов:

— Я тоже работал поммастера. Только Миша на втором этаже, а я на первом... Как пришел он к нам на фабрику, так и влился в физкультурный коллектив. Крепкий был парень и развитой. Правда, потом меньше стал спортом заниматься — ходил на курсы подготовки в техникум и в институт.

— И никогда ни на кого не кричал, — вставляет Татьяна Михайловна Морозова. — Организатор был хороший, требовательный, правильный. На недостатки указывал, но с душой, с подходом к человеку. Никто на него не обижался.

— Коллектив у нас был дружный, это точно, — начинает не торопясь бывший завхоз коммуны Дмитрий Самойлович Смирнов. — Пятнадцать парней и пять девушек. Все деньги в общий котел шли. Десять процентов от зарплаты — на личные нужды. Ребята зарабатывали по 90—100 рублей, девчата — по 40—45. Это не от того, что не было равноправия. Просто квалификация была разная... Что кому купить, решали сообща. Была на всю коммуну одна заборная книжка, по которой продукты

получали... После работы на стадион шли: бегали, в футбол играли. По вечерам все больше в шашки сражались — шахмат у нас в коммуне полного комплекта не было. Вином тогда не баловались. Чай пить — вот это все любили. Видели в музее самовар наш? А еще песни пели под гитару. Марш, комсомольские, другие песни. Брусов Иван красиво умел запевать...

— О Михаиле Кузьмиче расскажите, Дмитрий Самойлович. Вы его помните?

— Как же! Вместе ведь жили. Упорный был парень. Читал много. Он да еще Кудряшов. После работы сидят в столовой и книжками себя окружат... Помню, домой он как-то собрался, в Сибирь. Позабыл только, в каком году это было... Собрали мы его: селедок несколько с собой дали, карамели для мамаши и сестренок. Ситчику немного набрали. Доволен он был очень. Но и сам в долгу перед коммунарами не остался: привез илимских орехов кедровых да сала сибирского. Хорошее было сало.

Рассказывает о Мише Янгеле и Евдокия Ивановна Гаврилова. Она была чуть постарше, работала прядильщицей.

— Помню, мы с ним к Международному юношескому дню готовились. Была у нас тогда факельная демонстрация. Оркестр духовой играл... Организатор Миша был дельный. На субботники мы тогда все ходили. Помогали подшефному хозяйству картошку с поля убирать... Так он всех огоньком своим зажигал... Справедливый был и очень уж принципиальный — и укомовцам и директору правду в глаза так и резал. Подхалимства не любил.

В музее фабрики долго стоим у большого медного самовара, непременного участника задушевных комсомольских бесед. Потом идем в дом, где жили коммунары. Сейчас здесь жилая квартира, лишь стены, немые свидетели, хранят в своей памяти историю жизни коммуны.

— А почему Миша Янгель пошел учиться именно в авиационный институт? Почему не в текстильный? Машиностроительный? — допытываюсь у бывших комсомольцев.

— Да тогда об аэропланах, как сейчас о спутниках, все только и говорили! Деньги собирали на их постройку. Крестьян в деревнях на самолетах катали: совершай, мол, дед с бабкой воздушное крещенье... Молодежь к летчикам так и тянулась. А наш фабричный комсомол шефствовал над 10-й авиабригадой. То они к нам в гости, то мы к ним...

Крылатый двадцатый век! В который раз листаю подшивки «Комсомольской правды», «Плуга и молота», других газет... Год 1926-й. Сколько пишут о все новых дальних перелетах. Особенно ими богат июль. Из Москвы в Тегеран направляется самолет «Искра». В Париж из Москвы улетает «Мосавиахим» с летчиком Шибановым и мотористом Баренцевым.

Самолет «Мосавиахим». В газетах приведены его основные данные. Построен по чертежам и под руководством инженеров Поликарпова и Семенова.

Сообщение от 18 июля:

«Новый самолет.

На днях закончено испытание самолета типа моноплан, выстроенного по конструкции инженера Туполева на опытном заводе Центрального Аэро-Гидродинамического института из металла кольчугалюминия. Самолет обладает данными, которые позволят ему поставить ряд мировых рекордов по грузоподъемности, продолжительности, скорости и высоте полета. Самолет построен в течение девяти месяцев и обошелся в 200 тысяч рублей. На днях он вылетит в Ленинград».

Так это прославленный АНТ-2! Он впервые поднялся в воздух 26 мая 1924 года в Москве на Ходынке. За штурвалом Н. И. Петров. Создание первого металлического самолета стало крупным поворотным событием в истории отечественной авиации. До этого аэропланы строили почти целиком из дерева.

Да, много смелых решений принимали молодые инженеры А. Н. Туполев и Н. Н. Поликарпов, стоявшие у колыбели воздушного флота молодой Советской Республики и ставшие впоследствии прославленными конструкторами.

Ну а Михаил Янгель, будущий соратник Поликарпова, его ученик, — что заставило его тогда избрать именно этот путь? И с Николаем Николаевичем Поликарповым, и с Андреем Николаевичем Туполевым судьба свяжет его много позже. Сейчас, в конце двадцатых годов, думал ли он о самолетах, ракетах?

И в памяти строки письма из Калифорнии. Как это он писал о ночном своем полете?..

«...Миллионы разбросанных по большой площади электрических лампочек производят впечатление звездного неба, и фантазия рисует картину, которой я очень увлекался раньше, — полета в межпланетное пространство».

«Увлекался раньше...» «Увлекался раньше...» Когда раньше?!

Летом 1926 года, читая «Комсомольскую правду», он увидел на последней странице статью «Ракета на Луну профессора Годдарда».

«...Американский физик профессор Годдард давно уже, как известно, разрабатывает идею ракеты, которая могла бы, преодолев силу земного притяжения, проникнуть в мировое пространство и, в частности, доставить помещенных внутри нее исследователей на ближайшее к нам мировое тело — Луну.

В этой идее, как показал Годдард, а также другие французские и немецкие ученые, нет ничего неосуществимого: по полученным из Америки сведениям, модель ракеты уже готова, и профессор Годдард предполагает текущим летом испытать ее, будучи уверен в успехе.

...По сообщениям, в Америке уже нашлось 52 человека, готовых отправиться в это путешествие».

Память подсказывает еще один эпизод.

Когда я стала всерьез заниматься историей авиации и космонавтики, Михаил Кузьмич сказал:

— А знаешь ли ты, кто из наших соотечественников чуть не попал на Луну в 1926 году? Писатель Веревкин. Улыбаешься? Об этом писала «Комсомольская правда». Была статья и в нашей фабричной газете. Я долго хранил этот номер — подарок ребят из коммуны. Они знали, что я интересуюсь межпланетными полетами...

В подшивке газеты «Плуг и молот» номер от 15 августа 1926 года. Не о нем ли говорил Михаил Кузьмич? Нахожу в статье «Удастся ли его замысел?» и запомнившуюся фамилию Веревкина.

«...Нашумевший по всему миру план полета на Луну в ракете, очевидно, близок к осуществлению. Строитель ракеты американец профессор Годдард собирается вылететь на Луну в текущем году.

...Наш советский писатель Веревкин, автор романа «АААЕ», тоже хочет лететь на Луну в качестве представителя СССР.

Сейчас он ведет переговоры с Америкой по этому вопросу. Намерение В. В. Веревкина поддерживается Высшим Советом физической культуры».

И далее:

«Немного из истории межпланетных путешествий.

Еще в 1903 году русский ученый Циолковский в жур-

нале «Научное обозрение» доказывает, что на планеты попасть человеку можно, и лучшим способом передвижения с Земли на планету служит ракета.

Не так давно немецкий ученый, профессор Герман Оберт и американский профессор Р. Г. Годдард выступили одновременно с проектом полета на Луну.

Каждый из них предлагает своеобразные формы ракет, оборудованных всеми необходимыми приспособлениями. Первые проекты этих профессоров касались ракет без людей, которые должны совершить пробный полет на Луну (на которой должны произойти взрывы при соприкосновении ракет, наполненных порохом, с поверхностью Луны).

Недавно по всем газетам мира промелькнуло сообщение, что проф. Годдард решил, не пробуя ракеты, начиненной порохом, совершить полет в ракете лично вместе с 10 спутниками.

Подробности устройства ракеты проф. Годдарда пока еще неизвестны. Известно только, что ракета проф. Годдарда состоит из нескольких снарядов, заключенных один в другой. Выстрел ракеты будет произведен с Земли, причем первая скорость ракеты будет равна одиннадцати с половиной верстам в секунду. За пределами земной атмосферы ракета будет путем последовательных взрывов увеличивать скорость своего движения. Сила взрыва, по мнению Годдарда, будет вполне достаточная, чтобы привести ракету в сферу притяжения Луны».

Все это кажется сейчас забавным. Но таковы страницы истории. И писались те строки всерьез, и всерьез овладевали умами молодежи идеи полета к иным планетам. А потом из мечтателей вырастали главные конструкторы: и ракет, и двигателей... Так, может быть, стоит сказать «спасибо» этим наивным, с высоты наших дней, публикациям за то, что зажгли они в умах и сердцах талантливой молодежи «божьи искры»?!.

1927 год. Комсомольские газеты пишут о всесоюзном субботнике. Не остался в стороне и коллектив РКСМ Вознесенской фабрики. Он «загудел, как роящийся улей, стал готовиться к субботнику на своей фабрике».

Потрудились комсомольцы на славу. Работа была нелегкая: подвозили песок к стройке пакгауза. В их распоряжении был паровоз узкоколейки с семью вагонами.

Газета сообщала:

«Второго октября в 7 часов 30 минут утра первая группа комсомольцев прошагала на место работы, будоража залихватскими песнями осеннюю рань утра. Живо и плодотворно отработали 4 часа, а в 11 часов 30 минут на смену первой так же бодро прошагала вторая группа.

Всего за день перевезли 70 платформ песку (нагрузка, разгрузка и уборка), заработав 107 рублей 10 копеек. Работал весь состав ячейки...»

Вместе со своими друзьями-коммунарами радостно встречал Михаил Янгель десятую годовщину Октября.

«Площадь у фабричных ворот и клуба освещена десятками электрических лампочек. Ярко прорезав туманную мглу вечера, сияет на фабричных воротах Октябрьская звезда с юбилейной цифрой «десять».

Рабочие из своих казарм и квартир идут и идут в клуб. Здесь пожилые ткачихи, еще совсем молодые девушки, юноши и старики. Целыми семьями они пришли на этот прекрасный праздник.

С докладом о достижениях советского народа выступил член президиума Моссовета тов. Попов.

...Потом на трибуну поднялся директор фабрики тов. Николаев. От имени и по поручению Октябрьской комиссии он предложил изменить название фабрики и называть ее отныне «фабрикой имени Красной Армии и Флота».

«В ответ на предложение — бурные аплодисменты присутствующих и шум оркестра».

Так ушла в прошлое Вознесенка с ее Лепешкиными, Кноппами, штрафами и изнурительным трудом. Краснофлотцы, как стали называть себя с этого дня фабричные, с каждым днем все увереннее и энергичнее вели свое большое хозяйство.

ВСНХ через промышленно-торговую газету проводит конкурс на лучшее прядение. Краснофлотцы, активно участвуя в конкурсе, заслуженно получают премию: 548 тысяч рублей. Полученные деньги идут на улучшение быта рабочих и нужды предприятия, поступают в ясли, клуб, общежития.

И еще одна радость у краснофлотцев — встреча с Семеном Михайловичем Буденным. О ней рассказывает «Плуг и молот» в номере от 6 сентября 1928 года.

«31-го августа рабочие Краснофлотской торжественно встречали у себя на фабрике товарища Буденного.

Дорога от фабричных ворот до корпусов запружена народом. Комсомольцы, пионеры, работницы вышли встречать на шоссе. Когда в восемь с половиной вечера из Пушкино первым пришел фабричный автомобиль, толпа преградила ему дорогу, заглядывая в глубину автомобиля. Некоторые, не разглядев в темноте, секретаря фабкома товарища Хохлова приняли за Буденного и начали кричать «ура».

— Не он. Не приехал. Приедет ли?

Кто-то из скептиков начал уверять:

— Не приедет, жди не жди.

Но вскоре вдали показалась вторая пара огненно-стеклянных глаз.

— Вот он, Буденный! Наш Герой!

Нетерпеливое ожидание вылилось в бурные приветствия.

Буденный на трибуне, в свою очередь, приветствует собравшихся.

Оркестр играет «Интернационал» и буденновский марш. Раздается оглушительный выстрел — это местные любители, не утерпев, зарядили фабричную пушку.

— Здорово грохнули, — улыбается Семен Михайлович.

...В сопровождении директора, секретаря партийного коллектива и других С. М. Буденный направляется осматривать фабрику. Местами он останавливается, внимательно наблюдая работу, расспрашивает.

В кабинете у директора тов. Николаев сообщил гостю интересные цифры о работе предприятия.

— Далеко фабрика заброшена, — говорит Семен Михайлович, — представлялась мне она маленькой, а посмотрел — какая ведь махина! Большое предприятие. Чего работаете-то?

— Казенную бязь. На вас работаем, Семен Михайлович, — шутит тов. Куликов, председатель поселкового Совета. — Товар хороший работаем, дешевый.

В числе присутствующих на беседе нашлись боевые товарищи Буденного, вспомнили давние времена... Буденный рассказал эпизод из своей боевой жизни.

...Девять часов. Ткацкая встала.

Мы направляемся в летний сад, где собралось до четырех тысяч рабочих и работниц.

— Есть предложение избрать Семена Михайловича Буденного почетным прядильщиком.

В ответ гром аплодисментов.

— Да здравствует почетный прядильщик и руководитель Красной Армии товарищ Буденный!

...Буденному вручается расчетная книжка и выписка из протокола собрания.

Полтора часа говорил Буденный. Напряженно слушали рабочие бесхитростную, простую речь донского крестьянина, теперь красного командира Великой армии пролетариата...

— Наше Правительство борется всеми доступными средствами за политику мира, но буржуазия не перестает лихорадочно вооружаться, — говорит Буденный. — Вооружается она не для того, чтобы сидеть сложа руки. Мы не должны быть такими простаками, как Ванькина мать, которая удерживала своего сына от вступления в армию. Мы должны быть готовы к защите своего социалистического Отечества... Высшая честь для меня — умереть с оружием в руках за рабочих и крестьян!

...Помогать своему Государству — наша обязанность: своими руками мы его строим, своими руками и поможем. Подписывайтесь на 2-й заем индустриализации, — призывает Буденный.

После доклада Семен Михайлович осматривал прядильный корпус. Уезжая, товарищ Буденный долго жал всем руки. Рабочие просили его не забывать фабрики, приезжать почаще».

Михаил Янгель был на этой встрече с легендарным героем. Восторженно смотрел на него из ликующей и радостной толпы, жадно ловя каждое слово. Пережил все то, о чем писала газета.

Прошли годы. Михаил Кузьмич стал академиком, главным конструктором, депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены ЦК КПСС. Теперь он нередко встречался с «почетным прядильщиком» на сессиях Верховного Совета СССР, Пленумах ЦК. Встречались они также и на отдыхе, и в больнице.

— Удивительная у Буденного память, — восторгался Михаил Кузьмич. — Помнит многие события жизни до мельчайших подробностей. Я напомнил маршалу, как он приезжал к нам на фабрику в 1928 году. А он говорит мне, чуть трогая ус: «Буденный ничего не забывает. Я и тебя запомнил с того дня. Стоял ты в первом ряду, третий слева. И мало изменился с тех пор, чуть только пополнел». Ну и шутник!

В июле 1931 года двадцатилетнего рабочего текстильной фабрики имени Красной Армии и Флота Михаила Янгеля приняли в ряды Коммунистической партии.

— Я не спал потом всю ночь, — рассказывал Михаил Кузьмич. — Очень меня взволновало это событие. Особенно запомнились слова одной пожилой ткачихи. «Раньше, — сказала она, — ты о себе думал, а теперь всю жизнь должен думать о всех нас. Ленин так учил».

Путевку в Московский авиационный институт Михаилу Янгелю дал Пушкинский горком комсомола.

Сдача экзаменов не очень беспокоила будущего абитуриента: он долго и серьезно готовился и чувствовал, что в состоянии ответить на вопросы экзаменаторов. Другое дело — здоровье. Последнее время он частенько похварывал.

— Не пройду по здоровью. А хочется именно в авиационный, — делился он своими тревогами с товарищами по коммуне.

— Тебе же не летать, а сидеть за книгами, — говорили ребята.

Обстоятельно обсудив и взвесив каждую кандидатуру, наметили, кто пройдет за Мишу несложную медкомиссию.

— Ну, теперь, Михаил, смотри. Коммуну не подведи. Чтобы сдать на высшую оценку и вообще в небе свой след оставить.

И он успешно сдал экзамены в институт, не подвел коммунаров, и оставил свой «янгелевский» след в истории отечественного самолетостроения и ракетной техники.

Выдали Янгелю на прощание добротное обмундирование. И проводили в институт. Несколько раз приезжал он потом к коммунарам, будучи уже студентом: рассказывал, как учится, звал ребят поступать в МАИ. В коммуне жила в то время его младшая сестра Галина, которая тоже стала работать на Краснофлотской.

Прошло сорок лет с той поры, как Миша Янгель простился с фабрикой. И вновь он здесь, с друзьями юности. Смотрит на фабричный двор, на новые корпуса с большого портрета. Смотрит пристально на рабочих, окруживших небольшую трибуну...

На открытие мемориальной доски академику М. К. Янгелю, бывшему поммастера цеха, пришли многие, кто

знал его при жизни: председатель горисполкома, бывшие коммунары, ветераны. Плотной стеной стоят молодые работницы.

А в ткацком цехе, где когда-то начинал трудовой путь мальчик из Зыряновой, несут почетную вахту станки. И нити пряжи, переплетаясь, прижимаясь друг к другу, сбегают белым полотном.

Сентябрь 1931 года. Михаил Янгель — первокурсник. Отныне жизнь его надолго связана с Московским авиационным институтом.

...17 сентября 1929 года на основании приказа ВСНХ за номером 124 авиаотделение Московского высшего технического училища — МВТУ — преобразуется в аэромеханический факультет. В конце марта следующего года этот факультет выделяется в самостоятельное Высшее аэромеханическое училище — ВАМУ. Но официальный день рождения Московского авиационного института — 20 августа 1930 года. ВАМУ «с сего числа переименовывается в авиационный институт».

Этот год знаменателен и тем, что в здании на 5-й Тверской-Ямской торжественно отмечается первый выпуск МАИ. Отныне каждый год из стен авиационного института будет выходить новое пополнение специалистов, в которых так остро нуждается молодая Советская Республика.

Но, по сути дела, МАИ в том понимании, которое мы вкладываем в него сегодня, еще нет. Ищут место для строительной площадки...

В выступлении на торжественном заседании, посвященном пятилетию со дня основания института, Борис Николаевич Юрьев вспоминал:

«...В 1930 году было издано Постановление Правительства о создании Московского авиационного института.

Мы объездили всю Москву и нигде не могли найти подходящего места. В конце концов добрались до развилки Ленинградского и Волоколамского шоссе. Там был хороший яблоневый питомник, несколько развалившихся домишек, а рядом стоял большой цыганский табор — совсем как по Пушкину...»

С 10 января 1931 года во Всехсвятское, на место будущей стройки, начинают завозить кирпичи,

строительный материал. МАИ получает «постоянную прописку».

Один за одним быстро растут корпуса. В строительстве института принимает участие весь коллектив: студенты, преподаватели, сотрудники. Всем не терпится поскорее обосноваться в этом красивом месте Москвы, где так много сирени, где игривые белки то и дело прыгают с ветки на ветку, привлекая внимание строителей.

С первого дня существования МАИ тесно связано с авиационной наукой и техникой. В становлении института, в его повседневной работе активно участвуют известные ученые, конструкторы. Аэродинамика, прочность, технология, моторостроение, приборостроение, оборудование, вооружение, вопросы экономики... В историю института входят имена Н. Н. Поликарпова, Д. П. Григоровича, В. П. Ветчинкина, П. Д. Грушина, В. М. Мясищева, А. С. Яковлева, Б. Н. Юрьева, Н. В. Иноземцева, И. И. Артоболевского, Б. Н. Петрова, Г. В. Каменкова, И. П. Братухина, И. В. Остославского, Н. Ф. Четверухина, А. В. Квасникова, Г. Н. Свешникова, Г. С. Скубачевского, Е. Н. Тихомирова, Н. В. Гевелинга, Л. Е. Левинсона, Б. М. Земского. В разные годы приходят они сюда. И не только они, а еще и другие, отдавшие много лет своей жизни воспитанию авиационных инженеров.

А выпускники МАИ?! Сколько пришло их, получив высшее образование в стенах этого вуза, в промышленность, сколько стало плодотворно заниматься наукой! Немало маевцев направило свой путь в иные сферы, порой очень даже далекие от авиации: партийная деятельность, государственная, дипломатическая... В анкетах этих людей графа о высшем образовании заполнена одинаково: «Окончил Московский авиационный институт».

Имя наркома тяжелой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе было присвоено институту в связи с пятилетием его существования. Еще осенью 1935 года к Г. К. Орджоникидзе с просьбой дать согласие на присвоение МАИ его имени направилась делегация. В нее вошли лучшие люди института, в том числе Шанин, Петров, Янгель, профессора Юрьев, Журавченко, Свешников, Черемухин, отличник Пашинин, студент-краснознаменец Михальский, рекордсменка-парашютистка Марина Барцева.

Бывший в то время секретарем парткома П. Шанин

вспоминал: «...Не было среди кадровых работников промышленности более популярного и уважаемого человека, чем Серго Орджоникидзе, и мы считали за большую честь учиться в институте его имени. Были приготовлены фотоальбомы и экспозиции, иллюстрирующие разностороннюю жизнь студентов, учебные и производственные будни, праздники.

И вот мы в кабинете у Григория Константиновича. Живой интерес к институту — кузнице науки самой передовой отрасли промышленности, его осведомленность в важнейших вопросах нашей жизни растрогали членов делегации.

На нашу просьбу Григорий Константинович ответил не сразу. Он сказал, что благодарит за честь, оказанную ему, но что вопрос о присвоении МАИ его имени должен решать Центральный Комитет партии...»

Просьба коллектива удовлетворена. 17 декабря 1935 года вышло постановление ЦИК Союза ССР за подписью М. И. Калинина и И. Акулова. С этого дня МАИ стал носить имя Серго Орджоникидзе.

В группе, где начал учиться Михаил Янгель, было много парттысячников — немолодых людей с большим опытом партийной работы. Учеба многим из них давалась нелегко: забылись основы физики, математики, механики... Мишу поражала их настойчивость, восхищало упорство: день и ночь просиживали за книгами, буквально не разгибая спины. И он охотно помогал им, чем мог.

Но иногда и у самого Михаила случались досадные сбои. Выявились пробелы в знании тригонометрии, некоторых разделов алгебры... Понимая, что без знания фундаментальных основ наук специалистом не станешь, он много работал над учебниками и книгами.

С первых дней пребывания в МАИ Михаил Янгель — активный общественник. Энергичный, напористый, он очень скоро становится вожаком молодежи. Ему, как секретарю комсомольской групповой ячейки, секретарю факультета и члену вузбюро, члену партийного комитета, не раз приходилось выступать на собраниях, писать заметки в институтскую газету «Пропеллер», возглавлять субботники. И все это он делал с огромным желанием, вдохновенно.

«Пропеллер» за 1934 год.

Коллектив МАИ с нетерпением ждет результатов испытаний построенного в стенах института самолета «Сталь МАИ». Первый полет 19 сентября в 10 часов утра.

Газета пишет:

«...Летчик-краснознаменец Пионтковский уверенно дал газ. Поблескивая нержавеющей сталью, она шла с очень хорошей скоростью. Посадка прошла также успешно.

Ю. И. Пионтковский выступил и сказал, что машина очень устойчива, с приятным управлением».

«Первый контрольный полет, — сообщает «Пропеллер» от 27 сентября, — продолжавшийся около получаса на высоте 500—600 метров, прошел вполне благополучно, и машина продолжает летные испытания согласно разработанной программе.

...Автором конструкции является заведующий кафедрой конструкции Д. П. Григорович. Однако по ряду причин в последний период строительства самолета тов. Григорович не мог принимать непосредственного участия в руководстве конструкторскими работами, и фактическое осуществление конструкции машины произведено его заместителем — аспирантом нашего института Грушиным...»

На фотографии молодые лица «именинников»: Пионтковского, Грушина, Коробова, Воробьева, Волкова...

Через много лет академики Янгель и Грушин будут вспоминать с благодарностью годы юности, годы инженерного становления...

...Листаю «Пропеллер». Ищу фамилию «Янгель». Институт занял во втором туре всесоюзного соревнования третье место. Это итог ударной работы и студентов, и преподавательского состава. Открыта книга Почета, где называются имена лучших. В числе их: «Товарищ Янгель. Группа С-7-36. Лучший ударник, 100% «отлично». Партинструктор».

11 января 1935 года Михаила Янгеля выбрали членом парткома института, еще через месяц он стал секретарем комитета комсомола МАИ.

Спокойный и уравновешенный, страстный и убежденный, принципиальный и правдивый, добрый и отзывчивый, деловой и горячий — таким видится мне Янгель в годы его студенческой юности. Вечером, после напряженного и насыщенного событиями дня, он откроет книгу

Максима Горького. Прочтет в который раз «Песню о Соколе», «Песню о Буревестнике». А потом и эти волнующие до глубины души строки:

«Неправда, что жизнь мрачна, неправда, что в ней только язвы да стоны, горе и слезы!.. В ней есть все, что захочет найти человек, а в нем есть силы создать то, чего в ней нет».

Как удивительно точно и емко писал Горький... А что хочет найти в жизни Михаил Янгель? Сможет ли создать то, чего еще нет в жизни людей, но что им очень, очень нужно?!

И он долго сидит, задумавшись, над раскрытой книгой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НЕОБЫЧНЫЕ ИНТЕГРАЛЫ

В воскресный день едем в Парк культуры и отдыха имени Горького. Мы любим бывать здесь.

По Москве-реке плывут прогулочные пароходики. Лодки обгоняют друг друга. На дорожках парка резвятся ребятишки. Шумно возле аттракционов, особенно у карусели и громадного колеса с люльками.

Идем в Нескучный сад. Там потише. Садимся на скамейку.

— Мое детство было таежным и суровым, — задумчиво говорит Миша. — А твое?

— Мое хотя и солнечным, но печальным. Прошло оно у берегов Черного моря.

«Все мы вышли из нашего детства», — сказал знаменитый французский летчик, любимый наш с Михаилом писатель Сент-Экзюпери.

...Родители привезли меня из Вязьмы в Сухум шестимесячным ребенком.

Отец, Виктор Иванович Стражев, был разносторонне одаренным и широко образованным человеком. Он окончил историко-филологический факультет Московского университета. В Вязьме и Сухуме преподавал русский язык и литературу, знал которые в совершенстве. Поэт, талантливый лектор, а в молодости даже актер. Он свободно говорил по-французски, владел греческим и ла-

тынью. Живя некоторое время в Венеции, изучил итальянский и испанский. Мы, дети, любили слушать рассказы отца об его деде, жившем на Каме и промышлявшем «соляным разбоем». Вместе с дружками нападал мой прадед на плывшие по реке огромные, груженные солью баржи, а потом эту соль выгодно продавал.

Поселившись в Абхазии, отец увлекся археологией. В поисках оружия бронзового века он частенько выезжал в окрестности Сухума, а порой и довольно далеко в горы: разыскивал дольмены — «надгробия богатырей».

Мать, Варвара Иосифовна Русецкая, родилась и росла в Новочеркасске. В роду ее были и черкесы, и поляки, и татары. Но считала она себя чистокровной донской казачкой, чем очень гордилась. Еще в детстве она всерьез увлеклась пением. Красивый голос девушки пленил педагогов Московской консерватории, куда она приехала поступать по окончании гимназии. Ее зачислили в вокальный класс. Оперной певицей моя мать не стала, но любовь к пению сохранила до своих последних дней.

...Остались в памяти дни отъезда на лето из Сухума в горы. Ранним утром к дому подкатывал тарантас с запряженной в него парой лошадей. Старый друг отца Кара-Булат (что означает «черный нож») начинал погрузку багажа. Дети побаивались Кара-Булата: огромные усы и сверкающие антрацитовые глаза делали его похожим на персонажа из сказки «Али-Баба и сорок разбойников».

С громкими криками, адресованными то лошадям, то детям, а то и моим родителям, Кара-Булат носил тюки с постелями, чемоданы и корзины. Но вот все уложено и увязано. Последнее напутствие отца, и мы трогаемся в путь. Кара-Булат едет стоя, покрикивает на лошадей и здоровается на ходу буквально с каждым встречным. Личность он необычайно популярная!

На окраине города лошади сами, без команды, останавливаются у духана. Кара-Булат выпивает первую порцию вина. Затем следуют пять-шесть столь же традиционных остановок. Особенно долго ждем Кара-Булата возле духана «Атдыхай, голюпчик, немножка», откуда он выходит, изрядно покачиваясь.

Ольгинское ущелье. По нему мы не едем, а буквально летим. Мама крепко прижимает нас, детей, к подушкам. Кара-Булат самозабвенно поет. Слова его протяжной, громкой песни гулким эхом отдаются в крутых склонах и уносятся рекой, бегущей по дну скалистого ущелья...

Навсегда остался в памяти день смерти Владимира Ильича Ленина. Мы шли по центральной улице Сухума. На каждом доме — красный флаг с траурной каемкой.

— Что случилось? — спросил отец у встретившегося на пути знакомого.

— Разве не слышали?! Огромное горе... Умер Ленин...

На другой день отец принес домой небольшой портрет Владимира Ильича, который долгие годы висел у нас в комнате над письменным столом.

— Ты сказала, что детство твое было печальным, — оторвал меня Миша от нахлынувших воспоминаний.

— Мои родители разошлись. Я осталась с отцом, а мать с моей сестрой и братом уехали в Новочеркасск. Отец работал, я училась в школе... Прошла зима. И однажды он сказал, что в августе мы поедем в столицу. Москва представлялась мне очень большой, с огромным количеством церквей и шумными толпами нарядно одетых людей.

И вот Казанский вокзал. Стрелки огромных часов показывают пять утра.

— Возьмем извозчика, — решает отец. — Он быстро домчит нас до Остоженки, а я по дороге хоть немного покажу тебе Москву.

Едем по пустынным улицам: только дворники да случайные прохожие изредка попадаются на пути. Отца я просто не узнаю. Он необычайно оживлен. Счастливая улыбка не сходит с его лица.

Прекрасный знаток истории искусства, он перечисляет имена зодчих, воздвигших громады домов. Проезжаем Охотный ряд, монументальный храм Христа Спасителя. И наконец сворачиваем на Остоженку, а с нее — в первый переулок.

Вот школа, в которой преподает историю мой дядя Алексей Иванович Стражев. Здесь же, при школе, его квартира, в которой с ним живут моя бабушка Клавдия Ивановна и тетя Катя.

Бабушка поражает меня своим величием и полнотой. Почти всю жизнь прожила она в Сергиеве-Посаде, теперешнем Загорске. Главная ее страсть — пить чай из самовара и рассказывать о минувшем. Найдя в моем лице прилежную слушательницу, она не переставая вспоминает и свое детство, и детство своих детей, рассказывает

о всяких забавных происшествиях, случавшихся с ее близкими и дальними знакомыми...

В 1927 году мы с отцом переехали в Москву на постоянное жительство. Поселились сначала в Малаховке, одном из пригородов столицы. И стали жить с моей мачехой Ксенией Петровной, преподававшей в опытной школе Наркомпроса русский язык и литературу. Потом перебрались в город. Я вступила в ряды Ленинского комсомола. Надела форму комсомольцев тех лет: защитный костюм с портупеей через плечо. На отвороте — комсомольский значок.

Что мне особо понравилось, так это русская зима. В Сухуме снега почти никогда не было. А тут мы всем классом ходили кататься на санках со склонов крутого оврага. Ребята смеялись:

— Вот чудачка! Снежки лепить не умеет...

— А почему сейчас ты не живешь с отцом? — спросил Михаил.

— Это трудный вопрос. Живу я с Ксенией Петровной. Она приютила меня, когда в жизнь отца вошла другая женщина...

Со дня на день Янгель должен был получить комнату на Бакунинской улице. Мы не раз ездили к дому, уже готовому, но все еще стоявшему с темными окнами.

— У нас будет комната в трехкомнатной квартире, — рассказывал он. — Четырнадцать квадратных метров. Окно большое, выходит на улицу. И все удобства: газ, ванная, горячая вода.

— Неужели такая громадная комната? — переспрашивала я. — Целых четырнадцать квадратных метров?! Какое счастье жить на этаком просторе...

А Михаил брал в руки лист бумаги, карандаш и начинал чертить аккуратные квадратики, прикидывая, как лучше расставить мебель, которой у нас еще не было и в помине.

— Сюда пристроим гардероб. У окна — письменный стол, чтобы свет падал слева. А в этом углу — американский радиоприемник...

Приемника, кстати, тоже еще не было: он где-то плыл в трюме океанского парохода.

— А тут поставим большущее кресло, — подрисовы-

вала и я на «генеральной схеме» свой квадратик. — Купим кресло, а?

— Все, что захочешь. Это ведь наш с тобой дом.

— Просто не верится, — счастливо вздыхала я, вспоминая ту комнату, в которой жила.

— Все будет, и очень скоро... Кстати, я не успел сообщить тебе новость. Вчера зашел к Поликарпову и, закончив разговор о делах, доложил ему, что собираюсь в ближайшее время жениться. А он в ответ: «Давно подозревал. Примите и мой свадебный подарок». И протянул мне только что подписанный приказ о моем назначении помощником главного конструктора.

Помощник главного конструктора, знаменитого Поликарпова, основоположника истребительной авиации... Событие огромной важности в жизни молодого инженера. Это и доверие и признание. Это выход на большую самостоятельную работу. Михаил Янгель был готов к ней. В характеристике, выданной ему в те дни, говорилось:

«На производственной работе т. Янгель показал себя как способный, растущий инженер, обладающий хорошими организаторскими способностями. Поручаемую ему работу выполняет хорошо. Политически развит, все время ведет активную партийную работу».

Характеристику подписал треугольник. Первой стояла размашистая подпись Н. Н. Поликарпова.

Поздним декабрьским вечером в наше окно на Пушкинской кто-то тихо, но настойчиво постучал.

— Кто бы это так поздно? — встревожилась Ксения Петровна.

За дверью раздалось покашливание:

— Открой, Ирина! Это я, Михаил.

Отряхивая мокрый снег с пальто и шапки, он прошел на кухню:

— Забежал буквально на минуту: попрощаться и сказать всего лишь несколько слов. Времени у меня в обрез. Завтра утром уезжаю к себе на родину, в Зырянову. А еще и вещи не уложены, и, откровенно говоря, даже билета на поезд нет.

— Что-нибудь с мамой? С родными? — спросила я.

— Нет, все здоровы... Понимаешь, какой-то негодяй написал в нашу организацию письмо, будто бы я сын кулака. А по моей оплошности в личном деле нет ника-

ких документов о трудовой деятельности отца. Надо срочно привезти из колхоза, где он работал до последнего дня своей жизни, необходимую справку... Поликарпов сказал, что в моей ситуации это единственный выход, и предложил подать заявление с просьбой об отпуске для поездки домой...

Через два дня я получила письмо, написанное Янгелем еще в Москве.

«...Если судить по началу, то мое путешествие будет удачным. После того как я простился с тобой, мне дважды улыбнулась фортуна. Раздобыл хорошие валенки — это первая удача. Вторая — очень легко достал билет. Эту ночь я не ложился (упаковка плюс ванна отняли три часа) и поэтому в начале шестого был уже на вокзале. У кассы очередь, но билеты выдают только транзитникам, а таким, как я, — если останутся билеты. Кассир может продать билет только за час до отхода поезда.

На мое счастье, транзитных пассажиров не было, и кассирша, увидев, очевидно, на моем лице «непоколебимую» решимость стоять около кассы «за час до отхода поезда» и будучи не в силах вынести моего длительного присутствия (я смотрел на нее самыми грустными глазами), дала-таки мне билет, а следовательно, и возможность черкнуть тебе несколько строк».

Приближались напряженные дни экзаменационной поры. Но мне казалось, что время идет слишком медленно. Заглядывала каждый день в почтовый ящик. И огорчалась, что писем от Михаила все нет и нет.

Только через две недели после отъезда прибыл он наконец в Зырянову.

«...Два дня назад все же добрался до своей родной деревни. За дорогу от Тулуна пришлось основательно помучиться и померзнуть. Как ни представлял я себе трудной дорогу, однако действительность далеко перекрыла мои предположения.

До Братска доехал благополучно, но там выяснилось, что Ангара еще не покрылась льдом и через нее нет возможности переправиться без риска похоронить себя в байкальской воде. Предстояло ждать, пока Ангара замерзнет, — значит, просидеть около месяца в Братске, или перебираться через реку на лодке, — значит, подвергать себя опасности быть затертым льдами.

Нашлись еще четверо молодых ребят, которым нужно было быть на противоположном берегу реки. Нашлись и

два перевозчика: мы заплатили по 250 рублей и в маленькой лодочке отправились в путь, водный путь при сорокаградусном морозе.

Предстояло переплыть реку шириной около километра, очень быструю и опасную, с густой (как здесь говорят) шугой — мелкими и крупными льдинами. Нас значительно быстрее несло вниз по реке, чем мы продвигались к противоположному берегу.

Примерно на середине реки один из перевозчиков сообщил нам еще об одной грозящей опасности. Дело в том, что в пяти километрах от Братска по течению реки начинаются большие Ангарские пороги, и при нашем медленном передвижении вперед и быстром вниз мы рисковали быть разбитыми об острые камни этих порогов. В довершение ко всему над рекой стоял густущий туман, и ничего не было видно. Началась небольшая паника, и мне пришлось (да простят культурные люди) употребить несколько крепких русских слов, чтобы привести пассажиров в себя и заставить всех правильно работать.

Все обошлось благополучно. Отнесло вниз всего километра на три.

Но здесь новая беда. Противоположный берег Ангары пустынен, и до ближайшего места, где можно было бы обогреться, — маленькой одинокой рыбацкой избушки, — нужно тащиться вверх по берегу реки около шести километров, а до деревни и того больше — девять километров.

Послали одного паренька за лошадью, а сами побежали скорее в избушку отогреваться. Устали ужасно, перемерзли и того больше. Выручили спирт и коньяк.

И так я был зол в этот момент на автора известного тебе документа, что, казалось, попади он мне на дороге — задушил бы его своими закоченевшими от мороза руками. Мне еще предстоит с ним встретиться.

...Как и следовало ожидать, никто из моих родных не предполагал, что я могу приехать домой в это время. Все очень растерялись, испугались и обрадовались одновременно.

Родные все здоровы, и дела у них идут вполне удовлетворительно. Старший брат работает секретарем комитета ВЛКСМ в колхозе, второй брат, тоже комсомолец, был на курсах счетоводов и сейчас, если РК не возьмет его на работу по ликвидации неграмотности среди

населения, будет принимать дела счетовода своего колхоза. Отзывы о работе братьев очень хорошие, их все время стремятся куда-либо выдвинуть, но не отпускает колхоз. И все это имеет место, когда наш отец «кулак и скрывается».

Думаю, что здесь я долго не задержусь. Рассчитываю на помощь РК ВКП(б).

Я много рассказывал о тебе моей маме, она шлет тебе привет, желает нам счастливой жизни...»

Еще письмо из Зыряновой.

«...Если бы ты могла представить, как здесь скучно и с каким нетерпением я ежедневно дожидаюсь почтальона в надежде получить от тебя хоть небольшое письмецо. Тогда, наверное, я не чувствовал бы себя таким одиноким.

Мое состояние значительно отягощается тем, что здесь я сижу, буквально не зная, чем себя занять. Ходить на охоту или заниматься какой-либо работой в колхозе не могу, так как все еще не оправился от простуды, читать почти совершенно нечего, поговорить с кем-нибудь тоже редко представляется возможность. Вот отсюда и скука, желание скорее ехать в обратный путь.

Но сказать что-либо определенное относительно срока моего выезда обратно пока нельзя, так как главного «виновника» моей поездки на родину сейчас в Нижнеилимске нет, он уехал в Иркутск и вернется не раньше 10 января.

Уже имею справку от Правления колхоза о том, что отец в 1933 году был принят в колхоз, и справку от Сельсовета об имущественном положении отца перед коллективизацией».

— А надо ли вам было ехать, Михаил Кузьмич, да еще зимой, в такие морозы в Сибирь? — спросил его по возвращении домой секретарь партийного комитета ОКБ. — Мы достаточно хорошо вас знаем.

— Я думаю, что поступил правильно, — спокойно ответил Янгель. — Во-первых, теперь есть официальные документы об отце в моем личном деле. А во-вторых, я повидал мать, родных. Знаете, какая радость для матери, живущей в такой дали, увидеть своего сына.

Мне при первой встрече протянул маленькую бумажку — документ, выданный Зыряновской сельскохозяйственной коммуной «Труд» 4 января 1934 года Кузьме Лаврентьевичу Янгелю.

— Это дала мне мать, — сказал Миша. — Прочти.

«Справка. Дана настоящая гр-ну деревни Зыряновой Нижне-Илимского района Вост. Сиб. Края Янгель Кузьме Лаврентьевичу в том, что он действительно является членом колхоза «Труд» (деревня Зырянова Н.-Илимского района) с сентября месяца 1933 года. В чем и удостоверяет председатель колхоза Романов Н. Д.».

И печать.

— Почему вы решили пожениться в мае? — спрашивали друзья. — В народе говорят, кто выходит замуж и женится в мае, будет потом всю жизнь «маяться».

— Только в мае, — отвечал им Михаил Кузьмич. — Только в мае. При чем здесь старые предрассудки?! В мае — первые весенние цветы, ласковое солнышко. Этот месяц именно для тех, кто начинает семейную жизнь!

Откладывать больше свадьбу мы не хотели и решили, что самое подходящее для нас обоих число — двадцать третье мая.

Радость предстоящего события несколько омрачало одно на первый взгляд не такое серьезное происшествие: Михаил потерял наручные часы «Лонжин», купленные им в Париже.

У каждого человека есть свои слабости. У Михаила Кузьмича это были часы. Он любил «ковыряться» в них, находя удовольствие в ювелирной отладке сложного и тонкого механизма. Друзья, зная об этой его страсти, частенько пользовались услугами любителя-часовщика.

Помню, как-то пришли мы в гости к Бутусовым.

— А почему часы стоят? — спросил Михаил Кузьмич, остановившись в передней у больших старинных часов с неподвижно застывшими стрелками.

— Давно уже стоят, — вздохнул хозяин. — Никто не берется чинить такую старину.

— Можно взглянуть?

И я поняла, что Янгель долго за столом не засидится. Так оно и случилось. Вооружившись нехитрым инструментом, Михаил Кузьмич разобрал часы буквально до винтика. Только к концу вечера закончил он сборку. К общему удивлению и к удовольствию мастера, часы пошли. Единственное, с чем Янгель не сумел справиться, так это с боем: число ударов расходилось с показаниями стрелок...

Много лет спустя, вспоминая об этом эпизоде, Бутусов говорил, что после ремонта часы долгое время ходили с завидной точностью, а неурочный бой напоминал хозяевам о доброй встрече с Янгелем.

Последние годы Михаил Кузьмич носил наручные именные часы, врученные ему, как и всем делегатам, на XXIII съезде КПСС. Он очень дорожил ими. Но однажды уронил, и они остановились.

— Купи себе новые, — посоветовала Люся, знавшая о «часовой слабости» отца. — А делегатские починишь и сохранишь как памятную реликвию.

Они вместе зашли в магазин «Подарки» на улице Горького и купили сразу двое часов с тонким корпусом входившей в моду марки «Полет»: одни — отцу, другие — дочери.

...Часы «Полет». Нежная позолота стрелок. «Сделано в СССР». Он носил их до последнего своего часа...

В загс Бауманского района Москвы мы решили идти к концу дня и отметить это событие в узком кругу, пригласив родственников Ксении Петровны и старшего брата Михаила — Александра с женой Натальей Андреевной. А друзей по институту думали собрать несколько позже, когда хоть немного обживем комнату, купим стулья и посуду.

Рано утром двадцать третьего мая Янгель отвез небольшой чемодан с моими личными вещичками на Бакунинскую. А под вечер мы вышли вдвоем из моего дома, нарядные и счастливые. В руках у меня был букет алых роз.

— Откуда такой роскошный автомобиль? — спросила я, садясь в ожидавшую нас у подъезда машину.

— Дал «напрокат» сам Поликарпов!

В большой полутемной комнате, куда мы вошли, вдоль стены стояли три стола. За двумя никого уже не было, а за третьим сидела хмурая немолодая женщина в темном костюме.

— Мы попали в загс? — неуверенно спросил Михаил.

Женщина подняла голову и, задержав взгляд на моем букете, ответила неторопливо и равнодушно:

— А то куда же?!

— Мы хотели бы... Нам надо... Мы хотели...

Он вдруг потерял дар речи.

— Пожениться, что ли? — перебила она его. — Так вы опоздали. Время — шестой час, а мы работаем до пяти. Придется вам прийти завтра. Вот к тому столу.

Женщина указала рукой в дальний угол комнаты и добавила:

— Рядом с ним стол смерти, а я — по рождению. Дел у меня накопилось сегодня много... Ребятишки пошли, как грибы... Вот и задержалась.

Мы поспешно вышли на улицу, посмотрели друг на друга и рассмеялись от души.

— Что же мы, Миша, скажем дома?!

— Скажем, что все в порядке, но документы выдадут завтра. Наша свадьба сегодня. Именно этот день мы будем отмечать и в серебре и в золоте через двадцать пять и пятьдесят лет! А завтра придем сюда вовремя. Только бы не перепутать столы!

Так и порешили на нашем первом семейном совете.

И вот уже, крепко держась за руки, вместе перешагнули порог нового дома на Бакунинской. Все четырнадцать квадратных метров комнаты буквально утопали в цветах, стоявших повсюду: на тумбочке около кровати, на столе, подоконнике и даже просто на полу. Вот он, наш дом!

В дверь постучали соседи с цветами и объемистым свертком в руках. Еще один чайный сервиз — в придачу к подаренному сотрудниками Михаила Кузьмича.

Поздравив нас, соседи хотели было уйти, но Миша остановил их:

— Вы — первые гости в нашем доме, а потому позвольте мне... нет, не мне, а нам пригласить вас по-соседски на первую в этом семейном доме чашку чая.

Долго еще горел свет в нашем большом окне этим теплым майским вечером.

К нам на Бакунинскую часто заходил мой однокурсник Леня Большаков. Читал стихи Маяковского, а иногда и свои. Михаил Кузьмич весьма одобрительно отзывался о его поэме, в которой Леня описывал прощание последних семерых жителей Земли с холодной, уже умирающей планетой.

— Не знаю, — говорил Янгель. — будет ли все именно так, как пишет поэт Большаков, но в одном ты, Леня, безусловно, прав: человек еще задолго до начала

«умирания» планеты научится свободно перемещаться в космическом пространстве на огромные расстояния и найдет себе место для жизни. А насчет стихов Маяковского должен признаться, что не вполне их понимаю. Пушкин, Есенин мне гораздо ближе. Есенина люблю, наверное, потому, что и сам могу сказать: «У меня отец крестьянин, ну а я — крестьянский сын». Все, о чем он пишет, для меня родное: и тощая лошаденка, и опавший клен... Но самое сильное его стихотворение — «Письмо к матери».

Михаил Кузьмич неожиданно уехал в длительную командировку еще до окончания моих экзаменов. Ему предстояло работать на одном из авиационных волжских заводов в качестве представителя ОКБ по внедрению в серийное производство истребителя И-180. Опытные экземпляры этого самолета строились в Москве под руководством Д. Л. Томашевича, заместителя главного конструктора, и А. Г. Тростянского, ведущего инженера.

И-180 шел на смену заслуженному ветерану авиации И-16. Война в Испании подсказала контуры более скоростного, маневренного самолета с мощным вооружением. На И-180 были смонтированы на лафете четыре пулемета, а в подвеске под крылом — двухсоткилограммовый запас бомб. Максимальная скорость на высоте 7150 метров достигала 585 километров в час.

После гибели Валерия Павловича Чкалова на первой опытной машине все же было принято решение по-прежнему продолжать работу по внедрению И-180 в серию.

...Михаил Кузьмич уехал. Через несколько дней покинула Москву и я. Вновь зеленое поле аэродрома. Ряды брезентовых палаток, утренние линейки, ежедневные полеты.

Незадолго перед разлукой несколько вечеров подряд читали мы с Михаилом Кузьмичом «Историю неба» Камилла Фламмариона.

— Давно пора нам серьезно заняться астрономией, — сказал он мне. — Удивительная наука! Как там сказал Фламмарион: «Мы вместе с Лапласом смело можем сказать, что астрономия по важности своего предмета и по совершенству своих теорий составляет важнейшее движение человеческого ума, самую интересную часть его знаний...»

Подумав немного, вновь взял книгу в руки.

— Нескромно, может быть... Но готов поставить под этими словами и свою подпись. Кстати, любопытно было бы почитать и книги по астрологии. Вдруг под старость займемся с тобой составлением гороскопов?! Кеплер это тоже практиковал.

Со мной в палатке живут известная парашютистка-спортсменка Галина Пясецкая и тоненькая большеглазая Верочка Дмитриева. Все знают, что Верочка давно влюблена в одного симпатичного инструктора-общественника. И поздними вечерами, лежа в кроватях, наша троица говорит не только о полетах, но и о любви. Разумеется, в каждой моей фразе мой муж... Где он и как его дела, я не знаю. Письма от него идут на московский адрес, а я там не бываю...

— Обо мне не волнуйся, — сказал Михаил Кузьмич перед отъездом. — Со мной ничего не случится. Думай о полетах и, пожалуйста, будь повнимательней. Хотя ты уже и пилот запаса, но осваивать всякий новый самолет — дело нелегкое и ответственное.

Новый для меня самолет — это УТ-2 конструкции А. С. Яковлева. Эта учебно-тренировочная машина была более скоростной, чем У-2: двести километров в час вместо ста пятидесяти. Была она маневренной, устойчивой, но очень строгой в пилотировании: грубых ошибок не прощала.

Вот наконец и долгожданное разрешение на самостоятельный вылет. Сижу в кабине новенького УТ-2. Пристегнуты ремни. Инструктор, выпускающий в полет, дает последние указания:

— Помни только твердо: ручку на себя до конца на высоте не выбирай. Свалишься в штопор. А выходить из него сложно. Это тебе не миляга У-2.

Колеса отрываются от земли. Прекрасные, счастливые мгновенья! Крылья — словно продолжение твоих рук, мотор и сердце — в едином ритме. И огромная Вселенная ближе и доступнее...

...В то утро полеты, как обычно, начались в урочные часы. Только получила разрешение на вылет, как резко изменилось направление ветра. Значит, будут менять положение посадочного Т. Курсанты свернули полотнище, забросили в кузов грузовика.

— Садись в машину! — кричат мне. — Подвезем к старту.

Еле втискиваюсь в кабину: там уже трое. Грузовик резко разворачивается, и неожиданно распахивается дверка. На полном ходу я вылетаю из кабины. В сантиметрах от моих ног с хрустом проходят колеса.

...Около пяти дней пролежала я в палатке. Потом доктор сказал:

— Расшиблась солидно. Здесь нам тебя не поднять.

Опять Бакунинская. Родные четырнадцать квадратных метров. Получив мою телеграмму, Михаил тут же приехал.

— Жива?! Я так волновался! Как это произошло?

— Не совсем удачный маневр на земле... Зато теперь я смогу уехать с тобой на Волгу.

— Я так и предполагал. При заводе отличный дом отдыха. На самом берегу реки. От города близко. Буду приезжать к тебе каждый день.

И мы уехали в город на Волге.

Быстро пролетел август.

Мы вставали ранним утром и бежали к реке. Там садились в лодку и плыли на середину, где вода чище, прозрачнее. Гребли по очереди.

— Красота какая! — не уставал восхищаться Михаил. — Та же величавость, что и у наших сибирских рек. Но вместе с тем у Волги свой неповторимый почерк... Жизнь человеческую часто сравнивают с течением воды. Действительно, для каждого характера можно подобрать свою реку: кому — спокойную, кому — быструю и порожистую... А сколько песен России родилось у этих берегов!

И в его глазах загорались озорные огоньки:

— Сведущие люди говорят, что именно здесь, где мы сейчас плывем, Стенька Разин бросил за борт красавицу княжну. Не проверить ли экспериментальным путем возможность совершения такого «исторического злодеяния»?

И мы прыгали с лодки в воду, тревожа шумными всплесками утреннюю тишь спокойной, дремлющей реки, и долго наслаждались ее прохладой.

Потом Янгель уезжал на завод. Я много читала, бродила по саду и с нетерпением ждала, когда муж вернется с работы.

В выходные дни, обычно с большой компанией заводчан, уплывали на лодках подальше. Высаживались на отлогом берегу. Ловили рыбу, купались, жгли костры и варили уху. Пели песни о Волге, Ермаке, о Стеньке Разине...

Но вот и настал грустный час расставания. Долго стояли мы на платформе, с которой уходили в путь поезда дальнего следования.

Кончилось лето. Кончились каникулы...

«3 сентября 1939 года... Через полчаса после твоего отъезда я был уже в гостинице и долго-долго не мог уснуть, целиком поглощенный нашими с тобой светлыми чувствами...

Сегодня, несмотря на то, что спал я очень мало, у меня в течение всего дня было хорошее, бодрое настроение. И это, очевидно, помогло мне одержать верх в разговоре с директором завода и главным инженером. Я удачно сформулировал и обосновал свои претензии к руководителям завода, особенно к главному инженеру. Мне кажется, что директор понял серьезность положения и что теперь он будет серьезно относиться к моим замечаниям по всем вопросам, связанным с нашим самолетом.

Несколько по-иному вел себя главный инженер. Он злился и нервничал, выслушивая мои замечания в его адрес. Это еще больше убедило меня в моей правоте, и я все увереннее вел с ним свой разговор.

Домой пришел в половине двенадцатого. Все уже спят, а я пишу эти строки. С нетерпением жду твоих писем...»

«...4 сентября 1939 года... Вот прошел и еще один день после твоего отъезда. А сколько их еще впереди до того момента, когда увидимся?..

Надо бы поехать к ребятам, взять учебники по истории партии и английскому языку, но пока что этого не делаю, так как в свободное от работы время дочитываю книгу Фейхтвангера «Семья Оппенгейм» и обсуждаю с Иваном Федоровичем (хозяином — симпатичный старичок) международное положение.

Сейчас, в связи с развертыванием войны в Европе, все население, которое я имею возможность наблюдать, проявляет исключительный интерес к газетам и радиопередачам. Обычно тут очереди были за папиросами, теперь самыми большими стали очереди за газетами.

...Книга Фейхтвангера помогает мне более реально представить те последствия для человечества, которые несет с собой эта позорная война, начатая варварами-фашистами. Если фашисты делают невероятные гнусности и проявляют звериную ненависть к своим соотечественникам, то можно представить, что они будут вытворять с чужими народами, занимая их территории».

Письма со штампом волжского города лежат аккуратной стопкой на тумбочке возле кровати. Нежность подаренных строк согревает, приглушает тоску о дорогом человеке. Иные строки вызывают легкую улыбку. Видно, не случайно друзья Янгеля убежденно говорят об удивительной логичности его рассуждений. К примеру, вот это письмо от шестого сентября.

«...Прошу твоей помощи в одном вопросе: что-то стал очень слаб в арифметике и никак не могу сосчитать, сколько же времени должно пройти с момента, когда письмо в Москве попадает в почтовый ящик, до момента доставки его адресату.

В школе меня учили эту задачу решать так. Обычно люди пишут письма вечером, часов этак от 5-ти до 2-х ночи. Предположим... что письмо все же написано в ночь с 3-го на 4-е, а утром четвертого опущено в почтовый ящик. В какое-то там время письмо вынимается из ящика и, пройдя все бюрократические (берем и это во внимание) инстанции отделения связи, кое-как успевает быть доставленным на вокзал.

Как известно, поезд, везущий из Москвы почту, отходит вечером и прибывает в пункт назначения в половине десятого утра (по местному времени). Следовательно, письмо, написанное в Москве в ночь с 3-го на 4-е, попадает в наше отделение связи утром 5-го. Предположим, что работники местной связи менее расторопны, чем московские. И все же больше чем сутки на доставку письма отпустить нельзя. Итак, адресат, если письмо было действительно написано в ночь с 3-го на 4-е, получит это письмо самое позднее 6-го числа.

Решение задачи как будто правильное. Так меня учили в школе. А вот злая действительность правильности этого решения не подтверждает.

Конечно, холодный педагог (который учил меня арифметике) скажет, что это лишь означает, что письмо не было написано в ночь на 4-е. Но каково мне, не беспри-

страстному ученику, а горячо любящему автора предполагаемого письма, вынести такое заключение?»

«7 сентября 1939 года... Сегодня у нас на заводе очень тяжелый и неприятный день. Совсем скверно. Ты, наверное, читала в сегодняшней газете о гибели летчика Томаса Павловича Сузи. Так вот, Сузи — летчик этого завода, прекрасный летчик и обаятельный человек — погиб. Я с ним познакомился в Москве месяца два назад. Меня случившаяся катастрофа потрясла. И не только потому, что погиб такой замечательный человек. Дело в том, что гибнет уже второй большой человек на самолете конструкции нашего коллектива, на самолете, который является причиной моей командировки.

Можешь себе представить мое положение и самочувствие. Я еще не знаю подробностей катастрофы и поэтому не могу судить о ее последствиях для нашего коллектива. Во всяком случае, эти последствия могут быть очень серьезными».

Разбился Сузи! Я уже знаю об этом. На столе лежит газета с траурной каемкой. Вчера зашли, рассказали об этой тяжелой утрате товарищи Янгеля из КБ. Испытатель выбросился из самолета на большой высоте. Купол парашюта не раскрылся...

После я прочту в книге П. И. Стефановского «Триста неизвестных» следующие строки:

«...После гибели В. П. Чкалова на втором экземпляре истребителя И-180 полетел Степан Супрун. Из-за конструктивного недостатка шасси самолет скапотировал на пробеге. Супрун отделался легкими ушибами. Третий экземпляр машины поднял в воздух летчик-испытатель Афанасий Григорьевич Прошаков. При испытании на фигуры высшего пилотажа он попал в перевернутый штопор. Самолет «не пожелал» выйти из него. Летчик был вынужден прибегнуть к парашюту. Завод изготовил еще один экземпляр — четвертый. На нем полетел Томас Павлович по собственному настоятельному требованию. Отправился в последний свой полет.

Долго работала комиссия по изучению причин этой катастрофы, но установить истину так и не удалось. Очевидцы рассказывали — самолет штопорил с большой высоты, метрах в трехстах от земли из него выпрыгнул летчик и почему-то не раскрыл парашют. Нет, самолет не горел. Ударившись о землю, превратился в груду бесформенных обломков...»

Самолет может, родившись, прожить и долгую и очень короткую жизнь. В решении проблемы его долгожительства одну из главных ролей играет человек, севший в пилотское кресло и берущий в руки штурвал. Самолет и человек как бы доверяют друг другу свою судьбу.

Сначала летчик учит машину, как ребенка, делать первые шаги по земле — это называется «рулежкой». Потом он поднимает крылатую птицу в воздух.

Первый полет. Какой волнующий и ответственный этап! Сотни глаз следят за самолетом. На летном поле, в конструкторском бюро, в цехах, где был изготовлен этот опытный образец, все думают сейчас только о нем, о своем крылатом детище.

Как много вложено труда в создание конструкции. Сначала первые контуры, весовые сводки. И сразу же борьба за каждый грамм веса... Позади прикидочные расчеты.

Он еще только рождался на листах ватмана, в плазах и эскизах, еще не билось его многоцилиндровое сердце, а колонки цифр, кривые графиков, построенных в результате продувок модели в аэродинамических трубах, системы сложных математических уравнений уже дали свое «добро». Они рассказали о характеристиках будущего самолета: его максимальной и минимальной скорости, наибольшей достижимой высоте, об устойчивости в полете, маневренности и управляемости.

Будет ли он действительно таким, каким виделся до рождения в металле?

Тысячи узлов, проводов, сварных швов связали воедино крыло и фюзеляж, мотор и хвостовое оперение, шасси и рычаги систем управления. Наготове стрелки приборов, вмонтированных в панель приборной доски. Настало время человеку бросать самолет в гущу облаков, ввинчивать штопором в плотные слои атмосферы, делать на нем горки, виражи, перевороты через крыло. Десятки и десятки раз он заставит колеса шасси касаться бетона взлетно-посадочной полосы.

— Разве не так укрощают мустангов? — спросит однажды Николай Николаевич Поликарпов, прижимая к груди только что вернувшегося из трудного полета испытателя многих его машин Валерия Павловича Чкалова.

И тот, устало улыбаясь, ответит:

— Примерно так, Николай Николаевич.

Но бывает, что мустанги не укрощаются.

Работа над новым изделием требовала собранности и напряжения. По существу, Янгелю доверили создание нового опытного образца. Целые дни проводил он в цехах, тщательно отрабатывал нужную документацию. Поликарпов внимательно следил за делами, часто звонил Михаилу Кузьмичу, наезжал туда и сам.

«...Сегодня утром на завод приехали Нарком и Николай Николаевич... Меня в любую минуту могут вызвать по тому или иному вопросу», — писал Михаил.

Но вот текущие дела обсуждены, «гости» уезжают в Москву. Садится в поезд и Янгель. Выкроил два свободных дня.

Проблема: как уехать обратно? С билетами тогда было очень непросто. О первом опыте проезда «зайцем» Михаил Кузьмич рассказал в письме от 14 сентября:

«...Я решил испытать фортуну безбилетного проезда, начав с проводников женского пола. После некоторой заминки, вызванной тем (как позднее выяснилось), что эти проводники не были знакомы друг с другом, они разрешили мне войти в вагон... Плохо только, что не было постели, а спать на голых досках с чемоданчиком вместо подушки с непривычки чертовски неудобно.

Жалею, что при посадке в Москве не встретилось никаких трудностей (даже перронного билета не брал) и не было никакого повода (кроме, конечно, большого личного желания) отказаться от поездки, чтобы провести с тобой еще несколько счастливых часов. Но у нас впереди еще целая жизнь...»

А в мире, в этом беспокойном мире вновь волнующие события. На следующий день Михаил пишет:

«Сегодня пришел домой в десять часов. Прочел свежую газету, обменялся мыслями с Иваном Федоровичем. События, развертывающиеся в Польше, и нависшая угроза всеевропейской войны очень сильно меня тревожат. Сегодня ночью даже видел во сне, что наше гражданское население Москвы эвакуируется в провинцию, а ты с чемоданом и одеялом (почему одеялом?) приехала сюда ко мне. Вся ночь прошла в тревожных сновидениях...»

Я немного хвораю, но в институт на занятия хожу. Работаю над курсовым проектом по конструкции самолетов, активно включаюсь в подготовку к выборам в Московский Совет.

Из города на Волге и в город на Волге идут и идут письма.

«16 сентября 1939 года.

...Мы есть и всегда будем счастливы тем, что любим друг друга, и тем, что живем в такой стране, где любовь поднимает человека в его собственных глазах и глазах окружающих».

Получаю от Михаила два письма подряд.

«Дорогая Ирина Викторовна! Вы, наверное, имеете возможность часто видеть и наблюдать мою жену, такую небольшую, не слишком худую, но и не полную. Вы, конечно, знаете мою жену.

Ну, вот я и обращаюсь к вам, зная вашу душевную доброту и надеясь на ваше расположение ко мне, с просьбой: выясните, пожалуйста, и напишите мне, чем это она так бывает занята, что не может выбрать в течение вот уже нескольких дней (14-го, 15-го во всяком случае) нескольких минут, чтобы написать мне две-три фразы и успокоить мое расстроившееся воображение. Она написала мне, правда, что у нее 14-го будет профсоюзное собрание и что оно долго продлится... Но профсоюзное собрание — это не причина для такого небольшого дела, как маленькое письмо.

Другое дело, если письмо стоит в числе последних, неважных, не имеющих большого значения дневных дел моей жены...

Я, наверное, скоро стану очень злым человеком. Вот сейчас принял решение ничего не писать своей жене в те дни, когда от нее не будет писем... Передайте все же ей большой привет, но не говорите, что я на нее обиделся. Она сама должна это чувствовать. Шлю вам свой привет.

М. Янгель».

И второе письмо:

«...Моя жизнь однообразна, как песчаная пустыня: утром иду на завод, весь день работаю, в восемь-девять вечера возвращаюсь домой, пишу тебе письмо и что-нибудь читаю.

Значительно более глубоки и разнообразны нити жизни в моем внутреннем мире. Наблюдая этот свой внутренний мир, я прежде всего вижу в нем тебя... И подумать только: такое маленькое имя чувству «любовь», и такое за ним огромное счастье, большие волнения, какая-то особая праздничная жизнь. Нечто отдаленное я испытывал в дни больших праздников, вернее, нака-

нуне больших праздников, когда мне было пять-семь лет».

Работа у Янгеля на заводе день ото дня становилась все напряженнее.

«3 октября 1939 года... Только что вернулся с завода, а время уже одиннадцатый час. Что-то сегодня очень устал... Та зарядка, которую получили руководители завода от Наркома, действовала на них непродолжительное время. Свидетельством сему служит массовый срыв сроков по очень большому числу агрегатов нашего объекта... Отдельные работники — от некоторых начальников цехов и до парторга ЦК — причину плохой работы завода по нашему объекту видят в том, что я не взял в руки все руководство работой, как конструкторской, так и производственной.

Носятся сейчас с идеей назначения меня чем-то вроде Главного конструктора, с подчинением мне серийного конструкторского отдела, опытного цеха, службы снабжения и прочее.

Похоже на то, что руководители завода, предвидя большие для них неприятности в самом скором времени, ищут сейчас выход в переложении большей доли ответственности на меня. Для этого им и нужно, чтобы я руководил производством.

Они забывают, что меня ведь тоже «на кривой не объедешь». Если даже предположить, что им удастся протащить свой вариант через Наркома, то все равно за их бездеятельность отвечать придется им, потому что ее уже не спрячешь, она достаточно заметно проявилась.

Ты, Ириночка, пожалуйста, не волнуйся. В обиду я себя не дам. Несмотря на все трудности в работе, я все же доволен, так как прохожу здесь хорошую техническую школу».

«7 октября 1939 года... Какая радость! Сегодня получил сразу два твоих письма. В них содержится много интересных мыслей и сообщений. Хочу ответить на них...

Для меня непонятно твое деление наших отношений на любовь и привычку. Моя привычка к тебе существует только в том смысле, что она открывает во мне все новые и новые чувства, делает их более глубокими, содержательными.

Привычка, о которой ты говоришь, — это очень опасная штука. Там, где люди строят свои отношения на привычке, там нет любви и никогда не было. Стоит только

кому-нибудь третьему бросить в одного из двух «привыкших» искру любви или просто страсти, как такая жизнь, основанная на привычке, разлетится в дым.

Привычка, которую ты усматриваешь в моих отношениях к тебе, не подменяет собой и не заменяет моей любви к тебе, она только обогащает эту любовь. Только в этом смысле я могу рассматривать свою привычку к тебе, и никак иначе.

Иногда мужчины считают, что казаться равнодушным к женщине — верный путь к покорению ее сердца. Я же могу только проявлять свои искренние чувства, не приуменьшая и не преувеличивая их искусственно. Может быть, это неумно, но зато честно».

«Москва. 8 октября 1939 года... Часто, Мишенька, я хожу пешком до Разгуляя, а раза два шла домой от Земляного вала. Проходя мимо загса, всегда вспоминаю наш с тобой путь оттуда. Я так люблю тебя, мой родной».

«10 октября 1939 года... Сегодня получил твое письмо, переданное с Архаровым. Он задержался в Москве на день дольше, чем я разрешил, и я должен был прочесть ему нотацию. Но он вовремя догадался вручить мне твое письмо, после чего я уже не мог быть строгим. Мы с товарищами посмеялись над тем, что это произвело на меня такое смягчающее действие. Ребята шутят, что они всегда теперь будут задерживаться в Москве на день дольше и заходить к тебе за письмом. Меня этот случай удивляет: никогда раньше не замечал, чтобы в угоду личным отношениям с кем-либо или за какую-нибудь личную услугу я мог пренебречь своими служебными обязанностями.

Положительно под действием чувств к тебе я стал сильно меняться в характере, привычках, во взглядах на жизнь.

Я готов жить в любых условиях, выполнять самую тяжелую работу, испытывать материальные затруднения, но за это прошу лишь одного: всегда быть вместе с тобой...»

Всегда быть вместе... Сколько мы были потом «вместе»? Отвечаю без раздумий: всю нашу жизнь, хотя и жили порой вдали друг от друга месяцами и даже годами.

Ученые давно открыли электрические и магнитные поля, изучили их физическую сущность, дали им строгое

математическое описание. Сейчас идет настойчивый поиск полей гравитации и полей разума. Но никто не взял еще на себя смелость научно поставить вопрос о существовании «полей любви» и «полей дружбы». Я верю: они есть! И для тех, кто попадает в сферу их влияния, необязательно все время жить по одному почтовому адресу. Не это главное.

Как часто люди, долгие годы живущие под одной крышей, находятся вне действия этих полей. Печально их одиночество вдвоем, страшна двойственность чувств. Мне жаль этих людей, не узнавших самого прекрасного в мире — светлой дружбы и нежной любви.

Шли дни. У Михаила Кузьмича завязалась переписка с моей матерью, жившей по-прежнему в Ростове-на-Дону. Он сообщал мне:

«...Вчера написал ей большое письмо на двух листах. Все убеждал ее приехать к Октябрьским праздникам к нам. Если она напишет тебе, что приедет, то обязательно вышли ей денег на дорогу.

Сегодня напишу и своей маме, ведь я давно ничего не сообщал о себе. Она, наверное, волнуется за своего Миньку».

«25 октября 1939 года... Сегодня получил письмо от Варвары Иосифовны. Оно значительно корректнее и тоньше, чем то, которое я послал ей. Мне только не понравилось, что она обращается ко мне «Михаил Кузьмич» и на «Вы». Я не хотел бы устанавливать с ней после ее приезда в Москву такие официально-вежливые отношения. Поэтому прошу тебя, Ириночка, убедить Варвару Иосифовну называть меня просто Миша или Михаил и по возможности обращаться на «ты». Я всегда с глубоким уважением относился к людям старше себя (советую тебе делать то же) и, еще не зная Варвары Иосифовны, уверен, что буду к ней относиться с большим уважением, чем к кому-либо. Я не сравниваю, конечно, своего отношения к законной супруге с моим почтением к Варваре Иосифовне.

С нетерпением и волнением жду ее приезда. При встрече с ней, наверное, буду выглядеть «медведем». У меня всегда так бывает: чем больше хочу понравиться человеку, тем хуже я выгляжу и тем глупее держу себя при первых с ним встречах...»

Долгожданные ноябрьские праздники. Янгель в Москве. Приехала погостить из Ростова и моя мать. Встре-

ча зятя с тещей оказалась на редкость радостной и сердечной.

Торжественно готовились мы отметить два важных события: одно государственного значения — годовщину Октября, второе — нашего семейного масштаба — день рождения Михаила Кузьмича, совпадающий с датой рождения Советской власти (25 октября по старому стилю, 7 ноября — по новому).

...И вот четыре счастливых дня уже позади. Опять я одна. Вновь вынимаю из почтового ящика письма.

«9 ноября 1939 года... Не прошло и суток, как мы расстались, а я уже очень соскучился по тебе.

По намеченному, нам предстоит с тобой пробыть в разлуке до встречи четырнадцать суток. Уже сейчас я начинаю строить всевозможные комбинации, чтобы както уменьшить, сократить срок этой разлуки. И смотри, что у меня получается.

Если приеду 23-го, то должен буду выехать обратно числа 27-го. Таким образом, до нашей следующей встречи 5-го декабря останется всего 8—9 дней. Зачем же делать такие неравномерные интервалы? Мне кажется, будет значительно лучше, если я приеду в Москву числа 21-го, а уеду 25-го.

Так мы и решим: наша встреча состоится на два дня раньше намеченного... Сразу стало легче на душе. Я даже могу математически определить величину облегчения. Это не трудно.

Сила моего влечения к тебе (обозначим ее буквой Ф) пропорциональна моей любви (Л) с некоторым коэффициентом (x), который является переменной величиной и зависит от времени разлуки с тобой. Если сделать некоторое допущение, приняв мою любовь к тебе за величину постоянную (в действительности она все время возрастает), то можно написать выражение:

$$Ф = Л\int_0^n x dx.$$

Для четырнадцатидневной разлуки (n = 14) получим, что интеграл Ф = 98 Л, для шестнадцатидневной Ф = 128 Л.

Видишь, насколько мне стало легче, когда я принял решение приехать домой на два дня раньше. Не знаю, какому еще влюбленному фантазеру придет на ум выразить свою тоску по любимой в математических выражениях».

Заботы о внедрении в серию истребителя И-180 не мешали Янгелю внимательно следить за жизнью КБ, принимать активное участие во всех его начинаниях...

«...Как-то Поликарпов говорил, что нам следовало бы подыскать хорошего летчика-испытателя, так как после трагической гибели Чкалова наши опытные машины, по существу, некому испытывать. Вчера один из заводских работников рекомендовал мне такого летчика, и мы после работы поехали к нему на квартиру. Летчик оказался очень простым и симпатичным парнем».

Некоторое время спустя летчик, о котором писал мне Михаил Кузьмич, стал работать испытателем поликарповских самолетов. Это был Евгений Уляхин. Погиб он в начале Отечественной войны в тяжелом бою с фашистскими самолетами.

Письма ноября — декабря: и нежные, и печальные. За окном давно уже бело и так часто кружат по ветру снежинки.

«...Как мне бывает грустно, когда я не получаю твоих писем. Какая-то тоска и беспокойство сжимают грудь...» «Так сейчас хочется быть с тобой, что, кажется, не хватает только крыльев, чтобы вмиг добраться до тебя...» «...Так стало досадно на эту командировочную жизнь. Но, увы... Человек — существо общественное, он слаб и беспомощен в борьбе с общественными условиями, вернее, с условиями, в которые его иногда ставит общественное положение. И все-таки настанет время, когда мы будем неразлучны. О, какое это будет счастливое время!»

В начале декабря у меня появилась возможность на два дня поехать к Михаилу Кузьмичу. Собралась со мной в дорогу и Федосия Петровна Гусарова, к которой он питал всегда почти сыновьи чувства. Мы очень хорошо провели вместе те дни.

Проводив гостей, Янгель загрустил. Порой отправлял по два письма в день.

«8 декабря 1939 года... Твой приезд обрадовал меня так же, как ослепляет ночью яркая вспышка света. Бывает так: обыкновенной серой ночью глаза привыкают к темноте и различают контуры предметов, лиц, фигур. Но вот неожиданно вспыхивает свет. На какой-то миг все оживает перед глазами, предметы и лица становятся ясно видимыми. Когда же этот свет гаснет — перед глазами встает густая, непроницаемая тьма. Так и у меня.

Была обыкновенная, серая командировочная жизнь.

И вот на один короткий миг приехала ты. Жизнь осветилась счастливой радостью, на душе стало так тепло, так приветливо. Казалось, ничего мне больше в жизни не нужно.

Однако это был всего лишь короткий миг. Ты уехала — и обыденная жизнь стала казаться еще более серой, тоскливой.

Когда я совсем вернусь домой, то, кажется, буду рад не менее, чем когда возвращался из Америки».

«10 декабря 1939 года... До нашей встречи я не мог представить себя в роли мужа, семьянина. А теперь, наоборот, не представляю, что смог бы когда-либо жить один.

...У нас будут дети, и мы сейчас обязаны думать и готовиться к их воспитанию. Как утверждает Макаренко, отношения между отцом и матерью — один из решающих моментов в воспитании детей. Я согласен с ним полностью. Тем более рад, что еще до того, как прочел книгу этого большого авторитета, сам, путем анализа, пришел к тем же выводам.

Прошу тебя при случае обязательно купить книгу Макаренко. На меня она произвела сильное впечатление».

«11 декабря 1939 года... В нашей жизни, конечно, могут встретиться те или иные неприятности, какие-либо трудности. Но, в изжитии этих неприятностей, в совместном преодолении всех, всяких трудностей мы еще больше будем нужны друг другу, еще выше поднимем нашу любовь. Хорошая личная жизнь поможет нам стать полноценными членами общества. И потом через десятки лет мы сможем сказать нашим детям, что жили не зря, что наша жизнь была полной, богатой и очень счастливой».

Заканчивался 1939 год. Еще в письме от 7 декабря Михаил писал:

«...Сегодня мне стали известны два обстоятельства, которые заставляют меня действовать более решительно в ускорении или, во всяком случае, в обеспечении моего возвращения в Москву.

Первое обстоятельство — дошли слухи, что Николай Николаевич возвратился из командировки.

Второе — Нарком действительно дал Пашинину согласие на его перевод в Москву. Когда же у Наркома зашла речь о кандидатуре вместо Михаила Михайловича, то, говорят, там нашли, что моя кандидатура наиболее подходящая».

«...Каждый день жду из Москвы сообщения относительно приезда Николая Николаевича, но ребята ничего не пишут, и не знаю, вернулся ли он из зарубежной командировки...»

А Поликарпов все не ехал на завод. Причина была достаточно уважительной, но Янгель ничего об этом не знал и волновался.

Дело было в том, что, пока Поликарпов находился в командировке в Германии, из его опытного конструкторского бюро выделилась в самостоятельную организацию большая группа конструкторов. Обо всех этих событиях в жизни коллектива Янгель узнал из письма одной сотрудницы, написанного ему 12 декабря.

«...Думаю, ты совершенно не предполагал, никогда даже и во сне не видал, что у нас делается. Откровенно говоря, даже я, находящаяся здесь, не допускала мысли...»

И далее она подробно описывала, что произошло в КБ. Нарком утвердил эскиз «х», и для проведения этой работы «из нашего хозяйства выделяется бригада» с непосредственным подчинением директору на правах самостоятельного отдела. Ниже она перечисляла фамилии людей, вошедших в бригаду, сетуя, что эта реорганизация проводится «в отсутствие хозяина». Писала, что понимает, что люди «ушли по собственному желанию», но «все же спасти коллектив от разорения и разложения необходимо».

Заканчивалось письмо так:

«...Если ты разделяешь мою точку зрения, то я прошу приехать сюда и помочь нам.

Эх, Михаил Кузьмич! Если бы ты знал, до чего пасмурно у меня на душе от того, что такой коллектив, как наш, распался.

Ну да авось как-нибудь поправим дело. Значит, если хочешь помочь, приезжай... Не хочешь — что же: неволить не буду.

Ты только не обижайся, что я так прямо заявляю, что не знаю, как ты теперь решишь дело, но я основываюсь на твоих словах, что тебе возвращаться к нам не хочется. А с разбитого-то корабля и подавно бегут...»

Получив это письмо, Михаил Кузьмич тут же выехал в Москву. Надо было во всем разобраться. Конечно, последнее время в работе коллектива не все шло гладко, и, как он думал, главным образом из-за неправильного под-

бора и расстановки руководящих кадров. Он не раз говорил на эту тему с Поликарповым. Когда был парторгом КБ и потом.

— Создавать новые коллективы надо, — делился он своими мыслями. — Без этого невозможно успешное развитие не только авиационной, но и любой отрасли техники. Плохо только, что все это произошло в отсутствие Николая Николаевича.

— Ты тоже уйдешь от него? — спрашивала я. — В новом бюро, куда тебя настойчиво зовут, работа может быть более перспективной, более интересной.

— Перспективной — возможно, более интересной — вряд ли... От Николая Николаевича я не уйду. Во всяком случае, сейчас. А будущее покажет. Я останусь в коллективе, которым руководит он. Моя главная задача сейчас — успешно закончить внедрение в серию И-180. Это нужный самолет. Правда, подводит мотор. Но и с этим можно справиться. Изделие новое. А у кого они, новые, идут гладко?!

Весь вечер Янгель был необычно задумчив. Незадолго перед сном сказал:

— Пойдем пройдемся немного. Что-то очень разболелась голова. Завтра я должен быть в хорошей форме.

Мы вышли на улицу. По Бакунинской, потом до Разгуляя... А когда после молчаливой прогулки возвратились домой, он сказал:

— Ну, к разговору с Поликарповым готов... Нелегко сейчас Николаю Николаевичу. Но он человек сильной воли. Характера, правда, сложного.

И до сего дня не берусь с определенностью сказать, какова была главная причина того, что Янгель не ушел тогда от Поликарпова. Может быть, твердая вера в целесообразность дальнейших работ Николая Николаевича. Возможно, несогласие с организационным решением этого сложного вопроса в отсутствие главного конструктора. А может быть, просто он не мог забыть, что сделал лично для него руководитель его дипломного проекта, как помог ему выйти на широкую конструкторскую дорогу.

Не один вечер провел затем Янгель с Поликарповым, обсуждая перспективные и текущие дела. Домой после таких бесед он приходил хотя и усталый, но удовлетворенный.

— Батя задумал отличную машину, — сказал он както. — Обсудили мы и один вариант моей прежней ра-

боты, тоже весьма перспективный. Но об этом будет более подробный разговор, когда я вернусь из командировки.

— Неужели опять уезжаешь?! А Новый год?

— Я уже заказал два билета в мягком вагоне. Собирай чемоданы...

И Новый одна тысяча девятьсот сороковой год мы очень весело и в хорошей компании встретили в городе на Волге.

В Москве морозы стоят необычно суровые: минус тридцать два, а то и минус тридцать восемь. Эти скованные холодом дни Михаил Кузьмич целых две недели проводит в Москве. Правда, причина вызова не столь приятная: будут выяснять, почему срываются сроки внедрения самолета И-180. Создана специальная комиссия, и Янгель должен принять участие в ее работе.

Две недели вместе! Но как быстро пролетает это время... И опять в дверь звонит почтальон, протягивает письмо.

«31 января 1940 года... Вот и опять командировочная жизнь. Приступила к работе московская комиссия. Директор завода неплохо подготовился к ее приезду. Мне сразу же пришлось вступать с ним в «бой».

...Сегодня опять целый день на заводе. А сейчас пойду на свою прежнюю квартиру, где стоит на столе твоя милая, родная фотография. Комната моя никем не занята. Жить буду там же».

«1 февраля 1940 года... Так хочется, хотя бы одним глазом, заглянуть в нашу комнатку, узнать, что ты сейчас делаешь, как себя чувствуешь, о чем думаешь... Я что-то сегодня очень скверно себя чувствую. Нашла волна какого-то грустного, угнетенного, тоскливого состояния...»

Письма в оба адреса. В них появилась еще одна очень важная для обсуждения тема. Осенью мы, видимо, станем родителями.

«7 февраля 1940 года... Ведь ты осталась совсем одна в момент, когда тебе нужны и помощь, и забота, и живое ласковое слово...

...Ежедневно приходится задерживаться на заводе до 11—12 часов ночи, а иногда — позже. Сегодня, например, пришел домой во втором часу ночи. Устал и сильно хочу спать.

...Сегодня получил три письма с завода из Москвы. Товарищи жмут на Поликарпова в отношении моего возвращения в Москву. Похоже, что это так и будет... Передают один разговор парторга с Николаем Николаевичем. Последний жаловался: вот какая-де нынче пошла молодежь, ни за что не берется, до конца ничего не доводит и ни за что не болеет. Только, мол, один Янгель болеет за наше дело и во всем мне помогает.

Если эти разговоры соответствуют действительности, то тем более можно быть уверенным, что очень скоро, не позднее чем через месяц, я совсем вернусь домой.

...От Поликарпова получил записку. Извиняется, что не приехал, и сообщает, что будет здесь обязательно 18—20 февраля».

Дождемся ли дня, когда будем вместе?!

«Так сильно жду его, — пишет Михаил Кузьмич, — что, имей власть над временем, как над стрелками своих часов, я довел бы бег времени до космической скорости. Но дни проходят с убийственной размерностью объективного времени, лишь кажутся длиннее или короче в зависимости от сути дел, от тех или иных душевных настроений... Сегодня не получил твоих писем. И кажется, что противное время совсем остановилось...»

Короткая встреча на два дня. Еле успеваем обсудить планы на ближайшее будущее, побывать в кино, встретиться с друзьями. В эти дни в нашу дверь стучатся многие: кто посоветоваться с Михаилом Кузьмичом по делам, кто просто повидаться.

«2 марта 1940 года... Просто возмутительно, что у нас так скверно работает почта. Подумать только: до Америки письмо доходит за десять-двенадцать дней, а у нас для того, чтобы доставить письмо за какие-нибудь сотни километров, требуется пять-шесть суток.

...Страшно подумать, сколько мы теряем и как сильно осложняем жизнь из-за этой неорганизованности, я все больше и больше убеждаюсь в необходимости очень серьезной постановки вопроса коренного пересмотра организации работы во всех наших звеньях сверху донизу. Думаю, что нам с тобой следует в летнее время, когда мы будем отдыхать, зафиксировать на бумаге наши мысли по этому поводу, серьезно подумать и проанализировать недостатки нашей организационной работы в жизни. Кто знает, может быть, мы с тобой сможем так по-

ставить эти вопросы, что возбудим к этому внимание общественности и наших руководителей.

Впрочем, об этом мы еще поговорим...»

«Москва. 3 марта 1940 года... Пришла домой в двенадцать часов — сидела на лекции Поликарпова. Рассмотрела его как следует. Он совсем не такой, каким я его себе представляла, но в общем мне понравился. Он был в такой же кожаной куртке, как у тебя. Народу пришло на его лекцию — тьма. Сидели как сельди в бочке. Лекция была очень интересной. Все довольны. Хлопали на совесть. Он, по-моему, тоже остался доволен. Выступал три часа.

Все хорошо. Но почему он не у тебя?!»

«Москва. 8 марта 1940 года... Только что пришла из Большого театра, где вместе со знатными женщинами страны справляла наш праздник... Сидела я, конечно, на «самой высоте своего положения». Но пришла пораньше и заняла хорошее местечко».

«9 марта 1940 года... К сожалению, мой приезд в Москву на несколько дней задерживается: я не смогу отсюда уехать раньше, чем будет выпущен первый самолет.

Ты в своем письме беспокоишься по поводу того, что Николай Николаевич не едет к нам. Он не приезжает сюда все по той же причине — неготовности самолета. Как только самолет будет готов, он приедет сюда. И тогда уже я уеду вместе с ним...»

И вновь короткая встреча, а за ней разлука. В последний раз провожаю Михаила Кузьмича на вокзал. На этот раз действительно в последний. Все обговорено с Поликарповым.

«18 марта 1940 года... С вокзала поехал прямо на завод — хотелось посмотреть на наш самолет и определить примерные сроки окончания работы. Директор завода грозится закончить все работы 21—22-го числа, после чего предполагает вывести самолет в ТИР на отстрел вооружения. На это уйдет еще один-два дня. Затем остается самолет покрасить, и можно выпускать в полет. К первому числу мы, очевидно, все закончим...»

«Москва. 20 марта 1940 года... Недавно заходил шофер, принес валенки и твое письмо. Вчера послала деньги двум мамам... Была на консультации у преподавателя по технологии Ружицкого. Он одобрил все четыре листа, дал добавку — пятый лист — план цеха...»

«22 марта 1940 года... Сегодня с товарищами занимался подведением итогов сделанного нами на заводе и выяснением недоделанного. Сердце наполняется ликующей радостью от сознания, что нашей с тобой разлуке приходит конец...

...До самого последнего момента я все побаивался за мою возможную задержку на лето в связи с делами. Но сегодня вернулся из Москвы Флёров и привез от Николая Николаевича распоряжение, по которому он, Флёров, назначается ведущим инженером. Правда, в этом распоряжении есть пункт: «свою работу Флёрову проводить под общим руководством моего помощника Янгель М. К.». Но это ничего не означает, так как общее руководство я могу осуществлять периодическими приездами сюда на один-два дня. Это уже будет не то, что сейчас, когда я должен быть здесь все время.

Ребята, зная, что теперь от них зависит наш выезд в Москву, работают как «звери». Ежедневно сидят на заводе до десяти часов вечера и позднее — подчищают свои грехи...»

Просто не верю, что это письмо со штампом волжского города последнее. Неужели последнее?!

Длинный-длинный звонок в дверь вечером второго апреля. Так звонить может только хозяин.

— Наконец-то я дома!

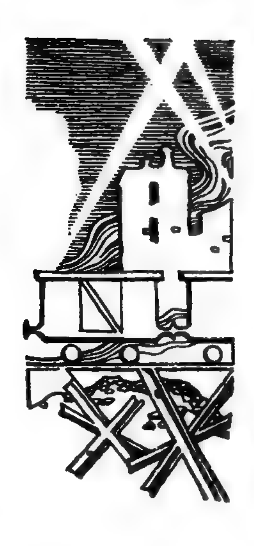
А немного погодя он вынул из чемодана пачку моих писем. Я сложила их вместе с теми, что присылал он мне.

— Как помогли нам эти бесконечно дорогие листки бумаги в трудные дни разлуки, — сказал Михаил Кузьмич. — Сохрани их, Ирина.

И я, перечитывая их теперь через много-много лет, думаю, сколько светлого, красивого и глубокого в «необычных интегралах» Янгеля.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОГНЕННЫЕ СОРОКОВЫЕ...

Вот мы и родители! Маленькое, такое беспомощное существо со светлыми глазками — это наша дочь.

— Славный у вас муж: вежливый, обходительный, — сказала в родильном доме дежурная няня, передавшая мне письмо и цветы. — Только зря так сильно за вас волнуется. Я сказала ему, что все люди на Земле должны хоть раз родиться. Иначе человечества не было бы!

«...От всего сердца горячо-горячо поздравляю тебя, дорогая, с днем рождения нашей дочери. Никакими словами не выразить мне моих чувств. У нас с тобой есть маленькая крошка, есть родная дочь!»

И в конце приписка:

«Остаток дня потрачу на покупку кроватки или коляски и прочего, необходимого для нас».

Вот и начались отцовские заботы у Михаила Янгеля!

Не забыть его счастливой улыбки, когда он впервые взял в руки маленькую Люсю и бережно понес к ждавшему нас автомобилю.

— Я «выбил», хотя и со скрипом, недельный отпуск по семейным обстоятельствам, — говорил по дороге домой Михаил Кузьмич. — Папаша поначалу призадумался, но потом сказал: «Было бы просто жестоко не дать вам несколько дней. Я понимаю ваши чувства: сам тоже отец». И подписал заявление.

Михаил Кузьмич быстро научился премудрости ухода за новорожденной. Каждый день выходил с ней на прогулку. Эта процедура доставляла ему особенное удовольствие. Я подолгу смотрела из окна, как он с ребенком на руках важно ходит вдоль тротуара.

— Смотрите, — шутливо говорила соседка, — на вашего мужа заглядываются даже старушки...

Начавшаяся было нормальная семейная жизнь неожиданно осложнилась: я тяжело заболела и попала вместе с дочерью в Боткинскую больницу. Выписалась оттуда лишь через три месяца.

— Имей в виду, взял тебя домой под расписку, — с напускной строгостью говорил Михаил Кузьмич. — Но дома и стены помогают. Тем более они у нас совсем новые.

Это была приятная весть. Оказывается, он уже перевез наши вещи в две большие светлые комнаты удобной пятикомнатной квартиры.

— Это все забота Поликарпова... Живем теперь на седьмом этаже. Большие окна... И прекрасный вид на родной институт... В МАИ ты сможешь ходить пешком.

Проблема няни всегда была сложной. Поэтому Олимпиада Онуфриевна Савоткина была для нас настоящей находкой. Липа, как стали мы называть Олимпиаду Онуфриевну, надолго сделалась членом нашей семьи.

Я сразу активно включилась в работу над дипломным проектом. Тема его была выбрана явно под влиянием Янгеля: истребитель, двигатель расположен в фюзеляже, шасси трехколесное с носовым колесом. Компоновка машины была оригинальной и не очень-то легкой, а шасси с носовым колесом — новинкой в дипломной практике.

Михаил Кузьмич помогал мне в работе над дипломным проектом мало. Лишь доставал нужные для расчета методики, схемы некоторых узлов. Но если я обращалась к нему за консультацией по тому или иному вопросу, ответ всегда получала исчерпывающий.

В выходные дни мы уезжали на дачу — там жила теперь няня с нашей дочерью.

Янгель занимался в то время темой, которой давно был увлечен и Поликарпов, и главный конструктор по вооружению Шпитальный. Проектировали ТИС — тяжелый истребитель сопровождения.

Василий Иванович Тарасов пишет в своих воспоминаниях об этом периоде работы Янгеля:

«Михаил Кузьмич совместно с другими начальниками

бригад принимал непосредственное участие в рассмотрении проектов боевой загрузки самолета и схем его применения. В это же время разрабатывались рабочие чертежи силовой установки и было начато изготовление первого опытного образца танкового истребителя.

При изготовлении ТИСа Михаил Кузьмич успешно внедрил плазово-шаблонный метод, изученный им в период заграничной командировки, привнес немало нового в организацию разработки технологического процесса. Самолет был построен в рекордно короткие сроки, а затем начались летные испытания, с которыми Михаил Кузьмич успешно справился. Его авторитет среди работников завода сильно вырос».

Приказом НКАП за номером 209 от 17 июля 1940 года М. К. Янгель был назначен заместителем директора завода и ведущим инженером ОКБ Н. Н. Поликарпова.

«...И опять закрутила Кузьмича работа: с утра — аэродром, а потом КБ до поздней ночи, — вспоминает А. А. Сарычев. — Вечером, перед отъездом домой, мы иногда собирались в его кабинете. Частенько он ставил меня в тупик коварными вопросами на философские темы и, добродушно усмехнувшись, тут же начинал сам отвечать на них.

В канун войны мы: Кузьмич, я, летчики — Иван Васильевич Доронин, Петр Ермолаевич Логинов и Женя Уляхин — допоздна сидели в кабинете у Кузьмича и спорили: нападут на нас немцы или нет?

А утром в воскресенье 22 июня я позвонил ему домой, сказал, что началась война. Весть была ужасной, и он сначала не поверил... Вскоре он с Поликарповым был уже на заводе».

Мирное время. О нем так хорошо написал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков в книге «Воспоминания и размышления»:

«Каждое мирное время имеет свои черты, свой колорит и свою прелесть. Но мне хочется сказать доброе слово о времени предвоенном. Оно отличалось неповторимым, своеобразным подъемом настроения, оптимизмом, какой-то одухотворенностью и в то же время деловитостью, скромностью и простотой в общении людей. Хорошо, очень хорошо мы начинали жить!»

Утро двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года. Первое утро войны.

Мы встали раньше обычного. Оставалась всего неде-

ля до моей защиты, и мы решили, как говорят, на свежую голову еще раз внимательно пройтись по всем узловым моментам работы. Договорились: чтобы не отвлекаться, радио не включать и к телефону не подходить.

— Проект получился неплохой, — подбадривал Михаил, придирчиво просматривая законченные и обведенные листы. — Но надо еще достойно ответить на вопросы государственной комиссии. А они могут быть и каверзными.

— Ребята говорят, что самые сложные вопросы на всех защитах задает Михаил Никитович Шульженко. В основном по прочности конструкции. К тому же Шульженко — рецензент моего проекта. Так что опасность удваивается.

— Самое важное перед любой битвой — предусмотреть возможные атаки. Давай я тебя погоняю по тем вопросам, которые, мне кажется, может задать Михаил Никитович. Ну, например, как работает основная стойка шасси и в чем преимущество выбранной тобой схемы расположения третьего колеса впереди?

В передней настойчиво звонил телефон.

— Может быть, все-таки подойти? Кому-то мы очень нужны, — сказал Михаил Кузьмич. — Вдруг что-нибудь случилось с Люсенькой?!

— Как работает стойка шасси? — задумчиво склонилась я над листом ватмана.

И вдруг внутри что-то сжалось. Янгель словно окаменелый стоял у открытой двери.

— Скажи, что случилось?!

Он медленно подошел ко мне, взял за плечи и, с трудом подбирая слова, сказал:

— Самое страшное... Немцы начали войну. Уже есть первые жертвы... Мне звонили с завода, срочно еду туда.

Он тут же собрался и ушел, пообещав при первой возможности позвонить домой.

Началась война. Я, конечно, не могла еще осознать в те мгновенья все, что вошло в жизнь нашей страны с этим коротким, но страшным словом.

Подошла к окну. С седьмого этажа открывался знакомый вид на дорогую сердцу Москву. Она еще жила мирной жизнью. Привычно двигались трамваи, автомобили, не спеша шагали пешеходы. Знают ли они, что началась война?!

Постучала бледная, встревоженная соседка Евгения Ивановна.

— Так это правда? Мне позвонили родные.

Я молча кивнула головой: да, правда.

— Вы знаете, — продолжала она, — моя мама говорила, что самым тяжелым в войну четырнадцатого года было отсутствие мыла. Может быть, нам спуститься вниз и купить про запас немного мыла?

И мы, подобно автоматам, молча спустились вниз, купили в маленьком бакалейном магазине напротив дома по три куска мыла. И так же молча вернулись домой.

Вскоре позвонил Михаил Кузьмич. Откуда-то издалека донесся его приглушенный голос.

— Я задержусь сегодня, и надолго. Обстановка сложная, напряженная. В двенадцать часов будет выступать по радио Молотов... Постараюсь до ночи еще позвонить. А ты соберись с мыслями, займись проектом. К предстоящей защите надо как следует подготовиться.

В трубке раздались частые, прерывистые гудки.

Медленно подошла к разложенным на столе чертежам. Мысли, путаясь, набегали одна на другую. Постояла у одного окна, потом у другого. Чистое небо над Москвой... Что будет с нашей страной, с нашими людьми?

Громко постучала соседка:

— Включите радио. Выступает Молотов.

И в комнату вошли слова:

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...»

Бомбы, сброшенные самолетами с фашистской свастикой на крыльях. Сколько их еще будет? Первые жертвы. Первая кровь. Первые вдовы и сироты. Черный дым первых пожарищ.

«Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду».

Радио молчит. А я все стою неподвижно около приемника в каком-то оцепенении.

...Михаил Кузьмич пришел домой под утро. Уста-

лый, небритый. Всю ночь он не спал. Не спала и я. Да и кто мог спокойно спать в эту первую военную ночь?

— Война, Ирина, будет тяжелой. Немцы хорошо вооружены, имеют немалый опыт ведения войны. И потом, фашисты очень жестоки.

Он курил папиросу за папиросой. Сизый табачный дым поднимался к потолку.

— Нам надо срочно решить ряд важнейших организационных вопросов. Сейчас очень многое зависит от четкой организации...

Все его мысли были на заводе, все думы — о начавшейся войне.

Словно в тумане вела я последние приготовления к защите диплома. А с фронта шли нерадостные вести...

Михаил Кузьмич в эти дни был почти все время на заводе. Часто его вызывали в районный комитет партии. Он звонил мне по телефону, справлялся о делах, о дочке. Мы с ним почти не виделись.

В канун защиты он днем забежал на несколько минут домой.

— Завтра у тебя ответственный день в жизни. Как мне хотелось послушать твою защиту... Но ты будь молодцом. В случае чего — смотри в зал. Представь себе мысленно, что я сижу где-то в предпоследнем ряду... В эти минуты я буду думать только о тебе.

В небольшой аудитории на четвертом этаже старого корпуса за столом сидят члены государственной экзаменационной комиссии. Председательствует Николай Сергеевич Аржаников.

«Болельщиков» почти нет.

— Двадцать минут, — говорит Николай Сергеевич, предоставляя мне слово для доклада, а сам смотрит куда-то в окно. Думает, наверное, о войне.

Почему-то почти не волнуюсь. И вопросы кажутся нетрудными. Правда, когда Михаил Никитович Шульженко начинает спрашивать о расчетах конструкции на прочность и работе стойки основного шасси, я поглядываю в аудиторию — ищу телепатической поддержки «невидимки-мужа». Но и каверзные вопросы позади. Государственная комиссия уходит совещаться.

— Поздравляю с отличной защитой, — тепло пожимает руку Николай Сергеевич.

Вот я и дипломированный инженер! Вспомнился

вдруг первый учебный год. Каким тогда представлялся далеким этот сегодняшний день!

Как сложится моя дальнейшая инженерная деятельность? До последнего времени я намеревалась проситься на работу в летно-испытательный институт. Не возражал против этого варианта и Михаил Кузьмич. Правда, говорил:

— При условии, что будешь летать очень собранно, не забывая, что у тебя есть дочь и муж. И испытывать будешь только самолеты нашего ОКБ. А я прослежу за их надежностью...

Неосуществленные мечты... Медленно шла я домой. Еще на лестничной площадке услышала надрывные телефонные звонки. Ну конечно, это Михаил. Ему не терпится узнать, как прошла защита.

В этот вечер он поздно пришел домой.

— Извини, что так задержался, мой дорогой инженер! Хотел прийти пораньше, вместе с товарищами. Надо было отметить такое событие: число инженерных работников в семье Янгелей возросло вдвое. Но ничего не вышло. Занимался весь день планом эвакуации завода.

— Неужели немцы дойдут до Москвы?

— Не исключено. А тебе надо срочно оформлять путевку на восток. Там директором одного авиационного завода работает мой давний друг и славный человек Михаил Иванович Маланьин. Я думаю, самое разумное — просить направление к нему на завод. В случае чего Михаил Иванович поможет тебе и Люсеньке.

— Уезжать из Москвы? А ты, Миша?

— Закончу испытания самолета, а потом, возможно, винтовку в руки. Я не могу поступить иначе. Время покажет, где я буду нужнее.

Двадцать первого июля тысяча девятьсот сорок первого года на общем партийном собрании института меня приняли в члены Коммунистической партии. Это было в моей жизни незабываемым событием.

Позвонила в тот же день одна из моих подруг по аэроклубу. Сказала, что Марина Раскова, видимо, на базе У-2 будет скоро формировать женский авиационный полк из тех, кто успешно окончил аэроклуб.

Летать на У-2, этой замечательной машине. Непосредственно участвовать в разгроме врага. Конечно, я буду проситься именно в этот полк.

Тут же позвонила двум своим летным подругам: Вале Ступиной и Инне Комаровой.

— А что будет с твоей десятимесячной дочкой? — спросила Валя.

— С маленьким ребенком тебя в такой полк не возьмут, и не просись, — убежденно сказала Инна. — Но ты не горюй. На авиационных заводах очень нужны специалисты. А ты уже инженер.

Сижу и плачу, как девчонка. Михаил Кузьмич пришел, выслушал меня, понял:

— Мне сейчас тоже больше всего хотелось бы уйти на фронт... Если надо — будешь летать. Это никогда не поздно. А пока, прошу тебя, оформляй путевку в Сибирь.

Первая бомбежка Москвы в ночь на двадцать второе июля, ровно через месяц после начала войны, застала меня на даче. Янгель заранее предупредил, что останется ночевать в городе, и я рано легла спать.

Разбудили световые блики в окнах, вой сирен и громкие, еще непривычные залпы зенитных орудий, установленных возле железнодорожной станции.

Разбуженные тревогой люди выбегали из домов.

— Одеваем детей и бежим все в лес, — сказала я своим друзьям, стоявшим в нерешительности около дома.

Сама быстро завернула Люсю в байковое одеяло.

Все устремились за мной в лес.

Самолеты фашистской авиации эскадрилья за эскадрильей двигались по направлению к Москве. В перекрестных лучах прожекторов, ярко освещавших безоблачное небо, мелькали силуэты «юнкерсов», «дорнье», «хейнкелей». Где-то уже падали бомбы, и до нас доносилось глухое эхо разрывов.

Очень скоро я поняла, что мое предложение идти с детьми в лес было в высшей степени неразумным. Самолеты летели прямо над нашими головами, осколки зенитных снарядов с характерным свистом падали около нас. Один самолет вдруг ярко вспыхнул и устремился навстречу земле.

Спотыкаясь о корни и сучья деревьев, мы бежали по темному лесу. Падали, вскакивали и опять бежали.

— Надо вернуться домой. Здесь опасно. Немедленно домой, — вновь командую я, и все поворачивают к дому. Дети громко плачут. Сирены надрываются тревожным, больным криком.

До рассвета, закрыв Люсю подушками и одеялом, я сидела на старой застекленной террасе и под аккомпанемент дребезжащих стекол слушала, как гудят над головой вражеские самолеты.

К утру все стихло. И необычной казалась наступившая тишина.

На случайной грузовой машине, забрав Липу и Люсю, я добралась до московской квартиры.

Всю следующую ночь мы провели в бомбоубежище под домом. Вражеские самолеты прилетели вновь и шли на этот раз над густыми облаками. Немцы сбрасывали смертоносный груз не целясь. Утром из окна седьмого этажа с грустью смотрели мы на дымные хвосты пожаров.

С тех пор налеты фашистских самолетов на Москву стали обычным явлением. Прилетали они и днем, большей частью в одиночку.

В бомбоубежище жильцы поставили диваны, раскладушки. Принесли туда стулья, бачок с кипяченой водой.

«Опасность воздушного налета миновала», — как жадно ловили мы эти слова Левитана.

Люди быстро привыкли к разбойничьим прорывам немецко-фашистских самолетов, не сумевших выполнить задачи «стереть с лица земли Москву», которую бесноватый фюрер поставил перед воздушными силами Германии.

Михаил Кузьмич почти все время проводил на загородном аэродроме — готовился к проведению летных испытаний самолета ТИС. Я оформляла выездные документы, собиралась в дальнюю дорогу. Как-то поехала в центр за покупками. Кузнецкий мост поразил обилием людей, в основном пожилого возраста. Они стояли со связками книг по краям тротуаров. Каких только здесь не было изданий! И по какой доступной цене!

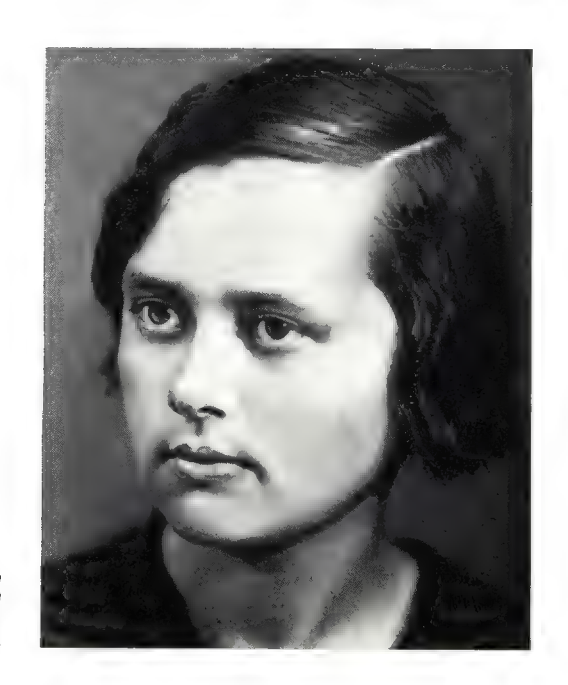
Стефан Цвейг, Ромен Роллан, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Есенин и Блок, даже сочинения Чарской.

Перелистала несколько книг. И пошла дальше.

Вечерами жильцы домов с повязками на руках дежурили во дворах и на улице. Помогали детям и старикам во время тревог спускаться в убежище. Следили за порядком.

Михаил Янгель, секретарь комитета комсомола МАИ. 1935 г.

Ирина Стражева, студентка первого курса МАИ. 1935 г.

Вот и появился в крестьянской семье инженер.
Михаил Янгель, 1938 г.

ДИПЛОМ

[illegible]

№ [illegible]

Предъявитель сего тов. Янгель Михаил Кузьмич

в 1934 г. поступил [illegible] 1937 г. [illegible] полный курс Московского Авиационного Института имени Серго Орджоникидзе

по специальности

„Самолетостроение"

[illegible]

Государственной Экзаменационной Комиссии от 23 февраля 1937 г. [illegible] квалификация инженера-механика по самолетостроению.

Город Москва 30 июня 1940 г.

Регистрационный № [illegible]

Диплом Михаила Янгеля об окончании МАИ.

В рабочем кабинете на Пятой авеню. Нью-Йорк, 1938 г.

В Соединенных Штатах Северной Америки. 1938 г.

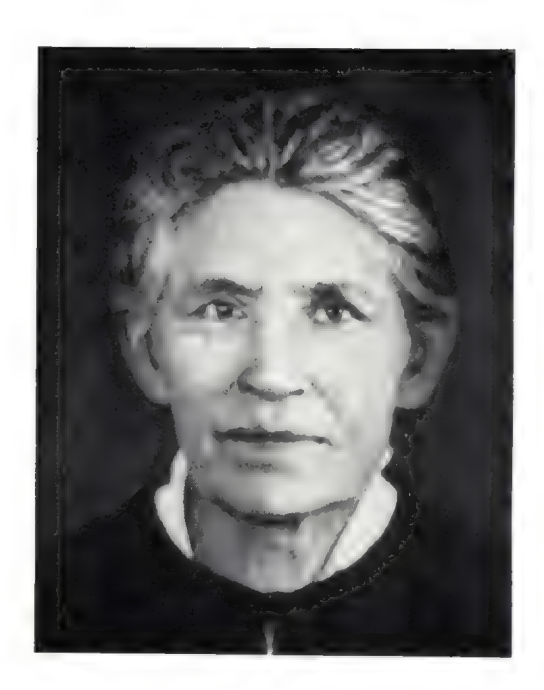
Дорога в Зырянову идет вековой тайгой.

Деревня Зырянова Нижнеилимского района Иркутской области.

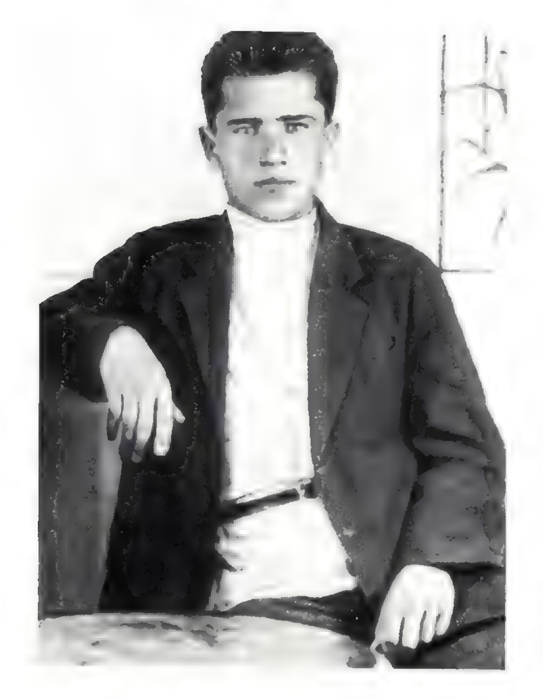
Дом, в котором родился Михаил Янгель.

У берегов Илима прошло детство будущего академика.

Нижнеилимская начальная школа, где учился Михаил Янгель.

Анна Павловна Янгель.

Михаил Янгель, помощник ткацкого мастера фабрики имени Красной Армии и Флота.

Михаил Янгель (крайний справа) со старшими братьями Константином и Александром.

Перед рабочими текстильной фабрики имени Красной Армии и Флота выступает С. М. Буденный.

Михаил Янгель среди коммунаров фабрики (*средний в верхнем ряду*).

Дом в городе Красноармейске, где жили коммуной комсомольцы фабрики.

В день свадьбы. 23 мая 1939 г.

Братья Янгель — Александр и Михаил.

Вся семья в сборе.

Николай Николаевич Поликарпов.

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

А № 047009

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

ЗА УЧАСТИЕ В ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ
МОСКВЫ

Тов. Янгель
Михаил Кузьмич

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 1-го мая 1944 года
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ
„ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ"

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ „ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ" ВРУЧЕНА „7" [illegible] 1944 года

Председатель Исполнительного Комитета Московского Городского Совета депутатов трудящихся

Секретарь Исполнительного Комитета Московского Городского Совета депутатов трудящихся

Первой и одной из самых дорогих наград М. К. Янгеля была медаль «За оборону Москвы».

Михаил Кузьмич Янгель — главный конструктор.

Озеро Селигер — излюбленное место отдыха во время летних отпусков.

С балкона М. К. Янгель любил смотреть на Москву.

Немцы продвигались все ближе к Москве. По улицам проезжали все чаще и чаще вереницы машин с бойцами. Люди провожали их тревожными взглядами.

Второе августа 1941 года. Вечером этого дня мы с Люсей и Липой уезжали из Москвы в Сибирь.

Ярославский вокзал запружен людьми с узлами, чемоданами. У платформы — длинный железнодорожный состав.

Мы с трудом разместили вещи на одной из нижних полок в заполненном людьми вагоне. Липа где-то застряла в другом его конце.

Детей ехало мало. Массовая эвакуация ребятишек из Москвы еще не началась.

— Дай мне Люсеньку. Погуляю с ней хоть немного до отхода поезда, а потом передам ее тебе через окно.

Михаил Кузьмич, крепко прижимая к груди дочь, отошел в сторонку... Последние пять минут!

— Берите скорее вашего ребенка! — кричит мне проводник. — Поезд через минуту тронется!

В открытое окно Миша протягивает мне плачущую Люсю, смахивает с глаз слезу...

— Пиши мне с дороги. Обязательно пиши! И не волнуйся за меня... Запомнил все твои наказы: окна закрывать, во время тревог обязательно спускаться в убежище... Ну, только не плачь!.. Мы обязательно увидимся... Обязательно... Слышишь?!.

Поезд набирает скорость. Михаил Кузьмич все еще бежит за вагоном, машет рукой и что-то кричит. Но я уже не слышу его слов.

Куда я еду? Маленький ребенок... Глухая няня... Впереди незнакомый сибирский город... Михаил Кузьмич сказал мне перед отъездом, что возможное место эвакуации поликарповского коллектива — город, куда я сейчас еду. Но это пока только предположение... И как тревожны вести, поступающие с фронтов...

Трясет и качает в старом вагоне. Расплывшимися буквами пишу Мише первую открытку с дороги.

«4 августа 1941 года... С каждым часом все новые десятки километров ложатся между нами... Все время думаю о тебе. Мне ничего в жизни не надо — лишь бы еще раз с тобой увидеться. Буду ждать этого часа...»

...Через десять дней пути мы прибыли в конеч-

ный пункт назначения. Какой-то будет здесь наша жизнь?

Долго я ждала писем из Москвы. А Михаил Кузьмич отправил первое почти нам вслед.

«5 августа 1941 года... Пошли уже четвертые сутки, как наша квартира стала пустой и такой скучной-скучной. Прихожу домой — меня уже не встречает ни веселая улыбка Люси, ни твой ласковый взгляд.

Как-то вы сейчас едете? Удалось ли занять полкупе, где я оставил Липу? Или так и едете в разных концах вагона? Как ведет себя Люсенька? Здоровы вы, сыты ли? И тысячи других вопросов, связанных с вашим путешествием, встают передо мной. И я мысленно отвечаю на них, конечно, в желаемом для меня положительном смысле. А сколько предстоит задать еще вопросов...

У меня за три дня ничего существенного не произошло. В субботу, как проводил вас, и в воскресенье занимался генеральной уборкой. На письменный стол положил ватман, а на него стекло. Поставил зеркало, нашу фотографию и утенка вместо фото Люси.

На работе все идет своим чередом. Изделие почти готово, но из-за усиления (помнишь, рассказывал) задержится еще на 4—5 дней.

Без Вас в Москве были две маленькие тревоги, не принесшие налетчикам никакого существенного результата. Москвичи хорошо научились вести огонь из зениток и тушить пожары.

В ночь с 3-го на 4-е в районе между нашими домами и заводом один наглец сбросил 43 зажигательных бомбы, но они упали на незастроенное место и были мгновенно потушены.

Тревоги обычно начинаются между 23 и 24 часами, так что я думаю занавесить окно в спальне и время от приезда, когда я оказываюсь дома, и до тревоги использовать для писания тебе писем и чтения.

Во время тревог веду себя осторожно, так что за меня, родная, не беспокойся».

«10 августа 1941 года... Ничего не зная о Вас, все время волнуюсь... Письма могут идти очень долго, поэтому время от времени давай мне телеграммы, а то в незнании о Вашем здоровье и делах можно сойти с ума.

В Москве пока все обстоит относительно благополучно. 8 и 9 августа налетов фашистских стервятников не было, очевидно, потому, что была плохая погода. Вчера

в 10.30 вечера началась воздушная тревога. Налет был очень неэффективен: все сброшенные зажигательные бомбы были скоро потушены.

Я в ближайшие пять дней закончу подготовительную работу и, наверное, начну летные испытания. Раз в два-три дня буду наезжать домой за Твоими письмами.

Живу в смысле питания, сна неплохо. Вечерами жарю картошку, с таким расчетом, чтобы и на утро хватило. Покупаю огурцы и прочее, что попадется под руку».

Прошло два месяца с начала войны.

Я уходила на завод рано утром, возвращалась поздним вечером. Читала газеты, слушала сводки Совинформбюро. Положение на фронтах оставалось тревожным.

Единственно, что радовало тогда, это короткие свидания с Люсей да письма Михаила из Москвы. Ему очень хотелось рассказать мне о своих делах. Но... на каждом письме штамп военной цензуры «Просмотрено». Время военное!

И он находит выход из положения: представляет все события в виде «экзамена», который у него принимает строгий «рецензент».

«4 сентября 1941 года... Опишу подробно, что у меня было за это время. До 26-го августа все дни и даже большая часть ночей прошли в подготовке к событию, о котором Ты знаешь. Наконец, 26-го я был готов к экзаменам и провел практическую беседу с рецензентом о современных средствах передвижения по земле.

Вслед за этим мне пришлось переезжать на новое местожительство. Что это стоит — легко понять, зная положение с нашим городским транспортом, — едва нашел такси.

Кое-как перебрался и 30 августа провел еще одну подготовительную беседу с рецензентом, которая многое должна была сказать мне о результатах предстоящей защиты. Но здесь, против ожидания, меня сильно задержал папаша, так как ноги заболели еще сильнее, и мне пришлось уделить ему очень много времени.

Наконец, 2-го сентября я освободился от всего постороннего и смог явиться на комиссию почти в полной готовности. Экзамен прошел прекрасно. Папаша мой был так рад, что расцеловал меня. Я думаю, что и Ты, моя славная Ириночка, также рада этому успеху.

После экзамена я не мог получить, как Ты понимаешь, и дня отдыха — нужно было немедленно приниматься за работу. 31-го августа, когда моя вторая беседа с рецензентом прошла успешно и я был вполне уверен в успешной защите своей работы, то решил обрадовать Тебя раньше времени и, как видишь, не ошибся...»

Читаю эти строки и невольно улыбаюсь: рассказал мне все подробности. Теперь знаю, что самолет переправили на другой аэродром, что много неприятностей было с шасси-«ногами», и первый полет был столь успешным, что «папаша» — Николай Николаевич Поликарпов — крепко Мишу расцеловал.

В книге учета полетов Летно-испытательного института сохранилась запись о том, что М. К. Янгель «участвовал в полетах в качестве ведущего инженера самолета Н. Н. Поликарпова под шифром «А» совместно с летчиком Георгием Михайловичем Шияновым».

Даты полета: 3 и 6 сентября. Задание — проверка температурных режимов полета. Оба полета прошли успешно.

...Напряженная рабочая обстановка. Невеселые сводки с фронта...

Михаил Кузьмич пишет:

«...Несмотря на загруженность работой и большую усталость, я каждую свободную от работы минутку уношусь мысленно к вам... Я так скучаю и тоскую без вас, мне так безумно хочется, хоть бы на один короткий миг, увидеть вас, что, кажется, за этот миг я готов отдать весь остаток своей жизни. Но рассудком и волей приходится заставлять «молчать» это чувство, так как надо думать не о коротком миге счастья и любви, а о счастливой и радостной жизни нашей еще долгие-долгие годы. Тебе понятно, родная, что наше счастье, как и счастье всего нашего народа, может быть завоевано героической борьбой на фронте и не менее героической работой в тылу всех нас, пока эта фашистская нечисть не будет уничтожена без малейшей для них надежды на возрождение.

...Я буду работать с максимальным напряжением, не щадя своих сил, так долго, как это будет необходимо для нашей полной победы над врагом. Я знаю, что моя милая, родная Ирина поступит точно так же, что она полностью разделяет мои мысли, мою ненависть к извергам человеческого рода, мои чувства. В общности наших мыс-

лей, чувств и действий — источник моих сил, радости и счастья.

Недалеко то время, когда мы будем опять вместе и будем счастливы нашей близостью, нашей дочерью, нашим сыном, который у нас обязательно будет.

Наши дела на фронте улучшаются. Фашисты уже не могут позволить себе совершать налеты на Москву, тогда как наши возможности бомбить Берлин и другие фашистские гнезда с каждым днем крепнут и ширятся. Лозунг нашего Сталина — «Победа за нами!» — очень близок и если не по времени, то по реальности своего осуществления. Да что об этом говорить, родная. Ясно, что мы победим и фашизм будет навсегда уничтожен».

В Сибири идут дожди.

Вечерами все жильцы нашей небольшой квартиры собираются на кухне. Дремлет у окна Липа. Садятся за чай с конфетами-подушечками живущие вместе с нами ленинградцы.

Работаю в цехе окончательной сборки самолетов инженером-технологом. Здесь сейчас собирают ЛаГГи.

Мой участок — винтомоторная группа. Бегаю с синьками по цеху, часто залезаю в самолеты, тяну вместе с рабочими ниточки проводов. Все в порядке! Скоро и этот самолет уйдет на фронт. Пусть ему сопутствует только удача!

В каждой кабине к приборной доске прикрепляем маленькую записочку. Знаем, что такое ОТК пропустит. Пишем:

«Дорогие Соколы! Мы всегда с вами. Пусть на этом нашем самолете будет больше красных звездочек». И подписываемся: «Сибиряки».

Каждая «красная звездочка», которую фронтовые летчики наносили на фюзеляж, означала очередной сбитый в бою фашистский самолет.

«Москва. 20 сентября 1941 года... Второй день я в Москве. Ночую в нашей такой пустой и холодной комнате. Работаю на заводе: небольшие доделки и улучшения нашего изделия. Через три-четыре дня опять уеду на испытания...»

В книге учета полетов будут сделаны еще две запи-

си о работе Янгеля: «18 сентября — проверка работы винтомоторной группы». «19 сентября — перелет на Центральный аэродром».

Михаил пишет о житейских делах, о родных, о полученных за это время письмах.

«...Шура прислал открытку из Ленинграда. Ругает меня, что я собираюсь на фронт. Говорит, что это похвально, но глупо, что я должен лучше работать так, чтобы у них было больше нашей продукции.

Отчасти он, пожалуй, прав. Вопрос о том, где мне быть — на заводе или на фронте, — очевидно, решится в конце октября.

О своей жизни писать почти нечего, так как вся она проходит в работе. Устаю, но эта усталость за ночь уменьшается, и с утра я опять бодр и энергичен».

Двадцать восьмого сентября нашей дочери исполнился год.

— Неужели уже год? — спрашиваю себя, стоя у ее кроватки.

Думает в этот день о дочери и отец. Пишет из Москвы: «28 сентября 1941 года... Сегодня нашей доченьке исполнился годик. Многим я пожертвовал бы, чтобы быть сейчас с вами, крепко-крепко прижать к своей груди моих дорогих, самых родных и близких. Но увы... Вы так далеко, что сделать все это я могу только мысленно».

А потом пишет о своих делах, пока еще невеселых. И все-таки письма его полны веры в победу и оптимизма:

«...Думаю, в конце октября я уже буду или на большом заводе, или на фронте. Верь, дорогая, в окончательную победу над смертельным врагом и верь в нашу с тобой долгую, счастливую жизнь после войны».

Зажигаю настольную лампу. Все уже давно спят... Дочери пошел второй год... Не в радостное время она родилась. Не одна она. Сколько детей лишены сейчас семейной теплоты, которую щедро дарила им мирная жизнь...

Октябрь. Надо думать о предстоящей сибирской зиме, о картошке, дровах, капусте. У Люси нет шубки, валенок. А зима в Сибири, говорят, сурова.

«...Ухожу на работу в 7.30, днем забегаю пообедать, а совсем возвращаюсь домой в 10—11 вечера...

...Ты теперь дальше, чем когда был в Америке. Если пойдешь на фронт — помни о нас. Уничтожая врага, не забывай, что твоя жизнь бесконечно нужна мне и твоим детям».

Да, детям. Это не описка. Я жду еще одного ребенка. Это обстоятельство одновременно и тревожит и радует мужа. С двумя маленькими детьми мне будет без него совсем нелегко.

Изредка Михаил Кузьмич с оказией присылал из Москвы посылки: то сахар, то теплые вещи для дочки.

«...В Москве сейчас более или менее спокойно. Тревоги объявляются не каждый день, хотя немцы прилетают почти ежедневно. Два дня тому назад, без объявления тревоги, ночью была интенсивная стрельба. Один самолет прорвался к Москве и сбросил три фугаски вблизи нашего завода. Ничего, кроме стен, не разрушил...»

30 сентября в книге учета полетов запись по машине «А»: «Проверка поднятия шасси».

Но все идет не совсем так, как хотелось бы Янгелю:

«...Дела с моей работой обстоят не ахти как хорошо. Прошло уже более месяца с момента первого вылета, а я не сделал еще ни одного полета по программе.

Вначале были неприятности с температурой воды и масла на одном моторе, затем большие неприятности с шасси. Они не убирались, а если, случалось, и убирались, то затем с большим трудом выпускались. Пришлось кое-что переделывать. Когда закончилась возня с шасси, встал вопрос о необходимости по результатам статиспытаний усилять лонжерон консоли. Вслед за этим потребовалось увеличить площадь вертикального оперения и переделать компенсацию элеронов.

После нескольких дней «починок» на заводе рассчитывал быстро закончить испытания, но при первом же полете на скорость выявилось, что раскрывается фонарь пилота и даже треснул в одном месте плексиглас. Опять пришлось ремонтироваться.

Сейчас все готово. Хочется надеяться, что дальше испытания пойдут нормально. Не летаем из-за погоды. После того как получим данные, будет решаться судьба изделия, в известном смысле — моя судьба.

Дела на фронте в общем не так плохи. Несколько хуже обстоит дело на юге. Сдача Киева, затем Конотопа, Сум, Полтавы и других городов создает на этом фронте тревожное положение. По слухам, вчера шли бои за Орел, а это не так далеко от Москвы. Может быть, через месяц-другой возьму винтовку и — на фронт или в партизанский отряд...»

Ранним утром включаю радио. Сводка не приносит радости. Под Вязьмой и Брянском идут ожесточенные бои... Вязьма, город, в котором я родилась... Неужели немцы дойдут до Москвы?

Янгель пишет о продолжающихся испытаниях опытного самолета. В книге учета полетов сделана последняя запись, датированная 13 октября. Это контрольный полет и последовавший за ним перелет по маршруту. Подводится итог сделанной работы: «Общее полетное время — четыре часа. Перелет по маршруту — примерно час».

Итак, испытания машины «А» закончены. Что дальше?

Судьба самолета еще не определена. А Михаил Янгель готовится лететь вслед за машиной. Надо только привести в порядок кое-какие дела.

Москва. Молчаливая, темная, суровая и грозная в те памятные дни середины октября 1941 года. Ощетинившись металлическими надолбами и рогатками, с баррикадами на окраинах, с глазницами амбразур в стенах домов, она готовилась дать достойный отпор врагу. Еще 14 октября противник овладел Калинином и глубоко продвинулся вдоль северного берега Московского моря.

На подступах к городу, взяв в руки лопаты, тысячи москвичей всех возрастов, преимущественно женщины, рыли траншеи, противотанковые рвы.

Янгель был в столице. Ранним утром 15 октября он после завершения летных испытаний самолета ТИС заехал домой на Ленинградский проспект. Стал укладывать чемодан. Согласно предписанию наркомата он должен был самолетом вылететь в Казань. До отлета оставалось всего несколько часов.

От сборов и раздумий его оторвал телефонный звонок. Один из сотрудников ОКБ сказал, что идет срочное оформление эшелона. Обстановка не из легких. Всем главным, в том числе и Поликарпову, приказано срочно покинуть Москву... Помощь Янгеля в отправке эшелона была бы сейчас очень кстати. Не может ли он приехать?

И Янгель поехал на завод. Стал помогать в погрузке людей, заводского имущества. В Казань он не полетел.

«Утром 16 октября противник нанес удар танковыми и моторизованными соединениями на левом фланге нашей армии — как раз там, где мы предполагали и где с особенной тщательностью готовились его встретить.

Только на этом участке он сосредоточил четыре диви-

зии — две пехотные и две танковые. Главный удар пришелся по 316-й дивизии Панфилова, передний край которой проходил в 12—15 километрах от Волоколамского шоссе.

Завязались тяжелые оборонительные бои...

Сражение разгоралось во всем фронте обороны 16-й армии».

Так характеризовал развертывающиеся события К. К. Рокоссовский.

Михаилу Янгелю на всю жизнь запомнилась ночь с 16 на 17 октября... Стало очевидным, что вагонов для погрузки заводского имущества не хватает. Он срочно связался с Наркоматом путей сообщения и в результате долгих переговоров достал несколько открытых платформ. Но впереди предстоял долгий путь. К отъезду готовились женщины, старики, дети. Янгель срочно формирует бригады конструкторов. Дает задание: в наикратчайший срок изготовить утепленные кузова.

И опять он кому-то звонит, кого-то о чем-то просит, куда-то едет. А сирены гудят зловеще и подолгу, предупреждая об очередном налете вражеской авиации.

Наконец эшелон сформирован и готов к отправке. Вагоны утеплены. Люди могут ехать спокойно. Вместе с этим эшелоном собирается уехать и Янгель.

Потом он рассказывал, что поезд, в котором были его вещи, неожиданно тронулся. Он подбежал к подножке вагона, пытаясь вскочить на ходу, но незнакомая ему женщина поспешно загородила вход корытом.

— Видишь, места здесь нет! — крикнула она хрипло. — Полезай, если хочешь, в другой вагон, а то оставайся с фрицами. Они недалеко...

Вскочить в какой-нибудь другой вагон он уже не смог: все двери были плотно закрыты. Поезд набирал скорость и скоро исчез в туманной мгле.

— Я сел на рельсы и вдруг ощутил, что весь дрожу, — вспоминал Михаил Кузьмич. — То ли от усталости и неимоверного напряжения, то ли от грубой, незаслуженной обиды этой незнакомой мне женщины... А потом встал — и на завод. Смотрю: там еще полно людей и гора ценного имущества. Хорошо, что не уехал. Дел оказалось по горло.

Трудные октябрьские дни в Москве. Очень трудные. Разговор в Наркомате авиационной промышленности предельно краток и деловит. На составление приказа заме-

стителю наркома Петру Васильевичу Дементьеву понадобилось всего лишь несколько минут:

«Окончание эвакуации завода №... НКАП возложить на заместителя директора завода тов. Янгеля Михаила Кузьмича, предоставив ему права директора завода».

Янгель понимал всю ответственность порученного ему дела. Расчет с людьми, погрузка платформ, оформление документов. А тут еще отменили предварительные заявки, и распределением вагонов стал оперативно заниматься специально созданный в эти дни Совет по эвакуации.

Всеми правдами и неправдами Янгель достает еще пять железнодорожных платформ.

Позже, в рапорте Поликарпову, он так опишет происходившее в дни его «директорства».

«...В момент производства работ по погрузке наш завод двадцатого и двадцать первого октября был объектом бомбардировки вражеских самолетов.

Двадцатого октября от разрыва осколочной бомбы погиб мастер т. Монахов и было ранено шесть человек. Другая бомба попала в мастерскую вооружения. 21-го октября бомба попала в середину механической мастерской и произвела в ней большие разрушения.

Часть работников нашего завода была призвана в армию, часть устроилась на работу на ремонтные базы или другие действующие предприятия...

Оставшийся ходовой транспорт буду самоходом гнать в Казань, где постараюсь погрузить его на железнодорожные платформы».

Есть в этом рапорте еще и строки, полные горечи. Они касаются некорректного поведения некоторых работников, которые не довели до конца порученное им дело по эвакуации завода, оказались не на высоте. И коммунист Янгель не может пройти мимо этого факта.

Свой рапорт Михаил Кузьмич заканчивает словами:

«Более подробный доклад об окончании эвакуации завода я сделаю вам лично, если удастся».

Алексей Александрович Сарычев, присутствовавший при формировании заводских эшелонов, вспоминает:

«Время проходило в яростной работе. Днем и ночью дежурства на крыше дома или на заводе. Помню, как тревога застала меня у Кузьмича дома. Его семья была эвакуирована.

Когда завод эвакуировался, Михаил Кузьмич оставал-

ся в Москве. Многие вспоминают о помощи, которую он оказывал в те тяжелые дни.

В ночь, когда должен был отправиться один из эшелонов, я оборудовал товарный вагон под долгое житье в пути. Часов в 12 ночи меня разыскал Кузьмич. Одет он был в полушубок и валенки, за плечами винтовка. Только что упал сбитый немецкий самолет.

Кузьмич стал меня уговаривать остаться в Москве и быть начальником штаба партизанского отряда. Сам он был бы его командиром.

Я же уговаривал его ехать с нами. Мы там больше принесем пользы. Я что-то сомневался, чтобы из меня получился начальник штаба. У меня не было опыта не только партизанского, но и просто военного.

Не помню, почему у него не получилось с партизанским отрядом. Видимо, в Наркомате решили, что ему важнее продолжать строить самолеты».

Виктор Яковлевич Соколов тоже вспоминает, что в сложившейся тяжелой обстановке Янгель «не терял присутствия духа, трезво оценивал тактическую обстановку».

Соколов пишет:

«Он явился в Районный комитет партии, пригласил оттуда представителей на завод и сказал: «Сам я должен с эшелоном ехать на восток. Здесь остается часть людей, в основном — многодетные. Они могут организовать техническую помощь в обороне Москвы». К этому времени с фронта стали поступать запросы о возможности ремонта разбитых самолетов. Так, с легкой руки Михаила Кузьмича, было положено начало организации ремонта самолетов, поступающих с фронта».

Среди писем тех дней памятно письмо от 23 октября. Сначала Михаил Кузьмич писал в нем о проведенной эвакуации завода, потом делился планами.

«Эта моя работа будет закончена 25—27 октября, после чего смогу подумать о себе и будущих делах. Ежедневно бываю в Райкоме, добиваюсь целесообразного применения своих сил по защите Москвы.

Как будто мои хлопоты должны увенчаться успехом. Но на сцену выступает Наркомат, требующий от меня следовать за заводом или за изделиями. Одним словом, требующий выезда из Москвы. Чем все это кончится — не знаю. Когда все окончательно выяснится, сообщу Тебе.

Все эти дни провожу в основном на заводе. Спать приходится в кресле 3—4 часа. Страшно устал и измучился.

В Москве сейчас восстановлен полный порядок, и она усиленно готовится к защите.

Теперь несколько слов в порядке завещания, если я не останусь в живых.

1. Старайся как можно экономнее расходовать силы, по мере возможности восстанавливай свое здоровье.

2. Береги Люсеньку, не давай ее никому обижать. Воспитывай в ней волю, честность и беспредельную любовь к Родине, народу.

3. Если встретишь в жизни хорошего, честного человека, то выходи за него замуж (не обижайся за этот совет, он дается мною в состоянии полного хладнокровия), но не давай ему плохо относиться к нашей доченьке.

4. После войны постарайся восстановить связь со всеми родными. Думаю, никто из моих братьев, в том числе и Костя (если он жив и Ты найдешь его), не откажут Тебе в помощи.

5. Если с Тобой что случится, воспитание Люсеньки завещай Александру или Ксении Петровне.

Ну, вот, моя славная, родная Ириночка, пока и все.

До последней возможности буду писать Тебе. Не падай духом, крепись. Ведь Ты — коммунист...»

Позже я поняла, что заставило тогда Янгеля написать эти строки. Он сознавал всю сложность и тяжесть обстановки. И еще потряс его один эпизод. О нем он рассказал много времени спустя.

А дело было такое. Наши зенитчики засветло сбили над Центральным аэродромом вражеский самолет. Экипаж подбитого самолета успел выброситься на парашютах. Одного из летчиков тут же обнаружили. За остальными двумя бросились в поиск.

В это время Михаил Кузьмич возвращался на завод из райкома, куда уехал с утра машиной. Он очень спешил и для сокращения пути воспользовался лазейкой в заборе. Тут-то он и столкнулся лицом к лицу с патрулем, разыскивавшим фашистских летчиков. Бойцы потребовали у Янгеля документы. Он полез в гимнастерку и не нашел бумажника. Вспомнил, что оставил его в ящике стола в кабинете. Пропуск был там.

Какая непростительная оплошность!

— Да что с ним церемониться! — крикнул один из

солдат. — Списать, да и все. Если он и не фриц, то личность темная. У нас дела поважнее. Ишь придумал: забыл документы... А через забор зачем лез?!

Он пытался сказать что-то в свое оправдание, но понял, что это бесполезно. Где-то совсем близко самолет сбросил бомбы, и столб пламени взвился над крышами домов.

— Вот гады! — закричал боец. — А ты давай поживее к забору.

И он грубо ударил Михаила Кузьмича по плечу.

Многое промелькнуло в эти мгновения в его голове.

Считанные шаги до забора. Словно свинцом налились вдруг онемевшие ноги... Погибнуть так глупо и так нелепо от рук своих. Не в бою, а просто так, как бездомная собака. И в такие трудные для Родины дни... Было тяжело и страшно от этой беспомощности.

— Молча шел я с солдатами к забору, — рассказывал Янгель, вспоминая этот трагичный в своей случайности эпизод. — И вдруг навстречу — рабочие — трое или четверо, — с которыми мы грузили эшелоны... «Это куда ведете нашего директора?! Мы Кузьмича обыскались, а вы его — под конвоем!» Так меня эти ребята и выручили... А я пришел в свой кабинет, достал из стола бумажник, вынул пропуск и долго держал его в руках. Не знаю, сколько минут просидел в неподвижности.

Ноябрьские праздники 1941 года Янгель встретил в Москве. Как и миллионы людей, слушал в канун 7 ноября речь Сталина. На другой день был он и на Красной площади. В строгом, суровом марше проходили мимо Мавзолея Ленина солдаты. Отсюда их путь лежал на фронт, на защиту подступов к столице.

Все это время Михаил Кузьмич настойчиво добивался посылки на фронт или в партизанский отряд. Но ему было опять отказано. И он подчинился приказу: выехать вместе с автомашинами в направлении Казани.

Лаконичны слова телеграммы на серой оберточной бумаге: «Поздравляю днем рождения. Завтра выезжаю Казань».

Двадцать четвертого ноября 1941 года он надолго запер двери наших комнат, медленно спустился по лестнице... И вот уже колеса полуторатонной головной машины

тонут в мокром мягком снегу подмосковной шоссейной дороги.

«5 декабря 1941 года... По пути следования с автомашинами в Казань застрял в шестидесяти километрах от Саранска. Снежные заносы и большой мороз не дают возможности двигаться дальше. Рассчитываю как-нибудь добраться до железнодорожной станции. Страшно сильно скучаю по вас обеим, очень волнуюсь, не имея сведений и не зная, как вы живете».

Через семнадцать дней он пишет из того же Саранска.

«22 декабря 1941 года... Я попал в полосу сплошных неудач... Застрял в Саранске с автомашинами и даже не знаю, удастся ли к Новому году выбраться отсюда. Сейчас достаю железнодорожные платформы и смогу выехать не раньше, чем погружу и отправлю машины. За месяц дороги из Москвы пришлось много пережить. Однако все это еще ничего. Самое неприятное, что я абсолютно ничего не знаю о Люсином и твоем здоровье, о ваших делах...»

Заканчивается 1941 год. Первый огненный год Великой Отечественной войны. Из сводок мы уже знаем многие подробности разгрома фашистских войск под Москвой. К концу декабря враг отброшен более чем на двести километров. Говорят все только об этом.

Новый год мы встречали вместе с Ксенией Петровной. Ее отправил перед своим отъездом с одним из московских эшелонов ко мне Михаил Кузьмич.

Почти полгода разлуки... Поздней ночью 15 января кто-то негромко постучал в дверь. Еще с порога протянул обе руки:

— Только скажи мне сразу, что все живы и здоровы.

И лишь по знакомым ноткам голоса я поняла, что этот человек в грязном ватнике, валенках, лохматой ушанке, весь заросший — мой муж.

До рассвета просидели мы в полутемной кухне. Все рассказывали друг другу о прожитом. И не верили, что опять вместе.

Нежной и до слез трогательной была встреча отца с дочерью. Люся уже говорила много смешных слов и,

крепко обняв за шею Михаила Кузьмича, все твердила: «Это мой папочка!» Я смотрела на них и думала, что впервые за время войны у меня на сердце не так тяжело и тревожно.

— Ты будешь работать теперь здесь? — спросила я.

— Все выяснится в ближайшие дни. Не скрою, что обстановка для моей дальнейшей работы здесь необычайно трудная. Я написал Поликарпову подробный рапорт о московских делах. Привез акт комиссии, составленный на заводе восьмого ноября. Буду говорить обо всем этом в районном комитете партии, в своей партийной организации.

Через несколько дней пришло печальное письмо из Ростова. Умерла моя сестра Аленушка. Остался после нее восьмилетний сын Аркадий.

Михаил Кузьмич прочел письмо.

— Надо, чтобы твоя мама немедленно оформляла документы и выезжала к нам. Откладывать отъезд нельзя: немцы могут вновь оккупировать Ростов... А вот как быть с Аркашей, просто не знаю. Боюсь, что тебе в сложившейся ситуации трех детей не потянуть...

— А ты? Ты разве уедешь от нас?

— Пока еще полная неизвестность.

7 апреля 1942 года у нас родился сын.

«От всей души горячо-горячо поздравляю тебя с прибавлением в нашей семье, — писал мне Михаил Кузьмич. — Огромное тебе спасибо за сына. Моя гордость, моя радость за тебя безграничны».

И вот мы с маленьким Александром дома.

— Богатырь! Сибиряк! — радуется отец.

А через несколько дней, проделав долгий и неимоверно трудный путь, к нам приехала моя мать. Шесть лет мне было, когда она рассталась со мной. И вот опять вместе... Умерла сестра моя Аленушка, пропал без вести брат Андрей... Нет, наверное, ни одной семьи, которой бы не коснулись последствия этой тяжелой войны.

Михаил Кузьмич весь в делах. Готовится к выступлению на районной партийной конференции. В канун майских праздников приносит копию приказа по заводу. Приказ от 30 апреля, подписан Поликарповым.

— Вот, принес тебе показать.

«...В результате ознакомления с состоянием завода...

...как в период завершения эвакуации основного завода, так и в период организации и развертывания филиала.., подтвердилось наличие большой инициативной работы, проделанной большинством работников...

За проделанную работу по завершению эвакуации, по организации филиала завода №... и подготовки территории и зданий завода под ремонт боевых самолетов объявляю благодарность с занесением в личное дело и премирую месячным окладом следующих работников завода:

1. Янгеля М. К. — зам. директора...»

И еще в этом списке восемь человек.

— Ты доволен приказом?

— В какой-то степени да. Но здесь отражена лишь позитивная сторона дела. Кто-то должен получить по заслугам и за негативную сторону. Этого требует справедливость. — Помолчал немного. — К сожалению, некоторые из «деятелей» еще крепко сидят на своих местах и вошли в доверие к главному. Мне надо подумать о будущей работе. Оставаться в такой ситуации на заводе я не могу.

— Предпринял уже какие-то шаги?

— Да. Поставил вопрос перед наркоматом. В начале июня меня вызывают в Москву для определения дальнейшей судьбы.

Вновь предстоит разлука. Опять все туманно, неясно... Пламя войны еще не стихает. Огненные годы еще не прожиты.

Михаил Кузьмич приехал в Москву 13 июня 1942 года. Тут же прислал телеграмму о благополучном прибытии, а затем подробное письмо. Потом еще несколько писем.

«15 июня 1942 года... С работой пока неясно. Ясно только одно — меня оставят в Москве...»

«17 июня 1942 года... Дела старого завода очень плохи. Изделие в серию, очевидно, принято не будет, и товарищам вернуться в Москву будет трудно...»

«18 июня 1942 года... Положение с квартирой и работой по-прежнему неопределенное. Жильцу, занявшему наши комнаты, дали предупреждение в трехдневный срок освободить площадь...»

«21 июня 1942 года... В Москве стоит холодная, пасмурная погода. Часто бывает дождь. Жизнь идет совершенно нормально, спокойно...»

Квартирный вопрос решался долго, и Михаилу Кузьмичу пришлось временно поселиться в районе старого Арбата, в семье друга Виктора Соколова.

«...Приняли они меня приветливо, но хочется поскорее обосноваться дома. С питанием устроился так: по командировочной карточке получаю пятьсот граммов хлеба в день, получаю один обед в столовой Наркомата. Ужинаю и завтракаю у Соколовых. Не голоден, хотя не скажу, что сыт...»

«24 июня 1942 года... Сегодня у меня относительно «свободный» день: решил побродить по Москве, накупить вам подарков, игрушек. Но, к сожалению, московские магазины почти так же «полны», как у вас. Товары распределяются строго по промтоварным карточкам — без них не купишь даже кепку. Игрушек для детей нет совсем, посуды — тоже не видно.

С первого июля у меня будет промтоварная карточка. Говорят, что товаров в Москве скоро будет больше, — тогда буду искать подарки для своего родного семейства».

Но вот окончены мытарства с вселением в квартиру.

«8 июля 1942 года... Наши комнаты, как и вся квартира, оказались очень запущенными: везде пыль, грязь, мусор. В воскресенье и понедельник наводил порядок в комнатах, во вторник — в кухне, ванной. Впервые в жизни мыл пол. Дело это нетрудное. Правда, до сих пор сильно болит спина. Теперь у меня все по-старому: чисто, уютно, просторно...

Жалеть мне сейчас приходится лишь о том, что здесь нет моего большого дорогого семейства. Как было бы хорошо, если бы сейчас вы были здесь...

...Среди многих предложений о работе есть и такой вариант:

...Отделить наш завод от Поликарпова, дать ему другой номер, встать во главе завода и пока что заниматься ремонтом. Предложение заманчивое, но совершенно для меня неприемлемое. Сделать так — это значит «подложить большую свинью» товарищам, находящимся в эвакуации».

«14 июля 1942 года... Вчера получил рабочую карточку, хотя еще не работаю.

О своих настроениях откровенно все рассказал товарищу Шапран и просил его отпустить меня в армию. Он предложил посмотреть еще один небольшой завод... — там требуется директор. Продукция — малоинтересная.

Сегодня туда поеду, посмотрю. Может быть, и приму это предложение».

Приказ от 17 июня 1942 года по Народному комиссариату авиационной промышленности за подписью заместителя наркома В. Положинцева:

«Тов. Янгель М. К. освободить от работы зам. директора завода №... согласно личной просьбе и направить в распоряжение директора завода №... НКАП».

Уход из коллектива Поликарпова для Янгеля нелегок. Здесь он проработал более семи лет. Но все его помыслы направлены на то, как лучше, активнее участвовать в разгроме врага. Все попытки попасть в действующую армию или партизанский отряд безуспешны. Значит, остается выпуск для фронта боевых самолетов. Решение принято: Янгель — начальник цеха на большом серийном заводе.

Почему он остановился именно на этом предложении? Об этом он рассказывал в письме, переданном с одним товарищем, ехавшим на восток.

«21 июля 1942 года... Не могу сказать, что мои надежды на хорошую перспективу с работой в Москве оправдались и что я доволен жизнью здесь.

Заводы работают плохо: не хватает оборудования, моторов, рабочих рук. Зато избыток случайно попавших в руководство ограниченных людей и персон, претендующих на «выгодные» должности... Временами кажется: может быть, не они, а сам я — выродок человеческого рода. Может быть, и мне надо стараться быть похожим на них?! Но нет, пусть мой жизненный путь будет труден и тернист, — я все равно останусь верен своим принципам, долгу, чести, обязанностям. По мере сил своих буду бороться с негодяями, разоблачать их гнусные проделки.

Пусть простит мне моя семья, если этот путь мой принесет им много трудностей и лишений».

И дальше в письме он пишет о том, что ему предлагали много вариантов: главным инженером на ремонтную базу, начальником цеха на один из серийных заводов, затем начальником серийного конструкторского бюро и даже директором МАИ в Алма-Ате. Он было уже выбрал для себя должность директора небольшого завода, где смог бы развернуть впоследствии интересную работу. Но...

«...Когда в Наркомате было подготовлено назначение

на эту должность, я встретил директора завода.., которого хорошо знаю. Он стал усиленно приглашать меня к себе на любую работу... Учитывая, что этот завод очень интересный, я принял предложение... Пойду работать начальником цеха. Цех мне директор предоставил возможность выбрать самому.

Насколько выбор правилен — я и сам не знаю. В Наркомате на это согласились не очень охотно, грозились долго там меня не держать...

...Товарищи по работе при большой поддержке РК ВКП(б) добиваются моего назначения директором завода Поликарпова. Я, пожалуй, принял бы это предложение, так как это даст мне возможность скоро повидать вас, помочь выйти из тупика друзьям и товарищам... Так или иначе, этот вопрос поднимается и, кто знает, может быть, разрешится в желаемую для ребят сторону.

Вообще дела старого завода очень плохи. Открыто грозятся его закрыть. В отделе кадров очень плохого мнения о некоторых замах и помах... Вот так обстоят дела».

«9 августа 1942 года... Вот я и приступил к работе. Двадцать четвертого июля принял цех оперения. Цех небольшой, и я рассчитывал быстро привести его в полный порядок, наладить выпуск продукции по графику и спокойно работать. Но моим расчетам не суждено было оправдаться: 28-го июля произошло слияние трех цехов в один, и я только что принятый цех сдал другому начальнику.

В этот момент у меня родилось твердое решение уйти в армию. 29 июля побывал у знакомых ребят в Московском комитете ВКП(б). Обещали помочь, но в последующем Фирюбин — секретарь МК — категорически отказал в моей просьбе.

30 июля на заводе был издан приказ о моем назначении начальником слесарно-сварочного цеха, выпускающего в основном фюзеляжи и моторные рамы. Я никогда не мог предполагать, что могут в наше время существовать настолько плохо организованные и разболтанные цехи. Достаточно сказать, что за май — июль цех не выпустил ни одного фюзеляжа и выпустил только 23% июльской программы по моторам. Вначале я просто не знал, за что приниматься...

С 30-го июля начал наводить порядок. Пришлось без выходных дней просидеть в цехе до 6-го августа. Наверное, и дальше придется находиться здесь неделями и ез-

дить домой только за тем, чтобы сменить белье и написать тебе несколько строк.

Конечно, в августе программы цех не выполнит. Будет очень хорошо, если я дам 40—45% плана. Но сейчас уже твердо уверен, что цех на ноги поставлю.

Присмотревшись, произвел замену всех своих заместителей и помощников. На днях возьмусь за начальников мастерских и мастеров... Значительно более трудным и длительным будет процесс приведения в порядок, в смысле отношения к труду и трудовой дисциплине, рабочих цеха, так как на 95% это бывшие ремесленники от четырнадцати до шестнадцати лет, не признающие никаких законов. Здесь нужны не административные, а скорее педагогические способности. Я, кажется, нашел правильную линию: дисциплина заметно крепнет, хотя и часто бывают срывы.

Работать трудно. Но эта работа по мне и приносит большое моральное удовлетворение. Физически устаю».

«17 августа 1942 года... Пишу, сидя у себя в кабинете. Стрелка подходит к 24 часам. Дела мои налаживаются, хотя и не так успешно, как хотелось бы. Самые большие затруднения — с кадрами, а воспитание их — трудный и длительный процесс. На днях провел большую перестройку всей внутренней организации работы и структуры цеха. Не обошлось, конечно, без столкновений с некоторыми работниками, обид с их сторон. Но сейчас не такое время, чтобы считаться с не желающими или не умеющими работать и терпеть их пребывание на случайно занятых должностях. За меня по этому поводу не волнуйся, — провожу я все это с одобрения и при поддержке руководства завода.

С каждым днем нарастает уверенность, что порученный мне участок работы поставлю на ноги. Вместе с этой уверенностью крепнет сознание, что и мои усилия приносят некоторую пользу делу разгрома ненавистных фашистов. Пожалуй, в этих строках ты можешь прочесть мой ответ на твой вопрос: «Что нашел я в Москве и не лучше ли было мне не уезжать?»

А у нас в Сибири свои домашние новости, свои заботы. Уехала, устроившись на работу, в Ленинск-Кузнецк Ксения Петровна. Ушла от меня Олимпиада Онуфриевна. Содержать мне ее было трудно.

— Только, когда будешь возвращаться в Москву, — попросила она, — не забудь и меня.

Через несколько дней она пришла в сопровождении незнакомой мне женщины.

— Просит рекомендацию, — сказала Липа.

— Это не обязательно, — улыбнулась женщина. — Просто захотела с вами познакомиться. Зовут меня Виктория Станиславовна. Сама из Ленинграда. Приехала сюда вместе с Ленинградским новым ТЮЗом. Пианистка оркестра. Живу с маленькой дочкой Адой. Муж погиб недавно на фронте...

С тех пор Виктория Кибурис стала у нас частой гостьей, на долгие-долгие годы стала другом семьи Янгелей.

Михаил Кузьмич очень любил слушать проникновенную игру этой талантливой пианистки. Особенно нравились ему в ее исполнении «Кордова» и «Сегедилья» Альбениса, «Лунный свет» и «Арабески» Дебюсси и, пожалуй, больше всего страстный «Прелюд» Рахманинова и «Революционный этюд» Шопена.

«20 августа 1942 года... Дела в цехе налаживаются туго. С большим напряжением стремлюсь выполнить августовскую программу. Очевидно, выполню... На сентябрь план увеличили ровно в четыре раза, а реальных возможностей по отношению к августу почти не прибавилось. С горечью убеждаюсь, что в сентябре завалюсь, хотя и дам продукции в два раза больше. Мне же хотелось выполнить план сентября, идти в октябре по графику.

Но ничего, буду работать еще напряженнее и сделаю все, что в моих силах...»

Моей маме Михаил Кузьмич писал:

«...Завод, на котором я работаю, находится в стадии становления. Кадры еще не приработались, имеется много организационных и технических недоработок. Поэтому на заводе приходится проводить безотлучно по нескольку дней, а часто и всю неделю.

Поначалу все начальники цехов и отделов были на казарменном положении, без права ухода с завода. Сейчас дежурство в цехе по ночам разрешено чередовать с заместителями (у меня их два), и, очевидно, через месяц-другой получим возможность приезжать домой ежедневно. Есть очень много внутрицеховых недостатков и внешних причин, сильно осложняющих работу. Но дело налаживается, хотя и не в таком темпе, как хотелось бы

и как того требует обстановка. Все мое стремление сводится сейчас к тому, чтобы твердо войти в график.

Я очень соскучился по семье. Приехать, хотя бы на несколько дней, мне совершенно необходимо...»

Я редко писала Михаилу Кузьмичу: напряженная работа в конструкторском бюро, болезни, добыча пропитания. Заботы и заботы...

«20 сентября 1942 года... Сегодня у меня выходной день, но не день отдыха. Прямо с завода в 7.45 утра по партийной мобилизации поехал на лесозаготовки на станцию Снигири. Там в прошлом году девять дней были немцы: видны следы боев.

День на лесозаготовках прошел для меня неудачно. Во-первых, с девяти часов пошел сильный дождь, не прекращавшийся до вечера. Промокли все «до нитки». Во-вторых, в момент падения одного из деревьев мне едва не сломало ногу. К счастью, отделался легким испугом, царапиной и порванными на коленке брюками. Самое обидное, что не удалось выполнить норму — шесть кубических метров. Придется ехать еще раз.

Домой добрался в девятом часу вечера, голодный и прозябший. Сейчас немного отошел. Сушу костюм.

В остальном моя жизнь по-прежнему в работе. Последние десять дней сентября должны показать, насколько правильно я перестроил работу цеха...»

«11 октября 1942 года... Насколько еще меня хватит — не знаю, но думаю, что ненадолго.

Я как-то писал тебе, что на сентябрь мне задали программу в четыре раза большую, чем в августе. Еще в конце августа я потребовал от руководства завода в обеспечение этой программы: 1) сварщиков (надо на программу 16 человек, имел 2); 2) сварочных аппаратов (надо 9, имел 4); 3) срочного ремонта и состыковки стапелей; 4) инструмент; 5) рабочих и т. д. Эти требования мною предъявлялись на протяжении всего сентября и предъявляются сейчас. Удовлетворить их не могут. Ну а так как с директора программа спрашивается Наркоматом, он спрашивает с начальников цехов. Последние являются «рыжими», им-то достается больше всего. Короче говоря, программу сентября не выполнил и получил за это предупреждение от партбюро завода.

Не желая впредь получать подобные предупреждения, я обратился к помощи Замнаркома. Он сказал, что дал распоряжение о сварщиках, и о сварочных аппаратах,

и об инструменте. Но эти распоряжения все еще не реализованы. С колоссальным напряжением, посадив своих мастеров на казарменное положение, работая день и ночь, я сейчас работаю по графику 2—3 дня, на 3—4 срываясь.

Как видишь, у меня в цехе и во всех других цехах завода дела обстоят очень погано.

Почему так получилось? Причин много, но главные — две: 1. В начале своего существования завод собирал самолеты из задела другого завода. Руководство все внимание направило на обеспечение сборки самолетов из этого задела и совершенно не занималось подготовкой производства в агрегатных и заготовительных цехах.

2. Завод совершенно не укомплектован кадрами. У меня в цехе на 130 производственных рабочих только четыре человека являются кадровыми. Остальные — ребятишки в возрасте 16—17 лет.

...В других цехах дело обстоит нисколько не лучше, чем у меня. За два месяца на заводе сменили шесть начальников цехов и двух начальников производства.

Что будет дальше, чем все это кончится — сказать трудно. Работать так дальше я смогу от силы еще один-два месяца, а потом выдохнусь окончательно. Может быть, и в этом и в другом случае пойду в армию...

...Сегодня обязательно поеду домой. Если будет электрическая энергия — буду стирать белье, так как мне некогда даже найти прачку. Да и стирают-то сейчас только за хлеб и другие продукты.

Прочтя это письмо, ты, наверное, скажешь: вот, не надо было уезжать...

Нет, дорогая, мой уход с завода и переезд в Москву — решение правильное. Я ошибся только в выборе места работы, да и здесь я морально удовлетворен больше, чем на старом заводе...

...Не будем пока гадать о будущем. Надо думать, как пережить это трудное настоящее. Зима предстоит страшно тяжелая. Конца войны еще не видно. Второго фронта в этом году, очевидно, не будет».

Строки писем. Здесь и тоска, и болезнь, и сомнения. Здесь и непоколебимая вера в победу над врагом, вера в наш народ, страстное желание преодолеть встретившиеся на пути трудности. Сложное это было время, трудное. У каждого порога притаилось горе... Так это было... Так тогда жили... И, оглядываясь на прошлое, я думаю о великой силе и непревзойденном мужестве наших советских людей.

В один из серых осенних дней в помещение конструкторского бюро, где я стала работать вскоре после рождения сына, зашел председатель местного комитета. Отозвал в сторону.

— Вот дела какие... Не сможете ли посетить хоть несколько раз госпиталь? Привезли с фронта большую партию тяжелораненых, и надо, чтобы пришли наши сотрудники помочь медикам. Почитать, письмо написать.

В тот же вечер, взяв с собой томик Лермонтова, я направилась по указанному адресу.

У входа в четырехэтажное здание меня встретила немолодая, видимо, очень уставшая за день медицинская сестра.

Мы поднялись по крутой лестнице на второй этаж. Назойливо пахло лекарствами. Прошли санитары с тяжелыми носилками, плотно закрытыми простыней.

— Вы у раненых впервые? — спросила сестра.

— Нет. Бывала уже не раз.

— И у обрубков тоже были?

— У кого?!

— У обрубков... Которые без рук и без ног. У нас на этаже сейчас только такие.

Наверное, я побледнела. Сестра, приостановившись, сказала:

— Пугаться не надо... Мы пойдем с вами к летчикам. Среди них есть совсем молоденькие... Только, советую, жалость свою им не показывайте. Гордые они... И плакать тоже не надо.

В комнате, куда мы вошли, их было десять. Я машинально пересчитала белые кровати.

— Соколам привет! — негромко сказала сестра. — Вот привела к вам девушку. Кому надо — письмо напишет, а потом почитает.

Тишина. Мертвая тишина. Я стою посреди комнаты, и на меня смотрят эти бедные парни. Один отвернулся сразу лицом к стене. Другой, вздохнув, закрыл глаза.

Какая тяжелая бывает тишина!

Начала я с писем. В них не было стонов. Они были адресованы матерям и полны сыновней любовью. А потом поклоны родне, «соседской Нюрке», «всем, кто еще у вас живой»...

На кровати возле окна красивый парень. Голубые глаза, ржаные волосы. Смотрит на меня с тоской. Спрашивает:

— А у самой-то дружок есть?

— Муж в Москве, — отвечаю. — А здесь ребятишки. Маленькие еще.

— Муж, говоришь?! Ну а если бы он стал таким, как я? Ты его домой взяла бы? Кому без четырех конечностей нужен?! Только не лукавь, отвечай: взяла бы?

Голос его надрывно звенит, а взгляд полон горем и гневом. Чувствую, плывут у меня перед глазами темные круги...

— Ну, чего ты к ней пристал? — вмешался сосед с туго забинтованной головой. — Пришла по-хорошему, а ты набросился со своими переживаниями. Разве в нашей беде ее вина?! Пусть лучше книгу почитает. Что там у тебя?

— Лермонтов. Хотите «Демона»?

Они молчат. А я читаю:

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною Землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой...

Совсем недавно эти парни поднимали в воздух самолеты, вступали в смертельную схватку с врагом. Они защищали нашу землю, Родину, право на жизнь... Сильные, смелые, жизнерадостные, они прыгали с парашютом, четко шли в боевом строю и зорко всматривались в тревожное темное небо. А в свободные минуты озорно и весело балагурили с девушками... Сейчас неподвижно лежат они на этих белых кроватях... Что ждет их? Как сложится судьба этих еще совсем молодых людей?

— А я на гитаре играл. Песни все больше любил лирические, душевные.

— А я на баяне. Девушки вечерами вокруг как стайка...

Порой, мне кажется, я слышу эти голоса. Вновь вижу лица и белые кровати. Забыть это невозможно. Как не забыть и голубых, полных невыразимой тоски глаз маленького обрубка — боевого летчика по имени Саша.

Когда я уходила, меня окликнул один из раненых. Красной каймой легла на повязке у его плеча запекшаяся кровь.

— Завтра придешь?

— Обязательно приду. Письма будем писать. Если захотите, опять почитаю.

— Хорошо ты Лермонтова читала. Стихи у него всегда светлые. Я и сам пишу немного. Может быть, этим потом и серьезно займусь. Тут не руки — голова главное да душа. Как думаешь, смогу?

— Сможешь.

— А на Сашу нашего не обижайся, — шепчет тихонько. — Девушка его замуж вышла. Мать недавно в письме написала. Вот и психует. У нас его Чкаловым величали. Я с ним вместе летал.

Вечер, и не один, провожу в госпитале. Поднимаюсь на второй этаж прямиком к своим летчикам. Пишу письма. Читаю газеты. Принесла по их просьбе «Чапаева». Саша радуется моему приходу. Но дела его день ото дня хуже.

— Неужели ничего нельзя для него сделать? — спрашиваю я сестру.

— Эх ты милая, — слышу в ответ.

Вновь у летчиков. Угощают яблоками: кому-то пришла из Ташкента посылка. Яблоки сочные, вкусные.

— А эти отнеси своим детям, — говорит один из раненых. — Мы вон на сколько вечеров у них тебя отняли.

Саша лежит тихий, печальный. Облизывает сухие, воспаленные губы.

— Хочу попросить тебя об одном одолжении. Только пообещай, что выполнишь мою просьбу.

— Обещаю.

— Поцелуй меня, пожалуйста, крепко-крепко. А потом сразу, не оглядываясь, уходи. Помру я, наверное, сегодня...

И я целую Сашу. Быстро, не оглядываясь, ухожу. И какая меня провожает тишина!

— Умер ночью этой наш Саша, — говорит мне назавтра сестра. — Умер...

Я стою у дверей палаты. Войти у меня нет сил. Поворачиваюсь и бегу...

Больше в этом госпитале я не была.

Приближались ноябрьские праздники второго года Великой Отечественной войны.

Михаил Янгель по-прежнему все дни, а порой и ночи проводил в цехе. Программа...

«6 ноября 1942 года... Закружился с работой. К концу суток совсем выбиваюсь из сил, а дела продвигаются попрежнему очень туго...»

В те дни его не раз вызывали в ЦК, в Наркомат авиационной промышленности. Видимо, считая, что его надо использовать более целесообразно, с учетом опыта и знаний, предлагали разные варианты работы, в том числе и в Сибири, и на Урале, и в Средней Азии. Янгель заполнял анкеты, а в письмах информировал меня о каждом новом предложении, советовался.

Раздумья, вопросы, на которые трудно получить исчерпывающие ответы на маленьком листке бумаги. С кем поделиться сложностями и горестями жизни, как не с самым близким и дорогим тебе человеком?!

«...Мне до боли обидно, что тебе сейчас приходится столько всего терпеть, ходить на барахолку и прочее. Прости, в этом и моя большая вина: я не выслал тебе денег, их у меня не было...»

«8 ноября 1942 года... Вечером 7-го ноября был у Соколовых. Угощался у них гусем и кофе, у них же ночевал. Отдохнул очень хорошо и даже был не в меру сыт. Вот так прошел мой последний день тридцать второго года жизни, первый день тридцать третьего года...»

«12 ноября 1942 года... Поздравляю тебя, дорогая Ириночка, с днем твоего рождения. От всей души желаю тебе бодрости духа и здоровья — непременных условий для преодоления всех трудностей, стоящих сейчас перед каждым из нас в отдельности и всем народом вместе...

...Придет время, когда мы спокойно будем жить вместе и тогда отпразднуем все прошедшие знаменательные даты за все годы войны.

...О своих делах не хочется писать, так как они остаются почти такими же. Одно лишь сообщение о том, что коллектив и сам Поликарпов возбуждают вопрос о моем назначении к ним и возвращении на прежнюю работу. Дела у Николая Николаевича сейчас серьезные. Так что он действительно может быть заинтересован в моем возвращении».

«23 ноября 1942 года... Так обрадовался, когда еще из лифта увидел конверт в почтовом ящике: было предчувствие, что в этот день получу от тебя письмо... Не надо, родная, обижаться на меня за редкие письма. Ведь тебе известны условия моей работы и жизни. Дома писать я не могу, потому что страшно холодно, а на работе написать письмо — задача очень трудная. Передо мной лежат три начатых письма к тебе, но неоконченных...

...Успехи Красной Армии под Сталинградом бесконечно радуют и вселяют надежду на полный разгром фашистов. Это хороший подарок к твоему дню рождения...»

Проблема картошки у нас в городе становилась все острее. Цены на рынке высокие, а денег почти нет. Поэтому, когда мне однажды принесли талоны на два мешка картошки с завода, где работал раньше Михаил Кузьмич, я была просто счастлива.

— Поликарпов сам распорядился, — пояснила вошедшая в дом женщина и протянула конверт. — Сказал, что наверняка семья Михаила Кузьмича живет без хозяина трудновато. Вот и выделил вам из фондов... Только получить картошку надо самой. Добираться до хранилища далековато.

— Передайте Николаю Николаевичу мою сердечную благодарность.

И вот декабрьским холодным вечером я и немолодой, отслуживший солдат-инвалид с санками и одеялом отправились в путь. Солдату я должна по договоренности отдать за доставку картофеля десять килограммов.

Многое забылось из прожитого в дни войны. Но тот обратный пятикилометровый путь в пургу я, наверное, никогда не забуду.

Солдат, тяжело дыша, то и дело останавливается. Он впереди, а я сзади толстой сучковатой палкой толкаю и толкаю упрямые санки. Холод влезает в каждую щелочку одежды, леденит стужей щеки.

Серая солдатская шинель. Она как качающаяся перед глазами мишень: заснеженная, замерзшая.

— Только бы нам с тобой дойти, — говорит солдат. — Если упаду, не пугайся. Одна нога-то деревянная. Поскользнуться не мудрено. Пошел с тобой только потому, что уж очень просила. Впрочем, что хитрить: картошка мне тоже позарез нужна. Сама знаешь.

Дорога пустынна. Ни души. Снег заметает путь. Вязнем в сугробах.

— Ишь как быстро теперь темнеет, — говорит солдат. — Останавливаться больше нельзя. В такую темную холодищу замерзнуть не мудрено.

В порывы ветра вплетается жалобный стон.

— Санки... Слышите, как скрипят санки? — кричу я солдату. — Они не развалятся?

Солдат оборачивается в мою сторону, сочно сплевывает и досадливо машет рукой:

— Не развалятся. Не бойся... Скрипят не санки. Нога, которой нет. У меня часто такая музыка.

Домой мы добрались лишь под утро. Бледная и встревоженная мама ждала меня у ворот.

Почти пять дней пролежала я потом в жестоком жару: простудилась, как сказал районный врач, «с головы до пят». Но картошкой теперь мы были обеспечены надолго.

В связи с реорганизацией на заводе Михаил Кузьмич получил назначение на должность заместителя начальника Летно-испытательной станции — ЛИС.

«...Работать придется в основном на воздухе. Получил валенки, так что ноги не будут сильно болеть. Наверное, скоро получу теплую куртку и шапку».

«14 декабря 1942 года... Несу обязанности ответственного дежурного по заводу — весьма удобный случай написать тебе письмо, рассказать о делах, о наших перспективах.

Дежурство удобно еще и тем, что завтра у меня, по существу, будет выходной день — первый свободный день от работы после 7 ноября. Получу возможность привести в порядок комнаты, сходить в баню, восстановить телефон (он все еще не работает) и сделать кучу мелких дел...

Как случилось, что я попал в ЛИС?

...Цех, где я работал, с 16 ноября вошел в график и держался в нем до конца месяца. Я получил двухнедельную премию за этот период.

8-го декабря на завод прибыл из эвакуации начальник цеха окончательной сборки. Его некуда было пристроить. И вот здесь директор вспомнил о моей просьбе. И мы мирно договорились о моем переводе в ЛИС.

Жаль, правда, было расставаться с работниками цеха. Я сколотил хороший коллектив мастеров и помощников, сработался с ними. Они тоже жалеют о моем уходе. Многие пристают, чтобы я взял их к себе.

Работа на ЛИС мне по душе, не возражал бы остаться в этой роли и впредь, но только на другом заводе.

Когда и куда мне удастся уйти — сказать трудно. Моим самым большим желанием остается фронт или партизанский отряд. Но в армию не берут, а добиваться по-

сылки в партизанский отряд трудно — завод за городом, и у меня нет свободного времени».

Меня, естественно, волновала работа Михаила Кузьмича. Много раз в своих письмах я задавала ему один и тот же вопрос: не зря ли он уехал в Москву и правильно ли сделал, уйдя в ЛИС?

Он писал мне:

«...Уходя из цеха, я не думал о престиже... В своем упорстве, вере в свои силы я не сдал. Я не испугался трудностей в цехе, а ушел потому, что убедился: затраты моего труда и энергии на работу в несколько раз превышают получаемый от нее результат... Я, бесспорно, не найду удовлетворения и в работе ЛИС...»

Наступил тысяча девятьсот сорок третий год.

«5 января 1943 года... Николай Николаевич подписал письмо в НКАП с просьбой о моем направлении на завод. Вчера мы с ним разговаривали. Он был весьма любезен и предложил мне «любую работу на выбор». Очевидно, я или поеду на восток, или буду заниматься внедрением в серию И-185 на московском заводе».

«18 января 1943 года... Не знаю, как ты воспримешь факт моего перехода обратно к Поликарпову. Он совершился. С 16-го января начал работать в старом коллективе...

Характер моей работы еще полностью не определился. Поликарпов рассчитывает на посылку меня на восток, но все товарищи этому воспротивились. И я сам, не зная пока твоего мнения, решил немного выждать. Договорились с Николаем Николаевичем, что буду работать ведущим инженером по внедрению изделия в серию или кем-то вроде его полномочного представителя на серийном заводе. Очевидно, положение определится более конкретно несколько позднее.

...Переходу к Николаю Николаевичу я очень рад. Гнетущее чувство неудовлетворенности прежней работой постепенно проходит. Настроение круто поднимается. Даже нулевая температура в комнате (результат сильного похолодания в Москве) переносится легче.

Дела улучшаются с каждым днем. Очевидно, час расплаты с ненавистным врагом не так далек. Представляю, как ты, родная, бываешь рада сообщениям Информбюро

«в последний час». Желаю тебе, как и всему нашему народу, эту радость испытывать каждый день.»

Итак, Михаил Янгель будет работать в коллективе, где он начал когда-то свой жизненный путь. Рядом старые и добрые друзья. Работа в серийном цехе завода дала ему многое. Не случайно, будучи уже главным конструктором ракетно-космических систем, он будет в обязательном порядке направлять каждого молодого специалиста — конструктора, пришедшего к нему, сначала на производство:

— Побудь месяца два в цехе, прежде чем браться за конструирование. Конструктор — не конструктор, если он не представляет себе, как его изделие будет воплощаться в металл. Понять это можно, лишь поварившись в гуще производства. В годы войны я прошел эту очень нужную школу.

Это положение стало одним из основных направлений школы Янгеля: неразрывная связь конструкторов с производством.

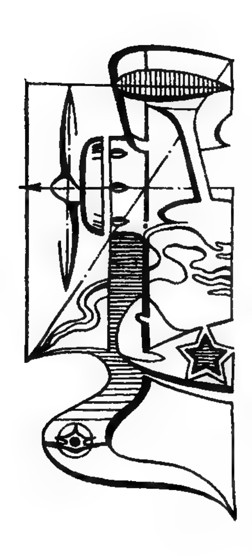
Но сейчас до его собственной «школы» еще далеко. Пока он сам все еще проходит обучение в «школе Поликарпова», хотя стал и опытнее и взрослее.

После долгих раздумий, взвешивая «за» и «против», мы решили, что Михаилу Кузьмичу есть смысл принять предложение Поликарпова о поездке на восток. Основная задача — реэвакуация завода... Дело нелегкое, но Янгель этого не боится.

И вот опять он в Сибири. Еще одна долгая и трудная разлука позади. Янгель заметно похудел, прибавилось и седины на висках. Но свойственный ему огонек не меркнет в глазах.

В марте Михаил Кузьмич едет для согласования ряда организационных вопросов и для беседы с Поликарповым в Москву. Возвращается в конце месяца. Почти год мы проживем теперь вместе. Этот год Янгель будет напряженно и увлеченно работать и, как всегда, «воевать»... А по утрам и вечерами будет брать на руки поочередно ребятишек, со счастливой улыбкой прижимать их к груди.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ШКОЛА «КОРОЛЯ ИСТРЕБИТЕЛЕЙ»

Январь 1943 года. Михаил Янгель вновь в поликарповском коллективе. Будет ли обстановка для его работы благоприятной? Изменил ли Николай Николаевич мнение о некоторых своих «приближенных»? Или Янгелю опять придется «воевать» с теми, кто, по его твердому убеждению, не может занимать ответственные посты в ОКБ?

Они сидят в кабинете Поликарпова. Внимательно, изучающе смотрят друг другу в глаза. Поликарпов в эти минуты тоже, вероятно, думает о том, как сложится их совместная работа. Позади хорошие, плодотворные дни и годы. Но встреча двух сильных характеров не всегда и не сразу позволяет найти компромиссное и вместе с тем верное решение. А у Янгеля характер сильный. Не слабее, пожалуй, чем у Поликарпова. Скромному пареньку из Сибири сейчас уже по плечу задачи большого масштаба. Ученик вырос, возмужал и, может быть, в чем-то превзошел учителя.

Николай Николаевич подробно рассказывает о делах. Трудностей много, но коллектив и руководитель настроены по-боевому. Один из основных вопросов — реэвакуация завода из Сибири. Когда весь коллектив соберется воедино, можно будет все силы сосредоточить на перспективных делах. Глаза Поликарпова загораются особым, характерным для

ученых блеском, когда к ним приходит вдохновение. Как увлеченно рассказывает он Янгелю о новых планах, о задумках!

Сейчас главное — одноместный И-185. Рожден он еще в 1940 году. Но самолету, вобравшему в себя весь предшествующий опыт конструирования истребителей, фатально не везет. Почти так же, как и его предшественнику И-180, внедрением в серию которого занимался Михаил Кузьмич. Он, наверное, помнит: тогда неудачи были связаны с «роковым стечением обстоятельств».

Недавно Поликарпов направил товарищу Сталину подробное письмо, дав детальную характеристику И-185. Главный конструктор уверен: самолет такого типа нужен фронту. Мощный звездообразный мотор воздушного охлаждения не только гарантирует достижение скорости до 685 километров в час, но и делает практически неуязвимым летчика. Самолет отлично вооружен: три двадцатимиллиметровые пушки ШВАК могут вести синхронную стрельбу. Под крыльями подвешен груз — пятьсот килограммов бомб или восемь реактивных снарядов. Настоящая летающая крепость в миниатюре!

Не слишком сложно будет и внедрить самолет в серию. Этот вопрос Поликарпов обдумал особенно тщательно. По существу, И-185 — это итог дальнейшего развития И-16 и И-180. Многие узлы и детали остались теми же, что и у этих самолетов.

Николай Николаевич рассказывает, а Янгель, внимательно слушая, думает: «Дети всегда остаются в поле зрения родителей, но все же в центре внимания самый последний, недавно родившийся. У Поликарпова сейчас самый любимый, без сомнения, И-185».

Андрей Николаевич Туполев писал о Поликарпове:

«Всем, кому пришлось жить и работать в дни кипучей творческой деятельности этого высокоодаренного, простого, скромного, обаятельного человека, не раз приходилось удивляться многогранности его таланта, глубине и разносторонности его знаний, поразительной научной зоркости, уменью искать и находить неожиданные, смелые, новые решения.

До сих пор о Поликарпове, его жизни и работах, прославивших советскую авиацию, обидно мало знают и пишут...»

Николай Николаевич был по натуре своей человеком сложным. О таких, как он, мало сказать, что талантлив,

одарен, вспыльчив, добр, обладает редкой силой воли. Рассказ о Поликарпове требует серьезных раздумий, анализа фактов, широкого привлечения документов, которые, к сожалению, далеко не все сохранились. О нем когда-то много, заинтересованно, подробно говорил мне Михаил Кузьмич.

И это вполне понятно. Судьба Янгеля была целых десять лет тесно связана с поликарповским коллективом. Отсюда вышел он в «большую жизнь». Здесь учился конструировать и, говоря его словами, «прошел школу настоящего инженерного искусства».

Передо мной — странички воспоминаний профессора Кобзарева, чье имя хорошо известно в авиационных кругах.

Александр Александрович пишет:

«Шел 1938 год. В конструкторском бюро Поликарпова и на заводе опытных конструкций шла напряженная творческая работа. На чертежных досках, в расчетных бригадах и цехах завода рождалась новая машина, очередной истребитель.

Прославленное КБ Н. Н. Поликарпова — бюро по созданию истребительной авиации, — как известно, было организовано (одновременно с КБ А. Н. Туполева) в начале 20-х годов. В 1923 году Поликарпов создал одноместный моноплан И-1, а в 1927 году — истребитель И-3. Вслед за ним, в 1928 году, был выпущен разведчик Р-5, взятый Военно-Воздушными Силами на вооружение в количестве 7 тысяч штук. В 1930 году построен И-5. Спустя еще три года почти одновременно выходят И-15, И-16. В 1936 году появляется истребитель И-15 бис, а в 1938 году И-153 («Чайка»). Самолеты И-153, И-16 успешно воевали в Испании, Китае, на Халхин-Голе, с белофиннами, а И-16 начинал Отечественную войну.

Привожу эту историческую справку для того, чтобы лишний раз подчеркнуть творческую и техническую зрелость этого конструкторского бюро. Не случайно в авиационной среде Н. Н. Поликарпова называли «королем истребительной авиации».

Так вот, продолжаю, — в один из обычных, заполненных будничными производственными делами дней начала 1938 года в агрегатном цехе опытного завода не ладилась сборка лонжерона крыла нового истребителя. Как всегда в таких случаях, вызвали автора конструкции. Спустя немного времени в цехе появился высокий, стройный, под-

стриженный «под бобрик» конструктор. Спокойно, со знанием дела (чувствовалась школа Поликарпова) неувязка была устранена. Работа продолжалась.

Так состоялась моя первая встреча с начальником бригады крыла у Н. Н. Поликарпова — М. К. Янгелем».

«Чувствовалась школа Поликарпова»... Это сразу подметил в Янгеле Александр Александрович Кобзарев, встретившийся с ним впервые.

Как же складывалась творческая жизнь «учителя» — Николая Николаевича Поликарпова?

Он родился в июле 1892 года у берегов реки Сосны, несущей свои воды к тихому, величественному Дону. Прожил он всего пятьдесят два года, уйдя из жизни в расцвете творческих сил.

День смерти Поликарпова — 30 июля 1944 года. Война еще не кончилась. На протяжении всего огромного фронта советские войска неудержимо двигались на запад. Слово «победа» звучало в эфире, мелькало на страницах газет, многократно повторялось в строках писем, идущих с фронта и на фронт.

Главный конструктор Поликарпов понимал, что он тоже внес немалый вклад в дело разгрома врага. Его крылатые питомцы, на которых летали замечательные наши летчики, и на этот раз оставили незабываемый след в небе. Однако его детище последних — уже военных — лет не появилось в боевом строю в эти трудные для страны годы. Тому был ряд причин.

В мир авиации он вошел одним из первых. Через его руки прошли проекты и разработки более восьмидесяти самолетов шестнадцати различных типов.

Начало деятельности Поликарпова связано с Петроградом. Там, на Русско-Балтийском воздухоплавательном и авиационном заводе, он стал работать начальником производства у И. И. Сикорского, конструктора самолетов «Русский витязь» и «Илья Муромец».

Воздушные богатыри «Илья Муромец» типа «В» и «Б» отличались по тем временам исключительно высокими летными характеристиками: скорость до ста километров в час, полезная нагрузка — полторы тонны. За восемь часов беспосадочного полета они покрывали путь в семьсот пятьдесят километров.

Внимательно следил недавний выпускник Петроградского политехнического института Поликарпов за творче-

ской работой Сикорского: изучал методы его работы, подход к конструированию.

Март 1918 года. Николай Николаевич в Москве. Молодой инженер возглавляет технический отдел завода «Дукс». В его подчинении конструкторы, лаборанты, технологи, большое аэродромное хозяйство. На бывшем велосипедном заводе он выпускает лицензионные самолеты: французские «Ньюпор» и «Фарман», английский — «Де Хэвиленд-4». Но мысль о создании скоростного и маневренного истребителя собственной конструкции ни на минуту не оставляет его.

И вот осуществление мечты. Истребитель ИЛ-400 с двигателем «Либерти». Над проектом этого самолета оригинальной для того времени монопланной схемы вместе с ним работают А. А. Попов и И. М. Косткин.

Первый взлет ИЛ-400 происходит весной 1923 года. За штурвалом — Константин Константинович Арцеулов. Скольким самолетам даст потом путевки в небо этот замечательный испытатель!

Каждый шаг в новое, незнакомое всегда связан с известным риском. Сейчас на летном поле вместо красавца самолета груда обломков. Но летчик жив, и это главное. А над конструкцией надо кропотливо и тщательно работать. Опыт лишь накапливается, и в сложном «самолетном уравнении» еще так много неизвестных!

У всякой неудачи, как на первый взгляд ни парадоксально, есть свои положительные стороны. Она дает понять, что сделано не так, где промах. И Поликарпов ищет новые решения. Чувствует, что на данном этапе основное — правильно расположить центр тяжести.

Конструктор занят поиском, а в аэродинамической лаборатории МВТУ по заданию ЦАГИ ученые ставят эксперименты. Маленькая модель самолета в аэродинамической трубе. Она обдувается искусственно созданным потоком воздуха. Испытания многогранны. Меняется положение модели по отношению к набегающему потоку, регулируется его скорость.

Лаборанты тщательно записывают показания приборов. Инженеры строят на основании полученных данных графики. Эксперимент многое подскажет конструктору, поможет найти нужное расположение центра тяжести. Будущий самолет будет устойчив в полете и легкоуправляем...

Испытания модели истребителя ИЛ-400 завершены.

Вскоре начнется серийное производство модификации самолета, идущее под маркой И-1. Потолок — около 7 тысяч метров, скорость — 264 километра в час. Вот это победа! Да еще какая!

Однако наивно думать, что так просто можно покорить воздушный океан с его ветрами, перепадами давлений и температур. Нет, нелегко парить в нем даже с помощью крыльев, так похожих на птичьи... Опустив нос и вращаясь вокруг продольной оси, словно падающий лист, приближается самолет к земле. Глухой удар...

— Резкое сваливание на крыло и переход в штопор, — заключают авиационные специалисты.

И штопор становится проблемой номер один.

Впервые в авиационной практике штопор, эту простую на первый взгляд фигуру, преднамеренно выполнил все тот же К. К. Арцеулов. Еще в 1916 году.

Теперь задача сделать штопор «управляемым». Случайно попавший в него самолет должен после нескольких витков уверенно выходить в нормальный горизонтальный полет.

Николай Николаевич работает в тесном содружестве с летчиками. Иначе и нельзя. Как он волнуется, когда поднимается в воздух испытатель Жуков!

Этот человек тоже «король», но только «король штопора». Так зовут его за глаза крылатые коллеги.

Виток за витком. Виток за витком. Самолет вкручивается в плотные слои атмосферы. Как много сейчас зависит от человека! Только он способен мышцами, нервами, каким-то шестым чувством уловить и оценить в эти короткие мгновенья все слабые стороны падающей вместе с ним машины. Только он может выиграть эту «битву» со штопором!

Испытываемый самолет на посадочной полосе. Отлегло немного от сердца! Александр Иванович Жуков все до мельчайших деталей рассказывает конструктору. Как врач дает советы, что необходимо «подлечить». По его мнению, нуждаются в доработке некоторые звенья управления.

А потом на поликарповском самолете летит «штопорить» еще один воздушный ас. На этот раз в кабине пилота с обязательным для испытателя парашютом Михаил Михайлович Громов.

Вход в штопор. Плоское вращение. И на двадцать втором витке летчик вынужден покинуть окончательно вы-

шедший из повиновения самолет и впервые в летной практике нашей авиации раскрыть над головой белый купол. Спустя считанные мгновения он видит далеко внизу короткий невероятно яркий всплеск огня.

Так рождаются новые самолеты. И не только у Поликарпова. Рождаются в тяжелой и трудной борьбе. Помимо строгих формул и расчетов, подтверждающих правильность принятых решений, есть и эта, такая коварная «физика явлений», не всегда послушная и не всегда сразу объяснимая.

Январь 1925 года. Николай Николаевич — начальник отдела опытного самолетостроения. Место работы — все тот же «Дукс», «милое велосипедное дружище», как ласково зовут его авиаторы. И здесь, в эти годы, в полной мере раскрывается талант Поликарпова, организатора новых методов проектирования. Вместо «свободного творчества» для каждого он предлагает строгую и стройную систему работы конструкторского бюро. Оно должно состоять из ряда групп и секций. Все проектирование следует расчленить на элементарные операции.

Обосновывая и защищая предложенный им метод работы, Поликарпов писал в газете «Красная звезда» 21 марта 1926 года:

«Всех требований, которые предъявляются к конструкторской работе, один человек, понятно, удовлетворить не в силах. По-моему, в современных технических условиях это просто трудно себе представить».

И, говоря далее о том, что «конструктору-одиночке» не хватило бы целой человеческой жизни, если бы он захотел индивидуально сконструировать машину, автор статьи развивает мысль:

«Нельзя быть одинаковым специалистом и в области аэродинамики, и в вопросах прочности, и в конструировании самолета. Если один человек не может заменить другого, то как же такой обособленный конструктор может заменить собой весь коллектив? Правда, три-четыре конструктора не смогут никогда думать одинаково, но, если хотите, в этом и состоит преимущество их совместной работы. Требуется только, чтобы они думали согласованно в одном направлении. Работа в коллективе означает такую специализацию, при которой каждый участок коллектива охватывает все богатство знаний и опыта в какой-нибудь области...»

Теперь, оглядываясь назад, можно полной мерой оце-

нить плодотворность, жизненность предложенного в свое время Николаем Николаевичем метода коллективного проектирования.

Очередной работой растущего и крепнущего коллектива, которым руководил Поликарпов, было усовершенствование самолета Р-1. Построенный на средства Осоавиахима и названный «Искра», он 14 июля 1926 года поднялся в воздух. Четыреста двадцать лошадиных сил мотора М-5 отечественной конструкции уверенно повели его по неизведанному еще маршруту Москва — Тегеран — Москва.

Взволнованно провожал в этот путь экипаж «Искры» Николай Николаевич. Герой гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени летчик Яков Николаевич Моисеев и механик Петр Валерианович Морозов пролетели Харьков, Ростов, Минеральные Воды, Баку... Под крылом — чужая земля. Посадка в Пехлеви. Перелет через Меджильские горы, поднявшие свои вершины на четыре тысячи метров от уровня моря, окутанные густой пеленой тумана.

И вот долгожданная земля Тегерана. 17 часов 27 минут проведено в воздухе при средней скорости полета до 178 километров в час. А потом обратный путь в Москву. Три тысячи двести километров пройдено за один день. Сразу два родившихся одновременно рекорда: всесоюзный и мировой.

На все том же Р-1, немного модернизированном и названном на этот раз «Красной звездой», летчик Межерауп, механик Голованов и журналист «Правды» Михаил Кольцов летят в Турцию.

И вновь триумфальный успех.

Еще в 1922 году Поликарпов начинает работать над подготовкой к серийному выпуску двухместного разведчика Р-1 с двигателем М-5. Самолет становится «долгожителем», и с 1923 года по 1932 год в воздух поднимается целое семейство этих машин. Р-1 становится основным боевым самолетом ВВС страны.

В июне 1928 года Советское правительство приняло пятилетний план развития опытного самолетостроения. Одна из важнейших задач этого плана — создание одноместного истребителя с высокими летно-тактическими данными. В содружестве с другим опытным конструктором, Д. П. Григоровичем, создает Поликарпов истребитель И-5. Максимальная скорость этого самолета — 278 ки-

лометров в час, потолок — 7300 метров. Самолет легок и достаточно мощно вооружен. Он принимается в серийное производство: 800 машин поступает в распоряжение Военно-Воздушных Сил.

В 1926 году Управление Военно-Воздушных Сил объявило специальный конкурс. Цель его — создать надежную учебную машину для массовой подготовки летчиков. Поликарпов включился в этот конкурс с большим энтузиазмом.

И вот рождается У-2, неприхотливый, простой и очень послушный в управлении биплан с пятицилиндровым двигателем воздушного охлаждения М-11. Мотор М-11 мощностью 100 лошадиных сил создан А. Д. Швецовым и Н. М. Окромешко.

Памятный январский день 1928 года. Первый полет, как всегда, волнующий и напряженный.

Улыбающийся и довольный вылезает Михаил Михайлович Громов из кабины нового детища Поликарпова. Этот самолет именно то, что нужно. И с легкой руки Громова У-2 входит в долгую, красивую жизнь. Без преувеличения его появление определило целую «эпоху» в истории развития авиации. Тысячи самолетов У-2 различной модификации были построены до Великой Отечественной войны. Эта великолепная учебная машина широко и успешно использовалась также и для нужд народного хозяйства. А в дни войны У-2 стали отважными воинами. Бесшумно приземлялись они на примитивных фронтовых аэродромах. На них вывозили в тыл раненых, они держали надежную связь с партизанами, осуществляли ближнюю разведку. Широко использовались У-2 и в качестве машин связи.

Из У-2 формировались полки ночных бомбардировщиков. Сотни, тысячи боевых вылетов. Казалось, этим самолетам, изготовленным из полотна, фанеры и деревянных брусьев, не страшны ни ветер, ни дождь, ни мороз, ни жара. Они летали над лесами, оврагами, открытыми полянами и жилыми массивами. И неожиданно появлялись над логовом врага. «Рус фанер!» — кричали испуганные фрицы, наблюдая со страхом, как сброшенные с небольшой высоты бомбы точно ложились на цель. Сначала они презрительно называли У-2 «кофейной мельницей», но быстро поняли, что это скорее «крепкий орешек», разгрызть который им так и не удалось до конца войны.

Михаил Кузьмич рассказывал, что однажды на одном

из подмосковных аэродромов, где проводились испытания опытных машин, ему довелось долго беседовать с Валерием Павловичем Чкаловым.

— А почему бы вам, Михаил Кузьмич, — спросил его Чкалов, — самому не держать в руках штурвал? Недавно я успешно обучил этому искусству нашего Николая Николаевича. Охотно возьмусь и за вас.

— Спасибо, — ответил Янгель. — Я уже подумывал об этом всерьез, да все не доходят руки. Начнем сразу с истребителя?

— Э, нет, — рассмеялся Чкалов. — Начинать будем с У-2. Рисковать в таком деле не имею права даже я, Чкалов. А на У-2 риск исключен.

— Мог стать учеником самого Чкалова, да не успел пройти его «высшей школы», — искренне жалел потом Михаил Кузьмич.

...Тридцатые годы. Напряженная международная обстановка требовала всемерно повышать оборонную мощь страны. С особой остротой встал вопрос о создании скоростных, маневренных истребителей, по сути дела, нового класса самолетов. Тогда-то и началась «борьба за скорость» — достичь в 1937 году пятьсот километров в час. Эта задача стоит перед авиационными конструкторами, в том числе и перед Поликарповым, который возглавляет в это время одну из трех созданных в ЦКБ бригад.

Пятьсот километров в час! По какому пойти пути? Какую выбрать схему? Какой установить мотор?

С одной стороны, истребитель должен быть скоростным, чтобы успешно осуществлять как перехват, так и преследование противника. С другой стороны, важна хорошая маневренность для успешного ведения воздушного боя. Тут главное — суметь зайти в хвост противнику, для чего нужен малый радиус виража. Сложная и противоречивая задача! К тому же самолет должен быть хорошо вооружен.

Решая проблему, коллектив Поликарпова создает истребители двух типов: маневренный биплан И-15 и скоростной моноплан И-16. Боевое взаимодействие этих двух типов дает нужное решение.

Впервые И-15 и И-16 выруливают на взлетную полосу почти одновременно в осенние дни 1933 года. И начинаются, пожалуй, самые яркие страницы в жизни «короля истребителей».

И-15 — это 368 километров в час и отличные манев-

ренные качества. Самолет устойчив на всех режимах, прост в пилотировании, хорошо садится и взлетает.

И-16 дает сначала 325, а затем с мотором М-25 — 455 километров в час на высоте 4 тысячи метров. Самый быстрый самолет мира! И к тому же с хорошими маневренными характеристиками. Разве забыть и то, как его наперекор всем предсказаниям выводил при любых условиях из штопора все тот же бесстрашный Чкалов!

Приходят и рекорды. На И-15 летчик-испытатель Владимир Константинович Коккинаки в ноябре 1935 года поднимается на рекордную высоту — 14 575 метров. «Какая красивая оттуда наша Земля», — говорит он после этого полета.

С непривычно коротким для наметанного авиационного взгляда фюзеляжем самолет И-16 «не возил с собой воздуха». Это качество, по мнению Поликарпова, было для боевых машин одним из важнейших.

У самолета И-16 большое будущее. Его различные варианты и типы в своем эволюционном развитии пройдут все этапы, будут оснащаться еще более мощными авиационными двигателями, еще более мощным грозным боевым оружием.

В годы Великой Отечественной войны истребительный полк, сформированный из И-16, тип 24, станет первым в стране гвардейским авиационным полком. Именно на И-16 в августе 1941 года В. В. Талалихин успешно осуществит впервые в мире ночной таран. И первыми Героями Советского Союза в июле сорок первого станут летчики-истребители П. Т. Харитонов, М. П. Жуков, С. П. Здоровцев...

...В 1935 году у Поликарпова еще одна творческая удача. Он ставит на самолет новый мотор жидкостного охлаждения конструкции В. Я. Климова. В свет выходит И-17. Мотор М-100 развивает мощность 750 лошадиных сил. Новшество — установка двадцатимиллиметровой пушки, стреляющей через вал пропеллера. Высокая точность ведения огня в боевых условиях обеспечена.

Почти все поликарповские истребители с маркой «И» расправляют свои крылья и учатся летать, когда в кабине Чкалов. Прекрасное и такое плодотворное содружество. Валерий Павлович не просто великолепный испытатель, вкладывающий свое удивительное мастерство в каждый стремительный взлет. Долгие часы проводит он

в конструкторском бюро, часами беседует с главным конструктором.

«...Поликарповским машинам нужен был именно Чкалов, с его чутьем, с его умением понять потенциальные возможности машины, с его необыкновенным летным талантом», — напишет потом в книге «Чкалов» Георгий Филиппович Байдуков.

В связи с успешным «выходом в свет» своего детища на Парижской выставке главный конструктор публикует в «Правде» от 7 ноября 1935 года большую статью. Говорит он в ней и о встрече с И. В. Сталиным 2 мая, на другой день после парада на Красной площади, в котором участвовала и авиация.

Расспросив конструктора о его дальнейших планах, Сталин выдвинул перед ним проблему создания новой скоростной машины.

...Испания. С августа 1936 года она привлекла на долгое время внимание всей мировой общественности.

Война в Испании. Тысячи добровольцев — русских, англичан, французов, немцев, американцев, итальянцев — устремились на Пиренейский полуостров.

С разрешения Советского правительства поехали в Испанию наши добровольцы — летчики, артиллеристы, танкисты. Поплыли в Испанию и самолеты. Именно поплыли, не полетели. С разобранными крыльями, в трюмах и на палубах пароходов отправились они сначала через Черное море, потом Средиземное. Путь их пролег от Одессы до Аликанте.

Как восторженно встретили этот бесценный груз жители портового города Испании!

Среди доставленных самолетов — истребители И-15, И-16. Здесь же неугомонный Р-5. Испанцы быстро нарекли их именами на свой лад. И-15 с тупым, несколько вздернутым носом получил прозвище «курносого» — «чатос» по-испански. И-16 стал величаться «мокас», что значит «мошка».

Оба самолета — И-15 и И-16 — отважно сражались с фашистскими «мессерами», «хейнкелями», «юнкерсами», «фиатами». Успех определялся, безусловно, еще и тем, что за штурвалами истребителей сидели замечательные соколы Страны Советов Г. П. Кравченко, Б. Ф. Сафонов, А. В. Ворожейкин, их боевые друзья. О подвигах прославленных асов красочно рассказал Б. А. Смирнов на страницах книги «Испанский ветер». Ее нельзя читать без вол-

нения. Не раз адресует автор слова благодарности и к коллективу, создавшему эти боевые машины.

Время шло. Накал испанской войны не стихал. Нашим «ветеранам» И-15 и И-16, созданным еще в 1933—1934 годах, приходилось все тяжелее. В схватку с ними вступала уже более совершенная вражеская авиация. Модифицированные МЕ-109Е превосходили «ястребки» и летными характеристиками, и численностью. Наступили трудные дни.

...Испания. Она была тогда в сердце каждого из нас. И эту любовь мы пронесли через годы. Как и любовь к Долорес Ибаррури.

— Перед этой женщиной я низко склоняю голову в знак глубочайшего уважения, — проникновенно говорил Михаил Кузьмич.

В годы войны в Испании бросила она незабываемую крылатую фразу: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Слова пламенной Пасионарии запали в душу всем борцам за свободу. Их повторяли потом миллионы людей.

Мне посчастливилось в жизни не раз видеть эту женщину. Правда, больше издали: в президиумах торжественных заседаний, на Конгрессе женщин в Москве. А однажды я пожала ее руку. На одном из приемов в Кремлевском Дворце съездов.

Ибаррури стояла в праздничной толпе гостей. Немного задумчивая и немного печальная. Михаил Кузьмич в этот вечер был в приподнятом настроении: радовали успешные дела в околоземных просторах.

— Подойдем к Ибаррури. Редкий случай — она одна. Я давно мечтаю близко заглянуть ей в глаза.

Он быстро взял из вазы, стоявшей на столе, несколько гвоздик, и мы подошли к этой женщине из легенды.

Наше обращение к ней не удивило ее. Она приветливо протянула Янгелю обе руки. Взяла гвоздики. Скользнула взглядом по сверкающим на пиджаке звездам, лауреатским значкам и хорошо улыбнулась. Поздоровалась дружески и со мной.

Михаил Кузьмич сказал ей несколько слов: пожелания счастья, здоровья. В ответ она поднесла к своим губам пламенные гвоздики.

...Трагедия испанского народа закончилась поражением республики. Тяжело переживая это, Поликарпов делал для себя прямые практические выводы. Главная задача —

увеличить скорость, сделать еще более мощным вооружение — должна быть решена, и как можно скорее. Он много и плодотворно работает в самом тесном содружестве с конструктором авиационного вооружения Б. Г. Шпитальным.

Вскоре пламя войны разгорается на востоке нашей страны. В июле 1938 года японские войска переходят советскую границу в районе озера Хасан. И вновь незабываемые образцы доблести и геройства вписывают в историю отважные летчики-истребители, поднимающиеся с аэродромов на поликарповских самолетах.

Год 1939-й. В районе Халхин-Гола японские империалисты нападают на дружественную нам Монгольскую Народную Республику. Выполняя договор о взаимопомощи, Советский Союз помогает монгольскому народу в борьбе с агрессором. И опять неоценимую помощь оказывают наземным войскам истребители, господствующие в небе над Халхин-Голом.

В разгроме японских захватчиков немалую роль сыграли истребители И-153. Полутораплан с уменьшенным лобовым сопротивлением и убирающимся шасси чем-то напоминал летящую над морем чайку. Так и окрестили его летчики. А вскоре название было узаконено.

Двадцать три летчика, воевавших на Халхин-Голе, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Вторые Золотые Звезды заблестели на гимнастерках Г. П. Кравченко, С. И. Грицевца, Я. В. Смушкевича. Из уст в уста передавались рассказы о смелых таранах А. Ф. Мошина, В. П. Кустова. И особенно В. Ф. Скобарихина. Протаранив японский самолет И-97, этот отличный летчик сумел не только посадить на землю И-16, но и привезти в «раненом крыле» своеобразный трофей: половину колеса шасси от сбитого тараном вражеского самолета...

В беседе со Сталиным Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, рассказывая о боевых действиях наших войск в Монголии, сказал:

«...в начале кампании японская авиация била нашу авиацию. Их самолеты превосходили наши до тех пор, пока мы не получили улучшенной «Чайки» и И-16. Когда же к нам прибыла группа летчиков Героев Советского Союза во главе с Я. В. Смушкевичем, наше господство в воздухе стало очевидным».

Уроки испанской войны, Хасана и Халхин-Гола не

прошли бесследно. В поликарповском коллективе рождаются новые машины: И-16, тип 17 с мотором М-25 воздушного охлаждения, «Иванов» с мотором М-62 и, наконец, И-180, который должен превзойти по летным характеристикам потенциальных воздушных противников.

До 1939 года у Поликарпова нет собственной опытной базы. Весной этого года он ее получает.

«Отсутствие постоянного опытного производства и кочевая жизнь коллектива во многом тормозили работу, — вспоминает Виктор Яковлевич Соколов. — В создании нового опытного завода Николаю Николаевичу много помогал Янгель. Создавался специальный конструкторский корпус, различные лаборатории, мощный сборочный цех. Решая сложные организационные вопросы, возникавшие в связи со строительством, коллектив не прекращал дальнейших работ по доводке и испытаниям истребителей...»

1939 год. Принят ряд важнейших решений ЦК партии и Совнаркома СССР о дальнейшем развитии авиационной промышленности. К активному участию в создании новых самолетов была привлечена большая группа конструкторов, как ветеранов, так и новичков, — талантливых, одаренных людей.

В феврале 1939 года в Овальном зале Кремля созывается совещание, на котором формулируется конкретная программа дальнейшего развития авиационной техники. В работе совещания приняли участие члены Политбюро, руководители Военно-Воздушных Сил и авиационной промышленности, авиационные конструкторы, летчики.

По воспоминаниям А. С. Яковлева, предварительно был составлен список конструкторов, которых «приглашали выступать по очереди». И первым получил слово Н. Н. Поликарпов, за ним В. Я. Климов, А. А. Микулин.

...Строительство своего опытного завода. Новые задания. «В июле 1939 года в ОКБ было начато рассмотрение проекта любимого «конька» Поликарпова — скоростного истребителя с мотором водяного охлаждения. Вскоре после того, как схема была утверждена, Николая Николаевича направили в заграничную командировку», — пишет в своих воспоминаниях ведущий конструктор В. И. Тарасов.

Вернувшись из довольно длительной поездки в Германию, Поликарпов узнает, что из ОКБ выделилась в самостоятельную организацию большая группа ведущих кон-

структоров во главе с его бывшим заместителем А. И. Микояном.

Положение у Николая Николаевича не из легких. Но он не испытывает растерянности и начинает форсированно работать над новым проектом. В небывало короткий срок рождается истребитель И-185. Ведущим инженером по проектированию, изготовлению и испытанию этой машины с мотором воздушного охлаждения назначается В. И. Тарасов.

В то же время Поликарпов увлеченно работает еще над одной темой — воздушным истребителем танков. Это развитие идей, заложенных когда-то в самолеты ВИТ-1 и ВИТ-2. Их испытания успешно начинал Чкалов. Когда его не стало, судьба не оказалась милостивой: ВИТ-1 и ВИТ-2 разрушились при испытаниях в воздухе. Как тяжело пережил тогда Николай Николаевич гибель экипажей Головина и Липкина.

Еще раз возвращаясь к вопросу создания воздушного истребителя танков, Поликарпов по-прежнему считает, что самым эффективным оружием против них является все же самолет. И он вновь продумывает контуры будущей машины. А ведущим по этой теме назначает М. К. Янгеля.

Но на первом плане в ОКБ самолет И-185.

Основной аэродинамик в ОКБ Поликарпова А. А. Сарычев. Он вспоминает:

«Это была вершина творчества Поликарпова, причем непревзойденная. Но судьба машины сложилась странно. Она трижды проходила летные испытания...»

В книге «Триста неизвестных» летчик-испытатель П. М. Стефановский пишет:

«Новое замечательное произведение конструкторского искусства вышло в опытной серии под шифром И-185. Этому самолету, несмотря на его выдающиеся летные качества, все же не суждено было приобрести широкую известность в авиации. Он явился, образно выражаясь, лебединой песнью славного коллектива, руководимого талантливейшим авиаконструктором Николаем Николаевичем Поликарповым».

Надо сказать, что с самого начала много трудностей при создании И-185 было из-за мотора М-71. Они возникли еще до войны. Когда та уже началась, все же была выпущена небольшая серия моторов М-71, и истребитель И-185 начал летать. Несколько машин в 1942 году про-

шли испытания в фронтовой обстановке. Но во время воздушного боя погиб фирменный летчик-испытатель поликарповского коллектива, тот самый Евгений Уляхин, которого по просьбе Поликарпова «нашел» когда-то Михаил Кузьмич.

Кто продолжит испытания? После долгих поисков главный конструктор доверяет судьбу машины надежным рукам испытателя НИИ ВВС П. М. Стефановского.

Стефановский, испытывая машину, много раз проходит через «критические ситуации». Однажды катастрофа была, казалось, неминуема. Спасло мастерство и необыкновенная выдержка. Вспоминая этот эпизод, П. М. Стефановский пишет:

«Вылез из самолета, снял парашют, с грустью смотрю на искалеченную стальную птицу. А ведь могло кончиться куда хуже. Значит, хороший самолет, надежный. Может стать верным товарищем в бою. Только вот мотор...»

И ниже:

«Руководство института с моим мнением согласилось. Составили отчет о совместно проведенных заводских и государственных испытаниях. Рекомендовали запустить И-185 в серийное производство, тщательно устранив обнаруженные неполадки в моторе».

Но я забежала немного вперед.

...1941 год. Социалистическая индустрия развивается и крепнет. В мире же все ярче разгорается пламя войны.

«Война моторов, которая характеризует современную империалистическую войну, требует от авиационной промышленности, от ее научно-исследовательских институтов непрерывного совершенствования мотора — сердца самолета, совершенства всей авиационной промышленности» — так говорилось в апрельской передовой авторитетного ежемесячного научно-технического журнала «Техника воздушного флота».

14 марта 1941 года Совнарком СССР принимает постановление «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся изобретения». Среди лауреатов — конструкторы самолетов, моторов, авиационного вооружения. Открывает список конструкторов, удостоенных высокой награды — первой премии, Николай Николаевич Поликарпов, Герой Социалистического Труда, главный конструктор авиазавода, за разработку конструкций самолетов.

Это было не первое признание заслуг Поликарпова. В 1934 году приказом Г. К. Орджоникидзе его наградили

легковой машиной. Орден Ленина и орден Красной Звезды ему вручили в 1935 и 1937 годах. В 1940 году Поликарпову присвоили звание главного конструктора I степени и — без защиты диссертации — степень доктора технических наук. В 1940 году Президиум Верховного Совета СССР удостоил его высокого звания Героя Социалистического Труда.

Поликарпов серьезнейшее внимание всегда уделял не только вопросам проектирования, но и изготовления самолетов. В газете «Красная звезда» он писал:

«Современный самолет является чрезвычайно сложной машиной. Он включает в себя большое число самых различных агрегатов... Мы не знаем такой отрасли машиностроительной промышленности, которая не была бы в той или иной степени представлена на наших самолетах. В то же время мы используем немало приспособлений, которые применяются только в авиации и нигде больше.

Все это требует от представителей передовой конструкторской мысли самого серьезного изучения технологии, совершенного умения применить самые разнообразные и притом новейшие материалы».

Живучесть созданных Поликарповым конструкций, их технологичность и высокую степень унификации не раз отмечал Янгель, перенесший впоследствии опыт авиационной деятельности в ракетно-космическую технику.

Большая статья Поликарпова «Методика проектирования и изготовления опытных образцов» была опубликована в «Технике воздушного флота» весной 1941 года. Анализируя зарубежный опыт, он рассматривал возможные пути содружества опытного завода с серийным производством. Статья эта произвела глубокое впечатление на Михаила Кузьмича, и некоторые изложенные в ней мысли он использовал в своей практической деятельности много лет спустя.

Закончу этим краткий рассказ об учителе.

Итак, разговор в кабинете Поликарпова завершен. Михаил Кузьмич дал согласие на назначение на восток, чтобы заниматься реэвакуацией завода. Рядом с датой 14 января 1943 года главный конструктор ставит под приказом свою подпись.

— Желаю удачи в общих делах наших, — говорит он, прощаясь с Янгелем.

Весной сорок третьего, вскоре после приезда Михаи-

ла Кузьмича, мы перебрались в дом на Октябрьской улице.

Теперь у нас две небольшие отдельные комнаты в благоустроенной трехкомнатной квартире.

— Знаешь, кто скоро поселится в соседнем подъезде? — спрашивает меня Михаил Кузьмич. — Сегодня я дал согласие на выдачу ордера. Квартира большая, из трех комнат. Правда, жилец сказал мне, что у него совсем нет мебели. А семья настолько велика, что, если все лягут прямо на пол, досок видно не будет.

Вечером к нам пришли Василий Васильевич Меркурьев и его жена Ирина Всеволодовна.

В то время в нашем городе было немало известных актеров, приехавших вместе с театральными коллективами, в основном из Ленинграда.

Сибиряки с удовольствием оборачивались, глядя вслед Меркурьеву, Кадочникову, Симонову.

— Смотрите, — кричали ребятишки, — сам Петр Первый в нашем городе!

И гурьбой топали за шедшим в огромных валенках Симоновым.

— Михаил Кузьмич сказал, что у вас большая семья? — расспрашивала Меркурьева моя мать. — Сколько же всего?

— Цыганский табор: жена, дети, племянники да плюс мои... х-м... нестандартные габариты.

Василий Васильевич нередко заглядывал к нам в свободную минуту. Особенно интересны были его беседы с моей матерью, проходившие, как правило, у кухонной плиты. Мама рассказывала о Московской консерватории, Василий Васильевич — о своем пути в искусстве. Помню, иногда даже они вполголоса что-то напевали дуэтом. И много, долго говорили о Ленинграде, о блокаде.

...Ленинградская блокада. Она вошла в историю Великой Отечественной войны горькими, мужественными, незабываемыми страницами.

Ожесточенные бои на дальних подступах к городу Ленина начались 10 июля 1941 года, то есть в первые дни войны. Неся огромные потери, фашистские войска во второй половине августа сумели подойти к стенам города. Свыше тысячи немецких танков, до тысячи самолетов, орудия и минометы — все было приведено в боевую готовность. И вот 8 сентября 1941 года перерезана последняя артерия.

Началась блокада города, длившаяся девятьсот дней и ночей. И два с половиной миллиона советских людей, в том числе четыреста тысяч детей, выстояли.

Долгие дни провел в осажденном городе Александр Кузьмич Янгель, старший брат Михаила, получивший в 1942 году звание генерал-майора. Он командовал дивизией. Это о подвиге его славных солдат говорилось в сводке Совинформбюро, второй после начала войны.

Александр Кузьмич не раз рассказывал нам впоследствии о пережитом, о людях легендарного города, их силе духа, беспримерной стойкости. А тогда, в сорок третьем, мы знали о том, как живет Ленинград, лишь из газет да еще по рассказам тех, кто вырвался из кольца блокады.

— Завтра прибывает эшелон из Ленинграда, — сказал однажды мой начальник по работе. — Все идем встречать его на вокзал. Кое-кто из ленинградцев — инженеров по специальности — будет работать в нашем филиале ЦАГИ.

И вот мы ожидаем на платформе прибытия поезда.

Помню, как учащенно забилось сердце, когда я увидела людей, прибывших с эшелоном. Не все могли идти самостоятельно — некоторых выносили из вагонов на носилках. Определить чей-либо возраст было нелегко: все выглядели изможденными и очень старыми. Детей почти не было.

— Несколько человек, к нашему горю, умерли в пути, — сказал один из проводников. — На остановках поезда люди старались их щедро угостить. Делать этого было нельзя: ленинградцы очень уж долго жили на сверхголодном пайке. Пережили блокаду и вот, вырвавшись из нее, погибли.

Ленинградцы в нашем коллективе. Слушаем их рассказы о пережитом в блокадные дни. Стремимся окружить теплотой и заботой.

В конструкторском бюро — инженер. Совсем молодой, но очень полный.

— Это он от голода. Я знал его до войны. Если бы вы видели, каким он был изящным, стройным, — говорит конструктор, родом тоже из Ленинграда.

В обеденный перерыв ходим в столовую. Меню стандартное: рассольник, каша или картошка на второе и

чай без сахара. Хотя все мы обычно голодны, но рассольник до конца почти никто не ест. Вылавливаем редкую морковку и отставляем тарелки с кусочками соленых огурцов в сторонку.

Ленинградец ходит обедать вместе с нами. Буквально срывается с места, когда стрелки подходят к двум часам. Садится он за угловой столик, бережно ставит перед собой тарелки. Ест медленно, не поднимая глаз. В столовой он задерживается обычно дольше других.

— Забыла на обеденном столе книгу, — спохватываюсь я, уже стоя у чертежной доски. — Побегу за ней.

В столовой — один наш ленинградец. Сидит за угловым столиком, уставленным грудой пустых глубоких тарелок. Прямо перед ним — три заполненные до краев зеленоватой жижей с кусочками огурцов. Опустив низко голову, он жадно ест. Алюминиевая ложка подрагивает в опухшей кисти руки. На остальных столах грязной посуды нет.

В начале сентября я уехала в Москву в командировку. С понятным волнением переступила порог дома, который покинула два года назад.

Москва показалась мне усталой и немного грустной. Я писала Михаилу Кузьмичу:

«...В магазинах пусто. Нет хороших игрушек, книжек. Единственно, что привлекает, — белый хлеб. Получаю в день по 100 граммов белого и 400 граммов черного по «рейсовой карточке». Весь белый беру сухарями для ребятишек...»

В Москве повидала отца, родных. Встретилась и с Николаем Николаевичем Поликарповым. К нему я пошла по просьбе Михаила Кузьмича с целью выяснить возможные сроки предстоящей реэвакуации завода. Принял он меня хорошо. Поинтересовался: надо ли чем помочь, сыта ли, получила ли продуктовую карточку. Много добрых слов сказал о Янгеле:

— Михаил Кузьмич не только одаренный конструктор, но и талантливый организатор. Не говоря уж о душевных качествах. Его ждет большое будущее... Скорее бы только закончилась война.

Мне было приятно слышать такие слова.

Выглядел Поликарпов неважно. Под глазами мешки.

Товарищи Михаила Кузьмича, работавшие у Поли-

карпова, сказали мне, что «папаша» болен. Совсем сдала у него и нервная система: стал замкнут, раздражителен.

— Тяжело переживает судьбу И-185. На нем разбился в марте 1943 года Степанчонок. На подходе к Центральному аэродрому отказал мотор... Поликарпов так верил в нужность этого самолета.

— Ведет ли Николай Николаевич работу над новыми проектами? — спросила я.

— Как всегда. Это Поликарпов!

Еще до войны он настойчиво искал пути усиления вооружения. Тогда и был закончен проект одноместного одномоторного самолета-бомбардировщика (ОДБ). Двигатель жидкостного охлаждения АМ-35, размещенный внутри фюзеляжа. Винты, приводимые в движение специальной передачей, вынесены по его бокам, а в носовой части фюзеляжа — мощная 37-миллиметровая пушка.

Начало войны вынудило коллектив из-за отсутствия экспериментальной базы свернуть работы по ОДБ.

Продолжая поиски, Николай Николаевич стал работать над проектом одноместного высотного пушечного истребителя (ИТП) с мотором жидкостного охлаждения М-107П конструкции В. Я. Климова. На вооружении самолета 37-миллиметровая пушка.

Летом 1942 года опытный экземпляр ИТП вышел на летные испытания. Но в серию не пошел. Серийные заводы работали по четкому графику, выпуская истребители для фронта. Нарушать режим их отлаженной работы было нецелесообразно.

И опять Поликарпов в поиске. Проводит серию расчетов... Теперь это ВП — высотный пушечный истребитель с мотором АМ-39, снабженным турбокомпрессором. Этот самолет — дальнейшее развитие идей, заложенных в ИТП. Есть и новые оригинальные решения. А сходство по-прежнему с любимым И-16. Те же «фамильные» черты.

Но закончить начатую работу Поликарпов не успевает. Не успевает выпустить в «большую жизнь» и свою «Малютку». Так назвал он первый в его практике самолет с жидкостно-реактивным двигателем, самолет «кинжального действия». Продолжительность полета всего 8—14 минут. В четырех баках керосин и окислитель — концентрированная азотная кислота.

Стремительно набирает «Малютка» высоту, и вот уже падает вниз сбитый огнем ее двадцатимиллиметровых пушек вражеский бомбардировщик...

Но в действительности этого не будет. «Малютке» не суждено взлететь в небо. А ее конструктор останется в истории как «король истребителей» с поршневыми двигателями. Он скажет, повторяя слова К. Э. Циолковского, что за «эрой аэропланов винтовых» будет «эра реактивных». Но это уже не его «эра»... Каждому отведено свое.

К моему возвращению в Сибирь Михаил Кузьмич уже получил подробные директивы из Москвы о предстоящей отправке людей и имущества. Он допоздна просиживал на заводе, составлял графики очередности выезда.

Въезд в Москву в то время был жестко регламентирован. А многие семьи в эвакуации сильно разрослись за счет приехавших из разных мест близких и дальних родственников. В связи с этим к Михаилу Кузьмичу непрерывно шли посетители. Стали подвергаться атакам и мы с матерью.

— Ты всем говори, — советовал Михаил Кузьмич, — что этими вопросами я тебе запретил заниматься. У меня выделены часы приема по отъездным вопросам, и я готов всех выслушать. Пусть идут ко мне.

Однако звонки в дверь раздавались все чаще.

Как-то позвонила пожилая женщина. Она настойчиво просила выслушать ее. Пришлось пригласить в комнату. Долго и очень подробно рассказывала она о своей жизни.

— Не встану с этого стула, — решительно сказала она, — пока не дадите слова, что поговорите со своим мужем обо мне.

Закрыв за посетительницей дверь, я обнаружила в прихожей «забытую» ею полураскрытую коробку.

Дюжина старинных серебряных ложек!

Не помню, как бежала вниз по лестнице. Догнала женщину уже на улице.

— Вы забыли у нас свои ложки, — протянула ей коробку.

— А это вашим ребятишкам.

— Неужели вы не понимаете, что это взятка!

Вечером я рассказала Михаилу Кузьмичу об этом эпизоде.

— Не суди ее строго, — ответил он. — Она не подумала, наверное, что может своим поступком оскорбить. Думаю, что сейчас эти ложки жгут ей руки.

...В один из вечеров звонок в дверь.

— О, да это Вася! Какими судьбами?!

Нашим гостем оказался двоюродный брат Михаила Кузьмича. Вид у него был неказистый. Он работал где-то на железной дороге, за последнее время пообносился и смотрел на накрытый для ужина стол откровенно голодными глазами.

Вася поделился своими планами. Едет работать на станцию Шимонаиха. Там, может быть, женится. Есть на примете девушка.

Когда Вася лег спать, Миша завел со мной разговор:

— Знаешь, у Василия, кроме этих выцветших галифе, что на нем, ничего нет. А парень хочет жениться. Отдам-ка я ему свои черные брюки.

Эти брюки мы недавно купили по ордеру.

— А в чем сам будешь ходить?

— Что-нибудь попробуем потом достать.

И на другой день довольный Вася щеголял в черных брюках Янгеля.

Вася уехал и через некоторое время написал, что у них можно купить и выменять на вещи хорошие продукты.

— Но у нас нет ни денег, ни тем более вещей, — пожала я плечами.

— А мое серое пальто, купленное в Лондоне?! Я его не ношу да и вряд ли скоро такое модное надену.

Я быстро собралась в путь.

— Вот и твое лондонское пальто, — сказала я Мише, вернувшись домой и выкладывая на стол ароматное русское масло, янтарный мед и сало.

— Вот видишь! — обрадовался он. — Какое богатство!

На другой день, вернувшись с работы, Янгель сказал:

— Я знаю, что эта поездка была для тебя нелегкой. Знаю, как нужно нашим детям все то, что ты привезла. И все же хочу попросить тебя...

Он зашагал, слегка волнуясь, по комнате.

— Понимаешь, сегодня ко мне приходила женщина. И возраста твоего. И ребятишки как наши. Только

что получила похоронную. Я смотрел на ее каменное лицо и думал, что такое могло случиться и с тобой... Что, если мы отдадим ей от проданного пальто всего два рукава... Только два рукава... Положение у нее ужасное.

Вечером эта женщина зашла к нам. И я никогда не забуду ее прощального взгляда.

Однажды Михаил Кузьмич вернулся домой глубокой ночью.

— Что случилось?! Звоню на завод, там говорят, что ты в горкоме. Неужели так поздно идут заседания?

— Разве уже так поздно? — ответил он вопросом на мой вопрос. — А знаешь, меня только что исключили из партии.

— Что за нелепая ночная шутка! — рассердилась было я.

— Я и сам все никак не могу этого осознать. Конечно, это недоразумение. Потом все станет на свое место. Но сегодня горком действительно исключил меня из партии.

— За что?!

— Сказали, за характер.

А дело сводилось вот к чему. В заводском доме, в котором мы жили и который числился на балансе Министерства авиационной промышленности, за выездом одной семьи освободилась квартира.

На нее было выписано по недоразумению два ордера: один — заводоуправлением сотруднику завода, другой — городским Советом инструктору райкома — женщине.

Между обладателями ордеров возник конфликт, к тому же «вооруженный». На одной стороне — вахтер завода, на другой — милиция. Заварилось шумное дело, о котором Янгель узнал только за полчаса до отъезда на совещание в горком.

— Завтра с утра разберусь, — сказал он секретарю. — Пусть подождут и постараются не конфликтовать.

На заседании горкома в числе других стоял вопрос о выделении автомашин для нужд города. Янгелю была предъявлена претензия, что он отправляет автотранспорт, в котором нуждается город, эшелоном в Москву.

— Но это заводское имущество, подлежащее отправке. У меня приказ, который я обязан выполнять.

Страсти разгорелись. А тут еще кто-то рассказал под горячую руку о вселении двух жильцов в одну квартиру.

— Не успел я ничего сказать, как по чьему-то предложению меня, мгновенно проголосовав, исключили из партии.

...Конечно, потом все, хотя и не сразу, стало на свое место. Принятое горкомом решение обком отменил.

— Сам сибиряк, а забыл, что имеешь дело с натурами горячими! — сказал Михаилу Кузьмичу после окончания дела секретарь обкома.

— А за что оставили взыскание?

— Говорят, чересчур ты горячился. Так это с воспитательной целью. Подашь заявление — взыскание снимем.

Сняли его, когда Михаил Кузьмич работал уже в Москве. Получив телеграмму о решении бюро горкома партии, он сказал:

— Круто обошлись со мной мои земляки. Но честь партийного билета восстановлена, а это главное.

— Хочешь улететь на два-три дня? — спросил однажды Михаил Кузьмич. — Неожиданно представилась возможность закупить для коллектива по твердым ценам колхозную рыбу и консервы. Часть продуктов будет передана в госпитали, часть — семьям погибших. Договорился в райкоме о выделении самолета У-2... Твоя задача — помочь летчику с оформлением и доставкой груза.

И вот загородный аэродром. День морозный, солнечный. Мы с летчиком в стареньких меховых комбинезонах, шлемах, унтах.

— Жду через три дня, — прощается Янгель. — Смотри не замерзни. На земле уже минус тридцать.

До места назначения долетели без приключений и тут же включились в «рыбные дела».

Городок в Сибири. Он почти не остался в памяти. Помню лишь, что, войдя в промтоварный магазин, поразилась огромному количеству шкурок черно-бурых лис и песцов. Они лежали на прилавке, висели на стенах, просто валялись на полу. Других товаров в магазине не было.

— У вас что, пушной аукцион? Так много мехов и ничего больше?

— Вчера охотники сдавали пушнину, — ответила спокойная и негромкая женщина. — Ничего другого нет, потому что начало года, товаров еще не завезли. Почему никто не берет шкурки — тоже ясно. Зарплата будет через три дня. Может, возьмете недорогую?

Но я отказалась.

Все предотлетное утро мы грузили в самолет балыки нельмы и коробки консервов... Нельмовые балыки ароматно пахнущие и густо прокопченные. Укладывая их словно поленья, я вспоминала слова Янгеля о том, как много радости они доставят людям.

Когда самолет был загружен, летчик глуховато сказал:

— Потрудились на совесть. Надо быстрее вылетать, чтобы добраться до дому засветло. Кстати, хотя и летим с грузом, я все же пройдусь по пути на бреющем. Покажу вам, как шарахаются в этих краях от самолетов лисы. Зрелище любопытное.

«Опять лисы», — подумала я и вспомнила промтоварный магазин.

Взлетели. Солнце слепило глаза сквозь стекла летных очков. Внизу — запорошенная снегом река, сливающаяся с берегами. Холодное, белое безмолвие...

Резкий запах гари вывел меня из мечтательного состояния. В зеркале, висевшем у передней стойки, встретила тревожный взгляд. Что-то случилось?! Неужели сгорело магнето?! Сразу посмотрела по старой летной привычке на землю. Вдали очертания небольшой деревеньки, а так все лес да белая лента реки...

Летчик выключил мотор и резко пошел на снижение... Вот тебе и бреющий полет над перепуганными лисами!

Земля стремительно приближалась. Только по отдельным деревьям угадывались очертания берегов. Посадка была сложной и опасной — в любом месте могли оказаться бревна сплавлявшегося летней порой леса.

Легкий удар колес о твердую поверхность. Снежный фонтан. Небольшой пробег.

Прошла минута, может быть, две. Летчик вылез из передней кабины и, повернувшись в мою сторону, сказал громко, надрывно:

— Так я и знал. Жди неприятностей, когда на борту баба.

И добавил несколько крепких русских слов.

Я ответила ему тоже резко и грубо. Видимо, велик был нервный накал.

Вылезла из кабины. Молча прошли с летчиком немного вперед. Метрах в десяти от носа самолета ощетинившимися жерлами пушек смотрели на нас бревна, вмерзшие в толщу льда. Всего десять метров!

Летчик вздохнул:

— Я просто болван. Извините, что сорвалось... Ставкой были моя и ваша жизни.

— Нет, — ответила я. — На поликарповских У-2 при таких обстоятельствах не погибают.

Наш разговор прервали крики людей и громкий лай собак. К месту посадки самолета двигалась толпа. Некоторые бежали, размахивая руками. Ребятишки скользили на самодельных лыжах.

Вскоре мы оказались в окружении смотревших на нас с неподдельным любопытством женщин, стариков и детей.

— Вы к нам по поручению какому? Или просто так, посмотреть? — спросила одна из женщин, внимательно разглядывая нас.

— Промерзли на высоте. Вот и решили чайку попить, обогреться. Мороз-то вон какой! — пошутил летчик.

Выслушав наш рассказ о случившемся, председатель местного сельсовета, немолодая, очень энергичная женщина, быстро приняла решение.

— У самолета поставим вооруженную охрану. На лошади пошлем кого-нибудь на почту, позвонить. Тут всего километров тридцать пути... А вы пока отогреетесь. И чайку, раз за ним прилетели, дадим.

Скоро показалась и вовсе необычная процессия: на пяти или шести больших санках к самолету подвезли древних, укутанных одеялами старух.

— Не удивляйся, — сказала мне одна из них, с трудом вылезая из санок.

Медленно переставляя по снегу ноги, она подошла к крылу У-2. Долго смотрела, щуря глаза, на самолет.

— Захотелось и нам, старым, посмотреть на это чудо. Помирать скоро. Вот там и расскажем, что на Земле нынче творится. Какие птицы летают. Потрогать можно?

Она провела высохшей от времени рукой тихонько, осторожно по крылу.

— И кто ж такую придумал?

— Конструктор Поликарпов... Николай Николаевич Поликарпов.

Когда в окружении толпы ребятишек мы шли с летчиком к деревне, он сказал:

— А все-таки не мешало бы представиться... Евгений... Старый полярный волк. Имею в теле десять осколков, остальные двадцать разного калибра оставил на память в прифронтовом госпитале. А как зовут вас?

Дальше все было как в хорошем приключенческом фильме. Мы разгуливали по деревенской улице, насчитав всего два десятка домов, когда в воздухе появился «случайный самолет». Его летчик, увидев с высоты крылья нашего У-2, понял, что произошла авария. Пока самолет кружился над деревней, мы с Евгением выбрали удобную и безопасную для посадки площадку. И вот неподалеку от нашей, к великому удовольствию местных жителей, села еще одна крылатая птица!

Курс приземлившегося самолета что и наш. А отклонился слегка от маршрута, чтобы «полюбоваться на бреющем лисами»!

Экипаж прилетевшего самолета пообещал доставить нам завтра же из аэропорта магнето. Сделав над домами прощальный круг, самолет улетел.

Мы вернулись к приютившей нас хозяйке. Попили горячего чаю с молоком и пошли проведать груз. Все-таки нельмовые балыки!

Возле самолета от носа к хвосту и от хвоста к носу неторопливо вышагивал старик с берданкой.

— Доброе у тебя ружье, отец, — сказал Евгений.

— Образца 1891 года, — бодро ответил старик. — Я с ним еще у царя-батюшки служил. С ним и в край этот за буйный характер попал. Жаль только, давно уже не стреляет. Патроны годков пять как окончились.

На другой день самолет доставил магнето, и мы почти до обеда провозились с ремонтом.

Провожать нас вышла вся деревня. На низких санках вновь привезли любопытных старух. Мы пожали всем без исключения руки.

— Хорошая птица! — сказала мне на прощание уже знакомая старуха. — Так как его зовут? Говоришь, Миколай Миколаевич?!

Михаил Кузьмич встретил меня под крылом самолета.

— Конечно, я заволновался, когда мне сообщили, что вы потерялись. Грешным делом, подумал: не уговорила ли ты летчика доверить тебе штурвал да на радостях и заблудилась... Но, поверь, ни минуты не думал я, что самолет может подвести. Погибнуть на нем ты не могла.

И каждый раз уже много лет спустя, рассказывая друзьям о Николае Николаевиче Поликарпове и его самолетах, Михаил Кузьмич неизменно завершал свой рассказ красочным изложением того сибирского эпизода. Говорил увлеченно:

— Не правда ли, совсем как у Джека Лондона? Здесь есть все: и белое безмолвие снегов, и немного романтики, и хороший финал. А старик — охранник драгоценного груза с уже давно не стреляющей берданкой?! Это разве не прелесть?!

Вагон слегка покачивает. Дети в восторге: столько впечатлений. Не отходят от окна. С каждым километром Москва все ближе.

Перед отъездом я долго бродила по ставшим такими знакомыми улицам сибирского города. Как много доброго сделали для нас сибиряки, с которыми свела война!

Скоро Москва. Михаил Кузьмич призадумался у окна вагона.

— Ты чем-то озабочен?

— Да, дум много... Тяжело болен Поликарпов, вряд ли вернется к активной работе. С его уходом обстановка в ОКБ будет совсем иной. Оставаться без него мне нет смысла. Надо думать о другой работе. Впрочем, я зря волную тебя прежде времени. Приедем в Москву — все прояснится.

В нашу квартиру на Ленинградском шоссе мы вошли ранним утром 29 февраля 1944 года. Пока я занималась хозяйственными делами, Михаил Кузьмич отчитывался о своем директорстве. Несколько раз встречался с Поликарповым. После тяжелой болезни Николай Николаевич чувствовал себя худо и по предписанию врачей находился на постельном режиме.

— Вчера встретил на одном совещании Артема Ивановича Микояна, — сказал однажды Михаил Кузьмич, — Он рассказал мне кратко о своих делах, планах. Дума-

ет в ближайшее время развернуть работу по созданию истребителя больших высот.

— И предлагает тебе заняться этой темой?

— Пока нет. Но в перспективе возможно. Сейчас ему нужен главный инженер завода. Он предложил Янгеля.

— Но в том коллективе есть люди, с которыми ты неизбежно будешь «воевать». Стоит ли тебе идти на руководящую работу, где придется решать множество организационных вопросов, связанных, в частности, с расстановкой кадров?

— А где таких вопросов не будет? Не бороться с подхалимами, с людьми без принципов не в моем характере. А их, к сожалению, на наш век хватает... В этом коллективе немало настоящих людей, с которыми можно отлично работать. Уверен, что в правильных начинаниях всегда получу от них поддержку.

— Значит, твердо решил уйти от Поликарпова?

— Я ухожу не от Поликарпова... Кстати, он сам сказал мне в последний раз, что мне надо выходить на «самостоятельную работу». Поверь, я никогда не забуду, как много дал мне этот человек.

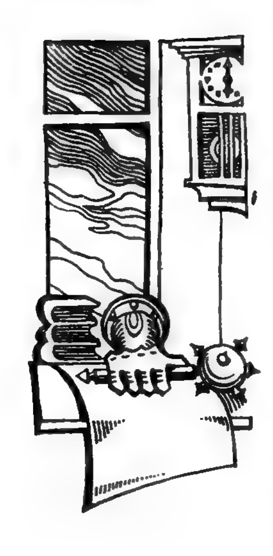
В конце марта Янгеля назначили заместителем главного инженера в конструкторское бюро А. И. Микояна.

А через четыре месяца, 30 июля 1944 года, умер Николай Николаевич Поликарпов. Его похоронили на Новодевичьем кладбище. После окончания войны на могиле конструктора, создавшего самолеты, которыми так гордилась Родина, было установлено надгробие.

...Застыл в падении мифический Икар. Жаркое солнце растопило воск на крыльях отважного сына Дедала. Он взлетел слишком высоко в голубые дали...

Ушел из жизни Николай Николаевич Поликарпов, человек, проживший на земле красиво, ярко. И видимо, скульптор в своем замысле был прав, увидев в судьбе «короля истребителей» в какой-то степени судьбу легендарного Икара.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ

Наверное, лишь после того, как жизнь человека прожита, окидывая критическим взглядом его прошлое, можно сказать, какие годы были для него самыми трудными, самыми сложными. Такие годы жизни наступили для Михаила Янгеля, когда он ушел от Поликарпова.

Янгеля не раз вызывали в Министерство авиационной промышленности. Подолгу беседовали с ним и в ЦК партии. Ему было сделано немало интересных предложений о работе как в Москве, так и в других городах. Но каждый раз беседы заканчивались безрезультатно. Нового назначения Янгель не получал.

Догадаться, в чем причина, было нетрудно. Михаил Кузьмич нередко в разговорах со мной возвращался к этому вопросу.

— В таком положени не я один. Все внимание сосредоточено сейчас на разгроме фашизма. Скоро настанет время для наведения порядка во внутренних, частных делах. Выяснится и вопрос о Косте. Тогда, я в этом убежден, поднимется «шлагбаум» на моем пути: меня используют с максимальным коэффициентом отдачи. А пока надо работать. Испытание временем надо выдержать с честью.

Работал Михаил Кузьмич много. С коллективом конструкторов, как он и предвидел, у него сложи-

лись добрые, деловые отношения. Но отход от непосредственной конструкторской работы был ему все же не по душе. Я понимала, да и сам он говорил, что на такой административной роли в ОКБ А. И. Микояна долго ему не проработать.

Дома у нас было не очень весело. После возвращения из Сибири я часто болела. Давали о себе знать годы ослабленного питания. Михаил Кузьмич был обеспокоен состоянием моего здоровья и пытался что-то предпринять.

Однажды пришел домой радостный.

— Неожиданный вариант, — сказал он. — Послезавтра ты уезжаешь в Крым. Я договорился, тебе помогут там устроиться.

И я поехала в Крым, оставив ребятишек на попечение его и мамы.

Дорога в Крым была грустной. За окном повсюду свежие раны войны. Заколоченные досками окна домов. Разрушенные здания вокзалов. Черные остовы заводских корпусов.

И каким контрастом увиденному в пути оказались белые аккуратные домики Алушты, ее живописные фруктовые сады.

Возможность, даже на короткое время, устроиться в санаторий оказалась, конечно, сказочным мифом, в который наивно уверовали мы с Михаилом Кузьмичом. Корпуса крымских здравниц смотрели на море разбитыми глазницами темных окон. По берегу моря ходили минеры, отыскивая и обезвреживая мины. Время от времени раздавались гулкие взрывы, и в воздух поднимался то столб воды, то гальки или песка.

Мне повезло: разговорилась со случайно встретившейся женщиной. Она оказалась женой военного коменданта города и предложила пожить у нее.

Изобилие фруктов, южное солнце и морская вода быстро подняли меня на ноги. Через две недели, распрощавшись с гостеприимной хозяйкой, собралась домой.

Приближалась зима 1944 года. Условия жизни в Москве были нелегкими. Наш дом отапливался, как и большинство домов с центральным отоплением, плохо. Температура не поднималась выше десяти-одиннадцати

градусов. Мы часто ставили в комнатах керосинку, керогаз и даже примус. Но это помогало мало.

Трудно было и с электроэнергией. Она лимитировалась очень жестко. Из-за этого мы, живущие на седьмом этаже, были лишены возможности пользоваться лифтом. Он работал лишь в определенные часы. Более того, для пользования им надо было иметь специальное разрешение. А у нас его не было.

Жизненно важной была в то время для москвичей и «проблема картошки». В пригородах столицы организациям выделялись участки под коллективные огороды. Наше картофельное поле, закрепленное за коллективом А. И. Микояна, находилось вблизи деревни Раздоры по Белорусской железной дороге. Сюда мы ездили сажать картошку, потом окучивать. Настал и день уборки урожая. Хмурый и дождливый, он запомнился надолго.

Михаил Кузьмич чувствовал себя неважно: болели ноги, ныла поясница. Но ехать надо. Мы укутали его шарфами, взяли у кого-то напрокат теплый ватник.

С трудом выкапывал он картошку под моросящим, нудным дождем.

К концу дня огородники подвели итоги. На долю нашей семьи с учетом всех ее членов досталось пятнадцать мешков. Огромное богатство!

Подвалов, пригодных для хранения картофеля, в доме не было. Жильцы держали обычно мешки в коридорах, а порой и прямо в комнатах.

До глубокой ночи Михаил Кузьмич поднимал на спине с этажа на этаж драгоценный груз. Старались помочь ему и я, и мама, и дети. Но основная тяжесть легла на его плечи.

Утром он не смог встать с постели.

— Двустороннее воспаление легких, — заключил участковый врач. — К тому же сильное истощение. Ваш муж — мужчина крупный. Чтобы полностью восстановить силы и побороть болезнь, нужно питание и питание. Без молока, яиц, меда, пожалуй, не справимся... Да и разыгравшийся радикулит...

«Где достать денег?» — мучительно думала я, слушая тяжелое дыхание и надрывный кашель больного.

Выход виделся один — продать пишущую машинку. Михаил Кузьмич привез ее из Америки. Мы с мамой частенько подрабатывали, печатая рукописи. Продажа

машинки означала, что мы лишимся такого нужного для семьи дополнительного заработка.

Янгель и слышать не хотел о продаже. И все-таки мы распрощались с «Ундервудом» в красивом черном футляре.

Через месяц Михаил Кузьмич был на ногах и вскоре приступил к работе. Однако чувствовал он себя временами неважно.

В один из воскресных дней мы поехали с ним на улицу Горького. Прошли по Пушкинской площади, мимо переулка, где так часто бродили в студенческие годы.

День был погожий. Город постепенно принимал мирный вид. Исчезли с окон крестообразные бумажные наклейки, предохранявшие стекла во время бомбежек. В магазинах стали появляться добротные товары.

Остановились у одной из витрин.

— Какое нарядное платье! — сказала я.

— Не горюй, Ирина. Уверен, купим тебе еще более красивое. Живем мы сейчас тяжело. Но разве мы одни? Раны войны заживут не скоро. Я мечтал сделать твою жизнь счастливой и радостной. Поверь, она будет еще такой. Будут расти и радовать дети. Мы с тобой будем заниматься интересными делами... И, даю тебе слово, мы придем с тобой в какой-то день на улицу Горького, зайдем в этот магазин, и ты купишь все, что захочешь...

Я слушала его, улыбалась, а сама мучительно раздумывала: где бы занять хоть немного до получки.

Однажды он вернулся домой необычно рано.

— Что случилось? — тревожно спросила я. — Ты не заболел?

Сначала он ничего не ответил. А потом сообщил последнюю новость:

— Еще одна отметка в моей трудовой книжке. Сегодня подал заявление об увольнении.

Я знала: рано или поздно это произойдет. Но не думала, что так скоро.

— Миша! — сказала находившаяся в комнате моя мама. — Вы не поспешили с этим решением? Семья только начинает становиться на ноги. Вы еще не окреп-

ли после тяжелой болезни... Я не спрашиваю о причинах вашего ухода. Но, может быть, вы все-таки поспешили?!

У мамы с Михаилом Кузьмичом были дружеские отношения. Они могли увлеченно беседовать не только на житейские темы, скажем, о воспитании детей, но часто затрагивали и серьезные философские вопросы.

— На этот раз нет, — ответил он ей. — Решение своевременное. Не думайте, что это так легко для меня. Знаю, что какое-то время и семье будет трудно. Другой работы я себе еще не подыскал.

На этом разговор окончился. Михаил Кузьмич вернулся к нему вечером, когда дети уже легли спать.

— Возможно, и стоило бы в угоду благополучию поступиться чем-то. Но не могу. Характер уж у меня такой, как говорят, «слишком принципиальный»...

Он стоял у окна. В руке чуть дрожала папироса.

— Стало сдавать опять здоровье. Нервы на пределе... Но все будет хорошо... Сейчас главное — твое поступление в аспирантуру. Через три года защитишь диссертацию, и жить нам станет много легче.

И долго-долго говорили мы с ним в тот вечер: о принципах в жизни, об отношении к людям, о будущем и настоящем.

В январе 1945 года Янгель оформился на работу в конструкторское бюро Владимира Михайловича Мясищева.

— Ведущим инженером, — пояснил он. — Одна из машин КБ внедряется в серию. Работа интересная.

Я искренне радовалась его бодрому настроению. Волновало лишь то, что он все чаще и чаще жаловался на мучительную боль в пояснице и ногах. Особенно она тревожила его по ночам.

Старший брат Михаила — Александр по-прежнему жил в Ленинграде. Изредка со своей женой Натой приезжал в Москву. И Александр и Ната привязались к нашим ребятишкам — своих у них не было.

— Отдали бы нам Сашу насовсем, — не раз просил Александр. — Я бы сделал из него кадрового военного. Как, согласны?

— Семья без сына что самолет без мотора. В будущее не улетишь, — отшучивался Михаил Кузьмич.

Однажды Александр прямо с вокзала заехал к нам домой. Накормить его ужином мы не смогли: в буфете было пусто.

— И часто у вас так бывает? — учинил он брату допрос. — Почему молчите, что так трудно живете?

С тех пор он со всякой оказией присылал нам что-либо из своего генеральского довольствия. Один раз прислал даже «трофейную» медвежатину.

Как-то, вернувшись из института, я застала Михаила Кузьмича за укладкой чемодана.

— Неужели опять уезжаешь?

— Да. Неожиданная командировка.

— Надолго?

— Точно не знаю. Думаю, что месяца на два...

С тяжелым сердцем провожала я его на Казанском вокзале. С дороги он прислал открыточку. А затем — письмо с подробным изложением дел.

Перелистываю странички грустных писем... «Будет много работы...» «Сердце сжимается тоской, когда я думаю, что долго не увижу тебя и детей...» «Чувствую себя удовлетворительно, хотя ноги и сильно беспокоят...»

Я усиленно готовилась к вступительным экзаменам в аспирантуру МАИ на кафедру аэродинамики самолетов. Прежде всего надо было успешно сдать профилирующую дисциплину.

— О содержании экзамена и его объеме договоритесь с заведующим кафедрой Иваном Васильевичем Остославским, — сказал его заместитель Тихон Андреевич Грумондз, у которого мы с Михаилом Кузьмичом в свое время слушали лекции по винтам.

Зимой 1945 года и состоялось наше знакомство с Иваном Васильевичем Остославским — человеком, которому я необычайно многим обязана в своей дальнейшей научно-педагогической деятельности. Этого ученого очень ценил и уважал Михаил Кузьмич. Впоследствии они стали добрыми друзьями, и их научные дискуссии по вопросам развития и перспектив авиационной и ракетно-космической техники доставляли всем присутствовавшим при этом истинное наслаждение.

Вступительный экзамен по специальному предмету я поехала сдавать в ЦАГИ. Профессор Остославский работал там заместителем начальника института по

науке. В МАИ он заведовал кафедрой по совместительству.

Накануне экзамена мне позвонил по междугородному телефону Михаил Кузьмич.

— Только не очень волнуйся. И ни в коем случае не говори слов «не знаю», — дружески советовал он. — Скажи, что заданный тебе вопрос и сложный, и, безусловно, интересный. Но прежде чем ответить на него, ты должна сказать следующее... И начни издалека, что тебе хорошо знакомо. Время всегда работает на экзаменующихся, а профессура — народ занятой.

— Какие вам дать вопросы? — спросил Иван Васильевич. — Я — за экзамены на демократических началах.

— Тогда самые легкие. Сказать честно, времени у меня на подготовку было очень мало, а забылось многое.

Он посмотрел на меня, о чем-то раздумывая.

— Поступить в аспирантуру, именно на вашу кафедру, — продолжала я, — желание давнее. Правда, такая аспирантка для вас не находка. У меня семья, маленькие дети... Единственный, на мой взгляд, плюс: в прошлом пилот запаса.

Остославский улыбнулся:

— Характеристика исчерпывающая. Откровенность тоже. Я думаю, что заниматься динамикой полета, ни разу не ощутив самого полета, — дело абсолютно бесперспективное...

Вызвал секретаря:

— Пригласите ко мне через полчаса Колосова и Халезова. Скажите им, что экзамен в аспирантуру.

Отвечала я довольно бойко.

— Я думаю, вопрос ясен, — заключил часовую беседу Иван Васильевич. — Предлагаю поставить четверку.

Покидала я ЦАГИ в приподнятом настроении.

— Мой совет пригодился? — спросил потом Михаил Кузьмич.

— Еще как! — ответила я.

В канун Восьмого марта Михаил Кузьмич писал мне:

«...Хотя я сейчас очень много работаю, но работа

все-таки техническая, а потому интересная. За короткое время неплохо ознакомился с самолетом и могу смело сказать, что правильно решаю большинство конструкторских вопросов. Несколько раз довелось услышать от начальства похвалу.

Правда, я чувствую свою слабость в сложном общем оборудовании в бомбовом хозяйстве современного бомбардировщика. Но меня должны выручить, во-первых, — время (я успею кое в чем разобраться), во-вторых, — помощь начальника бригады оборудования, очень хорошего парня...»

...Седьмого апреля день рождения сына.

«3 апреля 1945 года... Не знаю — передадут ли тебе это письмо до субботы. Во всяком случае, рассчитываю, что ты будешь читать его в промежутке между первой и последней рюмкой, которые ты, родные, друзья будете поднимать в честь нашего сына. От души поздравляю тебя с трехлетием Сашеньки и желаю и впредь видеть в нем радость жизни.

Поздравляю и Сашеньку с днем рождения и желаю ему расти крепким здоровьем, смелым и добрым душой. Одним словом, желаю ему быть настоящим человеком. Впрочем, он скорее поймет мои поздравления, если ты, вот сейчас же, когда читаешь эти строки, нежно и крепко поцелуешь его и скажешь, что «от папы» и «за папу». Об этом я и прошу тебя.

Если, родная, наш Александр будет таким, каким я бы хотел видеть его на закате жизни, я могу считать тогда, что не напрасно живу на свете».

А детям он писал крупными печатными буквами:

«Милые мои ребятишки! Крошки мои дорогие, Люсенька и Сашенька! Мне очень скучно без вас, так хочется повидать вас, поиграть с вами, поднять вас высоко-высоко и узнать: смелый ли Саша? Что касается Люси, то я знаю, что она смелая, даже больше, чем надо.

Недавно ко мне заходил Бармалей и сказал, что Люся и Саша сильно балуются и не слушаются маму и бабушку.

Смотрите, если вы не будете слушаться маму и бабушку, то Бармалей на вас рассердится, а я не привезу вам гостинцев. Пишите мне письма. Будьте здоровенькими и послушными. Ваш папа».

Дети с удовольствием вели с отцом переписку. Выво-

дила детским почерком еще не очень уверенные буквы Люся:

«Милый папа! Узнай, где Бармалей, и напиши мне. Люся».

А Саша, освоивший пока только букву А, ставил ее под своим рисунком: забор, а на нем птичка.

...К Первому мая Михаил Кузьмич вернулся из командировки в Москву, успешно закончив работу. Получил солидную денежную премию.

Девятое мая... Он пришел, этот день! В 0 часов 43 минуты в Берлине фашистское командование подписало акт безоговорочной капитуляции. Четыре тяжелых и страшных для нашего народа года позади!

Война окончена. Она унесла с собой миллионы жизней. Сколько погибло людей, сколько искалечено... Как изранена страна, ее города, села, поля... Не скоро заживут эти раны.

В этот памятный до мельчайших подробностей день у нас собрались друзья. Празднично накрытый стол. Мы давно берегли для него с трудом добытые закуски. За Победу пили стоя, не стесняясь во всю силу кричать счастливое «ура». Так было в этот день в каждом доме, за каждым столом.

А потом вышли на улицу и, влившись в русло человеческой взволнованной реки, устремились к сердцу города — Красной площади.

Сколько объятий с незнакомыми людьми! Крепких дружеских рукопожатий! В центре внимания заслуженно — люди в гимнастерках и мундирах, на которых, как самые драгоценные камни Земли, сверкали боевые ордена и воинские знаки отличия. Как качали славных воинов! Они были в тот вечер, пожалуй, больше в воздухе, чем на земле.

Победа! Победа! Победа!.. Слова любимой песни «Священная война» звучали торжественным, волнующим до глубины сердца гимном... Яркие огни салюта... И все смотрят, подняв головы, на россыпь огней в мирном небе. Отныне оно уже мирное.

...Вот я и аспирантка кафедры «Аэродинамика самолета». Опять в любимом, родном МАИ.

Первый этаж аудиторного корпуса. Дверь с таблич-

кой «Комитет комсомола». Если открыть ее, знаю, окажусь в знакомой комнате, где стоит все тот же старенький письменный стол... В памяти — сентябрь 1935 года. Первое знакомство с Михаилом Янгелем. Неужели пролетело целых десять лет?!

Из девятнадцати членов нашей кафедры женщина только одна... Профессура. Целое научное созвездие. И. В. Остославский, Б. Н. Юрьев, А. Н. Журавченко, В. Л. Александров, А. К. Мартынов, Д. В. Халезов, Н. С. Аржаников, В. В. Струминский и мой научный руководитель Е. И. Колосов.

Дома Янгель подшучивает надо мной:

— У тебя не дрожат коленки, когда задаешь вопросы на заседании кафедры?

На нашей кафедре очень ценится шутка.

Рассказываю, что профессору Александрову кто-то по рассеянности систематически заменяет его новые калоши на старые. Профессор сердится и говорит, что если это дело рук аспирантов, то на экзамене им несдобровать.

— Не рук, а ног, — поправляет Михаил Кузьмич. — Ну а еще что?

— Узнала наконец «тайну» портфеля Александра Николаевича Журавченко.

— Вот это интересно! Еще мы, слушая его лекции, пытались дознаться, что хранится в его необычайной толщины портфеле. Почему, когда профессор кладет его на стол, в нем что-то гремит и звенит? Может быть, модель новой аэродинамической трубы для изучения штопора? Или памятные детали самолета «Илья Муромец», на котором Журавченко успешно летал еще на заре становления авиации? И что же оказалось на самом деле?

— Большущий термос с кофе и пластмассовые коробки с бутербродами. Жена Александра Николаевича ежедневно наполняла портфель провиантом, заботясь о питании мужа.

— Детектив со счастливым концом, — смеется Янгель.

Михаил Кузьмич такие рассказы слушает с удовольствием. Разговор, как правило, заканчивается обсуждением моей диссертации. Тема ее явно под его влиянием. Главное «действующее лицо» — истребитель сопровождения.

Говорим, а я смотрю на Михаила Кузьмича и думаю:

«С каким наслаждением окунулся бы он сейчас сам в творческую жизнь».

С января 1946 года меня, как и обещал Остославский, зачислили на должность ассистента-совместителя. Начался счет годам педагогической деятельности.

Со своими родными Михаил Кузьмич по-прежнему поддерживал тесную связь: часто обменивался письмами, матери регулярно посылал деньги. Младший, следом идущий за Михаилом брат Павел тоже давно покинул родную Зырянову. Служил краснофлотцем в Советской Гавани. В марте 1945 года попал на 1-й Белорусский фронт. Дошел до Берлина. Остался на некоторое время служить в Германии.

Сохранилось одно из писем тех времен, которое Михаил Янгель послал брату с оказией.

Вначале совет серьезно заняться самообразованием, поступить на заочное отделение какой-либо военной или партийной школы. Потом немного о себе:

«...Я сейчас тоже очень нуждаюсь в углублении своих знаний по истории, философии и некоторым политическим вопросам. Но, к сожалению, мало имею к этому возможностей.

Работаю ведущим инженером на опытном заводе, т. е. на таком, где разрабатывается конструкция и строятся первые экземпляры новых самолетов. Работа ведущего заключается в техническом руководстве конструкторами, координации их деятельности с производством, в разрешении возникающих технических вопросов. Работа сама по себе довольно интересная, и меня она может вполне удовлетворить. Но, к сожалению, я не уверен, будет ли она реализована...

Кроме того, она не приносит мне достаточных для удовлетворительной жизни семьи материальных благ. Денег могло бы хватить, если бы не было необходимости часто прибегать к рынку, так как отовариваются продовольственные карточки продуктами невысокого качества. Детям необходимо молоко и, хотя бы в небольшом количестве, масло. Но ни того, ни другого мы не получаем. Получаем солодовое (мучное) молоко и лярд (искусственный жир). Свежего мяса тоже не получаем — оно заменяется яичным порошком или, в лучшем случае, консервами. Так что волей-неволей приходится прибегать к рынку...

Этой осенью положение создалось наиболее трудное:

продавать из вещей уже нечего, а нужны были несколько тысяч рублей на заготовку картошки и других овощей на зиму, так как весной из-за болезни я своего огорода не сажал. Трудно мне бы пришлось, если бы не выручил Александр.

Большая тяжесть свалилась с моих плеч: будет картошка, значит, жить можно. Остается еще как-то разрешить вопросы, связанные с необходимостью купить некоторые предметы одежды. Начиная от чулок, обуви и кончая теплой одеждой, как у детей, так и у нас с Ириной, дела обстоят, прямо говоря, неважно.

За весь 1945 год я получил на заводе всего лишь один ордер на отрез для костюма. Хотя и донашиваю последний костюм, этот отрез придется все же продать. Надо приобрести более необходимые вещи для ребятишек и Ирины.

...Я, может быть, и зря, Паша, так расписал свою нищету. Ведь, в сущности, очень многие живут хуже, чем я. Уж такое сейчас время...»

Жилось нам действительно нелегко. Запомнился один эпизод о том, как Михаил Кузьмич портняжил.

Одежда его пришла в явную негодность. А в шкафу висел старый, целый, но сильно вылинявший американских времен костюм.

— Что, если я его перелицую сам? С изнанки он как новый. Недаром я в прошлом был ткацким поммастера.

В воскресный день он сел за работу. Помогать советами старались все домашние. Особенно усердствовали дети.

Михаил Кузьмич аккуратно распорол бритвой все швы, потом отутюжил все «детали» и наконец ювелирно сшил их на машинке. Мама была потрясена и сроками и качеством работы. Костюм оказался удивительно элегантным.

...Скоро наша семья увеличилась еще на одного человека. Новым ее членом стал мой десятилетний племянник Аркадий.

Судьба у мальчика сложилась трудно. Вскоре после смерти моей сестры Аленушки, его матери, муж ее вновь женился. Мачеха сердечно отнеслась к осиротевшему Аркаше, заботилась о нем, пока его отец был на фронте.

После окончания войны семья Андрющенко стала жить в пригороде Днепропетровска.

В начале 1946 года отец Аркадия неожиданно приехал

в Москву. Зашел к нам. Рассказал, что у него родилась дочь, что Аркаша здоров, растет, хорошо рисует. А уходя, бросил фразу:

— У меня к вам, Михаил Кузьмич, просьба: если что со мной скоро случится, Аркашу не оставьте.

Мы удивились такому окончанию разговора, но вскоре об этом забыли. А дней через двадцать, вслед за телеграммой, пришло из Днепропетровска письмо. Аркашина мачеха писала, что стряслась беда: бесследно исчез ее муж. Видели, что шел по льду Днепра с вещевым мешком. И все... Дальше она писала, что растить двух детей в такое трудное время ей не под силу. Просила согласия на приезд Аркаши к нам в Москву.

На семейном совете мы обсудили сложившуюся обстановку. Итог подвел Михаил Кузьмич:

— Живем мы, конечно, трудновато. Но брать Аркадия надо. Там, где растут двое детей, вырастет и третий.

...Ранним майским утром в дверь постучала заспанная соседка.

— К вам приехали. Старушка какая-то и с ней мальчик.

В коридоре мы увидели старую, плохо одетую женщину и прижавшегося к ней худого мальчугана с огромными темными глазами.

— Это Аркаша, — сказала женщина. — А я его бабушка по отцовской линии. Дорога была тяжелая, в теплушке ехали. Но, слава богу, все позади... В этом свертке рисунки Аркаши, а вещей у него нет.

— Проходите, пожалуйста, в комнату, — пригласил Михаил Кузьмич.

— Нет, спасибо. Я очень спешу. Сегодня должна выехать обратно, а то из Москвы не выберешься.

Поцеловав мальчика, она поспешно ушла.

— Здравствуй, Аркашенька! Ты узнаешь меня? — всплакнула было мама.

Но Михаил Кузьмич не дал ей приблизиться к ребенку.

— Одну минутку! Что это у него?!

Крупные вши беззастенчиво ползали по воротнику Аркадия. Михаил Кузьмич тут же расстелил в коридоре старую простыню, поставил на нее мальчика и снял с него все, начиная от огромной ушанки и кончая рваными ботинками. Потом машинкой состриг густые темные волосы и отнес Аркадия в ванную комнату.

Два или три дня Аркадий провел в постели. За это время мы достали у родственников и знакомых пальто, костюм, ботинки, белье.

И вот за столом рядом с нашими детьми сидит черноглазый, наголо обритый, застенчивый мальчик.

— Так вот, дети, — обращается отец к Люсе и Саше, — теперь у вас есть старший брат. Это большое счастье — иметь старшего брата. Он будет вашим другом, вашим защитником. Будет во всем вам помогать. Мы с мамой и бабушкой очень рады, что у нас в семье появился еще один маленький мужчина. Достигнуто равновесие: трое мужчин на трех женщин.

Неожиданно дела у Янгеля осложнились. Конструкторское бюро, возглавлявшееся В. М. Мясищевым, было расформировано. Янгелю предложили должность старшего инженера отдела при министре авиационной промышленности М. В. Хруничеве.

Заниматься Михаил Кузьмич стал вопросами новой техники. Эта работа была связана с частыми, но недолгими выездами за пределы Москвы, регулярными встречами с учеными, специалистами.

— Работа интересная, — говорил он. — Но все-таки с явно организационным уклоном. А я так мечтаю о сугубо конструкторской, творческой.

В августе 1947 года Михаилу Кузьмичу удалось на короткое время съездить в Зырянову. Он очень хотел повидать мать, побродить по знакомым таежным тропам.

Так шла жизнь.

Осенью 1947 года пошла в первый класс наша Люся.

— Ягодка наша уже первоклассница! Как летит время!

С любопытством рассматривал Янгель уложенные в портфель тетрадки и букварь.

В ночь на первое сентября всем не спалось. Утром, принарядившись, всей семьей пошли провожать Люсю. Черный портфель первоклассницы торжественно нес отец.

Долго стояли мы у здания школы. Все смотрели, как мелькают за окнами лица счастливых и взволнованных малышей.

— Уверен, что Люсенька нам хлопот не доставит, —

сказал Михаил Кузьмич. — Читает. Пишет. Книги любит. Светлая головка.

Но в школу родителей Люси Янгель вызвали уже через три дня. На беседу с учительницей пошла бабушка.

— Вы только полюбуйтесь! — сказала она вечером, протягивая раскрытую тетрадку. — Какая талантливая и изобретательная у вас дочь. Перед вами — ее первое домашнее задание.

Из каждого овала многократно повторявшейся на первой странице буквы «о» на нас смотрела веселая рожица: две точки — глаза, черточка — нос и скобка — рот.

— Это что еще за фокусы? — строго спросил отец стоящую перед ним дочку. — Твое творчество?

— Мне помогал Аркаша, — доверчиво пояснила она. — Помнишь, папа, ты говорил мне и Саше, что старший брат будет нам во всем помогать. Одна бы я ни за что не справилась. Здесь целая страница этих смешных «о».

В начале 1948 года Янгель подал заявление в только открывающуюся Академию авиационной промышленности. Она была организована для повышения квалификации руководящих авиационных работников. К преподаванию в ней были привлечены ведущие ученые и организаторы производства, экономисты, главные конструкторы... Михаил Кузьмич — слушатель академии. Радости его не было границ.

Многое надо было восстановить в памяти, многому поучиться. Математика, физика, механика и, конечно, ключевые вопросы организации производства. Он серьезно, увлеченно начал заниматься в академии.

В то время наша квартира напоминала читальный зал. Готовились к занятиям в школе Аркаша и Люся, сидел за конспектами и книгами Михаил Кузьмич, занималась диссертацией я. Сосредоточенная, деловая и такая дружная обстановка.

Ритм наладившейся жизни неожиданно нарушила болезнь Янгеля. Очередное тяжелое обострение радикулита согнуло его «в баранку». Врачи всячески пытались выпрямить сибиряка. Приходили домой и терапевты, и невропатологи, и даже гомеопаты. Разогнуться он не мог, не мог и ступить на больную ногу.

Друзья достали для него место в институте курорто-

логии. Лечение грязью немного помогло. Он снова стал ходить, хотя и с трудом, на занятия в академию.

В конце мая 1948 года я защитила кандидатскую диссертацию. На защите присутствовал и Михаил Кузьмич. Естественно, что он волновался за меня. Доклад и защиту мою он одобрил.

Вечером у нас дома отмечали успешное окончание аспирантуры. На торжественный ужин пришли почти все преподаватели кафедры. Настроение было отличное!

— Аппетитнейшие пирожки. Интересно, умеет ли печь такие новоявленный кандидат технических наук? — пристрастно допрашивал мою маму Иван Васильевич Остославский.

Много было сказано за столом добрых, напутственных тостов. Но все тревожнее смотрела я на вдруг погрустневшее лицо Михаила Кузьмича. Он попросил слово. Встал.

— Сегодня я горд и счастлив. В нашей семье незабываемый день: Ирина вышла в большую науку. Я уверен— это лишь начало ее пути.

И он от души поблагодарил кафедралов. А закончил свою речь так:

— Сложная штука — жизнь. Совсем недавно ведущим в семье был я. Теперь все изменилось: моя жена — ученый, кандидат наук. А я всего лишь слушатель академии. Не пойти ли мне к жене шофером?

И он сел, низко опустив голову.

— Зачем ты так? Каким шофером? — спросила я, когда гости ушли и комната опустела, приняв обычный вид. — Ты сам говорил мне, что скоро все изменится. Тебя приняли в академию...

— Академию я, видимо, окончу, — перебил он меня.— А что потом? Да еще эти мучительные боли в пояснице, ногах... Прости, что я испортил тебе такой знаменательный вечер...

Болезнь Янгеля вновь обострилась. С большим трудом нам удалось положить его в институт физических методов лечения на Петровке. Пробыл он там около месяца. Писал оттуда:

«...В палате нас десять человек. Народ — разный. Есть и весьма неприятные экземпляры. Но обо мне не беспокойся.

Меня здесь одели во все полувзрослое: рубашка — до

живота, брюки — чуть ниже колен и т. д. Очень прошу тебя в воскресенье принести мою одежду... Начинаю скучать. Как там идут у вас дела?»

И приписка:

«Очень жаль, что ты не принесла мне физику и английский. Совершенно нечем отвлечься от боли».

Пребывание в лечебном институте помогло мало.

— Твоего мужа поставит на ноги только Цхалтубо, — посоветовал приехавший из Казани мой дядя, врач-невропатолог, профессор Иосиф Иосифович Русецкий.

И вот в руках путевка на сказочный курорт. Только на лечение целебными водами и осталась надежда. С трудом надеваем на больного зимнее пальто и выводим из подъезда дома. Спина не разгибается, сесть в легковую машину он не может. Везем его с Аркашей на полуторке к вокзалу. Опираясь на мое плечо и тяжелую трость, Михаил Кузьмич еле добредает до вагона.

«18 декабря 1948 года... Вчера вечером добрался до санатория и сегодня уже начал принимать лечебные процедуры.

Путешествие можно считать вполне удовлетворительным. Мне ни разу не пришлось выходить из вагона или даже обращаться к проводнику за водой. Все это делали любезно за меня мои соседи по купе. Может быть, потому, что я лежал, боли мучили не так уж сильно. Немного читал, беседовал с товарищами на разные темы. Словом, доехал хорошо... Твои родные места проезжали днем, но в дождливую погоду. Вид из окна на сухумские окрестности чудесный. Сухуми во многом напоминает Калифорнию. Я бы, не раздумывая, согласился перебраться сюда на постоянное жительство...»

Перед отъездом Михаила Кузьмича в Цхалтубо товарищи по академии снабдили больного нужными книгами и конспектами. Я в то время вела у слушателей академии практические занятия по курсу «Динамика полета», учила и собственного мужа.

В руках несколько писем из Цхалтубо.

«...Мне кажется, что я давно-давно уехал из дома, и ко мне привязалось какое-то беспокойство о тебе, ребятишках, маме.

Беспокоит меня и мое состояние. Дело в том, что я принял уже четыре ванны, а обострения боли, характеризующего эффективность лечения, все еще нет... От ванн пока один результат — стал значительно лучше спать.

Это очень хороший признак. Страстно хочу вылечиться. Надеюсь, так оно и будет.

На обслуживание в санатории жаловаться не приходится. Персонал старается быть вежливым. Вчера вечером много больных собралось в рентгеновском кабинете на просвечивание грудной клетки. Когда подошла моя очередь, сестра-грузинка говорит: «Михкуз, проходите, пожалуйста». Оказывается, она прочла в анкете мои сокращенно записанные имя и отчество и так их произносит. Больные смеялись, острили по этому поводу.

В палате атмосфера дружная, хотя сосед — преподаватель геодезии из Ленинграда, мужчина лет 56-ти, очень словоохотлив. Даже, пожалуй, болтлив. Он иногда мешает заниматься...

С занятиями по политэкономии дела идут не так быстро, как хотелось бы. Дело не в моем нежелании, а в распорядке дня и условиях. Успел пока проработать только одну первую тему, правда, довольно большую по объему материала и по значению. Дальше пойдет легче».

«...Завтра закончится первая половина курса лечения. Никакого обострения болезни или устойчивого улучшения все нет и нет... Твердо уверен, что от лечения здесь в конечном итоге будет легче. А если попаду сюда еще раз, то и совсем вылечусь».

«...Печально, что этот Новый год мы встречаем не вместе. Я буду рад, если ты встретишь его в кругу наших друзей. В канун Нового года в своих мыслях буду неотлучно с тобой. Ощутишь ли ты мое незримое присутствие?..»

«...В лечении есть некоторое улучшение. На ванны хожу пешком, без палки...»

...Платформа Курского вокзала. Иду в толпе, пристально всматриваясь во всех прихрамывающих или идущих с палочками... Где же Михаил Кузьмич?!

А он бодро сходит по ступенькам вагона, возле которого я остановилась. В руках уверенно держит чемодан и корзинку с южными фруктами. Улыбается. Загорел. Расправил плечи. Значит, действительно вода в Цхалтубо волшебная.

— Расскажи, пап, самое интересное из твоей поездки, — просят вечером дети.

— Самое интересное? Пожалуй, то, как я принимал ванны. Это было настоящее спортивное состязание.

Дети внимательно слушают.

— В бассейне с лечебной водой наиболее привлекательно место, где из труб поступает благодатная вода с пузырьками. И больные, зная об этом, стремятся эти места занять. Но для этого надо попасть в бассейн первым. — Азартные искорки в глазах Михаила Кузьмича.— Представьте себе: около тридцати мужчин разного возраста и разной комплекции ждут сигнала медицинской сестры. Только что покинули бассейн женщины. И вот заветная дверь распахнута. Впереди — коридор, ведущий к цели. И начинается незабываемый по своему спортивному накалу бег. Какая захватывающая картина! Особенно если учесть, что в одежде в лечебный бассейн никого не пускают.

— Ну а ты, пап, обгонял других? У тебя ведь больные ноги!

— Всегда был первым! — торжествующе смотрит на детей отец. — Когда еще в юности я работал на ткацкой фабрике, то долгое время держал первенство в беге на длинные дистанции. Усвоил с тех пор, когда надо сделать рывок. А в азарте забываешь и о больных ногах.

С первых дней после возвращения из Цхалтубо Янгель сел за книги и конспекты лекций. Надо было догонять товарищей по группе. Надвигалась сессия.

Экзамены он сдал успешно. Как и в предыдущие разы, одни пятерки. Ребятишки, ревниво следившие за успеваемостью отца, довольны. Честь семьи не уронена.

По приглашению близких друзей летом 1949 года я целый месяц прожила на даче под Минском. Пока я была там, домашние заботы взял на себя Михаил Кузьмич. Мы сняли для детей комнату в дачной местности Жаворонки. Отец регулярно навещал детей. Отвозил им продукты. В письмах отчитывался передо мной.

«14 июля 1949 года... Каждый день, когда бываю на даче, мы с ребятишками ходим в лес, теперь — по другую сторону железной дороги. Собираем грибы. На обратном пути заходим на пруд, и я разрешаю им побыть в воде три-пять минут... На днях благодаря изобретательности Аркаши и хладнокровию Саши хозяйка Евдокия Петровна, а затем и я были обмануты самым жестоким образом: приняли за настоящие расставленные по участку глиняные грибы. Смеялись до слез...»

Когда я вернулась из поездки в Белоруссию, Михаила

Кузьмича в Москве уже не было. Удалось достать «горящую» путевку в Цхалтубо. И он, помня советы грузинских врачей, решил повторить курс лечения.

«Цхалтубо. 11 августа 1949 года... Сегодня у меня выходной день. Это, пожалуй, первый день, когда ярко светит солнце и трудно найти такое местечко, где бы не томил зной...

Жизнь в санатории идет размеренно, однообразно. Временами на меня нападает хандра... Спасибо, что в комнату ко мне недавно поселили двух симпатичных старичков москвичей. Один из них — ночной ответственный дежурный летного института. Мы с ним часто беседуем на самые разные темы. Публика в санатории простая, преимущественно пролетарская.

В свободное от процедур время прорабатываю физику, листаю учебник английского языка. Иногда играю в шахматы. Вчера был первый раз в кино. Сегодня, может быть, пойду в центральный сад-курорт. Погуляю, посмотрю публику...»

...Осенью 1949 года пошел в первый класс Саша. Опять бессонная ночь на первое сентября. Торжественное шествие всей семьи до дверей школы. Итак, трое детей — школьники!

— Ну и дом у Янгелей, — говорили друзья. — Когда ни придешь, все сидят за книгами или тетрадями. Хватает ли вам рабочих мест?

— Рабочих хватает, — отвечал Михаил Кузьмич. — А вот со спальными действительно туговато. Семь душ, из них два первоклассника: Саша и его друг Валерик.

А получилось так.

Однажды вечером к нам нагрянули близкие друзья. Они давно жили за границей, несколько лет провели в Англии. Старшему их сыну пришла пора идти в школу; выхода из создавшейся ситуации было два: отдать мальчика в интернат либо просить кого-то из знакомых взять его на временное жительство. С последним вариантом они к нам и пришли.

Итог обсуждения вопроса подвел, как всегда, Михаил Кузьмич:

— Там, где растут трое, вырастет и четвертый. Бабушке будет трудновато, но общими усилиями справимся.

И Валерик стал жить в нашей семье, внеся в дом заметное оживление. Прежде всего потому, что он почти совсем не знал русского языка.

— Он и думает наверняка по-английски, — сетовала моя мать. — Трудно ему будет учиться.

— Ты посмотри, Ирина, как ловко решил он задачу! — восклицал Михаил Кузьмич. — Ответ поразительный: в саду играло пять с половиной мальчиков. Куда девалась еще одна половинка бедного ребенка?!

И он терпеливо объяснял Валерику, что в каждой задаче, помимо формального решения, всегда должно быть еще и смысловое.

Способный мальчик скоро освоил родную речь, стал писать хорошие сочинения и успешно решать задачки. В ответах уже не фигурировали грустные половинки игравших в саду мальчиков.

...До поздней ночи сидел за занятиями Михаил Кузьмич. Часто ездил на консультацию в ЦАГИ. Чертил, вычислял, раздумывал. С особым интересом работал он над курсовым проектом по конструкции. Специальная тележка на рельсах для взлета тяжелых самолетов. Вопрос подвижного старта его очень интересовал, и он нашел оригинальное конструктивное решение.

Наступил март 1950 года. В конце этого месяца Михаил Кузьмич Янгель защитил с отличием аттестационно-выпускную работу.

В характеристике за подписью начальника академии М. Ф. Семичастнова и секретаря партбюро Л. А. Гришина было сказано:

«Янгель Михаил Кузьмич является отличником учебы. Успешно осваивая учебный материал и обладая незаурядными способностями, тов. Янгель не ограничивает изучение его только программными курсами Академии, а углубляет знания, систематически работая над дополнительными источниками и новейшей литературой. Трудолюбивый и требовательный к себе, тов. Янгель завоевал уважение всей группы. С момента организации партийной группы исполняет обязанности секретаря парторганизации группы.

...Имея широкое и разностороннее развитие и большой опыт руководящей работы в промышленности, тов. Янгель обладает принципиальным, прямолинейным характером. Тов. Янгель по своему развитию и способностям может с успехом вести как самостоятельную научно-исследова-

тельскую работу, так и руководящую административно-техническую работу в промышленности.

Имеет правительственную награду — медаль «За оборону Москвы».

— Послушай, Кузьмич, — спросил, отдавая характеристику, парторг, — у тебя наград действительно только одна эта медаль? Я припоминаю, что видел тебя не раз в списках и поликарповского, и других коллективов на представление к ордену Ленина.

— В списках-то я был, — ответил ему Михаил Кузьмич, — но так складывалось: то аварийная ситуация, то война, то иные обстоятельства. И потом, ты говоришь — одна медаль. А знаешь, как мне она дорога!

...Окончена академия. Вспоминая об этом периоде жизни Янгеля, профессор А. А. Кобзарев пишет:

«...Начавшаяся Отечественная война прервала наше знакомство с Михаилом Кузьмичом, и только в 50-х годах мы встретились вновь в стенах Академии авиационной промышленности. Судьбе было угодно, что профилирующей для него была кафедра самолетостроения, которой я в то время заведовал. Он завершил учебу защитой диплома «Расчет крыла истребителя».

Защита прошла блестяще. Решением комиссии М. К. Янгелю предоставлено право защитить без сдачи кандидатского минимума диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Мне, как руководителю дипломного проекта Янгеля, было приятно убедиться в том, что талант Михаила Кузьмича растет и крепнет. Вся последующая научная и конструкторская деятельность подтвердила и во всей полноте раскрыла его яркие выдающиеся способности».

Окончена академия. На какой участок работы будет направлен теперь Янгель? Что доверят? Сможет ли он пойти по пути, где отдача будет наиболее полной?

— Михаил Кузьмич, — зовет соседка. — Вас к телефону.

Слышу, как из коридора доносятся его краткие, сдержанные ответы.

— Тебя куда-то вызывают?

— Да. Сначала в кадры, а потом и на беседу...

— Ты уйдешь из авиации? Тебя отпустят?

— Пока еще предварительные разговоры. Речь идет о работе в области ракетно-космической техники.

Несколько последующих дней мы жили в напряженном ожидании решения вопроса.

Михаил Кузьмич пришел после долгой беседы в ЦК довольный, радостный. И я поняла: старт дан.

— Сегодня подписан приказ. Буду пока работать начальником отдела в конструкторском бюро Королева.

В трудовой книжке М. К. Янгеля отметка о зачислении на работу сделана 12 апреля 1950 года.

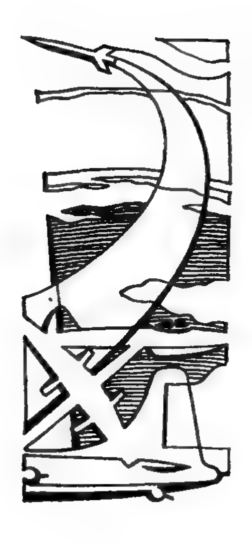
Знаменательный день! Через одиннадцать лет, именно 12 апреля, преодолев оковы земного тяготения, уйдет в первый космический рейс на корабле «Восток» первый космонавт Земли Юрий Алексеевич Гагарин. И в этом историческом полете, как и в предыдущих полетах многих спутников и космических аппаратов, уже будет ощутимый конкретный вклад Михаила Кузьмича.

12 апреля 1950 года. Впереди у Янгеля годы, неразрывно связанные с ракетно-космической техникой. Впереди огненные старты, свершение мечты. Он понимает, чувствует сердцем: начался самый ответственный, самый важный этап его жизни. Это, наверное, и называют счастьем.

Как хорошо, что позади остались волнения, тревоги, позади нелегкое, но успешно выдержанное «испытание временем».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОЧЕНЬ МАЛО, НО О РАКЕТАХ

Итак, тридцатидевятилетний Янгель — начальник отдела в конструкторском бюро, которое возглавляет С. П. Королев. В КБ, по существу, лишь начинают развертываться работы по созданию мощных ракет-носителей.

Год 1950-й. Еще не стартуют с площадок космодромов могучие многотонные ракеты с огненными шлейфами. В безмолвии околоземного пространства еще не ткут узорчатых кружев из круговых и эллиптических витков спутники-труженики. Юрий Гагарин пока только ученик ремесленного училища в Люберцах.

Путь в ракетную технику. Он со стороны многим видится в дымке таинственного ореола и увлекательной романтики. Потом действительно здесь, как в фокусе, сконцентрируется все: и гениальные прозрения, и клинопись сложнейших чертежей, и быстродействие уникальных счетных машин, и огоньки площадок Байконура, и Золотые Звезды на груди.

Но это будет потом. А пока перед людьми, которым так много доверено, перед людьми, чьи имена еще долгое время будут известны лишь узкому кругу лиц, — неимоверно тяжелый, напряженный, долгий и далеко не всегда щедрый на удачи путь.

Эти люди стоят во главе коллективов, связанных в единую сложную

систему. И если где-то произойдет хоть небольшой сбой, не сработает весь механизм в целом. Второстепенных вопросов в ракетно-космической технике нет.

Иные спросят, есть ли смысл вспоминать, с каким трудом давался каждый шаг, какой ценой порой платили эти люди за то, чтобы впервые в истории человечества выйти в околоземное космическое пространство, открыть дорогу к необозримому звездному океану?

Да, смысл есть. Иллюзия этакой легкости, будто бы в жизни их были одни лишь триумфы, сплошные удачи, не возвышает, а, напротив, принижает величие свершенных ими дел.

Да, были жаркие, высокого накала дискуссии и споры. Были, что скрывать, порой и досадные просчеты. Мучительные ночи, тревожные телефонные звонки, долгие поиски нужных решений. Были инфаркты, была и боль невозвратимых утрат... Все это было.

Но когда и как бы ни было трудно, эти люди боролись и умели побеждать, потому что знали: ни на одну минуту не ослабевает внимание к их работе.

Задачи, стоящие перед ними, были воистину грандиозны.

Возросшая мощь социалистической индустрии, развитие науки уже подготовили стартовую площадку для того, чтобы осуществилась наконец дерзновенная и давняя мечта человечества о проникновении в космическое пространство. «Гору хлеба и бездну могущества» должно было это дать людям, по предвидению Циолковского.

Космические корабли, орбитальные станции и спутники Земли должны встать на службу народному хозяйству, сделаться впоследствии мощным рычагом интернациональной дружбы. Они должны приблизить к ученым звездный купол неба, сделать доступными для изучения пустынные ландшафты Луны, загадочные марсианские каналы, окутанную густой пеленой атмосферы Венеру. Ждут своих первооткрывателей космические тропы на Меркурий, Сатурн, Юпитер, Нептун и Плутон.

И еще. В истории человечества бывают кульминационные моменты, когда на одной чаше весов мирная жизнь и радостный труд людей, их счастье, а на другой — страшные силы войны. Как много зависит от того, в чьи руки будет вложен и карающий меч, и надежный щит, прикрывающий самое дорогое на Земле — мирную жизнь.

Сейчас многое решают ракеты. Их щит должен при-

крыть Родину, их меч — служить грозным предупреждением врагу.

Так было в те годы. И люди, стоявшие у колыбели могучей ракетной техники, знали: в этой очень нужной, но нелегкой работе им надежно обеспечена поддержка партии, государства, народа. В этом был залог грядущих успехов.

Отдел, который возглавил Михаил Кузьмич, только что пережил очередную реорганизацию. Обстановка была сложной. Но он быстро освоился с ней: установил с подчиненными деловые, товарищеские отношения.

— Народ в отделе хороший, — делился он со мной своими первыми впечатлениями. — Работают с полной отдачей. Со временем не считаются. Но мне, сама понимаешь, нелегко. Я сложившийся самолетчик, хотя основы ракетно-космической техники знаю неплохо. В авиации и космонавтике много общего, но различий, конечно, не меньше. Взять, к примеру, вопросы управления космическими объектами. Сейчас сижу изучаю рулевые машинки. Порой кажется, что иду нетронутой целиной. Но все это преодолимо, нужно. И так интересно.

И в глазах Михаила Кузьмича загорались огоньки, так напоминавшие Янгеля юных лет. Его «шлагбаум» поднят. Дорога открыта.

Возвращался домой он поздно. Ужинал. Просматривал газету. Потом немного играл или беседовал с детьми. Когда они ложились спать, зажигал настольную лампу, стоявшую на письменном столе, и до глубокой ночи просиживал за книгами, бумагами. Не раз раскрывал учебники по математике, физике, механике. Техническая библиотека в нашем доме уже насчитывала немалое число нужных для работы книг.

Дети наши заметно повзрослели. Все чаще стали у нас завязываться своеобразные «научные дискуссии». Вообще, как правило, в формировании мировоззрения детей огромную роль играет профессия родителей. Отсюда династии музыкантов, дипломатов, актеров. У нас в семье основная тема — авиация и ракетная техника.

...Вечер. Сегодня отец пришел домой раньше обычного. Дети окружили его.

— Какие будут предложения? Чем займемся?

— Давайте в лото, — предлагает Саша. Он всегда бе-

рет карточки вместе с бабушкой, и они, как правило, в выигрыше. А играем мы на изюм или монпансье.

— Расскажите, дядя Миша, что-нибудь про самолеты или ракеты, — подает свой голос Аркаша.

— А что думает Ягодка? — спрашивает отец.

Люсин ответ заранее известен: решать задачки по математике или играть в шахматы.

Ну а мы с бабушкой готовы принять любое предложение.

Программа намечается насыщенная. Начинаем с игры в лото.

Потом Михаил Кузьмич рассказывает детям о самолетах: зачем им крылья, хвостовое оперение, как они выполняют фигуры высшего пилотажа. Объясняет доходчиво, не нарушая при этом научной строгости изложения.

Подходит и очередь «математической олимпиады». Все разбирают карандаши, бумагу. Задачу предлагает Михаил Кузьмич.

— Предположим, — говорит он, — мы опоясали Землю по экватору туго натянутой веревкой длиной чуть более сорока тысяч километров. Теперь удлиним веревку на шесть... метров. Спрашивается: кто может пролезть под ней?

— Муравей, — не задумываясь отвечает Саша. — Или кит, если нырнет в океане.

— А я думаю, что жираф, пригнувший шею, — острит Аркаша.

Люся, признанный математик, убеждена:

— Любое живое существо ростом менее метра.

— Молодец, дочепька! — отдает отец предпочтение точности перед юмором. — А теперь давайте обоснуем ответ.

И на листе бумаги появляется круглый земной шар с толстой веревкой вдоль экватора. Сейчас она будет удлинена на шесть метров.

Михаил Кузьмич любил и хорошо знал математику. Не раз говорил он детям о важности ее добротного изучения. И очень любил задавать «каверзные» задачки.

— Пока вы еще школьники, — говорил он. — Но важно именно уже сейчас проникнуться к этой науке величайшим почтением и овладевать ею не ради отметок, а ради глубокого знания предмета.

И он во власти излюбленной темы!

— Математика — наука древняя. Из египетских па-

пирусов и древневавилонских текстов известно, что за две тысячи лет до нашей эры ученые уже умели определять площадь треугольника, знали хорошее приближение для определения площади круга... Кстати, проверим Аркашу. Ты должен знать обе эти формулы. Посмотрим, чему и как учат вас в школе...

Аркадий выдерживает испытание. А Михаил Кузьмич уже рассказывает об Эвклиде и Пифагоре.

У него удивительная память и очень строгая логика рассуждений. Прочитанное или услышанное однажды, если это как-то связано с работой, Михаил Кузьмич помнил до малейших подробностей. Не случайно поражал он участников совещаний и заседаний точным знанием многочисленных цифровых характеристик. Записная книжка ему, по сути, не нужна.

Спокойный вечер заканчивается тем, что Янгель пытается изобразить на листе бумаги все пять существующих правильных многогранников: тетраэдр, гексаэдр, октаэдр, додекаэдр и икосаэдр. Помогает ему активно в этом занятии Аркаша.

Конечно, далеко не всегда беседа отца с детьми ограничивается точными науками. Часто разговор идет о литературе, живописи, музыке. Иногда бабушка садится за пианино, и все с удовольствием слушают ее игру. А то играю я. Михаил Кузьмич обычно просит «Тройку» из «Времен года» Чайковского.

Отец любит рассказывать ребятам о своем детстве, о Сибири, о Зыряновой. Вспоминает эпизоды из комсомольской жизни. Увлеченно говорит об охоте.

К сожалению, такие вечерние беседы нечасты. Михаил Кузьмич очень занят. И основной груз «воспитательной работы» ложится на плечи женщин.

Иногда, чувствуя свою недоработку, я прошу его:

— Выбери завтра минутку, поговори с детьми.

И вот провинившийся ребенок ежится под строгим взглядом отца.

— Мама с бабушкой что-то недовольны тобой.

Молчание. Потупленный взор.

— Молчишь? Нечего сказать в свое оправдание? Так вот, запомни: чтобы это было в последний раз, понял? Теперь иди...

Вот и вся «типовая» беседа. Хоть записывай на пленку и прокручивай при необходимости. Одна фраза: «Что-

бы это было в последний раз». Но зато как весомо она произносится!

— Видишь ли, — объяснял Михаил Кузьмич, — у меня своя система воспитания детей. Ты и тем более бабушка достаточно многословно им все объясняете. А я должен подвести итог. Тут требуется краткость... Дети у нас хорошие. Отлично учатся. А шалости — так кто без них растет? Самое важное — прививать трудовые навыки. Но этого-то бабушка и недопонимает. Излишне балует. Вот освобожусь немного — сам займусь трудовым воспитанием детей.

Но «освободиться» никак не удавалось. Бывало даже и такое:

— Как вырос ваш Саша! В каком он классе, Михаил Кузьмич? — спрашивает один знакомый.

Янгель смотрит, призадумавшись, на Сашу.

— Уже в четвертом.

— Папа! — укоризненно поправляет Люся. — Саша давно в пятом.

— Извини, сынок! — смущенно оправдывается отец. — Закружился, завертелся в делах. Не заметил, как год пролетел.

Да, бывало и так.

...Работа в КБ Королева. Первые шаги на новом пути.

— Моя основная задача сейчас, — говорил Михаил Кузьмич, — как можно глубже и детальнее разобраться в основных, принципиальных вопросах. А там можно будет размышлять и о перспективе. Важно с первых шагов не упускать из поля зрения вопросы экономики. Отрасль новая, требует немалых средств. И то, что отпускают их щедро, не означает, что можно тратить деньги налево и направо.

И он настойчиво, досконально вникал в суть дела. День за днем отрабатывал «янгелевский» почерк в ракетно-космической технике.

Теперь, много лет спустя, меня порой спрашивают: как складывались, какие были взаимоотношения между Янгелем и Королевым? Характеры, натуры у обоих совершенно разные.

Могу сказать, что близкими друзьями они никогда не были. Много было у них и во время недолгой совместной работы, и после, когда каждый шел своим путем, принципиальных и жарких споров, острых дискуссий.

В более сложной ситуации первоначально оказался Янгель. И это понятно: у Королева за плечами был уже опыт, авторитет в этой отрасли. А Янгель только входил в «ракетные дела».

Остался в памяти эпизод.

Михаил Кузьмич второй месяц возглавляет отдел. Задания ответственные. Работа напряженная. И тут выявляются существенные неполадки в работе рулевых машинок, за которые отвечает Янгель.

Разговор идет в кабинете Сергея Павловича. Ясно, что отделом допущен досадный промах.

— Повинны и сотрудники, — говорит Янгель, — но главная вина, безусловно, моя. В ближайшие два-три дня дадим правильное решение. А за случившееся готов понести заслуженное взыскание.

Сергей Павлович уже отшумелся, отошел. Смотрит на стоящего перед ним начальника отдела.

— Что же, Михаил Кузьмич, конечно, проглядели. Но дело новое, тем более для вас. Взысканий налагать не буду.

И доброжелательно улыбнулся.

— Королев горяч, но отходчив, — говорил Янгель.

И еще один эпизод, который при встрече с друзьями любил комментировать Янгель.

Нередко Сергей Павлович в деловых спорах с Львом Григорьевичем, близким другом Янгеля, доходил до высоких тонов. Но отношения между ними были нормальные.

Как-то в мирный час объяснились и решили заключить союз: «Не заводиться, голоса друг на друга в любых ситуациях не повышать. С нарушителя штраф: бутылка марочного коньяка».

Первое время соглашение действовало. Но однажды Лев Григорьевич не выдержал.

— Ага! — немедленно «застукал» его Сергей Павлович. — Завелся?! С тебя «Двин».

Лев Григорьевич тут же нашелся:

— Коньяк не проблема. Но скажи: легче бы тебе стало, если бы я шепотом сказал, что о тебе думаю?

Оба рассмеялись.

Этот разговор скоро стал достоянием коллег-ракетчиков. И когда кто-либо начинал «повышать обороты», ему для разрядки напоминали:

— Переходи на шепот.

Дела мои в институте шли неплохо. Решением Высшей аттестационной комиссии от 4 ноября 1950 года меня утвердили в ученом звании доцента по кафедре «Аэродинамика самолета».

— Славный был день, — подытожил Михаил Кузьмич седьмого ноября. — Годовщина Октября, день моего рождения и появление в семье доцента.

По установившейся в нашем доме традиции с вечера возле постели новорожденного был поставлен «подарочный» стул. Дети ждали пробуждения отца с нетерпением. Они положили ему рядом с подарками свои раскрытые табели. У всех только хорошие и отличные отметки.

— Это для меня действительно самый лучший подарок. Рад, что вы хорошо учитесь.

Летом 1951 года я была в санатории под Ригой. В одном из писем Михаил Кузьмич сообщил мне, что вновь возрождается коллектив под руководством Мясищева и что тот поставил вполне логичные условия о возвращении к нему прежних работников КБ. Встал вопрос и об откомандировании к нему Янгеля и еще одного ведущего конструктора от С. П. Королева.

И в конце письма:

«...Работаю, как лошадь. Домой раньше часа ночи не прихожу. Трижды приезжал около трех часов ночи.

Дела идут успешно. Удовлетворен. Сейчас остался совсем один. Все заместители Королева в командировке».

Писал, как всегда, и о домашних делах.

«...В воскресенье был на даче. После завтрака мы вчетвером отправились в лес и неожиданно вышли на дорогу в Архангельское. Конечно, ребята захотели покупаться. Здесь хороший, но мелкий пруд (тот самый, где мы с Сашей разбивали весной льдины). Когда ребятишки были в воде, стал накрапывать дождь, и мы поспешили домой. По дороге пришлось спрятаться под сосну. Когда стали появляться молнии, Саша потребовал пойти под ясень: «В грозу опасно стоять под большими деревьями. Может ударить молния...» Прошли под ясень, но вскоре он перестал спасать нас от дождя. Тогда единогласно решили идти домой. Конечно, промокли, но всем было очень весело...»

«...На работе все идет без особых перемен. Жду возвращения Королева и других...

Мясищев вроде бы согласился, чтобы мы остались у Королева, но потребовал при этом замены. Вчера от него приезжал один работник и просил за нас четверых инженеров. Мы рекомендовали ему на выбор восемь человек. Не знаю, чем и когда это кончится...

Когда я пойду в отпуск, пока неизвестно. Вероятно, вскоре после возвращения Королева, т. е. в первой половине августа...»

Михаил Кузьмич встретил меня на вокзале.

— Как дела с твоим переводом?

— Сожжены все авиационные мосты. Решающую роль в несколько затянувшемся сражении сыграл один очень умный и очень деловой человек...

В начале августа Михаил Кузьмич уехал в Цхалтубо. Третья по счету поездка на этот благодатный курорт. Чувствовал он себя много лучше, чем раньше. Но в «профилактическом ремонте» по-прежнему нуждался.

...В октябре 1951 года умер мой отец. Последние годы мы часто бывали у него. Он по-дедовски нежно любил внуков, всегда держал для них «про запас» сказки, которые придумывал сам. С Михаилом Кузьмичом он был не прочь сразиться в шахматы, поговорить о политике.

Некролог в «Учительской газете» от 21 октября начинался словами:

«В Москве на 71-м году жизни скончался после продолжительной болезни известный литературовед и выдающийся педагог Виктор Иванович Стражев.

Прекрасный знаток русского слова, Виктор Иванович всю свою жизнь посвятил литературе в школе. Еще в дореволюционные годы читателям хорошо была известна талантливо составленная хрестоматия «Первоцвет», продолжившая лучшие традиции педагогов-демократов...»

Ксения Петровна вернулась из Сибири и продолжала работать. Мы часто бывали у нее с Мишей и Люсей. Радостным известием было награждение ее орденом Ленина. Всю свою жизнь посвятила она литературе, детям. Замечательная школьная учительница, человек высоких идеалов и благородных стремлений.

В мае 1952 года Михаила Кузьмича Янгеля назначили руководителем новой организации, тесно связанной с КБ Главного конструктора С. П. Королева. В эти годы уже Михаил Кузьмич формирует основы ново-

го направления в развитии ракетно-космической техники.

В конце июля мы с Люсей уехали на юг. За все время от Михаила Кузьмича получили лишь одно короткое письмо.

«...В том, что до сих пор ничего не писал вам, каюсь, виноват. Дни летят со скоростью реактивного истребителя. Не успеешь подумать о своих делах — недели уже нет. Все дни после вашего отъезда проходят в страшном напряжении. Во что бы то ни стало надо в июле «сработать» как следует. Сделано много, план выполнен, но август будет еще более напряженным.

...В прошлое воскресенье, точнее в ночь на воскресенье, ездил с Николаем Андреевичем ловить рыбу. Поймали только на уху. Зато я потерял свое удостоверение. Пришлось писать рапорт начальству...»

...За время нашего пребывания на юге Михаил Кузьмич похоронил Ксению Петровну. Она умерла от очередного инфаркта. Из жизни ушел еще один прекрасный человек.

В сентябре 1952 года мы отпраздновали новоселье. Отдельная квартира! Огорчало немного лишь то, что прямо против окон неожиданно стала расти стена нового здания.

Как и всегда, знаменательное событие отмечали с друзьями.

— Мой тост — за всепобеждающую жизнь, — поднял Михаил Кузьмич бокал с шампанским. — Я очень благодарен Дмитрию Федоровичу. Новая квартира — проявление его заботы... Авансы мне выданы большие. Итак, за успех начатого дела.

Селигер. Причудливая резьба берегов. Изящная цепочка многочисленных плёсов — Полновского, Березовского, Кроватычского, Осташковского, Селижаровского. Обилие рек, речушек, проливов, узких протоков. Мы впервые взглянули в чистые воды этого озера летом 1953 года. Вышло это так.

...Михаил Кузьмич уже не первый день жалуется на недомогание. Утром, собираясь на работу, говорит:

— Слабость что-то необычная. Температуры вроде нет. А ноги не идут. А дел сегодня, как нарочно, по горло.

С тем и уехал.

После обеда — телефонный звонок. Взволнованный голос секретаря: «Михаил Кузьмич в больнице. За вами срочно выслана машина».

В приемной меня уже ждал главный врач больницы:

— Все так неожиданно. Так внезапно. Кто бы мог подумать, что такое случится с Михаилом Кузьмичом?! И так мужественно он воспринял...

— Вы сказали Михаилу Кузьмичу о его болезни?

— Проговорился рентгенолог...

Михаил Кузьмич лежал в постели. Встревоженный, бледный.

— Вот и неожиданный финал! Вместо легких — одна чернота. Как ты будешь жить без меня?

И начал говорить о том, что обычно говорят близким обреченные люди: как воспитывать детей, к кому обращаться за помощью...

Потом попросил:

— Завтра утром привези мне папирос, селедки, бутылку хорошего вина и побольше сладкого. Буду доживать свои дни без этой бурды...

Проконсультировать больного Янгеля приехали известные врачи-легочники.

— К счастью, первоначальный диагноз не подтвердился, — сказал, облегченно вздыхая, седовласый профессор. — Тяжелое воспаление легких, которое порой можно спутать с другой, более неприятной болезнью. На ноги поставим.

И действительно, после месяца, проведенного в больнице, легкие у Михаила Кузьмича вновь стали светлыми. Осталась лишь слабость. Заключение врачей: необходим отдых.

— В санаторий сейчас ехать не советуют, — говорит Михаил Кузьмич. — Лучше всего пожить в средней полосе России. Мне тут позвонил по делам Дмитрий Федорович. И в конце беседы порекомендовал поехать на Селигер. Заберем туда с собой и ребятишек.

И вот Ан-2 уже кружится над островом Градомля. А еще через несколько минут касается колесами шасси травянистого покрова небольшого аэродрома.

...Когда-то Иван Иванович Шишкин, плененный кра-

сотами Градомли, коснулся кистью полотна. И в сокровищницу русского искусства вошли «Корабельная роща», «Утро в сосновом лесу».

Подолгу сидим на берегу небольшого внутреннего озера. Посередине его — маленький островок, а на нем — полуразрушенная часовенка. Вода в этом озере зеркальная. Сквозь полутораметровый ее слой виден отчетливо донный ил.

— А дна у этого озера нет, — убежденно говорит местный житель и для подтверждения своих слов опускает в воду веревку с привязанным к ней камнем. Ведет отсчет метрам: «Десять... двадцать...»

— Любопытно, — говорит Михаил Кузьмич. — Предположим, дна нет. А есть ли рыба?

Остров Градомля — это еще колония цапель. Их гнезда, похожие на шалаши, качаются при ветре. Ловко смастерили они их у самых верхушек сосен.

Вытянув длинные шеи, цапли подолгу кружат над озером, нарушая тишину протяжными криками. Часто бродят они и по берегу, не боясь людей. А то в задумчивости замирают на долгие часы у воды. Стоят, как и положено цаплям, на одной ноге.

Ранним утром, когда дети еще спят, мы тихонько уходим из дома. Садимся в лодку и плывем к зарослям тростника. Знаем, что там любят встречать восход солнца крупные подвижные окуни.

— Тишина какая, — мечтательно говорит Михаил Кузьмич. — Жаль, что ее все меньше и меньше остается на Земле. Техника ведет свое могучее наступление на природу. Неужели когда-нибудь вместо этих сосен из-под земли будут торчать гудящие металлические конструкции и только хилые растения под колпаками смогут смутно напомнить о былом. Бедные потомки!

Иногда он располагается на берегу. Начинается охота за лещами. В ход идет перловая крупа, горох. А я сажусь в байдарку и плыву по озеру.

— Не распугай рыбу, — грозит пальцем Михаил Кузьмич.

После завтрака мы отправляемся в поход уже вместе с детьми. Плывем на лодке по протокам к Белому озеру с его необыкновенной величины лилиями и тысячами желтых кувшинок. А то отправляемся по грибы с большими бельевыми корзинами. Белые грибы гигантских размеров растут здесь в неимоверном количестве. Мы среза-

ем только шляпки. Каждая — с блюдце, а то и с тарелку.

После обеда все идем по ягоды. Особенно много в лесу черники.

— Почти как в тайге, — констатирует Янгель. — Черника — ягода полезная. Если поесть ее вдоволь, можно застраховать себя от многих болезней.

...Кончился отдых на Селигере. По настоянию врачей Янгелю предстоит еще поездка в санаторий на юг. Надо укрепить легкие. И мы летим самолетом в Кудепсту. Лечимся, купаемся в море.

— После столь долгого, вынужденного безделья с каким удовольствием начну заниматься делами, — говорит Михаил Кузьмич, открывая дверь московской квартиры. — Отдыхать хорошо, но в меру. А этим летом мы, помоему, превысили норму.

...По давней семейной традиции под Новый год мы гадаем. Берем листы бумаги и, скомкав их, кладем на перевернутую тарелку. Затем каждый зажигает свою спичку. Горящая бумага ежится и превращается в черный ком. Пламя зажженной свечи отбрасывает на стену причудливые тени.

— У меня очертания дома. Похоже на архитектурный институт, — говорит Аркаша. Он заканчивает в этом году десятый класс и мечтает поступить в архитектурный или строительный институт.

— А у нас с Сашей футбольный мяч, — прогнозирует бабушка. — Неужели весь год будем «болеть»? А как же школьные занятия?

— А в моем гороскопе, — говорю я, — книги и листы бумаги. — И вспоминаю о незаконченной работе над последними главами учебника.

Люсе видятся на стене формулы. Она по-прежнему страстно увлечена математикой. Участвует в олимпиадах, ходит на занятия математического кружка.

— А что у тебя, Миша?

— Втянули меня в эту авантюру... Впрочем, справа — большое здание. А это — толпа людей. Слева — явный контур ракеты...

И он пристально смотрит на черный сжавшийся комок бумаги.

Гадание окончено. Сидим за новогодним столом. Дети

вместе с нами. Для каждого припасен подарок. Его приносит в мешке Дед Мороз — он же предварительно исчезнувший из комнаты Михаил Кузьмич. Белая ватная борода. Старый тулуп. На ногах — валенки.

На подарки Дед Мороз сегодня щедр. Моей маме — новые пасьянсные карты. Мне — духи «Красная Москва». Детям — игрушки, книги, набор рабочих инструментов.

Подарки доброму Деду Морозу делает ответно вся семья. Он с удовольствием рассматривает их. Перочинный нож с большим набором хитрых приспособлений, красивые запонки, Аркашины рисунки. Но главная радость — складная удочка!

Часы бьют двенадцать раз. Вот и наступил Новый год!

...В июле 1953 года Аркаша успешно окончил школу. Серебряная медаль. На выпускном вечере и директор и учителя хвалили его: вдумчивый, работоспособный.

Какую выбрать профессию? Янгель подолгу беседует с Аркашей на эту тему. У него вполне определенная точка зрения: главное — любовь к своей будущей работе.

...Летом 1954 года мы вновь на Селигере. Вместе с нами отдыхает семья Михайловых. В прошлом году в Кудепсте мы близко познакомились с Милицей Митрофановной и ее сыном Володей. Сблизили и общность взглядов, и родной авиационный институт. Милица Митрофановна работает доцентом на моторном факультете: читает лекции по термодинамике и теплопередачам.

А у Михаила Кузьмича давние деловые контакты с Александром Ивановичем.

Но сейчас мужчин сближает страстная любовь к удочкам. Часто они гуляют по острову, с увлечением беседуют... Лес пахнет смолой, и так хорошо здесь дышится!

Бывают здесь и такие сценки из жизни...

— Нет, сначала позовите фотографа! Есть ли в этом доме заряженный фотоаппарат?!

Михаил Кузьмич, Александр Иванович, Володя и Саша только что вернулись из двухдневной поездки на речку Селижаровку. Сейчас стоят около дома и зовут всех обитателей выйти к ним.

— Что-то серьезное, — говорит Милица Митрофановна.

Мальчики держат на палке внушительных размеров «полено» — поросшую мхом щуку весом килограммов на пятнадцать.

— На жерлицу, наживленную плотичкой, — поясня-

ют удачливые и безмерно счастливые рыболовы, — попался окунь. Его заглотнула щучка килограмма на полтора, да тут же стала добычей этого «крокодила»...

...Вызов в Москву был неожиданным и срочным. Я проводила Мишу до Осташкова. Легко спрыгнул он с катера на дощатую пристань.

— Думаю, дня через два вернусь. Ты только, пожалуйста, не волнуйся. Наверное, экстренное совещание...

Через два дня я встречаю его на той же самой пристани. Катер вспарывает носом, лохматит гладь озера.

— Ну, что же ты молчишь? Зачем тебя срочно вызывали?

И чувствую по взгляду, что он никак не подберет нужных слов.

— Вызывали в ЦК. Спрашивают: «Как вы полагаете: правильно ли, что все задачи по новой технике решает одна-единственная организация?» — «Считаю, что неправильно», — отвечаю. А на вопрос: «Где, по-вашему, лучше всего создать вторую организацию не меньшего масштаба?» — я назвал одно хорошее место. Там и завод отличный, и специалисты хорошие.

Он закуривает сигарету. Сейчас я услышу самое главное, хотя уже все поняла.

— Тебе предложили возглавить новое КБ?

— Да...

Спичка за спичкой гаснет на ветру.

— Приказ будет подписан в начале июля. Видимо, монополия одной организации — пройденный этап. Это таит в себе потенциальную опасность предъявления чрезмерно высоких требований и запросов при отсутствии гарантии в успехе дела. Так, по крайней мере, я понял из состоявшегося разговора... Конечно, меня ждет «предпусковой» период. Надо сформировать коллектив, наладить опытное производство. Некоторое время придется заниматься тематикой Королева. Но я вижу уже в общих чертах иной, принципиально отличный путь. Он представляется мне более рациональным для решения многих важнейших задач... Если бы ты знала, Мэм, как я счастлив, хотя и понимаю, какая трудная впереди дорога.

Михаил Кузьмич понял мой незаданный вопрос.

— Да, дорогая. Основная база вне Москвы. Но ты прекрасно знаешь, как живут люди моего плана. Вечные разъезды, месяцы испытаний. В ближайшие годы буду больше в воздухе, чем на земле.

Катер скользит по воде. Михаил Кузьмич не скрывает своей радости, улыбается. И я тоже ответно улыбаюсь ему: понимаю, как счастлив он, как окрылен. А он перегибается через борт и, как озорной мальчишка, зачерпывает ладонями чистую воду Селигера. Еще и еще. Брызги летят мне в лицо.

— Видели бы сейчас тебя, главного конструктора, твои будущие коллеги! — кричу я ему и сама опускаю руки в воду озера.

— А я уж подумал, что дождь начался, — оборачивается моторист и заразительно смеется.

...Главный конструктор ракетно-космических систем. К вершине своей творческой деятельности он шел с того памятного апрельского дня, когда впервые переступил порог уже не самолетного, а ракетного конструкторского бюро, которое возглавлял Сергей Павлович Королев.

— Вы трудились тогда вместе с Михаилом Кузьмичом. Как руководитель и организатор, которому суждено было впоследствии возглавить работу по созданию ракетно-космических систем, он рождался на ваших глазах. Расскажите мне об этих во многом решающих годах его жизни, — прошу я человека, близко знавшего Янгеля и бывшего тогда членом партийного комитета организации.

— Да, Кузьмич становился, стал главным на наших глазах. Он пришел в коллектив, имея за плечами богатый опыт работы в авиационной промышленности. Конечно, поначалу ему было не очень-то легко. Но с самого первого дня он начал кропотливо, вдумчиво, не гнушаясь мелочей, вникать в суть сложных, абсолютно новых для него дел. Партийный комитет внимательно присматривался к работе Янгеля. Всех нас поражали его целеустремленность, необыкновенная работоспособность, ярко проявившиеся способности талантливого организатора, удивительное умение работать с людьми. Редкое сочетание всех этих одинаково важных для руководителя качеств.

— Он был сначала руководителем отдела, а вскоре стал заместителем Королева...

— Верно. Сложилось так, что в это время решили подобрать Сергею Павловичу еще одного заместителя. Это были годы, когда закладывались основы ракетной техни-

ки и работа в КБ разворачивалась по всему фронту. По единодушному мнению парткома, поддержанному Королевым, на эту должность был рекомендован Михаил Кузьмич. Он с готовностью принял это предложение. Новые обязанности он освоил очень быстро. Авторитет его в коллективе рос с каждым днем. Постепенно он стал заниматься всем комплексом проблем и фактически стал одним из ведущих руководителей. А дальше события развернулись так. В мае пятьдесят второго года директор одного института был назначен заместителем министра. Идею сделать Янгеля его преемником горячо поддержал Королев.

— И он стал директором...

— Да, но не на долгий срок. Ему больше по душе была должность главного инженера, в подчинении которого были все конструкторские подразделения. Он стал им. Но в дальнейшем роль главного инженера в связи с реорганизацией не стала удовлетворять Янгеля. Да и не в интересах дела было использовать его в таком плане. В это время наряду с КБ Королева была создана еще одна головная организация. Учитывая плодотворную работу Михаила Кузьмича в авиации и опыт, приобретенный им за четыре года работы в области ракетно-космической техники, ЦК рекомендовал его на должность руководителя новой организации. Так Михаил Кузьмич Янгель стал главным.

...Главный конструктор... Михаил Кузьмич спешит поделиться первыми впечатлениями.

«...Вторая неделя, как нахожусь здесь. За это время сложились некоторые представления и впечатления об окружающих людях, условиях жизни и работы.

Прежде всего об обстановке на работе. Приняли хорошо. Приезда моего ждали, и я сразу включился в решение различных вопросов.

Однако работать мне здесь будет трудно, особенно первое время. Основная причина — мало людей, в первую очередь квалифицированных специалистов по делам, которые мне предстоит раскручивать. Условий для набора нужных работников практически нет. Придется их создавать. Решающим элементом в этой борьбе будет мой скорый приезд в Москву».

А вот и первое упоминание об Елене Матвеевне. Эта добрая женщина отныне входит в нашу семью. Долгие годы она будет необыкновенно вкусно готовить, заботли-

во утюжить рубашки Янгеля, самоотверженно ухаживать за ним в дни его болезни.

Жизнь Елены Матвеевны была трудной.

— Родилась я в прошлом веке, в 1896 году. Деревня Густое Орловской области... Отец — крестьянин. А мать... Осиротела я, когда мне не было еще и четырех лет... Потом жила в Брянске. Отец работал на заводе. Я жила у дедушки. С трудом удалось закончить пять классов школы. Долго жила в няньках. Сначала в семье железнодорожного мастера. Так пошла по семьям... А потом попала к хорошему человеку. Хозяин работал в страховом обществе.

Рассказывает неторопливо, разматывая в памяти такую запутанную ниточку жизненного пути.

— И вдруг горе. Умерла хозяйка. А потом словно сон: стала я его женой...

Тихий берег полноводной реки. Цветущий абрикосовый сад. Чистый домик с желтыми подсолнухами за окном. Вот и пришло к ней счастье. Да оказалось оно не очень-то долгим... Страшным горем обрушилась война.

Не забыть Елене Матвеевне той новогодней ночи тысяча девятьсот сорок второго года... Восемнадцать тысяч невинных людей без суда и следствия расстреляли фашистские изверги. Был в их числе и ее муж... В одном платье, босая, очутилась она тогда на улице. Где искать приюта? Куда спрятаться? И пошло: голод, одиночество, скитания...

После войны немного оправилась. Стала стирать, гладить, готовить в гостинице. Трудолюбивую женщину быстро оценили, полюбили и за руки золотые, и за доброту необычайную.

И вот теперь новый «подопечный» — Янгель. Не думала, не гадала она тогда, что будет рядом с ним до последнего дня его жизни. Пока же она старательно утюжит ему рубашку. Говорит:

— На работе человек должен быть всегда аккуратным, чистым, отутюженным. Тогда и дело решается лучше, когда сам в образцовом порядке.

Связь с родными. Она не прерывается у Михаила Кузьмича с годами. Но, пожалуй, чаще всего он общается с младшим братом Георгием, его семьей.

Юность Георгия тоже прошла в Зыряновой. Пришел срок — призвали на воинскую службу. Великая Отечественная война застала его на Западном фронте. Потом служил на Карельском перешейке. Стал пограничником. Следы осколков от вражеских снарядов остались и на его теле.

После долгого пребывания в госпитале направили его в один из полков. Командир долго рассматривал документы. Потом спросил:

— У тебя брат среди военных есть?

— Есть. Самый старший. Но где сейчас — не знаю.

— А зовут как?

— Александр Кузьмич. А что?

— Да так. К слову пришлось.

Вечером командир полка вызвал к себе:

— Собирайся. Поедешь в штаб дивизии. Вручишь генералу пакет. Только лично в руки.

К генералу так к генералу. Приказы положено выполнять. И вот Георгий у дверей штаба.

— Подожди маленько, — говорит дежурный офицер. — Совещание у него.

Вскоре вызвали. Доложил. Подходит с пакетом к столу. Генерал вдруг встает и как-то совсем по-штатски протягивает обе руки:

— Здравствуй, Гоша! Вот судьба свела!

Не виделись братья много лет, с тех пор, как Александр уехал из Сибири.

Долго тогда говорили. Вспоминали мать, родной дом, охоту.

А потом Александр сказал:

— Больно ты худ и слаб. Чтобы лучше воевать, надо набраться сил. Даю тебе двадцать дней отпуска. Поедешь ко мне домой на поправку. Там Наталья Андреевна тебя скоро поставит на ноги.

— Да мне и десять хватит, товарищ генерал.

— Командую здесь я. Изволь выполнять приказ.

— Есть выполнять приказ.

Георгий хорошо отдохнул у жены брата. Даже воротничок гимнастерки стал малость туговат.

После отдыха по рекомендации генерала поступил учиться в пограничное училище, которое успешно закончил. И, будучи романтиком, когда узнал, что можно поехать на Курилы, попросился туда.

Как увлекательно рассказывал он потом нам о Куриль-

ской гряде... Сопки, покрытые лесом. И ковры из цветов, только без привычного аромата.

— Держишь в руках ландыши, а они словно омертвевшие. Это все работа коварных туманов, из-за которых люди лишены возможности вдыхать запахи весны.

Слева от заставы — Тихий океан, справа — Охотское море. Пограничники больше любили Тихий океан. На берегу — ключи, когда-то рожденные вулканами. Сколько потом будет здесь лечиться ревматиков, страдающих радикулитом, да и многими другими хворями.

Медленно бредет Георгий по острову. Дают о себе знать ранения. Смотрит внимательно вокруг. Первая должность в новом звании. Был сначала заместителем, теперь — начальник пограничной заставы, носящей славное имя первого среди пограничников Героя Советского Союза Коробицына.

Был Георгий парнем опрятным, вежливым. За плечами — двадцать восемь лет, а личная жизнь все никак не складывается. Девушки с ним заговаривали охотно: он и шутку любит, и на серьезный разговор идет. А у него ни к одной сердце не лежит.

— Надо все же жениться, — сказал как-то другу. — Мать пишет: пора. Брат Михаил в каждом письме спрашивает о делах сердечных.

— Если всерьез задумал, то поезжай в соседний поселок, — посоветовал друг. — Там к рыбакам приехала девушка одна. Асей зовут. Выйдет из нее, ручаюсь, и жена верная, и друг, и хозяйка отменная.

Георгий послушался друга. Поехал в поселок. Солдатам сказал:

— Без меня дисциплину и порядок держать на должном уровне. Хочу лично проверить, как население соблюдает пограничный режим.

Ася поначалу внимания на него не обратила: мало ли пограничников по берегу бродит. Работала она мастером на рыбном заводе.

— Хочу к вам посвататься, — сказал Георгий Асе при первой встрече.

— Любовь с первого взгляда? — рассмеялась она. Знала, что пограничники хотя на вид народ и строгий, но любят шутку.

У Георгия характер «янгелевский»: смелый, настойчивый и напористый. Через несколько дней в доме девушки стал завсегдатаем. А там и свадебный стол накрыли.

Не прошло и месяца с того счастливого дня, как Георгия вызвали к начальству. Задание срочное: построить новое здание. Дали двенадцать солдат, катер. Сроки установили предельно сжатые.

Трудности при строительстве возникали то и дело. Сложной оказалась доставка строительных материалов. Пришлось организовать своеобразный сплав по морю. Часто работу срывал ветер. Был он силы необыкновенной и нес с собой всегда холод. Бывало, к утру уничтожал все, что за день сделано.

Но с заданием пограничники справились. И в сроки уложились. Стал Георгий ждать приезда к нему молодой жены.

Путь этот Ася надолго запомнила. Двенадцать дней бросал их из стороны в сторону мощный тайфун. Не погибли просто чудом. В море осталось все имущество, которое везли с собой.

...Пять лет жизни на пограничной заставе. Долгие ночи. Борьба с нарушителями. Ураганы, штормы... Словом, полный комплект пограничной «экзотики». А на груди у Георгия все новые награды. Медали «За боевые заслуги», «За отличие в охране государственных границ», орден Красной Звезды.

С годами росла и семья. На Курилах родились сын Саша, дочь Наташа.

Но вот наступила пора прощания. Скрылась из виду застава. Впереди — иные края.

Георгий несет службу в Эстонии, у берегов Финского залива. Опять тревожные пограничные будни. В семье прибавилось еще два сына: Михаил и Сергей.

В 1961 году Георгий демобилизовался. Местом жительства выбрали с женой Новокуйбышевск. Здесь Георгий работал машинистом цеха, потом слесарем. В коллективе его полюбили. Вел он большую депутатскую работу, много времени уделял партийным делам. Портрет его висел на городской доске Почета.

Вот какая судьба у еще одного крестьянского мальчика из Зыряновой. Светло и складно прожитая, но, увы, недолгая жизнь. Георгий Кузьмич Янгель умер от внезапного сердечного приступа 27 февраля 1972 года. Через четыре месяца после смерти брата Михаила, которого он очень любил.

...Год 1955-й. Стремительно бежит время!

Аркадий — студент первого курса Московского ин-

женерно-строительного института. Люся и Саша вытянулись, повзрослели. Целыми днями в школе: дела учебные, спортивные, общественные. А Михаил Кузьмич в бесконечных командировках. Даже 23 мая — в день нашего традиционного праздника — не смог приехать домой. Прислал короткую записочку и, как всегда, цветы:

«...Перед отъездом в командировку использую оставшиеся пятнадцать минут, чтобы поздравить тебя от всего сердца и души с нашей шестнадцатой годовщиной и пожелать тебе самого радостного и всего наилучшего в жизни.

Очень сожалею, что впервые мы этот день проведем врозь. Буду в Москве дней через 15—17...»

...В июне — радостное событие: вышла из печати книга, над которой я много и долго работала вместе с двумя преподавателями кафедры. Держу ее в руках... «Аэромеханика самолета». Авторы: А. А. Лебедев, И. В. Стражева, Г. И. Сахаров. Учебник для несамолетных факультетов.

— Рад за тебя, — говорит Михаил Кузьмич, перелистывая страницы еще «теплой» книги. — Писать книги — дело нелегкое, тем более учебники. Студент будет думать над каждым ее словом, каждой формулой. Отточенность мысли нужна исключительная.

Подходит лето. Отпуск планируем провести с детьми. Сидим за столом, держим семейный совет.

— Есть отличный вариант, — предлагает Михаил Кузьмич. — Машиной до Одессы, а там теплоходом до Сухуми. Поживем в мамином родном городе, покупаемся в море. Как, дети?!

— Конечно, папа, согласны, — хором поддерживают отца Люся и Саша.

— Решено, — заключает Михаил Кузьмич. — Едем в Сухуми. Кстати, там есть и дальние родственники... А каюту на теплоход «Россия» закажем по телеграфу.

...Машина загружена до предела. Едем средней полосой России. Потом степями Украины. Изобилие овощей, фруктов. Желтые головы очарованных солнцем подсолнухов. Удивительно пахнет скошенная трава: на отдых непременно располагаемся около стога сена.

В Одессу прибываем вечером. А на следующее утро уже поднимаемся по трапу теплохода. Уютная каюта. Чисто и красиво.

В Москву сообщаем: «...«Россия» оправдала наши надежды, Саша увлекается бассейном. Михаил Кузьмич — преферансом. Люся наслаждается морем и видами».

Здравствуй, Сухуми! Город моего солнечного детства, здравствуй!

Живем в самом центре города, недалеко от Ботанического сада. Виктория Владимировна занимает вместе с дочерью Галей небольшую, прохладную квартиру. Размещаемся мы отлично.

Бродим сначала по городу. Идем и в старый милый парк Остроумовского ущелья. В этом доме я когда-то жила. Бегала по этим дорожкам...

Но больше всего времени проводим в море и у моря. По дороге на пляж заходим на базар у Красного моста. Страсть Янгеля — покупать фрукты.

— Почему, как ни спросишь, у всех груши, хотя по виду и разные, но «дюшес»? — допытывается он.

— А все отдыхающие просят «дюшес». Популярный сорт! Почему не угодить хорошим людям? — спокойно отвечает южанин.

Заходит разговор о цене.

— В том ряду такие же груши и в два раза дешевле, — возмущенно говорит Михаил Кузьмич. И отходит от продавца.

— Вернись! Вернись! — кричит тот во весь голос.

Раскрасневшийся, размахивая руками, он дает тут же Янгелю наглядный урок торгового искусства.

— Зачем уходишь?! Ты пришел не в магазин — на базар. Солидный человек, а покупать не умеешь. Я прошу тебя: «Пять», ты предлагаешь: «Два». Я говорю: «Четыре», ты: «Три». На «Три пятьдесят» сходимся. Сколько кило будешь брать?

— Вот это наука! — восхищается Михаил Кузьмич и кладет на весы янтарные груши.

Быстро освоив нехитрую тактику, торгуется теперь только он. Покупает ароматные дыни, огненного цвета персики, вареную кукурузу, сладчайший инжир. И, конечно, отменные груши.

...Осень 1955 года. Тоскливо стучит в окна дождь. Завтра день моего рождения. С каждым годом праздник этот грустнее. А тут еще вновь без Миши. Читаю переданное от него письмо.

«...Грустно сознавать, что 23-го ноября — в день твоего рождения — я уже второй раз во время моей новой работы не имею возможности быть рядом, невольно, и вот уже который раз, задаю себе вопрос: ради какой цели, во имя какой идеи, пошли мы на жизнь в разлуке? Служить народу, быть полезным Родине — это не только долг, но и смысл жизни. Но разве я не жил этим с момента своей сознательной деятельности, не вступая при этом в конфликт с личной жизнью?

...Ты знаешь, родная, что я никогда не болел тщеславием. Мне вполне достаточно было сознавать, что я делаю полезное народу дело. Так какая сила все-таки толкнула меня на этот шаг?

Не подумай... что я раскаиваюсь в этом шаге. Своими вопросами я хочу лишь выразить, как мне иногда бывает грустно без тебя...

...Семья на твоих плечах, не маленькая и не такая уж легкая. Но ничего, родная, крепись и крепче держись на ногах... 23-го ноября я буду находиться в дороге... С возвращением на место опять весь уйду в работу, так как сейчас самый ответственный момент. Ходом дел я удовлетворен.

По вызову ЦК был в Киеве — для участия в обсуждении плана работы Украинской академии наук... Буду звонить тебе 23-го вечером...»

Двадцать третьего в черной телефонной трубке долго звучит родной голос. Теплые пожелания, нежные слова. Михаил Кузьмич с пристрастием расспрашивает: не забыли ли дети поставить у изголовья традиционный стул для подарков, кто из друзей обещал зайти, печет ли моя мама пироги и с чем...

В конце 1955 года меня вызвали в отдел кадров Министерства высшего образования СССР. Речь зашла о годичной командировке в Китайскую Народную Республику: работать консультантом в Пекинском авиационном институте на кафедре «Аэродинамика».

За последние годы многие преподаватели МАИ побывали в КНР. Авиационный институт в Пекине создавался

по образу и подобию нашего. Строились аналогичные учебные и научные лаборатории. Близкими были и учебные планы. Наши преподаватели читали лекции, помогали в постановке учебного процесса.

О полученном предложении я тут же сообщила Михаилу Кузьмичу.

— Ну что же, — сказал он, подумав, — заманчиво. Но не будет ли тебе там одиноко?

— Я поеду лишь при условии, что разрешат взять с собой Сашу. Хотелось бы и Люсю, но это вряд ли целесообразно: все-таки десятый, последний класс.

К вопросу о поездке вернулись весной. Министерство одобрило мою кандидатуру. Вновь беседа у начальника отдела кадров.

— Муж не возражает против вашей поездки?

— Такие вопросы вы задаете и мужчинам? Или это участь только специалистов женского пола?

— Спрашиваем согласия и у жен...

Мы сидим в большой комнате за вечерним чаем.

— Значит, судьба поездки в моих руках? — переспрашивает Михаил Кузьмич. — Я был бы ужасным эгоистом, если бы воспрепятствовал тебе и сыну повидать эту необыкновенную страну. К тому же сам я часто буду в дальних командировках. Но здесь остается Люся...

В разговор вмешался Саша:

— За ней будут следить в четыре глаза бабушка и Аркаша. И потом, знаешь, пап, в Китае есть семиколенные длиннющие удочки из бамбука!

— Ну, тогда считаем вопрос решенным!

Закончены сборы. Оформлены отъездные документы.

На Ярославском вокзале нас провожает вся семья. Нет только Аркадия: он еще в конце июня уехал со студенческим отрядом на целину.

Вот и наш вагон. Прощальные напутствия. Курьерский поезд Москва — Пекин медленно трогается.

Впереди долгий год разлуки. Целый год мы не увидим дорогих лиц... Замелькали подмосковные дачи, сады. Москва осталась позади. Мы едем в Китай.

До этого я ни разу не пересекала государственной границы. И поняла, что значит расстаться с Родиной, когда увидела за окном вагона уходящую вдаль темную полосу вспаханной земли.

...Гостиница «Сидзяо» («Дружба») — маленький городок в западной части Пекина. Здесь живут специалисты Советского Союза и социалистических стран, приехавшие работать в Китай для оказания братской помощи.

Многоэтажные дома самой современной постройки. Благоустроенные квартиры. Школа, столовая, магазины.

Здесь мы и будем жить.

Начало учебного года в Пекинском авиационном институте было отмечено грандиозным митингом на стадионе. Приехавшие из Москвы преподаватели и те, кто работает здесь второй, а то и третий год, приглашены на трибуну.

Фотографы щелкают затворами аппаратов. Девушки, нарядные и улыбающиеся, подносят специалистам букеты цветов.

И разве мы с товарищами можем предположить, что через десять лет на этом стадионе оголтелые и разнузданные хунвэйбины будут бросать в костры книги, конспекты, наши портреты...

С волнением и нетерпением ждали мы писем из дома.

— Целых три! — радостно кричит сын. — От папы, Аркаши и Люси.

Первым читаем вслух письмо Михаила Кузьмича. Он более двух недель был в командировке, немного приболел. А дальше — домашние подробности: «...У Люси собрались одноклассники, и день ее рождения был отпразднован очень хорошо. Молодежь веселилась до двенадцати ночи. В играх принимал участие даже я... Аркадий 20-го сентября вернулся с целины со значком на груди, возмужалый и веселый. Я им очень доволен... Вообще, у нас дома все в полном порядке. С чего бы мы ни начинали разговор, он всегда сводится к тебе и Саше...»

Ко дню своего рождения получила из Москвы поздравительные письма. Янгель писал:

«...Надеюсь, это письмо будет доставлено в Пекин, и мои самые сердечные, от всей души поздравления с днем рождения дойдут вовремя. Желаю тебе, милая, счастья и радости, полного удовлетворения трудом, детьми, мужем...

Последняя неделя прошла в большом напряжении. Было много «гостей» и телефонный разговор с Дмитрием Федоровичем. В общем, дела налаживаются, а это озна-

чает, что впереди у меня будет еще больше забот и хлопот».

Через несколько дней еще письмо.

«23-го ноября был в Киеве с двумя докторами наук на заседании Президиума АН УССР по вопросу, кровно меня интересующему... Дома нашел все в надлежащем порядке. Привез Люсе подписку на журналы «Техника — молодежи» и «Знание — сила».

Письмо, написанное Янгелем 1 января 1957 года:

«...Вчера и сегодня в мыслях я неразлучно с вами. Через два часа после Вашего телефонного разговора с домашними я уже знал, что он состоялся за несколько минут до Нового года... Как все-таки иногда бывает тяжело без вас. Как медленно текут дни, когда я думаю и осознаю, что вы так давно уехали в Китай. И как незаметно летит время, когда сопоставляешь его со сделанным в работе. А как еще долго-долго ждать вашего возвращения. Пожалуй, Ириночка, зря я не наложил вето на твою командировку... Вот написал эту фразу, и сразу же стало стыдно: вроде я какой-то эгоист. Конечно, твоя командировка — важное, большое и хорошее дело. Ну а приезда вашего домой как-нибудь да дождемся?!»

...В Китае я почти не болела. Но в конце марта все же слегла с тяжелым эпидемическим гриппом. Михаил Кузьмич был обеспокоен отсутствием писем. Прислал три тревожные телеграммы, звонил по телефону.

«Москва, 31 марта 1957 года... Поговорили сегодня с вами по телефону, и весь остаток дня прошел у меня в думах о нашей жизни, детях, о тебе и о всем том хорошем, что ждет нас после окончания этой долгой-долгой командировки... Всем существом надеюсь, что встречу твое возвращение с определенной победой и успехами в своем труде».

В конверт было вложено письмо для Саши:

«Дорогой мой сын! От всей души поздравляю тебя с днем рождения. Желаю самых больших успехов в учебе, спорте, жизни. Помни только, что успехи сами не приходят, а даются лишь в напряженном и большом труде».

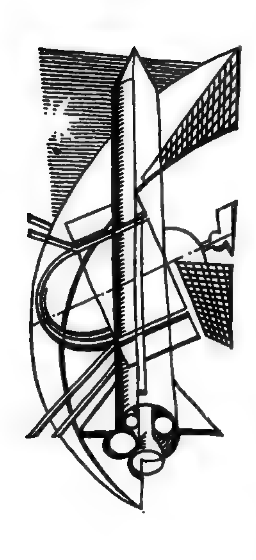
«Москва, 4 апреля 1957 года... Чувствую себя очень виноватым за неаккуратность в письмах к тебе. Не хочу оправдываться: оправданий этому, если быть справедливым и строгим к себе, безусловно, нет. Кажется, чем бы я ни был занят, где бы ни находился, я всегда думаю о тебе и Саше, потому что вы — во мне...

Вчера у нас была первая серьезная работа на одном объекте. Результат вполне удовлетворительный...»

Осталось две недели до отъезда. Считаю дни. Основная работа позади. Скоро домой, на родную землю! Вспоминаю день, когда пересекли границу. Поле и полоса вспаханной земли.

Как буду счастлива увидеть снова эту полосу и пересечь ее уже в обратном направлении. Здесь было хорошо. Здесь наши друзья. Но с особой силой ощущаешь, осознаешь, что такое Родина, когда хоть раз пересечешь ее рубежи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
В ПЛЕНУ У РАКЕТ

Февраль 1958 года. Начало учебного семестра в МАИ. Читаю лекции по динамике полета в одной из аудиторий самолетного корпуса. Записываю на доске систему уравнений продольного движения летательного аппарата.

Дверь тихонько приоткрывается: срочно просят к телефону. Значит, что-то важное. По пустякам в Московском авиационном институте прерывать лекции не принято.

В телефонной трубке слышу взволнованный голос заместителя Янгеля:

— Через три часа отходит поезд. Билеты я уже взял... Лететь к Михаилу Кузьмичу нельзя. К сожалению, погода нелетная... Везти его в Москву? Нет, это исключено.

— Так что же с ним все-таки произошло?!

Слышу тяжелое дыхание там, на другом конце телефонного провода. Мой собеседник ищет, видимо, щадящие слова.

— Небольшие боли сердечные... Слабость... Врачи считают, что ваше присутствие необходимо. Очень просит об этом и сам Михаил Кузьмич.

Только позавчера мы говорили с ним по телефону.

— Что-то очень устал, — сказал он мне. — Понимаю, что у тебя только что начался курс лекций. Но давай все же поедем дней на десять в Подмосковье. Пусть тебя кто-

нибудь с кафедры подменит. Насчет путевок я уже договорился.

— Хорошо, — ответила я. — Поедем.

Знала, что Янгель никогда зря не жалуется. Значит, действительно кратковременный отдых необходим.

И вот этот такой тревожный, такой тревожный звонок...

...В купе вагона нас четверо: конструкторы из КБ и я. Лица у всех невеселые.

Как долго стоит на стоянках поезд!

— Это случилось ночью в гостинице, — говорит встречающий нас на вокзале помощник Янгеля. — Вы только не волнуйтесь так сильно: Михаилу Кузьмичу лучше. Все меры приняты.

Едем машиной по улицам города, а в висках стучит:

«Был бы только жив... Был бы только жив...»

Почти бегом поднимаюсь на второй этаж. Сбрасываю на ходу пальто, киваю врачам, стоящим в белых халатах у двери. Где мой муж?!

Его руки беспомощно лежат поверх зеленого одеяла. Смотрит на меня полным грусти взглядом, видно, что-то хочет спросить.

— Все в порядке, — спешу успокоить его. — И дома. и с детьми. А тебе сейчас главное — во всем слушаться врачей.

Он кивает согласно головой. Я уже знаю, какой трагически тяжелой была предыдущая ночь.

— Ты быстро приехала, Мэм. Теперь я скоро поправлюсь.

И устало закрывает глаза...

Выхожу в коридор. Меня знакомят с Викторией Александровной, заведующей терапевтическим отделением местной больницы.

— Да, инфаркт миокарда. Жестокая болезнь нашего века... Поражена задняя стенка. Но Михаил Кузьмич, конечно, не знает об этом. Организм у него крепкий, сибирский. Будем надеяться, что все закончится благополучно.

Пишу домой:

«...Пришлось пережить тяжелые минуты. К счастью, они уже позади. Сейчас папа чувствует себя лучше. Сегодня его даже перевернули на правый бок: он так ждал этого.

Идут решающие четырнадцать дней! К глубокому огорчению, у Миши попутная пневмония. Уход за боль-

ным исключительно хороший. Регулярно смотрят профессора. С восьми утра и до восьми вечера дежурят медсестры, с восьми вечера и до восьми утра — врачи больницы. Днем дважды приезжает заведующая терапевтическим отделением.

Утром умываю его, кормлю с ложечки. Все эти дни он много спал. Сегодня бодрее. Включили телевизор, он с удовольствием посмотрел журнал. Днем читаю ему газеты, книги. На улице еще ни разу не была.

Бесконечно тронута вниманием друзей, знакомых. Каждый хочет чем-нибудь помочь. Но к Михаилу Кузьмичу никого не пускаю, кроме его заместителя и Леонида Васильевича. И то не более чем на пять минут.

Конечно, здесь Елена Матвеевна. Делает все возможное. Очень много заботы проявляет Сергей Петрович...

Если все будет хорошо, то недели через три-четыре ему можно будет поехать в дом отдыха или санаторий под Москвой. Видимо, общий перерыв в работе два-три месяца. Таковы планы. Но как-то они воплотятся в жизнь...»

Через несколько дней отправляю более оптимистическое письмо:

«...Дела уверенно идут на поправку. У папы второй день прекрасное настроение. Ему объяснили, что, по сути дела, «тяжелый спазм» тождествен «инфаркту». И он примирился с мыслью, что это двадцать один день «лежа в постели».

Я по-прежнему не выхожу из гостиницы. Дни идут длинные, однообразные. Сегодня последнюю ночь дежурил врач.

Звонил из Москвы Иван Васильевич Остославский. Как далека сейчас работа, аэродинамика, кафедра...»

Янгель начал курить еще в студенческие годы. Папироса с годами стала для него, как и для большинства курильщиков, незаменимым успокоительным средством. И как только стало ему полегче, он тотчас завел разговор с врачами:

— Хочу курить. Без этого не поправлюсь.

— Пока этот вопрос с обсуждения безоговорочно снимается, — непререкаемо заявила Виктория Александровна.

А тут как-то зашел навестить больного брата Павел. Попросился на две минуты: рассказать о новостях в Зыряновой.

— Будь добра, — попросил меня Михаил Кузьмич, — принеси попить.

Не поняла я «военной хитрости» братьев. Вхожу в комнату со стаканом сока в руках. Павел, попрощавшись, ушел. А я чувствую легкий запах табака. Янгель прячет руку за краем кровати.

— Что там у тебя?!

Так и есть! Дымящаяся сигарета!

Он смотрит нашалившим ребенком:

— Ты на Павла не сердись. Я виноват. Так захотелось сделать хоть две-три затяжки...

Новости ото дня к дню все радужнее, приятнее. Пишу детям:

«...Папе много лучше. Сегодня уже может поворачиваться. Правда, слаб. Еще бы, столько времени пролежать в постели!»

За дни болезни я довольно сносно освоила технику чтения электрокардиограмм. Линии, записывающие ритм работы сердца, чем-то похожи на диаграммы устойчивости движения летательных аппаратов. Там тоже свои устойчивые и неустойчивые режимы, положительные и отрицательные зубцы, свои периоды и частоты. Вместе с лечащими врачами изучаю полученные записи. Сама убеждаюсь, что картина работы сердца у Михаила Кузьмича с каждым разом улучшается: успешно формируется рубец на задней стенке.

...Приближается Восьмое марта. Михаил Кузьмич озабочен:

— Надо послать поздравительные открытки врачам, сестрам. Обязательно сотрудницам из КБ, секретарям... Не забыть твою и мою маму, нашу Люсеньку... Елене Матвеевне надо сделать подарок: хорошо бы из Москвы.

Просьбу его охотно выполняю. Целый день пишу письма, открытки. Домой вместе с поздравлениями сообщаю:

«...Восемнадцать суток в положении «спина — правый бок». Настроение у Миши среднее. Он, по-моему, только теперь начинает осознавать тяжесть своей болезни. Завтра его хотят в первый раз посадить на кровати в подушках. Все очень волнуемся. Через неделю, возможно, сделает попытку встать... Очень грустно, что у него обнаружился еще и диабет. Возможно, это обстоятельство сыграло определенную роль в сердечном заболевании...

К Михаилу Кузьмичу все чаще и чаще приезжают со-

трудники из КБ. Он уже до получаса беседует на производственные темы».

За первыми шагами по комнате — первые шаги больного Янгеля по дорожке сквера. Вышла на улицу и я. Глубоко вдохнула свежий весенний воздух. Тридцать три дня провела в помещении. Даже голова слегка закружилась...

По рекомендации врачей через два с половиной месяца после начала болезни Янгель выехал в пригородное село. Его сопровождала Елена Матвеевна. А я вернулась в Москву и приступила к работе в институте.

Помню встречу со студентами. Давно мы расстались: они успели прослушать почти половину лекций по курсу динамики полета. Только собралась начать чтение, поднимается с места староста потока. Говорит в наступившей тишине:

— Мы, Ирина Викторовна, часто вспоминали вас все это время. Очень вам сочувствовали. Искренне рады, что ваш муж поправился и что вы снова будете читать нам лекции.

Чувствую, что внутри у меня словно накатывается горячая волна. Благодарю своих учеников, а голос так предательски дрожит.

...Михаил Кузьмич пишет:

«...Виктория Александровна и другие врачи находят, что мое выздоровление идет нормально. Сам я чувствую, что с каждым днем организм восстанавливает силы: сердце становится способным воспринимать все большие и большие физические нагрузки. Но, к сожалению, этот процесс идет медленнее, чем я надеялся. Ведь я в апреле рассчитывал выйти на работу и даже поехать в командировку. Увы, это теперь переносится на май.

Не подумай, что задержка в выздоровлении сказывается на моем настроении, как это было до момента, когда мне разрешили выехать сюда. Нет, настроение у меня бодрое и самочувствие хорошее. Просто я придавал меньшее значение серьезности заболевания, чем это есть на самом деле. Потеря трудоспособности не на два с половиной, а на три месяца не имеет, в конце-то концов, принципиального значения. Важно, что я буду здоров и в последующем, рационально расходуя свои силы и правильно их восстанавливая, безусловно наверстаю упущенное».

Как он любил жизнь! Ценил каждый миг! И вдруг этот такой тревожный звонок... Но Янгель скоро вновь бу-

дет в строю, забудет о перенесенной болезни и начнет работать с полной отдачей.

А пока... «...Мне подобрали небольшой, но хорошенький финский домик, расположенный в сосновом лесу, на берегу речки. Несмотря на то, что эту неделю стоит пасмурная и прохладная погода, мне здесь очень нравится. По два-три раза в день я делаю двух- и трехчасовые прогулки по лесу, а сегодня отважился заняться рыбной ловлей: поймал трех окуней и двух густерок. Читаю, вечерами смотрю телевизор.

...Конечно, по тебе и нашей семье скучаю отчаянно...»

Пишет и о делах:

«...Идут они у нас, судя по рассказу моего заместителя, не очень здорово. Он был у меня вчера. Сильно подводит один товарищ. Я лишен возможности влиять на ход событий. А чем хуже идут дела сейчас, тем больше на меня свалится, когда я выйду на работу».

...На Майские праздники я приехала к Михаилу Кузьмичу. Одна — дети были заняты своими делами. Он встретил меня бодрым, окрепшим. Лишь Елена Матвеевна жаловалась на него:

— Недавно чуть инфаркт не получила! Взял Михаил Кузьмич удочки, сел в лодку. «Немного, — говорит, — погребу. Врачи разрешили часа два, если потихоньку...» И поплыл. Час прошел, два, три... Нет Михаила Кузьмича! Я тут и участкового и ребятишек на ноги подняла: «Умоляю, найдите Янгеля. Я за него головой отвечаю». Обыскались. А он, оказывается, в осоку забрался. Приехал лишь под вечер. Пол-лодки окуней привез. «Такой клев был, — говорит, — что и на часы некогда было взглянуть...» А вечером, когда телевизор смотрели, звал с собой назавтра участкового. «Тогда и Елена Матвеевна волноваться не будет. Только форму милицейскую не надевай: рыбу распугаешь...» А телевизор тогда к нам вечерами многие смотреть приходили: и местный сторож, и участковый, и ребята из соседних домов. Михаил Кузьмич всех приглашал радушно.

Майские праздничные дни мы провели превосходно. Меня бесконечно радовало, что Михаил Кузьмич говорил о своих планах, делился мыслями.

— Это время не пропало зря, — говорил он. — Кое-что интересное обдумал. Помнишь мой курсовой проект в академии по взлетной тележке?!. Приду в КБ, посоветуюсь с проектантами... И как я рад, что болезнь позади.

Буду теперь жить осторожнее. Не веришь?!. Ну, хочешь, напишу тебе гарантийное письмо?! А пока такой погожий день, давай возьмем лодку. Тебе полезно погрести, а я побросаю удочки. Мне говорили, что за вторым дальним поворотом есть отличное место, где водятся чудо окуни. Давно просятся к Матвеевне на сковороду! Познакомишься, кстати, с местными черепахами. Их здесь великое множество. Вылезают с утра на берег и греют на солнышке промерзшие за зиму панцири.

И мы садились в лодку, брали с собой термос, немного еды и на всякий случай походную аптечку. Не спеша плыли по весенней, просвеченной солнцем реке. И то тут, то там со страшным шумом плюхались в воду, заслышав лодку, неуклюжие смешные черепахи.

Янгель вновь в рабочем строю. Опять «в плену у ракет». Соскучился без дела, стосковался по своим дорогим «ребятам». Работа в КБ буквально кипит:

— Главный на месте! Работает!

Два месяца Янгель напряженно работает. Но перенесенная болезнь все же дает о себе знать: Михаил Кузьмич быстро утомляется, временами ощущает слабость. И очередной отпуск мы проводим с ним в санатории. Люся — на целине. Саша уехал на все лето в спортивный лагерь. Аркаша домовничает вместе с бабушкой.

Санаторий расположен в пригороде столицы, в зеленой лесной зоне. Все условия для лечения и отдыха здесь есть.

— Опять встал на вынужденный «капитальный ремонт», — сетует Янгель. — Но, видимо, после инфаркта он закономерен. Постараюсь использовать это время с максимальным коэффициентом полезного действия: подумаю о перспективных делах, почитаю.

Он кладет на стол несколько специальных технических книг, стопку чистых листов бумаги.

Быстро входим в санаторный режим. Съездили на экскурсию в Горки Ленинские. Мы бывали там уже не раз.

Вечером смотрим кинофильмы.

— Вы часто бываете в кино? — спросили как-то Михаила Кузьмича.

— Двадцать восемь раз в году, — отвечает не задумываясь.

— Завидная точность.

— В полном соответствии с числом проведенных в санатории дней...

Но в этот приезд в помещение кинозала мы поднимаемся далеко не всегда. Словно магнитом, притягивает к себе лежащие на письменном столе книги, журналы.

...Стою на платформе Николаевка близ Рижского вокзала в нетерпеливой толпе, встречающей целинников: жду приезда дочери.

Все тянут головы, всматриваясь в даль: не видно ли состава? И вот вагоны, заполненные парнями и девушками, останавливают бег колес. Навстречу мне бежит, припрыгивая, полная краснощекая девушка. Неужели Люся?!

— Привет с целины! Четырнадцать килограммов чистого привеса. Хватит на целый год для компенсации потерь при сдаче экзаменов. Как я соскучилась по дому! А где папа? Как его дела?

Вечером показывает отцу похвальный лист. Михаил Кузьмич взял очки. Не спеша, с чувством читает вслух:

— «Акмолинский райком комсомола награждает Янгель Людмилу Михайловну — студентку МАИ — за высокие трудовые показатели в уборке урожая 1958 года на целинных землях Казахстана в честь 40-летия ВЛКСМ».

— Все по форме, — заключает отец. — Даже круглая печать. Молодец, дочка! Горжусь твоими трудовыми успехами.

— А что я тебе, пап, по секрету скажу. — И шепчет тихонько: — Видела однажды ночью летящий спутник. Не твоя ли это звездочка?

Субботний вечер, Михаил Кузьмич садится за письменный стол, кладет перед собой ученическую тетрадку, достает из кармана пиджака ручку и очки в роговой оправе.

— Буду готовиться к лекции. Просили прочитать в кругу непосвященных.

— А тема?

— О проникновении человека в космическое пространство. Взял в библиотеке книгу Гейница Мильке «Полет в космос».

...Небольшая тетрадка. Зеленоватая обложка. На первых восемнадцати страницах Янгель сделает аккуратные записи, набросает несколько схем, запишет формулы. Бу-

дет читать книгу Мильке и раздумывать... После прочтения первой главы, озаглавленной «В начале была фантазия», запишет в тетрадке:

«Кому первому пришла в голову мысль покинуть нашу планету, узнать, пожалуй, никогда не удастся.

Очевидно, мечта о полетах в мировое пространство зародилась в глубине веков...»

Потом несколько фраз с упоминанием имен «первопроходцев» — Дедала и сына его Икара, греческого сатирика Лукиана, Галилео Галилея. И краткий перечень книг, о которых упоминает Мильке. Эти книги знакомы Янгелю: фантастику он любит с детства.

— Ты не возражаешь, если я включу радио? Будут передавать Чайковского, — спрашиваю Михаила.

— Конечно, нет. Под музыку лучше думается.

Глава вторая книги «Естественнонаучные знания вытесняют фантазию». Михаил Кузьмич записывает в тетрадке:

«Первому научному обоснованию идеи полета к небесным телам содействовали три великих открытия:
1) небесные тела имеют материальную природу и по своим свойствам сходны с Землей,
2) люди получили ясное представление о расстояниях между небесными телами,
3) был установлен факт пространственной ограниченности земной атмосферы».

Законы, открытые Кеплером, сделали понятным движение небесных тел. Но каковы причины, предопределяющие движение?

— Великое всегда просто, — говорит Михаил Кузьмич. — Хорошо, что в садах на Земле растут яблони.

И записывает:

«Исаак Ньютон в 1687 году открыл закон всемирного тяготения как причину движения планет вокруг Солнца...»

Рядом с записью — графическое изображение действия поля земного тяготения.

Далекий мир звезд и планет. Как сложен и красив узор траекторий движения небесных тел в безмолвии космоса. Круги, эллипсы, параболы, гиперболы... И проникнуть в эти дали можно лишь с помощью ракеты.

«Ракеты — единственное средство достижения цели».

Вот и дошел до самого заветного, самого дорогого.

«В этой главе автор поднимает очень интересный вопрос: как может химическое топливо, дающее не очень

высокую теплотворную способность (обычный порох — 1600 калорий на килограмм, гремучий газ — 3200 калорий), обеспечить преодоление поля земного тяготения, когда для одного килограмма требуется совершить работу в 637 000 кгм или потребуется примерно 15 000 калорий? Значит, химическое топливо не в состоянии само поднять даже себя?»

И заключает:

«...Поставив этот вопрос, автор не дает на него вразумительного ответа. Он делает попытку перехода от работы к скорости, но не увязывает концы с концами».

А увязать можно. И Михаил Кузьмич тут же записывает нужные формулы.

Прочитав несколько следующих страниц, слегка нахмурился. Свое мнение сформулировал в двух строках:

«Глава посвящена развитию или истории ракетной техники и ничего особенного в себе не содержит».

Прочитал главу об орбитальных станциях, о проектах крупных ракет.

«...То, что сегодня познано только в общих чертах, завтра будет обращено нам на пользу».

И Михаил Кузьмич перечисляет, что можно осуществить, используя космические полеты. Вместе с ракетой он мысленно проходит сквозь толщу земной атмосферы, минует магнитные поля и попадает в пространство глубокого вакуума и низких температур, в черную глубину не изведанного человеком мира невесомости. Человек непременно будет там. И к кругу вопросов, связанных с техническими науками, неизбежно прибавятся не менее сложные из области биологии и медицины.

Легкий табачный дымок тянется от недокуренной папиросы. Прочитанная книга вызвала новые мысли о ракетно-космическом будущем человечества. Продуман и план предстоящей лекции.

— Я назову ее, пожалуй, «Проблемы полета человека в мировое пространство». Как думаешь?

...План, составленный Янгелем для предстоящей популярной лекции, записан на восемнадцатой странице ученической тетрадки. Каково его содержание?

Раздел первый. «Успехи развития ракетной техники за последние несколько лет».

Его пункты:

«Надежды на полет человека в космос:

— высказывание Несмеянова на 4-й сессии Верхов-

ного Совета СССР о полетах к планетам солнечной системы,

— появление проектов космических кораблей,

— впереди — романтика и фантастические повести (роман Ефремова «Туманность Андромеды»).

Не верить в покорение мирового пространства человеку нельзя, но нельзя и недооценивать грандиозной сложности стоящих на этом пути еще не решенных проблем. Нужны время, средства. Будут на этом пути и человеческие жертвы».

Раздел второй. «Проблемы полета человека в космос». Его пункты:

«Формула Циолковского и значение многоступенчатых составных ракет для скорости.

Величина и метод определения первой и второй космической скорости,

возможности химических топлив;

взаимосвязь конечной скорости, величины полезного («мертвого») груза и стартового веса на примере проектов спутника, полета на Луну и полета на Марс фон Брауна».

Удовлетворенно закрывает книгу, откладывает в сторону тетрадку. Говорит мне:

— А сейчас хорошо бы пройтись перед сном. Посмотри, какая за окном полная Луна и какие светлые дорожки бросила она сегодня на Землю... Тоже движется по законам Кеплера...

Мы собираемся и выходим на улицу. Долго бродим по лунным дорожкам. Говорим о ракетах, их будущем. Тема эта неисчерпаема. Мы ведь тоже романтики!

Формируя коллектив КБ, Михаил Кузьмич, по сути дела, начинал с «целины». В портфеле тогда еще малочисленного конструкторского бюро, руководителем которого он стал, правда, уже был небольшой задел «нового направления». Но все еще было только в стадии становления. Потом он не раз повторял, что в конечном счете успех работы целиком зависит от того, кто стоит у ключевых позиций этой большой и сложной организации, именуемой «Опытное конструкторское бюро».

Именно поэтому он с самого начала своей деятельности, да и потом, с особой ответственностью подошел к подбору кадров и их правильной расстановке.

— Для начала хватит и нескольких опытных конст-

рукторов, — говорил Михаил Кузьмич. — А основной костяк должна составить молодежь. Буду набирать выпускников технических вузов, университетов. Они обладают багажом самых современных знаний и огромным желанием идти непроторенными тропами. У нас сложится своя школа, свои традиции. Будет живая ткань преемственности поколений. А это главное! Я говорю не в обиду «старичкам», сам принадлежу к ним. Но лишь опыт старших в сочетании с инициативой взрослеющих позволит нам не только быть в курсе всего нового в нашей технике, но, не упустив «рационального зерна», непрерывно двигаться вперед, видеть перспективу.

И действительно, за короткий срок молодой коллектив КБ набрал нужную силу и сумел в тесном творческом содружестве со смежными организациями дать стране надежные и такие перспективные образцы новой техники.

«Я ни на одну минуту не забываю, что у нас имеется очень много долгов перед нашей великой Родиной, перед нашим советским народом, или, если угодно, не долгов в полном смысле этого слова, но задач, вытекающих из нашего призвания и положения.

То, что нами создано, было хорошим, может быть, даже наилучшим на момент, когда мы начинали это хорошее создавать. Но наша техника развивается так быстро, что сейчас термин «самое хорошее», «самое лучшее» уже не имеет под собой объективного обоснования.

Государством вложено очень много средств в производство и обеспечение использования ракет-носителей. Поэтому перед нами, я имею в виду и наших смежников, стоит непреложная задача номер один — всеми силами и средствами поддерживать и совершенствовать созданное нами».

Эти слова принадлежат Михаилу Кузьмичу Янгелю.

Один из сотрудников, долгое время работавший сначала комсоргом, а потом и парторгом КБ, вспоминает о первых встречах с Янгелем.

«...Предприятие молодое. Средний возраст — двадцать пять — двадцать шесть лет. Именно на эти молодые плечи ляжет основная тяжесть. В молодежи видел Михаил Кузьмич завтрашний день. При всей занятости он лично беседовал с поступавшими на работу специалистами, определял их место в работе, а затем уже на деле прощупывал, кто на что способен.

Каким я запомнил Янгеля при первой встрече? Сред-

них лет, сухощав, по-спортивному подтянут, загорелое лицо, бобрик русых седеющих волос. Несуетлив, точен в движениях, корректен, прост в разговорной речи, внимателен к собеседнику».

И подчеркивает:

«Особенно хочется отметить эту черту его характера — внимание к собеседнику, умение до конца выслушать, не торопить.

В 1958—1959 годах Михаил Кузьмич часто приходил на комсомольские собрания. С большим удовольствием беседовал с молодежью, рассказывал про основные дела КБ, обращался с просьбой организовать работу комсомольских постов. Без преувеличения скажу — это подтвердят комсомольцы тех лет — КБ работало тогда очень хорошо. Вижу одну из важнейших причин этого во внимании Михаила Кузьмича к работе комсомольской организации. Молодежь к этому очень чутка.

Если главный сказал: «Надо!» — преград для комсомольцев не было. Работали в две-три смены. Помнится, конструкторы из цехов сутками не уходили. Койки стояли прямо в пролетах. Первую машину нашего КБ буквально на руках переносили с участка на участок, из цеха в цех.

Мне не раз приходилось быть свидетелем, как Михаил Кузьмич строил свой рабочий день. Начинался, как правило, он с разбора проектных дел. Эта его постоянная потребность в общении с проектантами, пожалуй, самая отличительная черта янгелевского стиля руководства.

Михаил Кузьмич, по его собственным словам, был бы слеп и глух, он потерял бы всякое чутье к работе, если бы он позволил себе оборвать эти нити.

Он, конструктор, был предан проектантам, проектанты — вдвойне — ему. Они шли к Михаилу Кузьмичу с огромным желанием «выложиться до конца».

О таланте Янгеля как конструктора говорил еще в начале его инженерной деятельности Николай Николаевич Поликарпов. Это сразу бросалось в глаза тому, кто начинал с ним работать. Партогр пишет:

«...Поразительная способность была у Михаила Кузьмича: зримо, объективно представлять себе конструкцию самых сложных узлов и агрегатов, держать ее в памяти с учетом всех плюсов и минусов, предлагать вариант конструкции, которая вписывается в общую композицию так, что, как говорят, комар носа не подточит. Удивительная интуиция позволяла ему где-то в кладовых памяти и вооб-

ражения отыскивать то самое, единственно правильное решение».

Успех в работе может быть достигнут только при крепкой повседневной связи со смежниками. Янгель это отчетливо понимал. Не раз говорил: «Задачей нашего КБ и всех наших смежников является поиск путей более быстрого развития нашей техники».

«...Михаил Кузьмич был главным конструктором не только нашей организации. Он был главным и по отношению ко многим смежникам, которые разрабатывали для него разные, очень сложные, но необходимые системы.

То, что постигалось и разрабатывалось целыми коллективами КБ, Михаил Кузьмич успешно накапливал и раскладывал по полочкам в своей памяти. Исключительно свободно разбирался он в самых запутанных проблемах управления.

Он сумел стать непререкаемым авторитетом для специалистов смежных профессий. Это тоже характерная черта стиля руководства Михаила Кузьмича».

Так пишет один из ведущих конструкторов, много лет работавший с Янгелем.

Проектирование, расчеты, конструирование, изготовление объекта. И наконец, испытания.

Когда-нибудь историки, рассказывая о том, как рождались ракеты в конце пятидесятых годов нашего века, помянут самыми добрыми словами именно испытателей. Они непременно расскажут, что все тогда фокусировалось в пыльных, знойных степях, где на стартовых площадках, подняв к небу свои остроконечные головы, одна за другой становились в ожидании полетного часа могучие ракеты.

Запустить ракету — это не просто нажать пусковую кнопку и повести такой знакомый теперь всем счет: «пять, четыре, три...». Долгие предстартовые дни — это планомерное продолжение работы, которая начиналась в проектных отделах, потом перекочевала к конструкторам и технологам, а от них перекинулась в заводские цехи к рабочим. И вот теперь окончательная доводка, проверка принятого технического решения, отладка. Завершающий, самый ответственный этап.

— Мы все и надолго стали испытателями, — говорил в те годы Михаил Кузьмич. — Такая уж особенность у нашей техники. И как удивителен этот процесс по твор-

ческому накалу. Словно идешь на одном дыхании. Сотни вопросов, порой таких неожиданных. И ответить надо предельно четко и без промедления. Но все становится на свои места и настроение создается нужное, когда рядом на площадке лучшие конструкторы. Орлы! Иначе про них не скажешь.

Сам Михаил Кузьмич тоже подолгу живет в этих краях.

«Простой в обращении, доступный каждому, грамотный инженер, он выслушивал все предложения и замечания, от кого бы они ни исходили: от рядового испытателя или от руководителя. Взвесив все «за» и «против», принимал деловое решение».

Так характеризовали Янгеля испытатели. А один из помощников говорил еще так:

«...Идет подготовка к испытаниям. И если Михаил Кузьмич присутствует при этой подготовке, то всегда, подчеркиваю, всегда и везде царит спокойная деловая обстановка. Нет аврала, нет «спихотехники». Все знают, что Янгель не примет непродуманного решения, что успех гарантирован.

Многим из нас выпало счастье испытать, что значит работать под началом спокойного, уверенного в себе, уважающего свое и твое достоинство главного».

Жизнь в степи. Строительные краны на площадках. Вводится в строй новый измерительный комплекс. Поднимаются этажи благоустроенных домов, гостиниц. Прокладываются первые улицы.

Климат только с непривычки тяжеловат. В одном из писем Михаил Кузьмич пишет:

«...Чувствую себя удовлетворительно, хотя и с трудом переношу большую жару. Сейчас у нас утро, а температура в тени уже тридцать градусов по Цельсию. Днем будет сорок — сорок пять. Это очень утомляет и расслабляет...»

Мощный комплекс, предельно насыщенный бортовыми и наземными средствами. Здесь и контроль, и диагностика, и прогнозирование состояния всех элементов и управления ими. И как важно, чтобы обстановка была спокойной. В этом залог успеха предпускового и пускового периодов.

— Говорят, что у нас много романтики, — размышлял Михаил Кузьмич. — Конечно, не без нее. Однажды наш конструктор, впервые попавший на площадку, сказал мне:

Вот уже и сын стал первокурсником.
М. К. Янгель с сыном Александром.

М. К. Янгель с дочерью Людмилой.

План лекции
„Проблемы полета человека в мировое пространство"

I. Успехи развития ракетной техники за последние несколько лет,
надежды на полет человека в космос:

- высказывания Несмеянова на 4-й сессии Верховного Совета СССР о полетах к планетам Солнечной системы,
- появление проектов космических кораблей,
- вперёд — романтики и фантастические повести (Роман Ефремова „Туманность Андромеды");

Уверенность в покорении мирового пространства человеком Земли, но нельзя и недооценивать грандиозной сложности стоящих на этом пути еще нерешенных проблем, которые потребуют времени, средств и будут на этом пути и человеческие жертвы.

II. Проблемы полета человека в космос

1. Проблема энергетики, или достижения потребного огромного запаса полета. Или проблема топлива

План лекции, составленный М. К. Янгелем.

Рабочий кабинет главного конструктора.

Личная подпись

Избран 1 июля 1966 г.

АКАДЕМИЯ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН
(АКАДЕМИК)
АКАДЕМИИ НАУК СССР

МИХАИЛ КУЗЬМИЧ
ЯНГЕЛЬ

Президент
Академии наук СССР
академик

№ 342

В 1966 году М. К. Янгеля избирают действительным членом Академии наук СССР.

Перед вылетом в очередную командировку.

Янгель очень любил цветы.

Михаил Кузьмич с первым секретарем ЦК КП Эстонии Иваном Густавовичем Кэбином. 1969 г.

Какой рыбак не будет горд таким уловом!

М. К. Янгель вернулся с заседания сессии Верховного Совета СССР.

Михаил Кузьмич Янгель с женой Ириной Викторовной и внуками Димой и Сережей.

М. К. Янгель
с внуком
Андреем.

На утренней
прогулке.

М. К. Янгель с внуком Димой. Трижды дед.

На прогулке в Подмосковье.

М. К. Янгель с послом Индии К. П. Ш. Меноном. Крым.

Академик М. К. Янгель.

Сухогруз «Академик Янгель».

Пик имени академика Янгеля.

Школа имени М. К. Янгеля в Березняках.

Книгу, которую М. К. Янгель смотрел в последний вечер своей жизни, И. В. Стражева передала в школу имени Янгеля.

На Новодевичьем... Могила М. К. Янгеля.

Мемориальная доска на главном корпусе МАИ.

Улица имени академика Янгеля в Москве.

Бронзовый бюст, установленный на родине М. К. Янгеля
в Железногорске-Илимском Иркутской области. 15 октября 1977 года.

«Знаете, Михаил Кузьмич, я и не думал, что здесь так близко небо, так сурова и строга Земля. Видимо, все это роднит приезжающих сюда людей — живут на редкость дружным коллективом. И еще, оказывается, с ракетой надо говорить только на «вы». По приезде подойти и спросить вежливо: «Как вы чувствуете себя, ваше космическое Величество?!» И он прав... Верно и то, что к нелегкой и ответственной работе испытателей тянутся, как правило, натуры сильные, волевые. К примеру, Виктор Владимирович — любимый мой человек... И жизнь воспринимается здесь в каком-то особом измерении. И песни здесь необычные, свои. Ребята сочиняют. И одна стала даже своеобразным «гимном испытателей». Сочинил инженер Чеховский.

И Михаил Кузьмич негромко, но с необыкновенным чувством запевал:

Горизонт — бескрайние пески,
Разбежались светлячки площадок...

Говорил с гордостью:

— Вот какие у нас таланты! И слова и музыка до глубины сердца доходят.

...О совместной работе с Михаилом Кузьмичом Янгелем вспоминают люди разных профессий. Вот каким он запомнился начальнику планового отдела, проработавшему в организации много лет:

«...Однажды в девять утра меня неожиданно вызвал директор. В его кабинете у стола сидел человек в коричневом костюме, с простым открытым лицом, тронутыми сединой висками.

Когда я вошел, человек этот поднялся, сделал несколько шагов навстречу, мягко посмотрел на меня, протянул руку. Отрекомендовался как начальник и главный конструктор ОКБ. Так состоялась наша первая встреча с Михаилом Кузьмичом.

...Уже на первом этапе своей деятельности в КБ он стал известен прежде всего как внимательный и доступный руководитель, обаятельный и любезный человек. Эти качества не в малой мере способствовали успешному решению вопросов в вышестоящих инстанциях.

Обычно главный конструктор спрашивал, чем может помочь. Я нередко отвечал ему: «Двадцатью минутами вашего времени на «визит вежливости» к моим вышестоящим коллегам».

И начальник планового отдела называл Янгелю рядовых исполнителей, от которых зависела подготовка проектов решений и приказов в устраивающем организацию плане.

«...Михаил Кузьмич отпускал несколько веселых замечаний по поводу моего «коварства» и назначал время для визитов.

В назначенное время он обходил названных мною работников, вежливо их приветствовал, присаживался на несколько минут и как бы между прочим с исключительным тактом «забрасывал удочку» по интересующему нас вопросу, прося не обижать молодую организацию. Спрашивал, нет ли каких претензий к нашим службам. И так же тихо, вежливо желал присутствующим всего доброго. Делал он это неподражаемо и искренне... А вскоре мы получали необходимые ассигнования...»

Самые добрые воспоминания остались о работе с Янгелем и у смежников. Один из инженеров рассказывает:

«...Собрались в актовом зале старого корпуса. Легкий говор сразу стих, когда к столу подошел худощавый человек. Спросил кого-то из своих: «Все собрались?» Получив утвердительный ответ, помолчал. Сел, пригладил волосы рукой, достал сигареты. Мы поняли: это Янгель.

Михаил Кузьмич встал, посмотрел на нас и сказал, что думал, как лучше начать знакомство с новой, большой и важной работой, как рассказать нам о ней, чтобы мы поняли ее значимость: только тогда можно добиться успеха. И решил начать не с важности, а с существа. Так будет лучше.

И он начал говорить о том, что партия и правительство поставили перед нашими коллективами задачу сложную, при решении которой надо использовать все современные достижения ракетно-космической техники.

На специальных стойках были размещены плакаты. Михаил Кузьмич коротко рассказал, каково состояние дел и что предстоит нам сделать совместно.

Дружелюбность, желание помочь как можно глубже осознать специфику работы чувствовались в дальнейшем разговоре буквально во всем».

Гости пробыли тогда в организации Янгеля несколько дней.

«...С Михаилом Кузьмичом виделись ежедневно. Вместе с нами он был в демонстрационном зале, в цехах, рассказывал о машине, показывал ее. Прошло несколько

дней, и он беседовал с нами как с людьми, знающими его область, понимающими его. Делалось это настолько естественно, просто, без различия в возрастах, что многие из нас только потом поняли, насколько вдумчиво и глубоко знает этот человек свою цель, как умеет очаровать ею. Именно очаровать собеседника, как-то исподволь создать у него твердую убежденность теплого, товарищеского отношения к нему.

Простота Михаила Кузьмича, его умение разговаривать с людьми и, главное, слушать их особенно удивляли».

Прошли заседания, совещания. Решен ряд конкретных вопросов.

«...Было довольно поздно. В кабинете Янгеля перед перерывом дым стоял волнами. Все наши запасы сигарет и папирос израсходованы при спорах. После перерыва курили мало. Михаил Кузьмич обратил на это внимание. Его ведущий работник, Эрик Михайлович, сказал, что мы без курева. Михаил Кузьмич поднялся, подошел к столу, достал несколько пачек сигарет и положил перед нами: «Без табака думается плохо, а нам думать плохо нельзя».

Обычно, выслушав все замечания и предложения, Янгель говорил своим товарищам, что «надо все пропустить через себя», особенно напирая на необходимость объективности в суждениях.

«...Когда прощался с руководителем приехавшей к нему «делегации», спросил его: «Как думаешь, можно работать с коллективом и ждать от него многого, если руководитель будет принимать решение без совета и рассмотрений?»

Тот ответил, что на то и руководитель, чтобы брать на себя многое в решении поставленных вопросов.

«Вот завтра и решим, — ответил Михаил Кузьмич. — Я не могу принимать окончательное решение, еще раз не послушав своих товарищей».

Янгель всегда подчеркивал необходимость установления с первых же дней правильных взаимоотношений с заводом. Это свое твердое убеждение он проводил повседневно в жизнь. Его давний соратник, директор огромного заводского коллектива, уже после смерти Янгеля писал:

«...Михаил Кузьмич четко понимал, что без хорошей производственной базы ничего не сделать. И поэтому, возглавив новую организацию, он сразу включился в работу по созданию экспериментальной базы. Конструкторы и за-

водчане просиживали ночи напролет в цехах завода: вместе экспериментировали, дорабатывали, улучшали, делали общее дело.

Один из наших руководителей, мнением которого мы особенно дорожили, всегда подчеркивал: «Вы — единое целое: ругаешь заводчан — Михаил Кузьмич берет вину на себя; хвалишь конструкторов — Михаил Кузьмич утверждает, что это заслуги и заводчан. Так и только так надо работать, а успех не замедлит сказаться».

Действительно, успехи пришли быстро. Цементация наших взаимоотношений помогла обоим коллективам справиться со сложными задачами».

— Я рад, что работаю в одной упряжке с таким руководителем, как Александр Макарович, — говорил не раз Михаил Кузьмич. — Мне кажется, что мы понимаем друг друга с полуслова. Деловитость и государственный подход к решению вопросов — вот что мне нравится у Деда.

Дед — узаконенное прозвище директора. Все его уважают и, что скрывать, побаиваются. Мнением его дорожат.

Однажды в заводском цехе при проверке уже готовой ракеты в ее днище вдруг обнаружили течь. Это было настоящее ЧП.

— Я уже в курсе событий, — сказал Янгель. — Дело серьезное, что и говорить... Завод, Александр Макарович, в данном случае ни при чем. Вина целиком наша, конструкторская. И мы уже в поисках нужного решения.

— Это была отличительная черта Михаила Кузьмича, — вспоминал директор. — Он никогда не сваливал понапрасну вину на завод. Умел быстро и объективно оценивать обстановку. В новой технике проблем не счесть. На то она и «новая»...

И продолжал:

— Янгель был человек, я бы сказал, особенный. В нем счастливо сочетались и выдающийся ученый-конструктор, и крупнейший организатор, и видный государственный деятель. Человеческое обаяние Михаила Кузьмича, его необычайная работоспособность, умение слить воедино силы многочисленных организаций для реализации конструкторских замыслов и технических идей определили успех нового конструкторского бюро.

...Янгеля смолоду многие называли просто Кузьмичом. Рабочие иногда даже так обращались к нему в заявле-

ниях. Стали называть его Кузьмичом и в новой организации. Парторг в своих воспоминаниях рассказывает:

«...В народе принято говорить об уважаемом человеке, именуя его по отчеству. Мы, конструкторы, Михаила Кузьмича между собой часто звали просто Кузьмич.

Так оно и было на самом деле: в нашем большом семействе конструкторов Михаил Кузьмич был отцом, которого мы слушались, которому верили и доверяли во всем».

И вспоминает эпизод:

«...При отработке одной системы случилось несчастье: молодой рабочий получил ожог.

Михаил Кузьмич часами сидел у койки больного, много ему рассказывал о своей жизни, стремясь отвлечь обожженного от адских мук. Впоследствии Михаил Кузьмич доверительно говорил мне, что сам находился в полуобморочном состоянии, настолько тяжело ему было видеть человеческое страдание.

Но разве мог наш Кузьмич поступить как-то по-иному?!»

...Лидия Павловна. Эта скромная, преданная своему делу женщина долгие годы работала у Михаила Кузьмича секретарем. Как много значит для успешной работы руководителя присутствие делового, знающего помощника! В ее руках и все нити связей с внешним миром, и «зеленый свет» для прохода в кабинет, и забота вовремя напомнить о том, что пора пообедать или выпить стакан чая.

— Мне с секретарями очень везло, — не раз говорил Михаил Кузьмич. — Прекрасным помощником, когда я только входил в «ракетные дела», была Анна Григорьевна. Теперь связующие нити в надежных руках Лидии Павловны.

«...Я благодарна судьбе, — вспоминала потом Лидия Павловна, — за то, что мне довелось пятнадцать лет работать с таким замечательным человеком, большим ученым и отзывчивым товарищем. Это лучшие годы моей жизни».

Лидия Павловна многое может рассказать о стиле работы Янгеля, его отношении к людям, о требовательности Михаила Кузьмича, щедрой русской доброте.

«...Я всегда восхищалась его умением держать себя просто, независимо с людьми разного положения. Ему чужды были лесть с подхалимством и надменность с грубостью... Он всегда был опрятен, аккуратен. Помню, как-

то проходила аттестация. Один инженер пришел небритый, без галстука, с небрежно расстегнутым воротником, Михаил Кузьмич попросил его уйти: он расценил эту небрежность как неуважение к окружающим, к такому ответственному делу, как аттестация».

И еще характерная черточка, запавшая в память секретарю:

«...Он не терпел малограмотных, слабо знавших орфографию инженеров. Обнаружив ошибку в начале письма, дальше он не читал и, ворча по адресу «писаки», возвращал документ на доработку».

...Ученики Янгеля, его товарищи по работе... Многие из них не раз бывали в нашем доме. Особенно в последние годы, когда Михаил Кузьмич стал болеть. Некоторые из сотрудников КБ окончили когда-то МАИ, и я законно горжусь тем, что они слушали мои лекции по динамике полета. Значит, и я в чем-то помогла своему главному.

Опора Янгеля — его заместители.

— Все они разные по характеру, — говорил он. — Один — уравновешенный и немногословный. Второй покоряет открытой, бесхитростной душой. Третьего отличает поразительная работоспособность. А четвертый темпераментен и горяч, порой даже сверх меры. Но в целом это та самая «дружина», с которой можно отлично работать и сейчас и в будущем. Когда-нибудь придется им передать дело всей моей жизни. И я уверен, что попадет оно в надежные руки.

Заместители скажут потом о своем руководителе:

«...Я выделил бы у него такие основные качества: работоспособность, оперативность и смелость решения любых возникших вопросов и проблем, высокая общая и техническая эрудиция».

«...Наши успехи неразрывно связаны с именем Михаила Кузьмича Янгеля. Он был руководителем нового типа— талантливым конструктором и прекрасным организатором. Я бы особо отметил три характерные черты: первая — умение в каждом вопросе найти самое главное, отсеивая всю шелуху; вторая — о любой проблеме Михаил Кузьмич никогда не судил предвзято, пытался понять доводы каждого, а затем принимал оптимальное, коллективно найденное решение; третье — превосходная техническая интуиция. Михаил Кузьмич не боялся технического риска, и, как правило, риск был оправданным, приносил успех...»

«...Вспоминая историю нашего становления, нельзя не

сказать о ведущей роли Янгеля. Михаил Кузьмич, несмотря на нашу общую молодость, всегда полностью доверял нам, позволял вести творческий поиск, поощрял его. В мелочах никогда никого не опекал, давал всем свободу действий, но линию свою выдерживал четко.

Михаил Кузьмич внимательно выслушивал любое мнение, пусть даже противоположное его собственному. «Но уж если решение принято, если тебе поручено определенное дело, — не уставал повторять Михаил Кузьмич, — то, будь добр, выполняй поручение и отвечай за него по самому строгому счету». Такое доверие всегда окрыляет, способствует росту молодых, вырабатывает ответственность, самодисциплину».

И наконец, еще одно высказывание:

«...Стиль работы Михаила Кузьмича с ведущими конструкторами основывался на доверии в решении простых вопросов и сложных. Он стремился воспитать в каждом способность вырабатывать и отстаивать свое техническое мнение. На совещаниях по сложным проблемам создания и отработки машины Михаил Кузьмич обязательно спрашивал мнение ведущего конструктора: как он понимает проблему, можно ли ему доверить контроль за исполнением принятого решения? Он считал, что ведущий конструктор — это человек, который может и должен проводить линию главного не только на предприятии, но и у смежников. Михаил Кузьмич страшно не любил «соглашателей». Янгелевский стиль работы воспитывал умение, навыки руководителя и организатора, а работу делал приятной и интересной».

Каждая высказанная мысль добавляет еще одну черточку, еще один штрих к портрету человека... Янгель обладает исключительными способностями организатора, говорят все работавшие с ним. У него необычайная ясность мышления, редкое умение анализировать и синтезировать. Он постоянен в своих суждениях, но не чужд новому. Янгель дальновиден. Из огромного потока информации, из массы различных предложений и вариантов он умеет выбрать самое главное, самое нужное. И на этом фокусирует внимание всего коллектива. Он тверд, мужествен, принципиален, непримирим к недостаткам. И при этом сколько в нем любви к людям, подлинной человечности.

Нельзя не сказать и о самом главном — его партийности.

Парторг КБ пишет о Янгеле-коммунисте:

«...Такое внимание к работе общественных организаций, как у Михаила Кузьмича, встретишь не часто. Не по форме, а по существу он строил свою работу в самом тесном контакте с партийной организацией, придавая первостепенное значение деятельности комсомола и профсоюзов.

Партийность Кузьмича в той огромной личной ответственности перед партией и правительством, которую он нес ежечасно на своих плечах, возглавляя работу по созданию новых образцов техники».

Он поддерживал инициативу молодых, был непримирим к стяжательству, подхалимству.

Михаила Кузьмича не один раз избирали в партийные органы.

«...Хорошо помню, — пишет парторг, — как собрались мы все поздравить Михаила Кузьмича с избранием в Академию наук. Ему было очень приятно принимать поздравления от товарищей, и он не скрывал этого. А в ответном слове сказал так: «То, что я член ЦК Компартии Украины, депутат Верховного Совета СССР, академик — это прежде всего заслуги коллектива КБ, его партийной организации. Но это не только признание наших заслуг. Это и аванс. Аванс на еще лучшую работу над новым заказом». В этих словах был весь коммунист Михаил Кузьмич Янгель».

Общение с людьми. С некоторыми изредка, с некоторыми каждый день, да не один раз. Утро у главного начинается со встречи с Павлом Александровичем, который в черном блестящем, словно новеньком, ЗИМе ждет его у подъезда дома.

Павел Александрович на редкость пунктуален. Он сочетает в себе доброту, юмор, необыкновенную аккуратность, понимание ситуации и человечность. Он не просто персональный водитель, в обязанность которого входит возить Янгеля на работу и домой, ездить с ним по делам, а порой и на воскресную прогулку. Он надежный и верный товарищ, и Михаил Кузьмич высоко ценит это.

У главного и его водителя есть в биографиях что-то общее. Юность Павла Александровича прошла в селе Наволоки Кинешемского района. Там работал он на фабрике «Приволжская коммуна», сначала учеником ткача, потом ткачом. Был и ткацким поммастера: ремонтировал и налаживал станки.

— Оба мы с вами в прошлом ткацкого направле-

ния, — говорил Павлу Александровичу Янгель. — Это надежная основа для постоянного и полного взаимопонимания.

— Может быть, прибавить газу? — спрашивает сидящего рядом с ним главного водитель.

— Как ехать — быстро или медленно — дело исключительно ваше, Павел Александрович. За рулем сидите вы, а не я. Как повезете, так и поедем. На трассе хозяин вы. И останавливать милиция будет не меня, а вас. Но к началу совещания я должен быть на месте.

— Ясно, — отвечает Павел Александрович, пряча улыбку. — Недаром говорят, что Янгель любит предоставлять всем инициативу.

...Я вошла в здание ОКБ через три года после того, как не стало Михаила Кузьмича. В этот день коллектив отмечал двадцатилетие своей организации.

Строгая приемная. Просторный, светлый кабинет. Здесь все как раньше. Только на стене большой портрет Янгеля.

Широкие окна. Письменный стол с обилием телефонов. Они звонят, как и в прежние годы, часто, настойчиво. Так и должно быть. Жизнь продолжается.

Он брал в свои руки эти черные, белые, зеленые, красные трубки. Вызывал по селектору нужных сотрудников. Говорил о строительстве, о только что прошедших испытаниях, интересовался депутатской почтой. Кого-то хвалил, кому-то давал нагоняй, а с кем-то подолгу советовался, спорил. Разговаривал по телефону со мной, с детьми. Когда был один.

Но кабинет пустовал редко. Разве только ранним утром или поздним вечером — в эти часы главный углублялся в груды деловых бумаг. Обычно здесь бурлила жизнь. Совещания, встречи с проектантами, заводчанами, учеными, смежниками. В понедельник — прием по личным вопросам. Как много здесь бывало людей!

— Странное дело, — вспоминает его референт. — Выходит из кабинета Янгеля один наш сотрудник, улыбается. Спрашиваю: «Выхлопотал квартиру?» — «Нет, — говорит, — отказал Кузьмич». — «Тогда, — говорю, — чему же вы радуетесь?» И, все еще находясь под впечатлением от разговора, сотрудник рассказывает мне, что Михаил Кузьмич подробно расспросил его о состоянии

дел с жильем. А потом сказал, что, действительно, положение не из легких, но есть в организации несколько еще более нуждающихся семей: инвалиды войны, многодетные, тяжелобольные. «Дадим тебе обязательно, — сказал Янгель, назвав приблизительный срок. — А сейчас потерпи немного... Поставь себя на мое место и скажи, только честно: какое бы ты принял решение?»

Прием по личным вопросам часто затягивался. Дома стыл на столе приготовленный ужин.

— Устали, Михаил Кузьмич? — участливо спрашивал дежурный по КБ. — Так много сегодня посетителей. Все со своими просьбами, а вы один.

— Что делать? — говорил Янгель. — Это мой долг. Приходят ведь люди...

И медленно шел вниз по лестнице, думая, как много надо еще решить срочных вопросов: обсудить завтра с утра с проектантами вариант одного ответственного узла, позвонить до обеда в Академию наук, обдумать тезисы предстоящего на той неделе доклада.

А дома нередко от недопитого стакана чая отрывал звонок помощника:

— Михаил Кузьмич, только что известили, что завтра с утра надо быть в ЦК. Срочный вызов. Я зайду через полчаса с бумагами.

И это была обычная жизнь.

...Иду по лестнице. Сколько раз поднимался и спускался он по этим ступенькам! При встрече с сотрудниками здоровался, приветливо поднимая к виску руку — любимый янгелевский жест. Некоторых называл по фамилии, но большинство — по имени.

История его жизни. История становления. Не здесь ли написаны самые главные, ключевые страницы?! Как сумел он зажечь фанатичной преданностью ракетам своих последователей и учеников? Длителен и неповторимо индивидуален процесс формирования ученого, главного конструктора.

И мысли вновь возвращаются к недавнему и вместе с тем уже далекому прошлому...

Ракеты, стартуя с Земли, «зажигают» в околоземном космическом пространстве маленькие звездочки — спутники. Они же «зажигают» и пятиконечные Золотые Звезды на груди своих творцов.

Год 1959-й стал для Михаила Кузьмича «звездным» в буквальном смысле этого слова. Президиум Верховного

Совета СССР присвоил группе ведущих конструкторов в области ракетно-космической техники звание Героя Социалистического Труда. Золотая медаль «Серп и Молот», орден Ленина и грамота Президиума Верховного Совета СССР были вручены и Янгелю.

Однажды, некоторое время спустя, Саша принес домой книгу стихов. Сказал отцу:

— Тут есть стихи, посвященные и тебе.

— Сочиняешь?!

— На этот раз еще не я. Роберт Рождественский. Вот: «Людям, чьих фамилий я не знаю».

И прочел с чувством:

По утрам
на планете мирной
голубая трава в росе...
Я не знаю ваших фамилий, —
знаю то,
что известно всем:
бесконечно дышит вселенная,
мчат ракеты,
как сгустки солнца.
Это —
ваши мечты и прозренья.
Ваши знания,
Ваши бессонницы.

Михаил Кузьмич взял книгу полистать «на сон грядущий». Вечером внимательно прочел строку за строкой. После некоторого раздумья сказал:

— Я вот думаю, что популярность — это палка о двух концах. С одной стороны, приятно, когда все тебя знают. Но с другой — вся твоя жизнь все время на виду. А это обязывает жить без промахов.

— Вспомнил нашу поездку на автомобиле? — спросила я.

— Угадала, — улыбнулся Миша.

Правительственные награды он надевал лишь по праздничным, торжественным дням. Но однажды, когда мы после отдыха ехали машиной из Ялты домой, я попросила:

— Надень, пожалуйста, свои награды. Времени у нас в обрез, а будем проезжать интересные места. Заглянем в музеи, на Днепрогэс. Переночуем в хорошем номере гостиницы. Твои награды избавят нас на законном основании от лишних хлопот.

И он, хотя это было не в его привычке, согласился.

Дорога отличная. За рулем Павел Александрович, полон выдержки, спокойствия.

Все шло по намеченному плану: осматривали достопримечательности, встретившиеся в пути, останавливались в лучших номерах гостиниц. Но в одном месте произошел «сбой». Дорога, по которой мы ехали, ремонтировалась. И нам пришлось, то и дело следуя указанию стрелки «в объезд», окунаться в пылевые облака и груды щебня. Из графика поездки выбились, Михаил Кузьмич стал заметно нервничать. Опаздывать он не любил.

Остановились пообедать в небольшом придорожном ресторане. Уютное здание с украинским орнаментом по фасаду. Чистота необыкновенная. На столиках — накрахмаленные скатерти с вышивкой. Повсюду цветы. Посетителей ресторана обслуживали миловидные девушки в национальных украинских костюмах.

Одна из девушек, едва мы сели, тут же подошла к столику. Предложила традиционные пампушки. А взгляд ее словно прикован к пиджаку Михаила Кузьмича. Не часто такие посетители заглядывают сюда на обед.

Михаил Кузьмич сидел хмурый и, видя, что девушка слишком долго стоит около нас, сказал:

— Вместо того чтобы стоять тут и разглядывать, принесли бы скорее ваши пампушки. Мы с утра ничего не ели и спешим...

Девушка покраснела и тут же скрылась за занавеской.

— Зачем так, — упрекнула я его. — Она вовсе не виновата, что мы опаздываем. И, может быть, впервые видит так близко «звездного» гостя. А он такой неприветливый.

— Жалею, что послушался тебя и надел награды. Теперь должен всем расточать улыбки...

Разговор стал принимать острый характер. Павел Александрович начал дипломатично покашливать.

Пампушки ели молча. Девушка стояла в сторонке и лишь осторожно косила взглядом в нашу сторону... Подошла со счетом в руках.

— Чудесные у вас пампушки. Давно не едал таких! Передайте вашему повару сердечную благодарность.

Михаила Кузьмича нельзя было узнать. Он приветливо улыбался несколько растерявшейся официантке.

— Да у нас не повар. Повариха... Вот и она...

К столику приближалась, расцвеченная улыбкой, розовощекая полная женщина в белом халате. Она услыша-

ла громко сказанные в ее адрес слова. Подошли и другие девушки-официантки.

Словом, провожать нас на улицу вышел весь персонал ресторана. И долго еще мы махали им из окошек автомашины.

— Я был не прав, — сказал немного погодя Михаил Кузьмич. — Что же, и на склоне лет полезно получать заслуженные уроки.

Удивительное было у Янгеля качество. Он, как и большинство людей, не очень-то любил критику. Но если она была справедливой, не считал зазорным признать свою неправоту.

...Летом 1959 года мы были на Рижском взморье. Саша, окончив школу, сдавал экзамены в МАИ. У него была серебряная медаль.

— Выходит в большую жизнь последний ребенок, — волновался Михаил Кузьмич. — Вырастили детей. Начинается спокойная жизнь.

Саша встретил нас по приезде уже студентом факультета двигателей летательных аппаратов.

— Теперь у нас будет свое семейное конструкторское бюро, — радовался Михаил Кузьмич. — Я буду конструировать ракеты. Ты с Люсей, как динамики, рассчитывать траектории движения. Саша спроектирует нужную двигательную установку. Ну а Аркаше доверим строительство стартовых площадок.

Аркаша успешно окончил Московский строительный институт. В начале этого лета мы очень весело отпраздновали его свадьбу. Жена Аркаши Лена училась в том же институте, что и он.

— Аркадий учел наш опыт: сформировал семью по «производственному» принципу, — говорил Михаил Кузьмич. — Я лично двумя руками голосую за то, чтобы в семье были общие деловые интересы.

Время шло. В феврале 1960 года коммунисты избрали Янгеля делегатом XXI съезда Коммунистической партии Украины. Участие в работе съезда оставило в памяти Янгеля неизгладимый след.

Следующее волнующее событие — присуждение Михаилу Кузьмичу Ленинской премии. Он получил ее в знаменательную дату: тогда отмечалось девяностолетие со дня рождения Владимира Ильича.

...Весенний месяц май. Мы отмечаем с друзьями наш семейный традиционный праздник — годовщину свадьбы.

— Двадцать один год мы делим с Ириной и радости и горести, — говорит Михаил Кузьмич, обращаясь к собравшимся. — Взяла меня когда-то и вот так поймала.

Он широко раскрывает ладонь и медленно сжимает ее в кулак. Эти слова и этот жест он повторяет вот уже в двадцать первый раз, соответственно числу прожитых вместе лет. Дети и друзья хорошо знают эту традицию и реагируют должным образом.

За столом веселые шутки, смех, словно и не расставались мы с нашей светлой молодостью.

Радостно и то, что Михаил Кузьмич к этому дню получил отличный подарок. Решением ВАК от 7 мая 1960 года Янгелю без защиты присуждена ученая степень доктора технических наук. Это было признание его заслуг в создании новой техники, оценка его личного вклада в комплекс сложнейших работ, проведенных им за последние годы.

12 апреля 1961 года. Разве можно забыть день, навеки вошедший в историю! В космосе гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин! Утро космической эры озарено его неповторимой улыбкой. Человек в космосе!

— Отдаю должное нервной системе Сергея Павловича, — говорит возбужденный радостным событием Михаил Кузьмич. — Сам конструктор и знаю, какая ответственность ложится на плечи при каждом старте... А тут — с человеком!..

Годы напряженного труда не только одного конструкторского бюро, но и больших, квалифицированных коллективов. Не прекращаются ни на один день важнейшие перекрестные связи: КБ — завод, КБ — министерство, КБ — НИИ, КБ — Академия наук, КБ — смежники. Поэтому после триумфального полета Гагарина «космические звезды» зажигают свои огоньки не только на груди первого космонавта Земли и Главного конструктора корабля «Восток». Среди награжденных — академики В. П. Глушко, М. В. Келдыш, Н. А. Пилюгин.

Награждены люди, вклад которых в общее развитие ракетно-космической техники заслуженно велик. Михаил Кузьмич удостоен звания Героя Социалистического Труда. Вторично.

«...Кипучая энергия организатора, предвидение ученого, выдающийся талант конструктора поставили М. К. Янгеля в число виднейших создателей ракетно-космической техники». Так будет потом сказано в некрологе, посвященном памяти Янгеля и подписанном виднейшими государственными и партийными деятелями.

«...Неоценим личный вклад академика Янгеля в науку. Он много сделал для развития новых, важнейших направлений ракетно-космической техники, сыграл огромную роль в обеспечении передового положения, которое занял в этой области Советский Союз.

Для осуществления и развития его замечательных научных и технических идей партия и правительство доверили ему руководство крупнейшим конструкторским бюро. Все свои силы, весь свой талант замечательного ученого и энтузиаста ракетно-космической техники и пламенного патриота он отдал этому делу».

Так скажет, прощаясь с Янгелем, президент Академии наук СССР М. В. Келдыш.

...Вторая Золотая Звезда! Фотография, сделанная в Кремле, запечатлела тот памятный день в жизни М. К. Янгеля и большой группы награжденных... Янгель сидит в первом ряду рядом с Леонидом Ильичом Брежневым и Дмитрием Федоровичем Устиновым.

С Леонидом Ильичом они не раз бывали в нелегких, ответственных поездках, связанных с решением важнейших вопросов ракетно-космической техники. Михаил Кузьмич всегда возвращался из этих поездок удовлетворенный результатами.

— Вопросы решены, — говорил он, не вдаваясь в подробности. — Без излишней спешки и суеты, оперативно и по-деловому. Приятно, когда имеешь дело с человеком, четко понимающим и наши первоочередные задачи, и наши трудности. И к тому же таким душевным.

С именем Леонида Ильича Брежнева в нашей семье оказалось неразрывно связанным и «седьмое небо».

Как-то после одной деловой встречи Янгель оказался за столом рядом с Леонидом Ильичом. Ужин проходил в непринужденной атмосфере.

— Слушай, Михаил Кузьмич, у тебя есть какие-нибудь домашние проблемы? Могу ли помочь в их решении?

«Я немного растерялся, — рассказывал Михаил Кузьмич, возвратившись домой, — а потом вспомнил о нашей темной квартире и сказал Леониду Ильичу: «Не знаю,

удобно ли вас затруднять при вашей занятости личными просьбами. Но есть одна. Квартира у нас удобная, да, к сожалению, в ее окна почти никогда не заглядывает солнце». На этом разговор неожиданно оборвался: Леонида Ильича срочно попросили к телефону».

Прошло дня три-четыре. Мы с Михаилом Кузьмичом распаковывали чемоданы в санатории Конча-Заспа, расположенном в пригороде Киева.

— Вас, Михаил Кузьмич, — сказала дежурная сестра. — Москва на проводе.

— Звонил помощник Леонида Ильича, — сказал мне смущенно муж. — Ему поручено заняться квартирой для нас. Просил уточнить, в каком районе и доме хотели бы ее получить.

Спустя месяц мы открывали входную дверь новой квартиры. Солнечные блики скользили по паркету комнат. А с балкона седьмого этажа открывалась чудесная панорама: над головой — небо, внизу — густая зелень деревьев, окаймляющих Патриаршие пруды, а прямо перед глазами — уходящие в перспективу контуры высотных зданий.

Нетрудно догадаться, что в радостный день новоселья Михаил Кузьмич предложил первый тост за здоровье человека, который в нескончаемом потоке государственных дел не забыл о мимолетной, случайно высказанной просьбе Янгеля.

В апреле 1961 года Михаила Кузьмича избрали действительным членом Академии наук Украины по отделению математики, механики и кибернетики. А в сентябре на XXII съезде Коммунистической партии Украины он стал членом ЦК Компартии Украины.

...Пленительно красив Киев. Михаил Кузьмич не спеша идет по Крещатику. Ласкает взор зеленое окаймление улицы. Позже он обязательно пройдет на набережную: полюбуется полноводным Днепром.

В руках у Михаила Кузьмича сегодняшняя «Правда Украины». На первой странице большая фотография: президиум XXII съезда коммунистов Украины. Здесь много знакомых ему лиц: Владимир Васильевич Щербицкий, Иван Павлович Казанец, Борис Евгеньевич Патон. Есть тут и он, Янгель.

Вчера они с академиком Патоном, оказавшись рядом, успели о многом переговорить. Основной темой была, ко-

нечно, проблема внедрения в практику сварки взрывом. Уже много лет Борис Евгеньевич возглавляет институт электросварки, носящий имя его отца Евгения Оскаровича Патона. Труды Бориса Евгеньевича в этой важной области науки широко известны во всем мире. Каждая встреча с ним дает Михаилу Кузьмичу обширную и нужную информацию обо всем том, что делается в лабораториях института.

Вчера он и Борис Евгеньевич сумели также обменяться мнениями по ряду вопросов большой науки с Владимиром Васильевичем Щербицким.

С этим человеком у Янгеля связаны многие годы жизни и не одна деловая, а порой дружеская встреча.

Владимир Васильевич был желанным гостем на первом десятилетнем юбилее их организации. Ярко запомнились встречи на космодроме во время некоторых пусков. Но чаще всего им приходилось беседовать за одним столом при обсуждении животрепещущих и таких сложных проблем развития науки.

Киев. Столица Украины, на земле которой жили далекие родичи Михаила Янгеля. Мог ли думать сосланный когда-то из Черниговщины в Сибирь неграмотный мужик-бунтарь Лаврентий Янгал, что внук его станет на этих землях знатным человеком, государственным деятелем, большим ученым?!

Вот так и подошел к своему пятидесятилетию потомок хохла-бунтаря, сын сибирского края.

Пятьдесят лет. Много это или мало? Пожалуй, пора подвести некоторые итоги прожитому, задуматься о перспективе на будущее. Главный конструктор, академик, он полон творческих планов. Сделано немало, но предстоит много больше.

Пятьдесят лет. Он вновь удостоен в связи с юбилейной датой высокой награды Родины: третий орден Ленина.

И еще одно важное событие в жизни коммуниста Янгеля: в октябре 1961 года его избирают делегатом XXII съезда КПСС.

Почтальон звонит в двери нашей московской квартиры, кажется, целый день. Груды писем. Пухлые пачки телеграмм. Телефонные звонки держат в плену аппарата.

«...Успехов в вашей большой деятельности», — поздравляет юбиляра ученый секретарь отделения механики и процессов управления Академии наук СССР Борис Николаевич Петров.

«Мы особенно гордимся тем, что вы являетесь питомцем института», — ставит свою подпись под текстом телеграммы ректор МАИ профессор Образцов.

Смежники не забывают напомнить юбиляру о будущих делах: «Надеемся, что наша дружная совместная работа и в дальнейшем явится залогом успешного решения ряда вопросов».

А его дорогие конструкторы и проектанты, которые не смогли в этот день пожать своему главному руку, шлют поздравительную телеграмму из казахстанских степей.

Несколько телеграмм приходит и по непривычному для Янгеля адресу: Москва, Кремль. Делегату XXII съезда КПСС, дважды Герою Социалистического Труда товарищу Михаилу Кузьмичу Янгелю. Друзья Янгеля искренне радуются и гордятся, что он делегат съезда. В этих строках добрые пожелания здоровья, успехов.

Присылают телеграммы друзья. Одна — от давнего товарища, с которым Янгель много лет сотрудничал. Этот суровый и строгий человек пишет:

«...Мой дорогой, старинный, уважаемый друг! Мне очень жаль, что из-за расстояния лишен возможности лично поздравить вас с важной вехой вашей жизни — пятидесятилетием, пожать вашу мужественную руку, взглянуть в ваши глаза и от души пожелать здоровья, счастья и еще больших успехов в сложной и напряженной деятельности.

Выражение моих чувств к вам, дорогой Михаил Кузьмич, на бумаге, да еще издалека — очень трудное дело.

Среди разнообразных мыслей и чувств самое сильное — чувство глубочайшего уважения к вам как к замечательному человеку. Будьте здоровы, бодры и счастливы, дорогой и славный Михаил Кузьмич. Обнимаю вас».

— Просто до слез тронуло меня приветствие Александра Григорьевича, — говорит Михаил Кузьмич. И еще раз перечитывает телеграмму.

На столе — гора цветных папок: поздравительные адреса.

Начало 1962 года у нас связано с большим семейным событием. Готовимся к свадьбе дочери. Как-то сложится ее жизнь?! Михаил Кузьмич немного грустит. Разлетаются птенцы из родного гнезда.

— Мы скоро с тобой, наверное, перейдем в почетную категорию дедушек и бабушек. И ничего тут не попишешь: закон жизни.

Он был прав. В сентябре 1963 года это и случилось: у Люси родился сын, наш первый внук. Его назвали Сережей.

...Динамика полета. Основное содержание этой науки — изучение законов, описывающих движение летательных аппаратов в различных условиях. Для решения тех или иных задач динамики полета необходимо не только хорошо знать механику и физику, но и в совершенстве владеть математическим аппаратом. Проблемами динамики полета занимались такие крупнейшие ученые, как Н. Е. Жуковский, С. А. Чаплыгин, В. П. Ветчинкин.

За моими плечами двадцать пять лет научно-педагогической деятельности, неразрывно связанной с динамикой полета. На книжной полке книги «Аэродинамика самолета», «Траектории летательных аппаратов», «Устойчивость и управляемость летательных аппаратов», монографии. Большинство этих книг написано мною в соавторстве с Иваном Васильевичем Остославским.

Для завершения работы над докторской диссертацией я получила полугодовой отпуск и в феврале 1964 года защитила ее. Понятно, как велики были «предзащитные» волнения.

...Полный зал заседаний ученого совета. Случай, наверное, для того времени нечастый: защита докторской диссертации женщиной. Друзей пришло много. Здесь и вся моя семья: Михаил Кузьмич, Люся, Саша, Аркадий...

Защита прошла успешно. Тут была и острая дискуссия, и требующие раздумья вопросы.

Вечером в ресторане «Москва» мы отметили это большое событие в жизни семьи Янгеля.

18 апреля 1966 года общее собрание Академии наук СССР избрало Михаила Кузьмича Янгеля действительным членом. Отделение механики и процессов управления, ученым секретарем которого много лет бессменно является академик Б. Н. Петров, получило на этот раз солидное пополнение — шесть академиков.

Бегут годы. Складываются в десятилетия. И немного печальны встречи с друзьями юности: и цвет волос не тот, и сдержаннее походка... Как-то Михаил Кузьмич после встречи со своими сокурсниками, организованной инициативной группой бывших маевцев, сказал мне с грустью:

— Знаешь, некоторых я просто не мог узнать. Иных лишь с трудом угадывал по жестам, характерным черточкам. Смотрю на полную женщину: неужели это та девушка, которой, признаюсь, в свое время симпатизировал?! А этот — с лысинкой? Кто? А он обнимает меня: «Какая радостная встреча, Миша! Ты совсем не изменился!» Оказывается, вместе жили в общежитии... Вначале было как-то не по себе. Но скоро все встало на свое место. Кто-то предложил каждому пришедшему назвать свои имя и фамилию. «Только не год рождения», — дружно заволновались женщины... И если бы ты видела, какая была реакция на каждое представление! «Здравствуй, Сашок!» «Привет, Николай!» Оказывается, не один я находился в затруднительном положении.

...В конце октября 1970 года Михаил Кузьмич выписался из больницы после четвертого инфаркта... И вот день рождения. Янгелю пятьдесят девять лет.

За несколько дней до этого события ко мне пришли за консультацией его ближайшие сотрудники:

— Что лучше всего подарить Михаилу Кузьмичу? Он пригласил нас по случаю дня рождения на чашку чая. Очень хочется сделать для него что-то приятное.

— Могу вам посоветовать, — ответила я. — Но только не ссылаться на меня! Как раз вчера он говорил мне: «Давай, что ли, купим модель спутника в «Подарках»? А то в доме ни одного авиационно-космического сувенира». Вот и подарите ему что-нибудь ракетное.

Утром гости пришли к новорожденному с цветами и большим деревянным ящиком.

— Это еще что за посылка? — насторожился Янгель.

— Все в порядке, Михаил Кузьмич, — улыбнулся понимающе Борис Петрович. — Мы с товарищами, посовещавшись, пришли к единогласному выводу: непорядок, что в доме у главного нет самого главного.

И, раскрыв ящик, поставил на стол сувенир: на фоне голубой небесной полусферы парит спутник серии «Космос», а внизу, на земной полусфере, — ракета-носитель.

— Словно подслушали наш недавний разговор, — сказал Михаил Кузьмич. — Сделано чудесно. Однако стоимость этого внепланового изделия придется отнести целиком за счет присутствующих! Нечего транжирить государственные средства!

А потом подошел к сувениру и тихонько провел пальцами по голубому стеклу:

— В комнате словно посветлело. Верно, Ирина?!

Пригласил всех к столу:

— Я по совету Виктории Александровны пью боржоми. Но для вас припасено кое-что покрепче. Разрешите мне поднять первый бокал за врачей.

И он приветливо кивнул головой в сторону сидящих за столом женщин.

— За вас, Виктория Александровна! За Любовь Алексеевну, которая так мило улыбается, безжалостно вонзая иглу в своего пациента, и при этом неизменно говорит: «Будьте здоровы!»

— А мы, Михаил Кузьмич, думали поднять первый бокал за новорожденного.

— Если бы не врачи, такого тоста сегодня могло и не быть. Когда-то я вернусь в стены родного КБ?!

— Вернетесь. И скоро, Михаил Кузьмич, — убежденно сказала Виктория Александровна. — Месяц в санатории. Еще немного дома. И можно опять готовиться в дальний рейс. Только не на самолете. Летать вам мы не рекомендуем.

— Да, на некоторое время, видимо, придется проститься с небом. А как оно красиво! И как удачно сделали его рабочие-умельцы! Чувствуется школа!

И он вновь коснулся легонько рукой голубого свода, укрывшего под своим куполом и спутник, и маленькую ракету.

...Дела в КБ идут успешно. Все новые и новые ракеты отправляются с площадок в далекий путь. Летят они с завидной точностью. Как жаль, что главный конструктор уже не может сам провожать их в полет. И о делах он теперь все чаще говорит не в своем служебном кабинете, а в больнице, санатории, на подмосковной даче.

...Опрятный, светлый дом спрятался среди сосен. Михаил Кузьмич сосчитал: сосен на нашем участке тридцать три.

Утро Янгеля. Закурил взятую из строгого дневного фонда сигарету. Привычные каждодневные уколы уже сделаны, и он на некоторое время «свободен» от медицины. Медленно прошелся по дорожке до калитки. Посидел на скамейке. Поиграл с овчаркой Пальмой. Она проводила его до двери. Поскулила вдогонку: «Погулял бы еще...»

Сел за письменный стол. Задумался.

Я любила смотреть на мужа в эти минуты, пытаясь угадать, о чем он думает. Что о работе — это ясно без расспросов. Но что конкретно он сейчас обсуждает с самим собой? Прочерчивает узлы конструкций? Выписывает расчетные формулы? Прикидывает весовые характеристики? Согласует со смежниками программу испытаний?

Материал для раздумий есть. Вчера был настоящий приемный день: долго сидели его проектанты, приезжал академик Глушко, говорил по телефону с академиками Петровым, Пилюгиным, Ишлинским.

Несмотря на только что перенесенную тяжелую болезнь, он все так же работоспособен и собран. Листает лежащие перед ним технические журналы. Что-то пишет.

Просит меня:

— Будь добра. У меня на тумбочке лежит записная книжка.

Небольшого формата книжечка. Ей он доверяет свои сокровенные мысли. Шутит, беря ее в руки:

— Почти такая, как у Леонардо да Винчи. У него тоже записная книжка всегда была под руками. Правда, носил он ее не в кармане, как я, а на шнурке.

— Но в твоих записках, как мне кажется, с трудом разобрался даже бы Леонардо, хотя для конспирации своих мыслей он, как ты знаешь, он удачно использовал зеркально отраженное письмо.

— Думаю, что для Леонардо это не составило бы труда, — возражает Миша. — Правда, в его времена не было еще такого обилия технических терминов, таких сложных формул... Видишь: это табличка надежности. Это кого представить на премию... А это?..

— Видишь, неясно даже для тебя.

— Совершенно ясно! «Стратегический боевой план». Очень нужная запись. Главные удары в их последовательном порядке. Начиная с «привязки», «надежности», «экономики» и кончая...

Он перелистал книжку.

— Кончая конкретными пунктами. Одиннадцатый:

активизировать нашу роль в воздействии на одного очень нужного нам человека... Двенадцатый: подготовиться к критике весьма «трудного» товарища. Тринадцатый: подготовить тезисы к выступлению на совещании и дать оценку тому, кто срывает сроки... И последний пункт: готовиться к «бою» другим нашим товарищам — установить, кому в каком направлении...

— Опять с кем-то воюешь.

— Но это война в мирных целях, нужная для пользы общего дела. Не пассивность и созерцание, а активная, целенаправленная деятельность. Разве не в этом смысл жизни?!

...Год тысяча девятьсот семьдесят первый. Янгель избран делегатом XXIV съезда КПСС.

В начале апреля пишет брату Георгию:

«...Во вторник 16 марта еще раз попал в больницу. Медики уверили меня, что справятся со всеми неприятностями за две недели, и я смогу активно участвовать в работе съезда КПСС. Но этого не получилось, и я только сегодня вышел впервые на тридцать минут в больничный двор...»

Апрель. Приближается юбилейная дата: десять лет со дня полета Юрия Алексеевича Гагарина. В КБ решили заранее: надо к этому праздничному дню сделать своему главному памятный подарок.

И вот фотоальбом готов. На титульном листе надпись: «М. К. Янгелю от ведущих конструкторов. 12 апреля 1971 года». И тут же автографы — разбежались по плотной бумаге.

Вручить альбом в красном переплете с тисненой надписью «Космодром СССР» доверили Владимиру Платоновичу. Он давний работник многотиражки, сам активно участвовал в изготовлении и подборе этих уникальных фотографий.

— Приятный сюрприз, — Михаил Кузьмич раскрывает альбом. — Я недавно говорил кому-то: все уходит уже в историю. Надо бы документы и фотографии первых лет освоения космоса бережно сохранять для наших потомков.

Космодром начинался с пустыни. На первой фотографии — одинокая кибитка, чем-то напоминающая по своей форме брошенную тюбетейку. Вдали понуро стоят притомленные зноем лошади. На переднем плане «корабль пу-

стыни» — верблюд, непременный атрибут бесконечных песков, уходящих за горизонт.

— Рос здесь только саксаул, — замечает Михаил Кузьмич. — Да еще весной — тюльпаны. Так было на этом кусочке земли, пока не появились ракеты.

И, как в сказке, на следующей странице альбома — буйная зелень, многоэтажные здания нового степного города.

Отсюда, из этих мест, начиналось паломничество в космос. Сначала стартовали только ракеты. Потом уходили в невесомость живые существа. И наконец, десять лет тому назад впервые в мире земные оковы тяготения преодолел человек — наш соотечественник, гражданин Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин.

Это теперь уже история.

— И это история, — рассматривает Михаил Кузьмич фотографию, на которой в два ряда разместились перед объективом хорошо знакомые ему лица. — Вот Келдыш, Королев, Глушко, Пилюгин...

О прошлом рассказывают первые памятники Байконура. Обелиск в честь запуска первого искусственного спутника Земли. Обелиск в честь запуска первой баллистической ракеты.

Редкая фотография. Смотрит куда-то ввысь снятый крупным планом Сергей Павлович Королев... А вот на автобусе едут к старту космонавты... А это — идет заседание Госкомиссии.

Михаил Кузьмич на многих снимках альбома.

— Михаил Кузьмич, здесь все фотографии словно по заказу. И на всех снимках вы улыбаетесь.

— Снимали-то в дни удач. Иначе не улыбался бы. И потом, у меня гости. Ведь хозяин должен быть всегда приветливым.

— Только хозяин в летнем плаще и шляпе. А гости в демисезонной одежде.

— Меня тогда об этом многие спрашивали: «Характер, что ли, сибирский демонстрируете? Нам, сибирякам, мол, холода не страшны». А объяснение простое: приехал летом, думал, успею еще домой слетать. Но работы было столько, что не заметил, как осень пришла. К слову, дела были такие жаркие, что я и в плаще не замерзал.

Долго рассматривает Михаил Кузьмич снимок с Гагариным.

— У Юрия Алексеевича это были предстартовые, на-

пряженные дни. Пока он только старший лейтенант: на погонах по три скромные звездочки, на гимнастерке — парашютный значок... А это он за столом с Титовым, Николаевым. Какие у них волевые, сосредоточенные лица! Все старты у них еще впереди.

Ракеты и люди. Люди и ракеты. За этими мгновениями жизни, которые запечатлели фотографы, какой труд и какие волнения... И перед глазами Янгеля проходят годы.

На космодроме бывали люди, не связанные непосредственно с ракетно-космической техникой. Альбом напоминает: сюда приезжали руководители партии и правительства, секретари коммунистических братских партий социалистических стран.

На одном из снимков руководители работ информируют секретаря ЦК КПСС о полете ракеты. Телеметристы принесли уточненные данные: «Полет проходит нормально. Отклонение от расчетной траектории — ноль».

— Да, сработали мы тогда отлично, — удовлетворенно говорит Михаил Кузьмич. — И не потому, что к нам приехали гости. Ракета уже летала, и уверенно.

И он долго-долго смотрит на снимок.

— Передай, Володя, всем товарищам благодарность за этот подарок. Запру пока альбом в сейф как фамильную драгоценность. А когда подрастут внуки, пусть посмотрят, как все начиналось.

...Год 1971-й был больным в жизни Янгеля. Но Михаил Кузьмич не сдается: теперь в нашем доме в Москве и на даче словно открылись филиалы КБ. Приезжают конструкторы, ученые.

В дни таких встреч, санкционированных врачами, у нас обедает человек пятнадцать, а то и больше. У меня с Еленой Матвеевной и Марией Михайловной, верной и давней нашей помощницей, забот по горло.

Референт Янгеля регулярно приносит папку с депутатскими делами. Тут и письма и заявления. Михаил Кузьмич внимательно просматривает их:

— Выбрали меня украинцы своим депутатом. Наверное, прознали про деда, что он в Черниговщине жил. Подводить своего родича не имею права.

Депутатская папка... Просьба о помощи в улучшении жилищных условий от инвалида Отечественной войны. Этот вопрос Янгель в состоянии решить сам. А эту прось-

бу он сразу адресует Председателю Совета Министров Украинской ССР: назрела необходимость строительства в поселке Станично-Луганское школы. Контингент учащихся быстро растет, большая скученность.

Следующая бумага — заключение Комитета по делам изобретений и открытий. Просят дать одному изобретателю более высокую пенсию. Что же, работник заслуженный. Надо поддержать.

— Я — депутат, — говорит Михаил Кузьмич, передавая референту папку с делами, — и не имею права оставить без должного внимания ни одного письма, ни одной просьбы. Люди, избравшие меня, поверили, что я буду помогать им лучше жить... Эти письма отправьте, пожалуйста, без задержки. А это письмо я задержу немного у себя: вопрос поднят важный, и надо подумать...

Депутат Янгель. Это его слова:

«...Мне выпала большая честь быть выдвинутым кандидатом в депутаты высшего органа Советской власти в нашей стране. Я искренне благодарю коллективы тружеников за оказанное мне высокое доверие и заверяю вас и в вашем лице всех избирателей, что, как коммунист, я отдам все свои силы и накопленный опыт, свои знания делу строительства коммунизма в нашей стране...»

Пишут Янгелю не только избиратели. Много писем приходит от родных, знакомых, сослуживцев. Недавно пришло письмо от брата Георгия. Михаил Кузьмич пишет ему в ответном письме:

«...Живу на даче, аккуратно выполняю предписания врачей, соблюдаю режим: никаких физических нагрузок, кроме медленных прогулок. Немного читаю. Встречаюсь с товарищами по работе. Три дня был на собрании Академии наук, но больше чем по два часа там не выдержал: устал от общения с большим кругом знакомых. С недавних пор начал ловить дважды в неделю рыбу. Иногда вытаскиваю из озера карасей и другую мелочь. Со мной ездит Ирина, одному нельзя.

В общем-то я чувствую некоторое улучшение состояния, но до активной жизни и работы еще далеко».

...В начале июня Михаил Кузьмич получает много поздравлений в связи с избранием его кандидатом в члены ЦК КПСС.

— Это самая высокая честь для члена партии, — говорит он. — И огромная ответственность.

...В июле пришла весточка из родных краев от сестры Вали. Скоро начнется переселение из затапливаемых мест: они с мужем Степаном будут жить в Новой Игирме.

— Да, не станет скоро нашей деревни, — вздыхает Янгель. — Уйдет на дно Усть-Илимского моря. Как хотел бы я еще раз побывать в Зыряновой. Вместе с тобой, Мэм.

...Субботний день 9 октября. Почтальон приносит газету. В ней — еще одна шахматная партия матча Фишер — Петросян. Уже третья в финальном матче претендентов на шахматную корону.

— Играли четыре с половиной часа, — Михаил Кузьмич расставляет на доске фигуры. — Хочешь посмотреть, как развивались события?

Мы садимся рядом. Делать ходы и комментировать игру будет, как всегда, он.

— Такой дебют встречался на практике у Алехина и у Ботвинника. Ничья. И счет равный: по полтора очка. Жаль, что Петросяну не удалось реализовать преимущество.

Аккуратно собирает шахматы. До следующей партии матча.

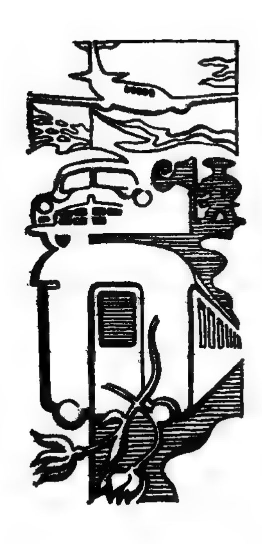
Вечером хорошо посидеть у камина. Ярко горят березовые дрова. В отблесках огня чудится что-то таинственное... Михаил Кузьмич тянет к огню похудевшие руки. Берет щипцы, ворошит угли...

— Помнишь, как мы отдыхали в Марьине? Старый Сейм... Грибной великолепный лес... А ведь именно в Марьине мне пришла в голову та заманчивая идея. Недаром я все поглядывал на старый колодец с журавлем... А помнишь, как мы попали на лодке в грозовой «котел»? Молния ударила в двух-трех метрах от нас, да еще с такой огненной силой! Ну и испугалась ты тогда!

Горят в камине дрова. Сухие, березовые. И вошедшие в этот тихий вечер воспоминания разгораются все ярче и ярче, словно брошенные в огонь поленья.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ ДОРОГ

Жизнь человека как дорога, незнакомая, ведущая вдаль. В ней есть начальный пункт отправления, есть и неизбежная конечная остановка. Жизнь как дорога со множеством перекрестков, встреч с другими людьми, идущими своими путями. Бывают встречи мимолетные, бывают долгие. Эти — по делам службы. Те — на отдыхе. Встречи в поездах, самолетах...

Что рассказать о встречах? Какие вспомнить перекрестки на жизненном пути Янгеля?

Южный берег Крыма. Санаторий Нижняя Ореанда. Отвесные скалы так гармонично вписываются в зелень разбросанного по горному склону старого тенистого парка.

В этом солнечном уголке у моря мы провели с Михаилом Кузьмичом несколько летних отпусков. Отдыхали здесь и многие знакомые. Излюбленным местом отдыха стала она и для зарубежных гостей. Здесь мы познакомились с К. П. Ш. Меноном. В то время господин Менон был послом Индии в Советском Союзе. Нередко гуляли мы с ним и его женой по парку. Оба они уверенно владели русским языком.

— Сразу видно, что эти два человека живут красиво и счастливо, — говорил Михаил Кузьмич. — Они мне очень симпатичны.

В Нижней Ореанде мы чуть не каждый год встречали Андрея Николаевича Туполева, любившего отдыхать здесь со своей семьей.

Бывало, Андрей Николаевич и Михаил Кузьмич подолгу сидели на скамейке, уютно примостившейся под могучим платаном, раскинувшим свои ветви-лапы над площадкой возле главного корпуса.

— Ну и махина! — восхищался Михаил Кузьмич. — Настоящее дерево-долгожитель.

По совету врачей Туполев время от времени устраивал разгрузочные дни. Чтобы не соблазнять себя «запахами кухни», он уходил в парк или уплывал с внучкой Юлей на лодке в море.

Однажды, спускаясь по тропинке на пляж, мы застали Андрея Николаевича в орешнике. Обхватив довольно толстый ствол дерева, он тряс его обеими руками.

— Сбрасываете таким путем лишний вес? — поинтересовался Михаил Кузьмич. — Или хотите это дерево выворотить с корнем?

— Промышляю орехи, — вытирая пот с лица, ответил Туполев. — У меня сегодня разгрузка. Внушал себе с утра, как йог: «Есть не хочу! Есть не хочу!» Аппетит и разыгрался. — И заговорщически добавил: — Только, чур, меня не выдавать. Не проговоритесь про орехи Юле-старшей. А сейчас помогите собрать что натряс.

Однажды дружба Туполева и Янгеля подверглась испытанию

— Когда до дому? — спросил Михаила Кузьмича Андрей Николаевич.

— Думаем, через неделю. Сегодня звонил секретарю, чтобы подготовили Ил-14. Сразу отсюда полечу на испытания.

— На ильюшинских летаешь? — нахмурился Туполев.

— Да это наш, служебный...

Вечером, придя в кинотеатр, мы обнаружили, что вся семья Туполевых перекочевала на другую сторону, к тому же в другой ряд. Обычно мы сидели неподалеку друг от друга.

— Что за измена, Андрей Николаевич? — спросил Михаил Кузьмич по окончании сеанса. — Я-то думал, что Туполев своих привязанностей не меняет.

— А я тоже по наивности думал, что Янгель летает на моих машинах.

— Андрей Николаевич! У вас самолеты-то с размахом. А мы большими компаниями, как правило, не летаем.

— Ладно. Завтра поговорим, — хмуро кивнул Туполев и быстро ушел.

— Подумать только: обиделся. Мне такое и в голову не могло прийти, — искренне огорчался Янгель.

На следующее утро они уединились на любимой скамейке под платаном.

— Обо всем договорились. Оригинальный Туполев человек. Сказал, что скоро в серию выйдет его новая машина Ту-134 и, что проектируя этот самолет, он больше всего думал... обо мне!

— И что ты?

— Поблагодарил за высокую честь и пообещал, что, как только Аэрофлот возьмет самолет «на вооружение», летать буду на его Ту.

В памяти последняя встреча с Андреем Николаевичем на приеме во Дворце съездов. Среди шумной толпы людей, оживленно беседующих друг с другом, праздничных и нарядных, он печально сидел на единственном во всем зале стуле. Мы знали, что Туполев много болел. Подошли поздороваться с ним.

— Рад видеть вас, Андрей Николаевич, — сказал Михаил Кузьмич. — Слышал, вы немного приболели.

— Прихватило, — махнул досадливо рукой Туполев. — Видишь, сижу, как инвалид, для всеобщего обозрения. Все стоят, а Туполев сидит.

— Так вам просто повезло. Я со своими больными ногами тоже с удовольствием бы посидел...

— Ты еще молодой, — перебил Михаила Кузьмича Туполев. — Нечего кокетничать перед своей женой...

Подошли и другие знакомые Андрея Николаевича. Образовался тесный кружок. Лицо прославленного авиационного конструктора посветлело, и он начал что-то оживленно рассказывать.

В Чехословакию, в Карловы Вары, мы вылетели второго июля 1965 года. Годом раньше у чешских товарищей гостил Сергей Павлович Королев с женой. Теперь «очередь» наша: сначала лечение в санатории, затем — недолгое путешествие по стране.

Пражский аэропорт встретил ослепительным солнцем.

Чешские товарищи усадили нас в присланную из санатория машину. Курс — на Карловы Вары.

Янгель в Чехословакии впервые. А я уже бывала здесь.

После недолгой акклиматизации пишу Люсе:

«Устроились отлично... Уже успели побродить по городу, заглянуть в магазинчики. В кафе отдали дань оплаткам (что-то среднее между блинами и вафлями), клубнике со сливками...»

Михаил Кузьмич делает приписку:

«...Карловы Вары мне определенно нравятся. Здесь, несмотря на многолюдность, тихо и спокойно. Надеюсь как следует отдохнуть, полечиться. В числе наших сограждан есть и знакомые...»

Жизнь в санатории, где главное лечение — питье воды из источников, довольно однообразна. Трижды за день спускаемся по крутой улице к колоннаде и наполняем кружки теплой целебной водой. У каждого из двенадцати источников химический состав, хоть немного, но отличен от других. Поэтому врачи подбирают номер источника в зависимости от основного заболевания. У Михаила Кузьмича их целый букет, и лечащий его врач долго раздумывает, где же больному Янгелю лучше наполнять кружку.

В санатории, как всегда, обзаводимся новыми знакомыми. Гаджи Халилович и Вера Ивановна Ибрагимовы приехали сюда из солнечного Азербайджана. Каждый день мы отправляемся с ними на прогулку по знаменитым Карловарским тропам. Сколько людей оставило на этих дорожках свои следы! У источников лечились Петр Первый, Гёте, Тургенев, Карл Маркс... Местные жители любят рассказывать о знаменитостях, побывавших в этих краях.

— Неужели, Михаил Кузьмич, вы никогда не бывали в нашем Баку?! — всплескивает руками Гаджи Халилович. — Вот не знал, что имею дело с таким отсталым от жизни человеком!

— С высоты полета ваш город тоже очень красив, — пытается реабилитировать себя Михаил Кузьмич. — Я хорошо изучил его достопримечательности, пролетая не раз над ним.

Подробно описываем в письмах домой свои впечатления от пребывания в гостеприимной стране чешских друзей:

«...Все идет хорошо. Ездили в Прагу. Чудесно пообеда-

ли в ресторане с двумя товарищами из посольства. Потом посетили Пантеон, собор Витта. Даже успели пробежать по залу на выставке импрессионистов. Завтра едем в Мариански Лазни. Достали разрешение на рыбную ловлю, которая планируется на следующей неделе...»

Экскурсия на фабрику стекла «Мозер». Михаил Кузьмич подолгу задерживается возле стеклодувов, восхищается ювелирной работой.

Посетили мы и завод, где из буйного хмеля изготавливают знаменитое пльзеньское пиво. День для экскурсии выпал на редкость жаркий. С наслаждением пьем, сидя в прохладном зале на стульях-бочках, чешское фирменное пиво. После осмотра цехов спускаемся в большой подвал. Здесь пиво капает в буквальном смысле слова с потолка.

— Стой, если есть время, весь день с раскрытым ртом и пей бесплатно, — шутит гид.

...Организатором нашей поездки в рыболовецкий колхоз, разводящий прудовую форель, был начальник милиции Карловых Вар.

— Договоренность есть, — сказал он при встрече. — Вас ждут в один из ближайших дней: маршала и его супругу.

— Какого маршала? — переспросил Михаил Кузьмич. — Я всего лишь майор запаса...

— Я этого не знал. Но это, кстати, не играет роли. Просто я подумал, что маршала примут с большими почестями.

И вот мы на берегу большого колхозного пруда. Председатель принес свои спиннинги, и мы осваиваем приемы самой эффективной ловли.

«Ученики» оказались прилежными. Вытаскиваем одну форель за другой. Скоро счет приближается к двадцати. И вес форелей подходящий, и размер солидный!

— Не пора ли ужинать, товарищ маршал? — спрашивает председатель колхоза. — А то боюсь, как бы вы с супругой не оставили колхоз без рыбы.

До позднего вечера сидим большой, дружной компанией у костра. Жарится рыба. С наслаждением пьем пиво и даже откупориваем привезенную из Москвы бутылочку «Столичной».

Прощаясь, председатель колхоза приглашает нас приехать еще.

— А форель? Ее ведь почти не осталось?

— Срочно запустим мальков.

— Ну что же, — смеется Михаил Кузьмич. — Как подрастут, дайте знать.

Побывали мы за время лечения в Карловых Варах в городе Хэбе, на центральной площади которого у всех домов косые стены, разного цвета и разной архитектуры. Бросили «на счастье» монетки в бассейн с целебной водой и, конечно, сфотографировались у столбика, стоящего «точно в центре Европы».

Лечение закончено. Оно принесло свои плоды.

Тепло прощаемся с персоналом санатория, отдыхающими. Проводить нас пришел и уже знакомый начальник милиции.

— Приедете к нам еще, товарищ маршал?

— Непременно. И в том же чине.

Оба от души смеются.

Поездка по стране. Наш маршрут начинается в Праге. Еще раз осматриваем из окна машины город. И вот уже едем по шоссейной дороге мимо плантаций хмеля, фруктовых садов. С нами советник посольства и водитель-чех.

— Как вас зовут? — спрашивает Михаил Кузьмич сидящего за рулем новенькой «татры» приятного, слегка полноватого голубоглазого человека.

— Бенеш.

— Вы, случайно, не родственник бывшего президента?

Бенеш заразительно и громко смеется:

— Нет, товарищ Янгель. Я — просто Бенеш. Эта фамилия у нас распространенная.

Целый день проводим в Брно. Знакомимся с городом. А потом попадаем в сказочное царство пещер. Плывем на лодке по подземной реке. Ее изгибы приводят то в один, то в другой зал, где острыми зубцами щетинятся сталактиты и сталагмиты. Панораму красиво подсвечивают разноцветные огоньки.

— Не мешало бы поучиться у чешских друзей, — говорит Михаил Кузьмич, — как надо оформлять подземные туристские маршруты.

Покидая пещеры, оставляем свою запись в книге посетителей. Встречаем в ней фамилию одного из московских друзей, посетившего недавно Чехословакию.

— Мир тесен и под землей, — замечает Янгель, перелистывая книгу.

И снова в пути. Быстрая «татра» спидометром отсчитывает километры.

Вдали показываются многоэтажные корпуса.

— Свит-Готвальд, — объясняет Бенеш. — Крупнейший промышленный центр. Знаменит своими обувщиками.

Фабрика тонет в зелени деревьев. Чистота везде необыкновенная. У въездных ворот — большой плакат. Советник посольства переводит: «Обувь... Обувь... Обувь... В одной — на работу, в другой — на прогулку, в третьей — в театр, в четвертой — на танцы. Но всегда в самой подходящей... Сегодня мы приветствуем вас от всего сердца в городе хорошей обуви».

Главный инженер фабрики встречает у входа. Проводит затем по светлым этажам, знакомит с организацией обувного производства.

Незадолго перед отъездом в Чехословакию мы прочли книгу «Ботострой». В ней рассказывается об истории этой фабрики. Немало страниц уделено прошлому «Свита», когда здесь безраздельно хозяйничал Батя.

Главный инженер показывает кабинет бывшего владельца фабрики. Это огромный лифт, в котором свободно разместился рабочий стол и прочая, обычная для делового кабинета мебель.

— В этом лифте-кабинете и работал Батя?

— Да. Нажимал кнопку и оказывался на нужном ему этаже. Он был расчетливым хозяином. Считал, что отрывать сотрудников от рабочего места не следует. А на лифте быстро поднялся, переговорил с кем надо — и на другой этаж. Так вверх и вниз катался.

— В этом что-то есть. Закажу себе по приезде подобный кабинет, — говорит Михаил Кузьмич то ли серьезно, то ли в шутку. — Для моих больных ног это просто находка!

— А что, товарищ Янгель, — вмешивается в разговор Бенеш, — в Советском Союзе уже освоили и стратосферные лифты? Ведь ваши рабочие этажи наверняка проходят через всю толщу земной атмосферы.

Поразил нас фабричный музей. Каких там только нет ботинок и туфель! Обувь на любую ногу для любого жителя планеты. В специальной витрине выставлен знаменитый ботинок 56-го размера, оказавшийся тесноватым для своего владельца. Этому жителю Чехословакии, как объяснили нам, фабрика шьет ботинки индивидуально.

Осмотр фабрики окончен. Прощаясь, Янгель не удер-

живается — дает обувщикам несколько дружеских советов по организации производства.

— Правда, я в прошлом текстильщик, не обувщик. Но в организации производства различных отраслей техники всегда есть общее.

Удивительная у него была инженерная интуиция. Это был не первый случай, когда Янгель в чужой сфере деятельности давал разумные, дельные советы.

Главный инженер дарит нам на прощание памятный сувенир — пара маленьких зеленых сапог на круглой подставке.

...В Высокие Татры приехали поздним вечером. В гостинице оригинальной постройки нас ждали уютные комнаты и вкусный ужин из национальных блюд. Что говорить, умеют словаки угощать гостей.

— Но где же горы? Где знаменитые Высокие Татры?

— Завтра, Михаил Кузьмич, покажутся вам во всей красе, — разводит руками директор гостиницы. — Тот, кто видит их впервые, потом не спит целую ночь. А мы хотим, чтобы после утомительной дороги наши гости как следует отдохнули.

Высокие Татры. Следуя традиционному туристскому маршруту, поднимаемся на одну из вершин. Сначала качаемся в двадцатиместной люльке, которую тянет вверх мощная система тросов. Потом на небольшой, специально оборудованной площадке пересаживаемся в восьмиместную кабину. Ветер раскачивает ее, временами почти прижимая к отвесной скале. Кажется, вот-вот ударимся бортом. Но все заканчивается благополучно. Со смотровой площадки открывается величественный вид. Правда, немного мешают облака, то и дело наплывающие на нас, да ветер неудержимо рвет полы одежды. Но все это лишь усиливает впечатление.

— Полет над облаками тоже красив, — мечтательно говорит Михаил Кузьмич. — Но когда стоишь вот так, двумя ногами на Земле, то все вокруг воспринимаешь более фундаментально. Как-то полнее ощущаешь величие Земли.

Советник торопит:

— Ветер усиливается. Может разыграться буря, а тогда по здешним правилам безопасности нас могут задержать здесь даже на трое суток. Правда, тут отличный ресторанчик, где подают фирменный кофе. Но лучше я угощу вас внизу.

Мы быстро садимся в кабину и спускаемся вниз со значительно большей амплитудой колебаний, чем при подъеме.

Начинается дождь. Раскрыв зонты, взятые предусмотрительным Бенешем, спускаемся по скользкой тропинке к месту стоянки «татры».

— Это горы плачут, расставаясь с вами, — лукаво улыбается Бенеш. — А спустимся вниз — будет солнце. Татры — с характером.

Действительно, когда мы подъезжаем к гостинице, нас вновь встречают лучи солнца и голубеющее над головами небо.

— Могу без колебаний дать вам рекомендацию для устройства в бюро прогнозов, — говорит Михаил Кузьмич Бенешу. — Вы просто находка: так точно предсказывать погоду!

— Вот спроектируйте специальный метеоспутник «Бенеш-1», тогда я готов сотрудничать с вами.

Михаил Кузьмич пристально смотрит на Бенеша.

— Я не мыслю дальнейшего освоения космического пространства без активного сотрудничества всех социалистических стран... А спутником «Бенеш-1» с удовольствием займемся. Пусть предсказывает всем хорошую погоду.

Вечером отдыхаем в гостинице. Сидим за столом вместе с нашими гостеприимными хозяевами.

Бенеш не дождется конца ужина: издали машет мне ракеткой. Где только можно, мы играем с ним в пинг-понг. У моего партнера высокий разряд. Играет он мастерски. Но счет почему-то в итоге всегда в мою пользу.

— Товарищ Бенеш, — горячится Михаил Кузьмич. — Вы нарочно поддаетесь Ирине Викторовне. Вот сейчас, я сам это видел, вы умышленно махнули ракеткой мимо.

Голубые глаза Бенеша становятся круглыми. Он смотрит так искренне:

— Что вы, Михаил Кузьмич! Это был труднейший мяч. И вообще, ваша жена играет здорово. Вполне достойный партнер.

Михаил Кузьмич недоверчиво покачивает головой. А Бенеш, затягивая ремень еще на одну дырочку, продолжает:

— От игры в пинг-понг быстро худеешь. Поэтому я после сытной еды с удовольствием беру ракетку в руки. А нас сегодня так накормили!

Вздыхая, он вновь пропускает такой простой мяч и смотрит на Михаила Кузьмича голубыми, невинными глазами....

На следующее утро — поездка вдоль чешско-польской границы. Она идет по руслу быстрой горной реки Белка.

Сначала едем машиной. Потом, оставив ее на лужайке, идем по узкой тропинке. В прозрачной воде то и дело мелькает усыпанная, как горошинками, пестрыми крапинками форель. Удочек у нас с собой нет. Бросаем в воду яркие лепестки растущих здесь в изобилии полевых цветов. Форель кидается на эту приманку, и вода вскипает от брызг.

Благодатен горный воздух! Завораживающе красива уходящая вдаль цепь Татр. Медленно спускаемся вниз.

На лугу вытянулись в цепочку косари, человек десять-двенадцать. Работают синхронно, как единый механизм.

— Подойдем? — предлагает Михаил Кузьмич.

К раскрытой коробке папирос с московской маркой тянутся огрубелые, опаленные солнцем руки. Михаил Кузьмич расспрашивает косарей: откуда? Как сегодня работается?

Оказывается, все они поляки. Каждое утро переходят границу, а под вечер, наработавшись, возвращаются домой. С чехами у них дружба давняя.

— Дай-ка косу, вспомню молодость, — просит Михаил Кузьмич молодого парня.

Идет к еще не скошенной траве. Проверяет, хорошо ли выправлена коса... Поляки следят за ним скептически, а он не торопясь делает первый уверенный взмах, потом еще и еще... Скошенная трава послушно ложится на землю.

Крестьянский сын! Как легко идет он по земле, словно и не расставался с косой!

Лица косарей светлеют.

— Наш человек, — говорит один из них. — Сразу видно.

— Попробую-ка я, — засучивает рукава накрахмаленной рубашки советник посольства.

Но повторить «трудовой подвиг» Янгеля ему, увы, не удается. Коса то и дело шаркает пяткой по земле. Поляки добродушно посмеиваются.

— Вас в бригаду возьмем хоть сейчас, — предлагают

Михаилу Кузьмичу. — А товарищу вашему надо еще подучиться: в общий котел дохода не даст.

Товарищ Бенеш организует ловлю форели в реке Белка, неподалеку от нашей гостиницы. Напрасно, надев высокие сапоги, пытается он подогнать непослушную верткую форель к месту, где бросает спиннинг Янгель. Ни одной пойманной рыбы!

— Наверное, теперь спутник делать не будете? — спрашивает огорченный Бенеш.

— Как раз наоборот. Сделаем его только многоцелевым: и для прогноза погоды, и для рыбаков. Пусть предсказывает, где обнаружены косяки... Скажу по секрету: над этой проблемой мы уже работаем. Так что не горюйте. Сделаем спутник «Бенеш-2». Тогда — берегись, форель!

...Как и всему на свете, отдыху приходит конец. Пора домой. Михаил Кузьмич все чаще садится за письменный стол, что-то прикидывает. Знаю: долго отдыхать он не умеет и не любит.

Прощальные, всегда немного грустные минуты.

— Спасибо за все! Радостной вам жизни! — машет рукой Янгель.

— Доброго пути! Приезжайте обязательно еще! — кричит вслед тронувшемуся вагону Бенеш. Достает из кармана клетчатый платок, не стесняясь, вытирает глаза.

Через несколько дней по возвращении домой получили письмо. Советник посольства писал, что добрались в Прагу они с Бенешем благополучно. Всю дорогу вспоминали нас.

«...Расставаясь с вами, товарищ Бенеш расчувствовался, даже расплакался... Он просил передать вам слова самого искреннего уважения и добрые пожелания. Я к ним полностью присоединяюсь».

Однажды, вскоре после запуска спутника «Интеркосмос-1», Михаил Кузьмич сказал:

— Сегодня в Академии наук столкнулся в зале заседаний с одним чехом. Удивительно похож на Бенеша. Радостно видеть, как крепнет день ото дня сотрудничество социалистических стран. Я искренне горжусь тем, что наш коллектив работает, и успешно, в этом направлении... Вспомнил сегодня нашу поездку в Чехословакию и о спутнике с названием «Бенеш».

Эстония. Страна древних эстов, берега которой омываются водами Балтийского моря, Рижского и Финского заливов. Мы с Михаилом Кузьмичом приехали сюда летом 1968 года.

...Вагон скорого фирменного поезда «Эстония». Входим в отпускной режим и, как всегда, уговариваемся: за упоминание о работе, о делах в первые десять дней отдыха — штраф.

Четырнадцать часов пути недолги. Промелькнули в ночи огоньки Ленинграда. В Таллин прибыли точно по расписанию.

По совету московских друзей едем в Пирита. Дорога бежит вдоль берега. Небольшой двухэтажный дом.

— Мы думали, у вас здесь дом отдыха, а оказалась клиническая больница, — смущенно говорит главному врачу Михаил Кузьмич.

— Да, раньше здесь был действительно дом отдыха, — улыбается врач. — Других лечебно-санаторных учреждений в Пирита нет. Но не огорчайтесь, Михаил Кузьмич. Перед обедом к вам заедет первый секретарь ЦК товарищ Кэбин. Поможет разобраться в сложившейся ситуации.

С приходом Ивана Густавовича все встало на свое место. Выслушав рассказ Михаила Кузьмича, Кэбин от души рассмеялся:

— Задали вы нам загадку... Из Москвы позвонили, что едут на отдых двое престарелых ученых. Рыбу ловят только удочками. Жить хотят только в Пирита... Но раз уж вы попали в руки врачей, пусть подскажут, какой отдых у нас вам наиболее целесообразен.

— Только, если можно, не очень затягивайте «пусковой период», — попросил Ивана Густавовича Михаил Кузьмич. — Дней у нас не так уж много.

— Эстония быстро гостей не отпускает. Вы ведь здесь впервые. Не видели Старого Тоомаса на городской Ратуше, не побывали в Вышгороде, в новых районах Таллина. Не познакомились с деятельностью наших научных институтов, организацией промышленности и сельского хозяйства. А пока вы находитесь в Пирита — познакомьтесь с Таллином.

Показать Таллин нам любезно предложил главный архитектор города.

Стоя на вершине холма Тоомпеа, мы долго любовались панорамой раскинувшегося во все стороны средневекового города с его черепичными крышами, взметнувшимся к

небу шпилем церкви Олевисте. Хорошо отсюда виден и порт с кораблями, множеством мачт.

— Церковь Олевисте была когда-то самым высоким сооружением в Европе, — поясняет архитектор. — Надежный ориентир для путешественников: поднимается более чем на сто сорок метров над уровнем моря. В одном только медном шпиле тринадцать этажей.

На фоне голубого неба колышется по ветру красное с синим полотнище государственного флага ЭССР. Он водружен на самом верху круглой башни «Длинный Герман». Более пятисот лет украшает она город. Высота ее — сорок шесть метров.

— А эти две красивые башни, — продолжает рассказ архитектор, — «Толстая Маргарита» и «Кин-ин-де-Кёк», что означает «Смотри в кухню». Видно, и в прежние времена было немало любопытных людей, которые не прочь были заглянуть через кухонное стекло к хозяйкам близлежащих домов: узнать, что готовят они сегодня.

— В том направлении, — тянет руку архитектор, — расположено озеро Юлемисте. По сей день снабжает оно Таллин водой.

Спуститься с холма Toомпеа в Нижний город лучше всего по узкой улочке Пикк-Ялг.

— Сколько подошв полировало в течение пяти веков эти камни! — качает головой Михаил Кузьмич. — Блестят словно лаком покрытые.

Главное украшение площади Нижнего города — это, конечно, Ратуша. Когда-то здесь размещался магистрат, а сейчас — исполком Таллинского Совета. На шпиле Ратуши — Старый Toомас. Бессменно на своем посту с 1530 года.

— Высоковато забрался, но зато виден ему весь город.

— Да, Михаил Кузьмич, — соглашается архитектор, — именно весь город. Кстати, со Старым Toомасом и озером Юлемисте связана красивая легенда. С некоторыми вариациями вам расскажет ее при встрече и старый и малый житель Таллина.

— Я весь внимание, — говорит Михаил Кузьмич.

— Каждую новогоднюю ночь в город приходит живущий в водах Юлемисте старец. Останавливается возле Ратуши и кричит Старому Toомасу: «А что, город все еще строится?» Старый Toомас оглядывается по сторонам и ответно кричит старцу: «Да, он все еще строится. Я отчетливо вижу фундаменты». Ответь он иначе, и Тал-

лин исчезнет с лица земли. Потому что в случае окончания строительства города «озеро со всеми его водами спустилось бы с Ласнамяги в долину и целиком затопило город». Так повествует легенда.

Осмотрев Нижний город, едем в парк Кардиорг, основанный во времена Петра Великого. Кардиорг знаменит теперь своим певческим полем. Его открытая эстрада вмещает 35 тысяч человек. С интересом знакомимся мы и с новостройками города.

Через два дня, как и было намечено, прощаемся с врачами. В своем заключении они единодушны: Янгелю показан активный отдых. Но, конечно, все в меру.

И мы едем в Кейла-Йоа. Поселились на даче у самого берега моря и начали активно отдыхать. Вечерами к нам заглядывали, вернувшись с работы, наши новые знакомые: Иван Густавович Кэбин, Карл Генрихович Вайно, Леонид Николаевич Ленцман, Георгий Аугустович Мартин. Познакомились мы и с их семьями. Большой компанией не раз гуляли на пирсе, уходящем в глубину моря. Любовались, как бьет волна о прибрежные камни.

Когда немного отдохнули, Иван Густавович, проведав о нашей слабости, предложил поближе познакомиться с жизнью рыбаков.

— Есть в Эстонии рыболовецкий колхоз имени Сергея Мироновича Кирова. Один из передовых в республике. Расположен он в пригороде Таллина. Точнее, как у нас теперь говорят, Таллин расположен в пригороде этого колхоза-миллионера.

Вместе с Кэбином едем в колхоз. Его председатель Оскар Куул принимает нас в своем кабинете и подробно рассказывает как о ближних, так и о дальних планах.

— В народе говорят, — закончил он свой рассказ, — что лучше один раз увидеть, чем сто услышать. Пойдемте, познакомлю вас с нашим хозяйством. У нас свой причал, свой флот и рыбообрабатывающий завод. Посмотрите, как живут колхозники. Дома для них строим в рассрочку. Люди труда, да еще такого нелегкого, должны иметь хорошие условия и для жизни и для отдыха.

Дразнящий запах копченой рыбы встретил нас при подходе к воротам колхозного рыбозавода. Все облачились в накрахмаленные халаты и надели белые колпаки. Вошли в цех.

— Словно шеф-повара! — одобрил Михаил Кузьмич.

Оскар Куул повел нас сначала к коптилке:

— Работаем с автоматикой: и регулировка температурного режима, и контроль за технологическим процессом — все по науке.

Из металлических отсеков сушильного отделения по подвесному конвейеру выплывали тележки. На стержнях нанизана салака. Золотистая, прокопченная...

С интересом осматривал Михаил Кузьмич производственные помещения. После осмотра рыбозавода нас пригласили зайти в колхозный дом.

По дороге Кэбин сказал:

— Представьте себе, Михаил Кузьмич, около десяти процентов береговой линии всей Эстонии «захватил» в свои руки Куул. Вот и ответьте теперь: колхоз имени Кирова в пригороде Таллина или Таллин в пригороде колхоза?!

— Побольше бы таких захватчиков, Иван Густавович. И вы завалите весь мир прославленной таллинской килькой.

— Не только килькой, но и розами. Куулу мало одной рыбы. Грозится затмить садоводов. Строит оранжереи. Говорит: грустно жить на земле без цветов. Так, товарищ Куул?

— Так, Иван Густавович, — соглашается председатель.

Хозяйка дома приглашает к накрытому столу.

— Рыбная дегустация? — шутит Михаил Кузьмич.

В застольной беседе мужчины вернулись к работе рыбозавода. В руках у Янгеля появилась бумага.

Не помню, о чем конкретно шла речь, но Оскар Куул унес с собой несколько эскизов — плод совместной «проектной работы» секретаря ЦК, председателя рыболовецкого колхоза и главного конструктора ракетно-космических систем.

— Хозяйство у вас весьма солидное. Нелегко справляться, товарищ Куул?

— Справляемся, — неторопливо отвечает Куул. — Ну а вам, наверное, тоже не просто? И хозяйство-то побольше нашего будет.

— Это верно. Но нам и больше помогают, и людей у нас поболее. Создание спутников, ракет и космических кораблей — дело рук многотысячных коллективов. Одни создают двигатели, другие разрабатывают системы управления, третьи готовят стартовые площадки, четвертые за-

нимаются медико-биологическими проблемами... А наше конструкторское бюро собирает все вместе и потом выдает за свое, — хитро улыбается Янгель.

— Понятно, — говорит внимательно слушающий Янгеля председатель. — Значит, если где-то что-то не так, то спрашивают в первую голову с вас?

— Это точно...

И долго еще за столом в доме колхозницы идет разговор о космосе и о рыбе, о будущем Земли и розах и о многом другом.

...В первый приезд в Эстонию побывали мы с Михаилом Кузьмичом на острове Сааремаа. Иван Густавович собрался туда по делам и любезно предложил нам составить ему компанию. В этой трехдневной поездке приняла участие и его жена Антонина Александровна.

— Посмотрите, как ловят на Сааремаа угрей, — сказал Кэбин. — Есть там и озеро, имеющее прямое отношение к вашей специальности. Две тысячи шестьсот лет тому назад на остров упал метеорит. Этот случай и привел к рождению озера Каали. Водоем космического происхождения.

— А может быть, его появление связано с прилетом на эстонскую землю инопланетян? — полюбопытствовал Михаил Кузьмич. Вечером накануне этой беседы у нас была жаркая дискуссия по этому, такому «модному» теперь вопросу.

— Возможен и такой вариант, — согласился Кэбин. — Вблизи озера Каали есть, кстати, еще шесть кратеров, но только безводных и меньших по размерам. Идеальная посадочная площадка для семи звездных кораблей...

Незабываемое впечатление оставила поездка к ловцам угрей. На большой устойчивой лодке вышли в открытое море. Волна в тот день была большая. Когда добрались до рыбаков, те уже вытаскивали из мерёжей скользящих и извивающихся угрей. А потом с размаху бросали их на дно лодки. Угри тут же сплетались в один мощный клубок. Ну и картина!

Кэбин присоединился к рыбакам, ловко подхватывал красивую, серебристую рыбу.

— Какая сноровка! — восторгался Михаил Кузьмич. — Ай да Иван Густавович. А что, если попробовать и мне?

Но я категорически запротестовала. При больном сердце такая работа явно противопоказана.

На берегу, когда корзины с угрями погрузили на колхозную машину, завязалась беседа.

— Таскать угрей — это работа хотя и нелегкая, но приятная, — размышляли рыбаки. — А вот крепить ко дну мерёжи — всегда тяжко. Вколачиваем вручную на глубине в пять метров восьмиметровые сваи. Проходим почти метровую толщу песка. А если еще волна, как сегодня, так в поту нашем соли, наверное, поболее, чем в морской воде.

— Здесь бы вибратор специальный приспособить, — советовал Михаил Кузьмич. — Такой, чтобы сам сваи забивал.

— Вот и спуститесь, дорогой академик, с космических высот на дно морское, — подзадоривал Иван Густавович. — Сделайте такой.

— И спущусь. Обязательно спущусь. Это инженерная задача. Довести ее до ума не так уж и сложно.

Вернувшись в Таллин, Михаил Кузьмич связался по телефону со своими проектантами:

— Задачу хочу вам задать. Продумать приспособление для забоя свай, которыми мерёжи для ловли угрей крепятся ко дну моря. Должно быть удобно, надежно, просто и дешево. Помочь рыбакам надо.

Время шло. Каждый раз, встречаясь с Иваном Густавовичем, Янгель говорил извиняюще:

— В долгу я перед рыбаками Сааремаа. Есть уже варианты, но еще не оптимальные. Вот немного поосвобожусь, додумаю обязательно. На Сааремаа вместе с вами и испытаем наши «космические» вибраторы.

Но сделать этого не успел.

Поездка в Тарту — это еще и своеобразная встреча со звездной историей человечества. Здесь жил и работал долгие годы один из выдающихся астрономов — Василий Яковлевич Струве. В старом здании его обсерватории теперь музей. А «звездный центр» переместился в окрестности Тарту.

— Новую обсерваторию на плато Тверавере начали строить в пятьдесят восьмом и закончили в шестьдесят четвертом, — рассказывал сотрудник астрофизической обсерватории, носящей имя Струве.

Михаил Кузьмич внимательно выслушивает рассказ эстонского астронома. Говорит ему:

— С вашей перспективой я немного знаком. Слышал, что успешно штурмуете галактики, всерьез увлекаетесь

серебристыми облаками. Вашу обсерваторию по праву можно назвать «Ураниебургом двадцатого века». Помните сказочный датский остров и наблюдения Тихо Браге?

Гостеприимные хозяева спросили:

— Что еще, кроме звезд, интересует вас в нашем Тарту?

— Хотел бы побывать в гостях у животноводов, — отвечает Янгель.

И мы едем в Эстонский научно-исследовательский институт животноводства и ветеринарии. Знакомимся с племенным делом, механизацией хозяйства, проблемами рационального использования кормов. Михаилу Кузьмичу очень там все понравилось.

Запомнилась еще одна поездка — в научно-исследовательский институт земледелия и мелиорации в Саку.

— Я сам крестьянский сын, — сказал Янгель, прощаясь с сотрудниками института. — Корчевал в детстве тайгу под пашню. Знаю, что такое отвоевывать трудную землю. Но сегодня лишний раз убедился, что при желании, умении можно и на камнях выращивать хлеб. Да еще в таком количестве! От души желаю вам успехов!

...Прощальный ужин в старой даче. Пришли Кэбины, Вайно, Вадер, Ленцман, Мартин. По радио, словно по заказу, передают концерт «Любимые песни». Поют Георг Отс, Хендрик Круум.

— Бывает в жизни первая, но бывает и последняя, наиболее сильная привязанность, — поднимается со своего места Михаил Кузьмич. — У нас с женой это страна древних эстов, замечательный трудовой народ Эстонии. Нам было интересно познакомиться с работой промышленных предприятий, хозяйств, академических институтов. Полюбовались и памятниками старины. Должен сказать, что у вас есть чему поучиться. А отдыхать здесь просто прекрасно... Несколько неразговорчивым и суровым показался нам лишь Старый Тоомас на шпиле городской Ратуши. И только, видимо, потому, что очень озабочен строительством Таллина...

Все вышли из дома и пошли любоваться закатом. Солнце медленно погружалось в море...

Развернитесь, зазвените,
Древних лет
воспоминанья.
О могучем славном роде
Калевитян незабвенных!

Такими строками начинается знаменитый эстонский «Калевипоэг». Эту книгу народного эпоса подарили нам на память о днях, проведенных в Эстонии, наши добрые друзья — потомки древних эстов.

Шахматы у нас дома пользовались всеобщей любовью. Михаил Кузьмич часами просиживал за доской. Разбирал партии, держа в руках газету или книгу. Анализировал игру Алехина, Капабланки, Ласкера, Смыслова. Сам он играл азартно, увлеченно. И, как всякий игрок, не слишком любил проигрывать. А если такое случалось, то говорил партнеру:

— Это была разминка. А теперь сыграем всерьез...

Последние годы жизни он нередко встречался за шахматной доской с Андреем Ивановичем Еременко. Жизнь сталкивала их то в больнице, то в санатории.

После вечернего чая так приятно присесть за шахматный столик. Главный конструктор затянулся сигаретой. Маршал призадумался.

— Началась битва, — подшучивают отдыхающие, глядя на постоянных соперников. — Скоро начнут выяснять отношения...

Вечером Михаил Кузьмич докладывал:

— Опять слегка погорячились. Уговорились с Андреем Ивановичем: ходов обратно не брать. Играем. Я по ошибке вместо слона берусь за пешку. Ставлю ее тут же обратно, а маршал ни в какую: «Взялся за фигуру, ходи!» Ладно. Играем дальше. Партия явно моя. Вдруг Андрей Иванович ставит на доску ладью, взятую мной еще два хода назад. Говорит, проглядел ситуацию. Пришла моя очередь наводить порядок... Трудно с ним играть...

А на следующий вечер вновь за шахматами. Сидят задумавшись. Скоро начнут «выяснять отношения».

Соперничали они и на санаторном пруду.

Помню, как-то рыбаки просидели без единой поклевки все утро и полдень. Огорченные, ушли на обед, оставив удочки заброшенными. А когда возвратились, увидели, что удочка Андрея Ивановича плавает далеко от берега. И не просто плавает, а все время словно подпрыгивает.

Сколько волнений на берегу! Сколько советов маршалу!

Лодка долго кружила по воде в погоне за рыбой. Победителем в схватке вышел Еременко. Эффектно бросил на траву зеркального карпа. Четыре килограмма ровно показали лечебные весы в комнате медсестер.

Михаил Кузьмич ночь спал тревожно. Встал необычно рано. Я еще досматривала сны, когда он вошел в комнату.

— Четыре двести и тоже зеркальный!

Мы наполнили ванну водой и запустили в нее карпа. Так он и плавал целый день в «пруду», а двери комнаты то и дело открывались: всем хотелось посмотреть на необычный трофей.

Зашел и Еременко, сказал одобрительно:

— Совсем как мой... Только у меня посеребристей...

Михаил Кузьмич и Андрей Иванович часто вместе гуляли. Шли не спеша по дорожкам, вспоминали прожитое, говорили о будущем. Еременко и в санатории не прекращал работы над книгой. Иногда читал нам вслух отрывки из нее. Много и очень интересно рассказывал о Сталинградской битве, своих встречах со Сталиным, Жуковым, об отдельных боевых эпизодах.

Как-то Андрей Иванович постучал в дверь и, войдя, сказал несколько смущенно:

— Хочу вирши свои почитать. Написал поэму о Сталинграде.

Мы внимательно слушали маршала. Потом Михаил Кузьмич дружески сказал:

— Содержание интересное. Но проза тебе, Андрей Иванович, дается явно лучше...

«...Дорогому Михаилу Кузьмичу Янгелю с самыми дружескими пожеланиями от Андрея Еременко», — написал на первой странице своей книги прославленный маршал.

С Валентиной Алексеевной Прозоровой мы познакомились в больничной обстановке: кровати рядом.

— Соседка вам досталась беспокойная, — сказала она, одолев сильный приступ кашля. — Астма у меня. В колхозе заработала. Но в больнице, к сожалению, каждый чем-то болен.

Позже я узнала, что Валентина Алексеевна — Герой Социалистического Труда.

К вечеру, когда уходили врачи и кончались лечебные

процедуры, мы говорили о многом: и о науке, и о делах колхозных. Прозорова оказалась на редкость интересной собеседницей.

— Мой Петр Алексеевич тоже здесь в больнице, — сказала она. — Только лежит двумя этажами ниже. Окрепнете маленько, пойдем к нему в гости.

Через несколько дней мы навестили Петра Алексеевича, прославленного колхозного председателя, дважды Героя Социалистического Труда.

Мы нередко заходили к Прозорову. Часто заставали у него колхозников: кто приезжал по делам службы, кто просто проведать Петра Алексеевича, передать ему гостинцев. Он хлебосольно угощал то салом, то телятиной, то сочной морковью.

Вскоре познакомился с Прозоровым и Михаил Кузьмич, часто навещавший меня в больнице. Петр Алексеевич понравился ему.

Однажды мы долго засиделись в гостях у председателя, дежурная сестра то и дело заглядывала в дверь: не пора ли кончать беседу? А Прозоров в ударе: вспомнил о встречах с руководителями государства, посвятил в свои планы.

— Чувствую, Михаил Кузьмич, что в делах колхозных вы разбираетесь...

— Что в детстве заложено, того уж не вытравишь. Завидую я вам, Петр Алексеевич. Живете вдали от шума городского...

Прозоров чуть задумался.

— Завидуете, говорите? А что, если вам к нам переехать? Поставим вам добрый дом. Будет у вас и «Волга», и телевизор, и лошадь. Дом поставим возле колхозного пруда, чтобы к рыбке поближе. Как думаете, Михаил Кузьмич?!

— Какой теперь из меня колхозник. Проку мало.

— Да что вы! Опыт есть, знания, подход к хозяйству государственный. А еще раза два-три в год с Ириной Викторовной перед колхозниками с лекциями выступите. Народ у нас до этого жадный. Вы не отказывайтесь сразу... Подумайте...

Михаил Кузьмич обещал подумать.

Как-то в нашу палату зашла врач Нелли Ивановна Митрофанова. Дружба у нас семейная, давняя. Нелли Ивановна много лет занимается иглоукалыванием. Побывала в Китае, в Японии.

— Принесла вам новый рассказ Хемингуэя. Знаю, это любимый писатель Михаила Кузьмича, да и всей вашей семьи.

Когда Нелли Ивановна ушла, Валентина Алексеевна смущенно сказала:

— Вы уж меня извините... Об этом писателе что-то не слыхала. Отстала, стало быть.

На другой день по моей просьбе Янгель принес из нашей домашней библиотеки книгу Хемингуэя.

— Прочтите обязательно «Снега Килиманджаро». Перенеситесь в высшую точку Африки и, как там говорится, взгляните на «иссохший мерзлый труп леопарда». А больше всего мне нравится «Старик и море».

...Настала пора прощания. Петр Алексеевич уехал домой. Правда, чувствовал себя еще не очень крепко, но продолжить лечение категорически отказался: скоро весна, надо готовиться к посевной.

Вскоре пришло письмо из колхоза. Потом еще.

В апреле Петр Алексеевич писал:

«Сообщаю вам, что мы еще живы. Я работаю на дому, мои заместители ходят на консультацию за советом.

...Дела в хозяйстве идут неплохо. Подкормку озимых закончили, подкармливаем многолетние травы. Погода в этом году благоприятная... К весенней посевной подготовились, приобрели немного новой техники. Семена все подготовили, протравили. Готовимся к строительству. Будем строить три скотных двора, два телятника, нефтебазу, мастерскую для ремонта тракторов и автомашин, десять жилых домов, картофелехранилище. Завезли полностью песок и гравий, шлак. Только мало дают кирпича. Будем использовать имеющиеся излишки известкового камня.

В Госбанке на текущем счету на март 1968 года имеем 1 169 000 рублей. Денежки есть: строить можно. С государством по продуктам животноводства рассчитываемся, планы выполняем досрочно».

— Молодец председатель! — восхищался Михаил Кузьмич. — Толковый организатор, человек широкой русской души.

И садился за ответное письмо.

Пришло поздравление из Вожгалы под Майские праздники. Валентина Алексеевна писала, что мужу ее «сильно недужится».

А потом некролог в траурной рамке. Не стало председателя.

— С хорошим человеком свела жизнь, — говорил Михаил Кузьмич. — Жаль, что поздно встретились.

В семейном архиве пропуска на Красную площадь, пригласительные билеты на заседания, совещания, юбилеи друзей.

Прием «по случаю 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции». ...А вот и «космические приемы». На плотной бумаге каллиграфическим почерком написаны торжественные слова. Сколько за ними радостного, памятного. Они как летопись нашего «космического века».

«...В честь выдающегося подвига ученых, конструкторов, инженеров, техников и рабочих, обеспечивших осуществление полета, и в честь космонавтов...». И далее идут имена летчиков-космонавтов, выходивших на околоземные орбиты на «Востоках», «Восходах», «Союзах»...

На торжественных вечерах, посвященных Дню космонавтики и проходивших в Кремлевском Дворце съездов, Михаил Кузьмич садился обычно рядом с другом, соратником по отделению Академии наук, специалистом в области систем управления. Их связывала давняя дружба, и «чаи гоняли» не раз за интересной беседой.

Операторы телевизионных камер, обнаружив в зале друзей, нацеливали свою аппаратуру на их лица, хотели показать крупным планом. Но оба, щурясь от яркого света, прикрывали глаза рукой.

— Видели вас, Михаил Кузьмич, вчера по телевизору, — звонили с утра знакомые. — О чем вы это, так темпераментно жестикулируя, разговаривали?

— Боюсь, что мой ответ вас разочарует, — отвечал Михаил Кузьмич. — Просто в суматохе дел мы оба не успели побриться. Вот и закрывались от операторов, чтобы не видно было, какие мы небритые.

Сегодня вечером мы в гостях у космонавта Волкова. Мы — это Владимир Федорович и Вера Андреевна, Михаил Кузьмич и я. Встреча запланирована давно, но так трудно «состыковать» во времени два таких сверхзанятых

семейных экипажа, где «командирами» Толубко и Янгель.

— Смотрю по отработанной в космосе привычке на родную Землю из оконного «иллюминатора». Вижу командирские погоны одного земного человека, характерную сибирскую походку другого и яркие наряды двух идущих с ними женщин. Передаю по внутренней связи моему «бортинженеру» Люсе, что к нашему отсеку приближаются долгожданные гости, — встречает нас на лестничной клетке возле дверей лифта жизнерадостный и приветливый космонавт Владислав Волков.

— Приветствуем «Бурана-три» на родной Земле, — в тон ему отвечает Владимир Федорович. — Кстати, как закончился матч?

— Сегодня мы забили два безответных гола в ваши ворота, — докладывает явно довольный таким исходом Владислав. — Динамовцы, наверное, не предвидели, что вечером будет еще одна встреча «Толубко — Волков».

— Ничего, во втором круге отыграемся. ЦСКА еще себя покажет.

И начинается дружеская пикировка.

Пока Люся заканчивает сервировку стола, мужчины удаляются в кабинет и ведут разговор. Ясно, что о космосе, о ракетах... Я знаю, каким авторитетом является для Янгеля Владимир Федорович и как он всегда рад встрече с ним.

Но всем гостям хочется послушать подробный рассказ хозяина о полете «Союза-7». Рассказывает Владислав эмоционально, с юмором и оттенком лирики. Речь идет и о перегрузках, затуманивающих при взлете глаза, и о том, как трудно поймать в невесомости карандаш... А как необыкновенна Луна, уходящая за горизонт... А узор созвездия Орион со сверкающими, как бриллианты, Ригелем и Бетельгейзе... А эта коварная звезда Канопус, которую не так-то просто захватить перекрестием навигационного прибора. Перед глазами проходят, как наяву, материки и океаны Земли.

— Семнадцать зорь за одни земные сутки полета. И звезды в бездонности ночи словно отражение огней больших городов Земли...

— Жаль, не текут реки в космосе и нет там озер, — перебивает Владислава Михаил Кузьмич. — Правда, тогда бы от рыбаков, желающих полететь в космос, не бы-

ло отбоя. Каждая такая зорька для них может быть счастливой. А тут за один выходной их набежит семнадцать!

— Быстро сориентировался главный конструктор, — резюмирует Владимир Федорович. — Может быть, по этому поводу, Владик, споешь нам что-нибудь?.. Лирическое... О космической зорьке...

— Тогда сначала мою любимую «С чего начинается Родина», — говорит Владислав, беря в руки гитару. — Частенько пели ее в космосе.

Дружеская беседа затягивается за полночь. Разговор опять переходит на полет «великолепной семерки». А потом мы с не меньшим интересом слушаем Владимира Федоровича. Вспоминает он о славных воинских делах, о прожитых годах войны.

Медленно поднимаемся из-за стола.

— Да, ужин за земным столом, наверное, побогаче, чем в космосе? Что там у вас было, Владислав: баночка консервов, кусочек хлеба с сыром, кофе в тубах? Ни селедочки, ни воблы, ни пирожков с капустой...

— Скромная еда — удел первых полетов, Владимир Федорович. Наши друзья пищевики уже полным ходом готовят разнообразный рацион для будущих космонавтов. Позавидует сам «Националь»!

Долго прощаемся в передней.

— Не бойся гостя сидячего, бойся — стоячего, — напоминает Михаил Кузьмич.

— Люсенька! А где подарки нашим гостям? Никто не уходит из дома Волковых без подарка.

И Владислав протягивает Вере Андреевне несколько тюбиков с космической пищей.

— Вам они понравятся. Положите в холодильник: будет чем угостить, если нагрянут в гости Янгели и Волковы.

— А это вам, Михаил Кузьмич.

Владислав снимает со стены оригинальную чеканку.

— Не жаль расставаться?

— Я дарю друзьям только то, что мне самому дорого и нравится.

Спокойная тихая ночь. Над Большой и Малой Бронной — звезды. Затерялись среди них и Сириус и Канопус... Тепло прощаемся с Толубко.

И никто в этот вечер не мог предугадать, что Владислав Волков, с которым мы только что расстались, вместе

со своими товарищами Виктором Пацаевым и Георгием Добровольским скоро бесстрашно «шагнет в небо» и уже не возвратится в родной дом.

Мужская дружба связывала их... Та настоящая мужская дружба, что складывается годами и со временем становится все крепче, все сильней.

Ради такой дружбы можно вдруг взять и отложить все, даже самые неотложные дела, и в дождливую, хмурую погоду отправиться на аэродром. А там, пустив в ход всю силу своей «железной янгелевской логики», убедить начальника аэропорта, что самолет обязан взлететь. И именно сегодня. Сказать ему, начальнику, примерно так:

— Я дал себе «увольнительную» только на двадцать четыре часа. Дело в том, что завтра Михаилу Григорьевичу, хорошо знакомому вам человеку, пойдет уже пятьдесят первый... И если я сегодня не обниму этого дорогого мне человека, с которым столько лет идем плечом к плечу, если я не обниму его из-за каких-то капризов погоды, то какая тогда цена нашей дружбе?!

И, не дав начальнику аэропорта развести руками: «Мол, понимаю, но...», он спешит опередить события:

— Знаю. Действительно, нелетная. Но я уже переговорил с летчиками. Ждут только вашей команды. Говорят, что летали, и не раз, при гораздо худшей видимости.

Выслушав Янгеля, начальник аэропорта (в прошлом военный летчик) вздохнет, поглядит на капли дождя, барабанящего по оконному стеклу, и включит селектор. Скажет диспетчеру:

— Дайте вылет на десять ноль-ноль. С Янгелем разве возможно спорить?!

А потом, стоя в намокшем плаще у взлетной полосы, тревожным взглядом проводит самолет... Вот колеса оторвались от бетона... Вот и исчезла машина в густой дымчатой пелене...

А на другой день, по контрасту со вчерашним, солнечным и ясным, они снова встретятся у трапа только что приземлившегося самолета. Янгель крепко пожмет руку начальнику аэропорта, задорно подмигнет и скажет:

— Отличный был юбилей! Поднимали, кстати, бокалы и за вас: за четкое понимание того, как надо действовать в сложных жизненных ситуациях... Вы знаете, что

юбиляр — мой давний друг. Закладывали с ним когда-то основы дружбы разных специалистов. А без этого, тем более у нас, успеха не добьешься. Юбиляр — человек принципиальный, смелый, горячий. Хотя и я, пожалуй, тоже не из прохладных по своей натуре...

— Это-то мы, Михаил Кузьмич, знаем, — улыбнется начальник аэропорта. — Не первый год имеем с вами дела.

— Когда мы с Михаилом Григорьевичем начинали, — продолжит Янгель, пока они будут идти по зеленому полю в направлении белого домика спецслужбы, — в ракетно-космической технике было примерно такое же положение, как в авиации, когда реактивные самолеты стали наступать винтовым «на пятки». Надо было переходить на новые конструкции.

Начальник аэропорта понимающе кивнет головой; было и в авиации нечто похожее...

— А закурить можно? — спросит Янгель.

— Вам можно, — разрешит начальник аэропорта, покосившись на висящий возле здания аэропорта огромный плакат: «Курить категорически воспрещается».

— Спасибо. Я потихоньку, как студент во время лекции: весь дым в рукав.

Янгель отвернется от ветра, взлохматившего ему волосы, и сунет погашенную спичку в карман пальто.

— Карман не прожгите, — даст дружеский совет начальник аэропорта. — Студентом-то были давно.

— Не прожгу...

— Гостей хватало? — поинтересуется начальник аэропорта.

— Да. Родные приехали, друзья. Секретарь обкома был. Ну а из дальних краев только я один. Погода-то была там у них совершенно нелетная. Но тамошний начальник оказался не менее отважным человеком, чем вы...

Начальник аэропорта укоризненно посмотрит на собеседника: еще шутит! А Янгель, полный желания поделиться событиями взволновавшего его дня, продолжит рассказ:

— Вчера до торжественного ужина побывали с Михаилом Григорьевичем в одном из коллективов. Сотрудники попросили. Это, конечно, он им «военную тайну» раскрыл, что главный конструктор приехал. Удивительно хорошая встреча. Специалисты как на подбор.

Крепкая, настоящая мужская дружба... Ну как, узнав

о болезни Янгеля, не прервать отпуск и, прихватив двух сыновей, не махнуть самолетом за сотни километров под Киев, где проходит курс лечения твой друг?!

Дежурная сестра осторожно приоткрывает дверь.

— К вам гости, Михаил Кузьмич. Мужчина с двумя парнишками.

— Михаил Григорьевич?! Ну сюрприз! Каким ветром?

— Попутным. Сам знаешь — другого не признаю.

— Телепатия, что ли? Я только утром Ирине Викторовне говорил, что мне очень надо с тобой повидаться.

И Янгель сразу по-хозяйски засуетился:

— Надо гостей с дороги покормить. Организуй, пожалуйста. А то у нас только конфеты да фрукты. Разве это для мужчин?! Ишь как вымахали. Скоро отца перегонят. Кстати, у нас здесь есть лодки. А в роще, говорят, грибы появились в изобилии: белые, маслята. Кто из вас главный специалист по этой части: Олег или Сережа?

— Оба любители, — ответил за сыновей Михаил Григорьевич. — Дадим им по корзинке — пусть посоревнуются. А мы тем временем покурим, поговорим.

И начинается долгий деловой разговор. Тут и вопросы прочности конструкции, и всё те же обтекатели, и капризные рулевые машинки... Минутная стрелка дважды обходит часовой циферблат, а собеседники все никак не покончат с вопросами «стартовой площадки». Затем перейдут к проблемам теплозащиты. А следом на повестку станет и традиционное: как снизить вес?

— Мы в КБ конкурс объявили, — проинформирует Янгель. — За каждый «срезанный» килограмм — триста рублей премии.

— Можно бы дать и побольше, — упрекнет друга в «скупости» Михаил Григорьевич. — Чтобы все как следует потели, стараясь согнать вес, как в боксе. Глядишь, и ракета-носитель уже в другой весовой категории.

Я занимаюсь хозяйством и не участвую в их разговоре. Но когда речь заходит о проблеме старта, Михаил Кузьмич приглашает меня вступить в дискуссию, грозящую стать жаркой.

— Ирина Викторовна работает сейчас над главой учебника по динамике полета, посвященной вопросам старта. В том числе и ракет.

— Сдаюсь: тут Михаил Кузьмич и так король, — шутливо поднимает руки Михаил Григорьевич. — Ну а против такого «семейного тандема» не то что беззащитный генерал — целая дивизия не устоит.

И словно в подтверждение «бесполезности борьбы», тут же рассказывает эпизод.

— У меня как-то любопытный спор вышел. С одним известным вам конструктором летели мы по делам службы. Зашла у нас речь о стартах. Он и говорит: «Я — самый крупный специалист в этой области. И то, что сейчас предлагает Янгель, категорически отвергаю. Нереально. Кому, как не мне, знать все тонкости поведения движущегося тела, наполненного жидкостью, с учетом специфики возникающих при старте колебаний?». Я конструктору и предложил: «Вот чистый лист бумаги. Пишите, что Янгель не прав. И свою подпись поставьте, да поразборчивее». Он так и сделал. Даже место нашей дискуссии указал: «Борт самолета Ил-18». И как он некоторое время спустя неловко себя чувствовал, когда я ему эту записку показал. Вариант старта, предложенный Михаилом Кузьмичом, к этому времени отлично себя зарекомендовал и прочно вошел в нашу технику.

...Пройдут годы. Вспоминая о той встрече под Киевом, Михаил Григорьевич скажет:

— Жизнь, практика многократно подтверждали, что Янгель добивался блестящих успехов еще и благодаря тому, что как никто другой внимательнейшим образом прислушивался и к замечаниям и к просьбам.

— Пора за стол, — зову я гостей. — Олег с Сережей уже установили новый «грибной рекорд» санатория: более полусотни отличных белых!

— Мы как раз о первом пуске вспоминали, — откликается Михаил Григорьевич. — Как один смежник Михаила Кузьмича неверно углы отражения рассчитал. Струя как ударила — ни от днища, ни от трубопроводов ничего не осталось. Соответственно пожар. Так на наших глазах и сгорела ракета... Трудная задача встала тогда перед Янгелем и Глушко: три дня — и дать конкретные, обоснованные решения по устранению серьезного дефекта...

— Не три, а два, — перебивает Янгель. — Нечего сроки завышать.

Мужская дружба. Проверенная долгими годами тревожной, бурлящей жизни, радостью удачных пусков и горестями не удававшихся порой стартов... Еще больше морщинок на обветренных степным ветром лицах... Все больше традиционных свечек на праздничных пирогах в дни рождений... И, как яркие огоньки, редкие, но такие радостные встречи в домашней обстановке.

Воскресный день на даче Янгеля. Опять с «попутным ветром» прилетел Михаил Григорьевич.

— Сердечный привет от Веры Геннадьевны, сыновей, — звучит знакомый голос. — Какие задания мужчинам?

— Как всегда, самовар и шашлыки.

И вот два друга, увертываясь от едкого дыма, поочередно опускают в самоварное нутро очередную порцию сосновых шишек.

— Да, Михаил Кузьмич, это тебе не ракета! — от души смеется гость. — Самовар — это целая система: тут и топливо, и отвод дыма, и старый солдатский сапог, чтобы трубу продувать.

Густой дым, пропитанный специфическим запахом смолистых сосновых шишек, тянется к верхушкам деревьев.

— У нас в деревне мать тоже самовар всегда ставила, — говорит Михаил Григорьевич, провожая глазами убегающий вверх дымок. — Я, как и ты, Кузьмич, в деревне рос. Трудное было детство. Без отца. Все тяготы легли на плечи матери, да к тому же еще неграмотной.

Я смотрю на них: вот стоят два человека, судьбы которых так похожи, так типичны для нашего времени. Нелегкое детство и такой высокий взлет в большую, яркую, нужную людям жизнь. Судьбы двух коммунистов.

Детские годы Михаила Григорьевича прошли в небольшом селе Калининской области. Задорному пастушонку, выходившему рассветным утром из дома с большим кнутом в руках, дороже всего была старенькая без обложки книжка, которую он бережно носил всегда за пазухой и в которую жадно заглядывал, когда доверенное ему стадо коров располагалось на полуденный отдых.

— Окончить школу мне помогли встретившиеся на пути добрые, отзывчивые люди, — рассказывал нам Михаил Григорьевич. — Особенно горячее участие в моей судьбе приняли председатель месткома (не помню, к со-

жалению, его фамилии: мать все «председателем» его называла) механического завода, расположенного неподалеку от села, а потом школьный преподаватель математики Белобородов. Он убедил мать, что я должен учиться. Сам меня на таратайке в село отвез. Три года я там был на иждивении коллектива из восемнадцати человек. Со мной, девятнадцатым, делили они свой ежедневный обед. Так школу благодаря их поддержке и окончил...

...Самовар наконец на столе.

И опять за столом шутки, воспоминания, рассказ о прошлом и мечта о будущем.

— А вы с Михаилом Кузьмичом великие конспираторы, — говорит мне Михаил Григорьевич. — Я ваш секретный шифр и то не сразу разгадал. Слышу, что при разговоре с вами по телефону он частенько поминает пауков. Повторяет одну и ту же фразу: «Ищи, Мэм, завтра в ванной паука». Я его как-то спрашиваю: «Это что там у вас за чистоплотный паук завелся — все в ванной моется? Дрессируете, что ли?» А он как рассмеется: «Хочешь — верь, хочешь — нет, но есть у нас с Мэм верная примета: каждый раз перед удачным пуском в московской ванной появляется паук. Вот я и звоню Ирине перед стартом, чтобы она очередной визит нашего счастливого паука не пропустила».

В последние годы жизни Янгель много времени проводит на даче. Он любит этот тихий уголок Подмосковья.

Сегодня навестить друга приехали Николай Алексеевич и Антонина Константиновна Пилюгины.

Пилюгин и Янгель — академики одного отделения механики и процессов управления Академии наук СССР. Тем для бесед — актуальных и острых — у них великое множество. Сидят, уединившись в кабинете, и темпераментно спорят. А мы с Антониной Константиновной, как обычно, говорим сначала о любимой механике, а потом переходим на дела семейные. Жалуемся друг другу: беспокойные характеры у наших мужей, а здоровье что у одного, что у другого требует строгого соблюдения режима.

Усаживаемся за стол. Пилюгин любит чай покрепче, без сахара, с лимоном. Он, как и Михаил Кузьмич, страдает диабетом.

Пока пьем чай, Николай Алексеевич не сидит без дела. Уже успел из серебристой сигаретной фольги изготовить десяток коробочек. Все знают, что это любимое занятие академика во время бесед, заседаний. Коробочки горой лежат на столе.

— Тебе бы, Николай, фабрику открыть, — советует Михаил Кузьмич.

Пилюгины обычно привозят с собой магнитофон и ленты с записями песен. Это их давнее увлечение.

— Библиотека у Николая, — серьезно говорит Михаил Кузьмич, — состоит из двух фундаментальных частей: научные труды — десять процентов, записи песен — восемьдесят пять.

— А еще пять? — спрашивает, откладывая в сторону очередную коробочку, Николай Алексеевич. — Где еще пять? Величина все-таки немалая.

— А пяти и не будет, — хитро прищурившись, отвечает ему Михаил Кузьмич. — Считать-то, оказывается, умеешь, когда речь идет о твоей «библиотеке». Согласен с тобой, что величина это немалая...

И разгорается спор. Проблема веса в ракетной технике — проблема номер один.

В нашем саду не так уж много кустов и деревьев, посаженных самим Янгелем. Но именно Михаилу Кузьмичу обязаны своей удивительной стройностью молодые яблони, буйно цветущие весной. Это по его просьбе с помощью веревок и кольев были снивелированы они с завидной точностью.

Разнообразны и сорта крыжовника, то нежно-золотистого оттенка, то желтого, то густо-коричневого. Михаил Кузьмич очень любил ароматное варенье именно из этих ягод. Облепиху, бросившую к зеленому забору свои кудрявые веточки, посадил он сам. Облепиха — подарок Пилюгиных.

— Дождусь ли я плодов этого удивительного врачебного дерева? — спрашивал Михаил Кузьмич, тщательно притаптывая у корня саженца рыхлую черную землю. — Если и нет, то все равно когда-нибудь добрым словом помянут меня и дети и внуки... Мне особенно приятно, что это дерево — подарок друга. Говорят, что растение, подаренное недругом, никогда не приживается... Когда будут плоды, начнем конкурировать с Николаем Алексеевичем

в изготовлении благодатного облепихового масла... Впрочем, в вопросах, так или иначе связанных с медициной, я заранее отдаю ему превосходство.

— Вспомнил «ухоразвертку»? — спросила я.

— Да. И потерянный мною приоритет в их изготовлении...

А дело было такое. Однажды к нам заехали вместе с Николаем Алексеевичем два академика. Начались обычные «академические» споры с дымовой табачной завесой... В затянувшийся разговор неожиданно вмешался наш Саша.

— Не может ли такой солидный ученый форум помочь медицине? — робко спросил он академиков.

— Докладывай, но кратко, — санкционировал отец.

— Я только из больницы. Был в отделении, где лечат горло, уши и нос. И делают сложнейшие операции на «отоларингологических объектах». Но вот беда: у хирургов выбыл из строя основной инструмент, необходимый для операции в полости уха.

С этими словами он бережно положил на стол что-то весьма напоминающее щипцы для грецких орехов или раскрытую пасть небольшой акулы.

— Единственный, как мне сказала заведующая отделением Анна Алексеевна... Очень срочные операции они вынуждены отложить.

— Расширитель для ушной полости, — сказал задумчиво один из академиков, взяв инструмент в руки. — Сложный механизм. К сожалению, в моем институте его не восстановить.

— Пообещал, что отец непременно сделает? — спросил Михаил Кузьмич, внимательно рассматривая «ухоразвертку». — Ну что же... Сделаем в месячный срок. И триста рублей за твой счет, чтобы не давал без договоренности со мной обещаний.

— Единственный, папа. Очень нужен... И если можно, на общественных началах, без затрат... Это ведь для больных, да еще таких тяжелых.

— Сделаю я. Бесплатно. И в течение недели, — раздался спокойный голос Николая Алексеевича. — Заверни его, Саша, поаккуратней, а то отлетят и последние зубья...

Через неделю инструмент был отремонтирован. Сюрпризом для медиков был и его двойник, изготовленный у Пилюгина.

— Хитрая оказалась работа, — сказал Николай Алексеевич, передав «ухоразвертку» Саше. — Нашему главному инженеру и технологам пришлось немало поразмыслить. Профиль-то наш несколько иной. Но медикам мы помогать обязаны.

Врачи, получив драгоценные «ухоразвертки», попросили передать Николаю Алексеевичу, что всегда готовы сделать ему вне очереди любую операцию.

Нередкий гость в нашем доме Андроник Гевондович Иосифьян. Город он не любит: воздух не тот, душно. Забирается, вырвавшись из Москвы, на второй этаж своей дачи и сидит подолгу за письменным столом. А в окошке яблони, как бы вросшие в раму: протяни руку — коснешься ветвей.

— Вновь Андроник зарылся в теорию относительности, — говорит Михаил Кузьмич.

Трудами Эйнштейна Андроник Гевондович увлечен давно. Михаил Кузьмич говорит убежденно, что в общей теории относительности на земном шаре разбираются до конца человек десять-пятнадцать, не более.

На книжной полке нашей библиотеки — четырехтомник великого физика. Михаил Кузьмич нередко держит в руках эти книги и, когда в дверях появляется знакомая фигура Иосифьяна, он первый заводит разговор на интересующую обоих тему. Спорят долго, увлеченно и азартно.

— Скажи, Андроник, — спрашивает Михаил Кузьмич, — ты и с колхозниками тоже говоришь лишь о теории относительности? Или это действие воздуха нашего Подмосковья?

Андроник Гевондович родился в Нагорном Карабахе. Колхозники тех мест давно выбрали академика своим почетным председателем. Иосифьян всегда в курсе дел колхоза, помогает добрым советом.

— Воздух! — повторяет Иосифьян. — Какой в Нагорном Карабахе воздух! А люди?! Каждый второй обязательно выдающийся человек.

— Ты и вправду певец своего края, — восхищенно говорит Михаил Кузьмич. — Будь у тебя дар Расула Гамзатова, воспел бы, наверное, Нагорный Карабах так же ярко, как он Дагестан. После твоих рассказов я по-

лон желания отправиться вместе с Ириной в горы. Скажи, Андроник, ты убежден, что звезды там ярче?

— И ярче и ближе, Михаил Кузьмич.

И в который раз мы обсуждаем вариант поездки в Армению и Азербайджан. Давно зовут в гости Ибрагимовы. Хочется побывать в Баку, Ереване. Побродить по берегам Севана. И обязательно заглянуть в Бюраканскую обсерваторию, где так дружески «говорит со звездами» академик Амбарцумян.

Сколько еще неосуществленных планов! Сколько неуемного желания поколесить по дорогам своей страны!

...Михаил Кузьмич очень любил чинить велосипеды. Именно чинить, а не крутить ногами педали. Это удобное средство для передвижения по земле мы покупали сначала нашим детям: в четырех-, потом трех- и, наконец, в двухколесном варианте. А потом в такой же последовательности дарили велосипеды подрастающим внукам. И чинил все эти велосипеды всегда Михаил Кузьмич.

В памяти остался эпизод, о котором вскользь упоминает в рассказе «Мой велосипед», напечатанном в журнале «Юность», Наталья Филиппенко.

В выходной день мы навестили на даче наших друзей. Вся семья встретила нас слегка опечаленной:

— Надо случиться такой беде! Впервые за долгую жизнь «развелосипедился» наш фамильный велосипед. Куплен еще в тридцать шестом году, служил безотказно трем поколениям. Придется везти чинить в Москву.

— О, да это фирма «Опель»! — заблестели глаза Михаила Кузьмича. — Редкая машина! Может быть, рискнете доверить ремонт мне? В велосипедах я разбираюсь, пожалуй, не хуже, чем в кое-каких других изделиях.

И он тут же у крылечка дома занялся ремонтом.

— Вот и пригодилось орудие каменного века, — шутил он, ловко орудуя придорожным камнем. — Легкая восьмерка. Чуть погнутый щиток. Мелкие, легко устранимые дефекты.

И вскоре, явно довольный и велосипедом и своей работой, он уже передавал руль владельцам «Опеля»:

— Великолепный велосипед! И чувствуется, что в хороших руках. Думаю, что успешно послужит не только четвертому, но и пятому поколению вашей семьи...

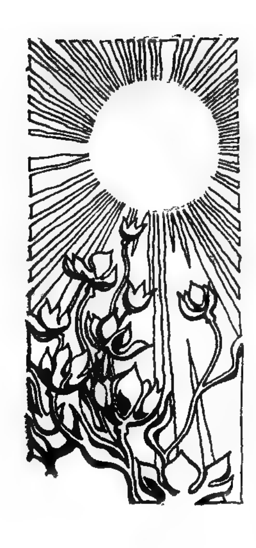
С подкупающей теплотой рассказывал Михаил Кузьмич о встрече с Фиделем Кастро. Она произошла на одном из приемов в Кремле, когда вождь кубинской революции гостил в нашей стране.

Международная обстановка была тогда достаточно сложной и напряженной.

— На приеме было много гостей, — вспоминал Михаил Кузьмич. — И много тостов. Подошел черед и нашему. С бокалами вина мы подошли к столу президиума. Всем хотелось чокнуться с Фиделем. Легендарный человек!.. Как дружески пожал мне руку Фидель! Приглашал на Кубу. С каким удовольствием пошагал бы я по острову Свободы!

...Перекрестки. Перекрестки. Встречи с людьми. Памятные события. Разве расскажешь о всех?! Было их в жизни много.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
РЕКВИЕМ

Август тысяча девятьсот семидесятого года. Мы с Михаилом Кузьмичом отдыхаем в санатории «Рижский залив», недавно построенном на берегу Балтийского моря в Юрмале.

Телефонный звонок. Снимаю трубку.

— Добрый день! Говорит Круминь. Мы с супругой приглашаем вас в Домский концертный зал на «Реквием» Моцарта. Поет Государственный латышский хор, а оркестр Кирилла Кондрашина.

И вот мы с Виктором Михайловичем и Элеонорой Николаевной Круминь, нашими латышскими друзьями, сидим в центре великолепного зала Домского собора.

— «Реквием», — задумчиво говорит Михаил Кузьмич. — Прочел я недавно книгу о Курчатове. Незадолго до кончины он слушал «Реквием» Моцарта в Московской консерватории. Это был его последний «выход в свет». Последний выход...

— Гоните прочь грустные мысли, — перебивает его Элеонора Николаевна. — Полюбуйтесь лучше, какая готика! А резьба по дереву?! А цветные витражи!

— Красиво. Очень красиво. Чего не сделают умелые руки! Меня, откровенно говоря, потряс рассказ об органе Домского собора. Около семи тысяч разнообразных труб и трубочек: от десяти метров и до трина-

дцати миллиметров длиной. А материал не только металл, но ель, клен, дуб и даже яблоня. Пожалуй, конструкция не уступит по сложности нашим ракетам.

К разговору присоединился Кирилл Кондрашин. В этот вечер он выступает в роли слушателя. Оркестром дирижирует заслуженный деятель искусств Карл Элиасберг. Это он в блокадные дни Ленинграда в переполненном зале филармонии дирижировал только что написанной Дмитрием Шостаковичем Ленинградской Седьмой симфонией.

...Вольфганг Амадей Моцарт... Он написал когда-то: «Достичь небес — это нечто прекрасное и возвышенное, но и на любимой Земле несравненно прекрасна жизнь! Поэтому оставьте нас быть людьми».

Будучи в Зальцбурге, живописном городе в предгорьях Альп, я посетила дом, где родился и вырос один из величайших композиторов мира.

В Вене, на кладбище Святого Марка, долго искала его могилу.

— Могилу Моцарта? — переспросил один из встретившихся туристов. — Разве вы не знаете, что он похоронен в общей могиле с бедняками и что по сей день не могут найти место, где он захоронен?

...Над «Реквиемом» Моцарт начал работать, будучи уже тяжело больным. История создания этого шедевра воистину драматична.

Анонимное письмо, переданное композитору незнакомцем в июле 1791 года с просьбой написать (за большое вознаграждение) поминальную мессу, но не разыскивать заказавшего ее человека. И Моцарт, еще опьяненный успехом «Волшебной флейты», дает согласие. «Реквием» будет глубоким, сердечным, взволнованным, полным драматизма. Не для себя ли он пишет его?!

Из двенадцати задуманных частей Моцарт успевает закончить лишь семь: «Requiem aeternam. Kyrie eleison», «Dies irae», «Tuba mirum», «Rex tremendae», «Recordare», «Confutatis» и «Lacrimosa». В «Lacrimosa», что значит «Слезная», звучит и безысходная тоска, и мольба, и светлая вера в будущее...

Жизнь оборвана. Моцарт мертв. Остальные пять частей «Реквиема» дописывает его ученик, композитор Ф. К. Зюсмайер. У Моцарта остались наброски. К то-

му же ученик хорошо знаком с творческими замыслами учителя.

Закончив работу, Зюсмайер претендует на соавторство.

Но «подлинным автором» «Реквиема» считает себя и граф фон Вальзег цу Штуппах. Это он заказал музыку, послав к Моцарту «таинственного незнакомца» — своего управляющего. Деньги заплачены сполна. Через два года после смерти Моцарта граф дирижирует на вечере, посвященном памяти покойной жены. Исполняется «Реквием», сочиненный им, графом. Все знают, что у композитора-дилетанта Вальзега есть своя капелла, что он неплохо играет на флейте, дружит с виолончелью и изредка сочиняет музыку. Возможно, и «Реквием» написан им?!

Кропотливо изучают архивные документы историки-музыковеды. И истина торжествует. Величайший шедевр мировой музыкальной культуры, говорят они, принадлежит только великому Моцарту. Претензии Зюсмайера и тем более Вальзега необоснованны. В концертных залах городов мира звуки оркестра переплетаются и сливаются с голосами хора. «Реквием» Моцарта поражает могучей силой, удивительной проникновенностью и красотой. Великолепной фугой начинается произведение и ею же заканчивается в «Agnus Dei. Lux aeterna».

...Концерт в Домском зале начался. Звуки органа, заполнив зал, величаво поплыли под сводами старинного здания. Прекрасно!.. Более двух часов волнующего музыкального плена. Мы вышли на улицу, встретившую нас светом неярких фонарей и легким ветерком с моря.

— В отличие от моей жены я — редкий гость симфонических концертов, — сказал при прощании Кондрашину и супругам Круминь Михаил Кузьмич. — Классическую музыку, говоря по совести, не очень-то понимаю. Но сегодня удовольствие получил необыкновенное.

Август тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

Я вновь в Эстонии. Знакомые, ставшие милыми сердцу края.

Все те же изгибы добротной шоссейной дороги. Синева моря, то близкая, то прячущаяся за зеленью прибрежных кустов. Холодная Балтика прогрета солнцем. Лето выпало жаркое.

Кейла-Йоа (что значит «устье реки Кейла») успока-

ивает приятной прохладой. Чиста и прозрачна вода в быстрой, бегущей к морю реке. Приветливо встречает меня прижавшаяся к берегу уютная, старой постройки двухэтажная дача с остроконечной крышей.

Кейла-Йоа — одно из красивейших мест в Эстонии. Здесь все пропитано дивным запахом моря, сосен, а для меня еще и воспоминаниями.

День уходит. Там, вдали, за стволами деревьев, торжественно и спокойно опускается в море огненный шар солнца.

Стою у берега. Долго смотрю на бегущие друг за другом белые гребешки. И мне кажется, что это бежит с волной моя грусть, моя печаль...

Темны окна старой дачи. Неподвижны сосны... Кейла-Йоа, Кейла-Йоа...

Проходит день, другой. Без устали брожу по Кейла-Йоа, словно ищу безвозвратно ушедшее прошлое. Вот по этой дорожке мы шли не спеша к водопаду... На этом лугу собирали цветы... На этом склоне лакомились душистой малиной... Возле этого старого дуба, полюбившегося Михаилу Кузьмичу, подолгу сидели на траве...

Все было. Все прошло. И прошлого не вернуть, как не войти дважды в воды текущей реки. Я повторяю вновь и вновь, как заклинание: надо жить, работать, думать о будущем. Надо снова научиться жить.

Тропинка бежит и бежит под ногами извилистой змейкой. Не уйти мне сегодня от горького одиночества. Нас часто разлучали расстояния. Но одиночества не было — телефонные провода, строки писем и телеграмм связывали нас каждый миг, даже в долгие дни неизбежных разлук.

Крутой спуск к реке. Не здесь ли однажды мы спорили с ним о ракетных делах? Обсуждали его творческие замыслы?.. Ракеты... Он так много, почти непрестанно думал о них, особенно в последние годы.

Море все ближе. По слегка покачивающимся верхушкам сосен чувствую, что поднимается ветер. Скоро он растревожит морскую гладь.

Много веков тому назад в этих краях властвовал могучий ледник. Неудержимо двигаясь с севера на юг, он тащил за собой длинный шлейф — громадный груз морен. А когда теплело, лед таял и, медленно исчезая, оставлял вместо прохлады и голубизны своей лишь округлые серые камни да желтую россыпь песка.

— Вот оно, далекое прошлое нашей планеты, — говорил Янгель. — Эстам досталось нелегкое наследство: камни да горсти насыпанной сверху земли. Потому так нелегок здесь труд земледельца.

...Гул ветра постепенно нарастает. Могучий гул. Сосны склоняют свои верхушки то влево, то вправо, словно о чем-то взволнованно перешептываются.

Босые ноги вязнут в песке. У причала — рыбацкие лодки. Застыли, уткнувшись носом в старые бревна. У каждой — свой номер. А вот и наш, памятный: 1313...

— Будем брать всегда эту, — говорил Михаил Кузьмич, указывая на лодку с двумя «чертовыми дюжинами» на борту. — Она самая устойчивая.

— Все одинаковы, — пожимал плечами лодочник.

— Нет, нет. Именно эту, — просил Янгель. — С числом тринадцать у нас связано много добрых событий. Именно эту!

И мы садились в лодку со счастливым номером. Михаил Кузьмич ставил на дно заслуженный рыбацкий чемоданчик с лесками, крючками, поплавками, инструментом. Садок и удочки размещал по правую сторону — так сподручнее. Заводил мотор и занимал место рулевого. Каким добрым и радостным было в эти минуты его лицо!

Я часто думаю теперь: почему он так любил рыбачить? Приучил, кстати, к этому всю семью... Вероятно, главным было то, что в эти часы происходило автоматическое переключение всей его нервной системы с критического режима на щадящий. Многое можно было обдумать в тиши, часами глядя на поплавки.

...Ритмично работает мотор. Как всегда, плывем сначала к большому валуну. Он как маленький островок. Выступая над поверхностью воды, блестит на солнце его отполированная волнами и временем «макушка». Глубина здесь значительная.

— Первым делом надо закурить, — говорил обычно Михаил Кузьмич, доставая пачку «Новости».

Если у валуна рыбацкое счастье нам не улыбалось, то мы снимались с якоря и отправлялись невидимыми и неведомыми морскими тропинками на поиск камбалы, окуня, трески, плотвы или серебристых щук. Иногда о чем-нибудь говорили, но чаще просто молчали, думая каждый о своем. И все не уставали любоваться морем, небом, извилистой лентой берега. Дивный уголок земли, щедро одаренный природой.

— Вдвойне приятно, — говорил Янгель, — что на этих добрых берегах живут такие замечательные люди.

И скользил взглядом по очертаниям берега, на котором так уютно расположились домики жителей Кейла-Йоа.

Домой возвращались голодные и приятно усталые. Лодочник заводил нос лодки к причалу, гремел тяжелой цепью.

— Удивительные у вас сосны, — говорил ему Михаил Кузьмич. — Интересно, сколько им лет? Сто? Больше?

Лодочник смотрел на деревья, словно видел их впервые. Отвечал, неторопливо подбирая слова:

— Может быть, сто. Может быть, больше.

А на даче, возле накрытого стола, уже суетилась приветливая Айно.

— Ой, какой большой рыба! — восклицала она, рассматривая наш улов. — Вы, наверное, ловили его на самом дальнем краю моря?!

— Угадали, Айно, — кивал довольный Янгель. — Почти у берегов Хельсинки. Но, Айно, дорогая, рыба — существительное женского рода. Надо говорить не «большой», а «большая» рыба.

— Я буду запоминать, — смущенно отвечала Айно. — Большая рыба, большая рыба... Я опять допустил сегодня русскую ошибка.

— Не огорчайтесь, — утешал Михаил Кузьмич. — Успехи у вас заметные. А вот мы с женой, кроме приветственного слова «тере», так и не выучили ничего по-эстонски. А еще называемся учеными!..

...Воспоминания захлестывают, как волны. Пенистые брызги падают и падают на лицо. И я не знаю: соль ли это моря, или соль невольно набежавших слез...

Как часто подставляли мы здесь когда-то свои лица встречному ветру! Громко кричали друг другу, стараясь расслышать слова в этом мощном гудящем потоке. А ветер, подхватывая, уносил их куда-то с собой.

И сегодня, уже одна, я опять бросаю навстречу ветру слова. И томительно жду: вдруг в ответной волне донесется до меня звучавший когда-то здесь голос. Такой знакомый, такой родной... Долго жду.

И ветер то уносит, то приносит сказанные, а может быть, и несказанные слова...

— Как дела, Мэм?

— Я пишу о тебе книгу.

— Обо мне или о нас с тобой?

— О тебе, о себе, о нашей семье. И еще о друзьях, о людях, с которыми мы прожили жизнь.

Солоноват вкус морской волны... И словно стонет кто-то...

— О друзьях? И о тех, кто с моим уходом ни разу не переступил порога нашего дома?

— Зачем так, дорогой?! Я не осталась одна. Рядом много хороших добрых людей. Ну а о тех, что спрашиваешь ты... Да, было время, когда наша дружба с ними была искренней и радостной. Однако жизнь с ее крутыми поворотами приносит как неизбежность встреч, так и неизбежность расставаний. От этого не уйти...

Темные свинцовые облака надвигаются справа. Что несут они с собой: дождь, ураган, грозу? А может быть, пройдут на этот раз мимо?!

— Пожалуй, ты права. Так что же будет в твоей книге?

— Рассказ о жизни... Как сложно здесь соперничество фактов и размышлений над ними.

— Да, писать такую книгу нелегко. Часто в дымке прошлого виднеются лишь контуры, тени...

И в гуле прибрежного ветра растворяются слова.

— Я хочу рассказать о судьбе крестьянского мальчика из далекой сибирской тайги, родившегося всего за шесть лет до Октябрьской революции. Ему повезло: он попал в прославленный коллектив ткачей и прошел там отличную рабочую закалку. Потом стал учиться в Московском авиационном институте, навеки полюбив крылатую мечту.

— Подожди! Но тебя не было рядом со мной, когда я жил в Сибири, работал на ткацкой фабрике. Как напишешь ты об этом? О многом я так и не успел тебе рассказать.

— Мне помогут могучие кедры Сибири, бескрайность ее тайги, челноки ткацких станков, старые фотографии и воспоминания людей, знавших тебя до меня.

— А осуществление мечты? Ты не забудешь сказать, почему оно стало возможным?!

— Конечно, не забуду. Жизнь крестьянского мальчика самыми тесными, кровными узами была связана с жизнью народа, страны.

Сначала комсомолец, потом коммунист, ты жил делами и заботами своей Родины. Вместе с тобой работали и коллеги и ученики. Среди них немало людей талантливых, смелых, дерзновенных. Жаль, что на страницах этой книги я смогу рассказать не о всех... И потом... Разве все это осуществилось, если бы не вложили свой труд в создание уникальных изделий рабочие, чьи руки по праву называют золотыми.

— Еще о сибирском мальчике. Говоря о его жизни, ты не сможешь не сказать, что у него были недостатки. Они ведь были...

— Ты был человеком. А каждому из людей присущи свои человеческие слабости. Но мне кажется, что, вспоминая о прошлом, надо уметь видеть главное. Ты был хорошим человеком, дорогой! Разве забыть, как плакали по тебе знакомые и незнакомые люди?

— Это уже разговор о последних страницах жизни. И еще... Прости!.. Неужели ты хочешь отдать на суд людей нежные строки писем, когда-то написанных нами друг другу? А если тебя не поймут, если бросят тень на самое дорогое?

— Я долго раздумывала над этим. Далеко не все сохранившиеся письма приведу я в главах этой книги. Некоторые из них — только твои и мои. Но нельзя нарисовать портрет человека, не раскрыв глубинных черт его характера. В пожелтевших от времени листках звучит твой голос, живут твои слова, сохранены твои мысли и чувства.

— А о том, что я никогда не шел на сделку с совестью, всю жизнь боролся с подхалимами и трусами, хотя, к сожалению, и не всегда успешно, — ты расскажешь об этом, Мэм? И о том, как жизнь хлестала меня, и не раз, а со мной и тебя?

— Я не забыла об этой главной черте твоего сибирского характера — прямоте. Нелегко идти по крутым жизненным склонам. Кто и какой мерой оценит, сколько сил и мужества надо было вложить в каждый новый старт?

И в памяти проходят мгновение за мгновением...

— А день двадцатого августа тысяча девятьсот семидесятого года? Ты помнишь тот вечер в старом Домском соборе?

— Такое не забывается.

— Как потрясла меня тогда музыка Моцарта! Этот

вечер был незадолго до нашего прощания с тобой... Слушая музыку, я думал, что для каждого человека можно написать «Реквием». Каким он слышится тебе, мой «Реквием»? Чего в нем больше: скорби, грусти, нежной тоски, любви или драматизма? Что звучит в нем сильнее всего?

— Бессмертная сила жизни...

В гул ветра вплетаются звуки органа. Мне чудится, будто многоголосый хор в такт порывам ветра исполняет волнующую мелодию. Звуки медленно тают, и вновь слышна лишь песнь ветра, бегущего по верхушкам темнеющих сосен.

— А откуда сегодня ветер, Мэм?

— С моря. Теплый порывистый ветер. Сегодня он бросил в мое лицо так много соленых брызг. Нет, не слез. Просто брызг... Просто капель...

Все быстрее бегут к берегу белые гребни. Чайки не в силах противиться мощным порывам ветра: их относит все дальше в море.

Как похожа жизнь человека, думаю я, на бушующий океан, в котором смешано все: сила и храбрость, страсть и мужество, ненависть и любовь. В ней тоже есть свои цунами и девятые валы. И кто знает, кто ответит, что лучше: всегда спокойная гладь или вечно бушующие волны?

...Медленно бреду вдоль берега. В окнах дачи приветливо светятся огоньки. Вечерние тени ложатся на стволы сосен. Стынут в отмелях разомлевшие от дневного зноя пески.

Неужели уже вечер?

...«Introitus». И рождаются слова в такт волнующей мелодии. Медленное адажио сменяется стремительным аллегро. Еще одно мгновение, и смолкает последний аккорд первой части «Реквиема Янгеля».

Данте. Эта книга стоит среди других на книжной полке.

За окнами кружат снежинки, предвестницы скорой зимы. Они ложатся на еще не промерзшую землю и тут же тают. Ложатся и тают... Михаил Кузьмич откладывает в сторону газету, закуривает.

— Не почитать ли нам сегодня вслух? И знаешь, что именно? Данте... Как образно назвал его когда-то Пушкин: «Суровый Дант». Что меня всегда трогает — необыкновенная сила его любви к прекрасной Беатриче.

— Ты говоришь о книге «Новая жизнь»?

— Да. Недавно я вновь перечитал некоторые страницы... Но сегодня хотелось бы послушать «Песни рая». Как-никак космическая тематика. Какое образное представление Луны, Солнца, планет солнечной системы!

— Ну что ж. Давай почитаем «Божественную комедию».

...И как огонь, из тучи упадая,
Стремится вниз, так может первый взлет
Пригнуть обратно суета земная...

— Прочти-ка эти строки еще раз! Они как эпиграф к нелегким жизненным главам многих людей. Не избежал такого и я.

Он задумчиво смотрел на тлеющую в руках сигарету.

— Ты хочешь сказать, что у «первопроходцев» порой не все идет гладко?

— Да. И это понятно каждому. На пути создания такой сложной техники, как наша, были и неизбежные трудности, и непредвиденные «сбои», были и неудачные старты.

До старта оставался час с небольшим. Все шло отлично. Но ох как трудно совладать с высоким нервным напряжением вблизи уже заправленной ракеты.

На площадке, как всегда, людно. Здесь и его коллеги, которых принято называть обобщающим словом «смежники», и деловые «заказчики», и, конечно, его «ребята» из КБ. Как выросли они за последнее время! Стали степеннее, рассудительнее, многоопытнее.

Один из представителей Государственной комиссии, чье мнение было для Янгеля особенно важным, настроен сегодня отлично. С утра обменялся с главным рядом деловых соображений. Сел на раскладной стул. Сказал улыбаясь:

— Красавица-то какая!

Большинство людей на площадке в спецодежде. Один, уже немолодой, все крутится рядом. Видно, с чем-то хочет обратиться.

— Ко мне? Выкладывай...

— К вам, товарищ Янгель. Уж вы извините: дел, я знаю, у вас по горло. Но сынишка очень просил. Автографы он собирает. Недавно товарищ Королев на книжке расписался. А вот к вам никак не подберусь...

— Это у кинозвезд автографы берут, а не на стартовых площадках.

Но, увидев в глазах просителя грусть, главный помягчел:

— Ладно, давай. Подпишу. Кажется, первый раз в «знаменитости» попадаю. Сколько сыну-то лет?

— Восьмой пошел.

— Школьник, стало быть?

— Школьник, товарищ Янгель. Письма пишет: конфет, отец, не присылай, а вот автограф бы еще...

И он протянул Янгелю книгу небольшого формата.

— Почему вдруг Марко Поло?

— По космосу, как на грех, ни одной не нашел. А эта интересная, про путешествия. Марко Поло двадцать с лишком лет странствовал. У Хубилая служил, а потом через Тихий и Индийский океаны плыл.

— Я читал. Его книга, кстати, была настольной и у Колумба, и у Васко да Гамы, и у Магеллана.

Тут кто-то подошел:

— Михаил Кузьмич, вас срочно вызывают на переговорный.

— Иду... Вот любитель автографов меня заговорил... Давай, пока просто распишусь, а потом твоему сыну что-нибудь сочиню.

— Спасибо, товарищ Янгель.

Главный зашел на переговорный пункт. Вызывала Москва. Доложил обстановку. Потом зашел в курилку, расположенную в бункере. Здесь собралась целая группа. Подымили. За папиросой как-то проще решаются сложные, острые вопросы.

Вернулся на площадку. Подошел к ракете.

— Красавица-то какая! — повторил представитель Государственной комиссии. И добавил: — Погода для пуска на редкость удачная.

— Пошли, покурим, — сказал ему Янгель.

— Да ты только дымил.

Но Янгель уже неторопливо шел, раздумывая о чем-то, к специально выделенной для курящих площадке на открытом воздухе. Вынул пачку «Новости».

Эти сигареты прислала я с оказией. Еще письма и диабетические сладости. А человеку, пришедшему за посылкой, сказала: «Эти сигареты полегче, не так вредны для здоровья. Пусть только их и курит». А он в ответ: «Да, не курить в той обстановке трудно. А Кузьмич к тому же курильщик заядлейший».

...Тот старт не оказался удачным. Память сохранила подробности того поначалу хорошо складывающегося дня. И яркое солнышко на площадке, и добрые слова в адрес «красавицы ракеты», и первый в жизни автограф на книжке Марко Поло. И еще сигарету, которую он закурил, полный раздумий о предстоящем старте.

«Dies irae», что значит «День гнева». В жизни Янгеля были и нелегкие старты.

Летом 1961 года мы собрались на отпуск в Крым.

В санаторий приехали вместе с сыном.

— А где глава семьи? — спросил при встрече главный врач.

— Прилетит дня через два, прямо с космодрома.

Но Михаил Кузьмич появился только через десять дней, когда я уже потеряла всякую надежду на его приезд.

— Замотали дела, — сказал он устало. — Думаю, что удастся пробыть здесь неделю. Сейчас у меня образовалось неожиданное «окно» — испытатели проведут подготовительную работу без меня. Хочется окунуться в море, хорошенько отоспаться и, конечно, побыть с вами.

Утром следующего дня зашел главный врач санатория.

— С Днем шахтера, Михаил Кузьмич!

— Спасибо. Вас также. Правда, я работаю не под землей, а над ней, так что прямого отношения ко мне праздник не имеет. Хотя друзья среди шахтеров у меня есть, добрые друзья.

— Так вот, по поводу Дня шахтера сегодня устраивается небольшой прием. Приглашены и вы с супругой.

Мы слегка заволновались. Успокоил нас Андрей Николаевич Туполев:

— На таких встречах все просто и скромно. Для гостей обычно устраивается стрельба по тарелочкам. Так что, Михаил Кузьмич, готовьтесь.

Встреча, как и предсказывал Туполев, была непринужденной.

Среди гостей были Янош Кадар, Кваме Нкрума с супругой, многие наши министры, ученые, деятели культуры, знатные шахтеры.

Сначала всех пригласили на верхнюю площадку. Началась стрельба по тарелочкам. Запущенные из-под горы, они взлетали вверх, и надо было поразить их прямо на лету. Проверили свои силы В. И. Чуйков, А. И. Еременко. Отличился Янош Кадар, попавший в тарелочки все пять раз.

— Вот это снайперская точность! — наклонился ко мне Михаил Кузьмич. — Я и раньше слышал, что товарищ Кадар отличный стрелок. Теперь убедился воочию.

В это время к нам подошла группа товарищей, не все из которых были мне знакомы.

— Привет тебе, Янгель. Не хочешь ли попробовать по тарелочкам?

— Спасибо, но я человек сугубо «гражданский». По такой стрельбе не специалист.

Во время этого разговора к нам подошел еще один товарищ и обратился к Янгелю.

— Михаил Кузьмич, должен огорчить тебя. Только что звонили. Ты срочно нужен там. Надо лететь.

Я не выдержала.

— Извините, неделя отдыха — это совсем немного. Михаил Кузьмич так устал...

— Ваше волнение понятно. Но обстановка сейчас такова, что ваш муж должен быть там, на месте, где ведется работа. При первой возможности ему будет обеспечен самый хороший отдых... Есть люди, которые принадлежат прежде всего Родине, а потом уже своим семьям. Михаил Кузьмич из их числа. Постарайтесь это понять...

Спустя час я укладывала чемодан, а еще через два часа мы с сыном провожали Михаила Кузьмича на Симферопольском аэродроме.

— Значит, уезжаешь, — вздыхала я.

— Не огорчайся, пожалуйста. Нужно ехать. Хорошо хоть два дня побыл с вами, окунулся в море.

...Долго стояли мы с Сашей у взлетной полосы, пока самолет, на котором улетел Михаил Кузьмич, не растворился в темноте теплой южной ночи.

«Tuba mirum»! Есть люди, которые прежде всего принадлежат Родине.

Седьмое ноября. Развеваются по ветру красные флаги. Толпы нарядно одетых людей. У малышей в руках цветные шарики.

Последние годы мы с Михаилом Кузьмичом всегда ходили на гостевые трибуны Красной площади. Он, как и я, любил приподнятую обстановку, встречи с друзьями в эти волнующие праздничные дни.

А вот сегодня на парад не пошли. Утром Янгель, посмотрев на присланные накануне пропуска, сказал:

— Вот досада какая. И ты приболела, и у меня ноги отказываются служить. Придется посидеть у телевизора.

Когда мимо Мавзолея прошли ракеты, он поднялся:

— Давай-ка все же выйдем на улицу. Скоро вся боевая техника пройдет по Садовому кольцу.

Потеплее одевшись, мы вышли из дома. Янгель грузно опирался на массивную черную палку, давно уже ставшую его постоянной спутницей. Миновали Патриаршие пруды. Остановились на углу Садовой.

В многотысячной толпе, в этом бурлящем живом потоке, естественно, никто не обратил внимания, что к стоящим по краям тротуара людям присоединилась еще одна уже немолодая пара. Взгляды плотной стены людей были прикованы к середине проезжей части улицы, по которой с глухим урчанием, пофыркивая сизым дымком, двигались бронетранспортеры, самоходные орудия, танки, зенитные управляемые ракеты.

Вскоре показались и стремительно-изящные тела мощнейших межконтинентальных ракет. Они по укоренившейся традиции замыкают каждый год шествие могучей боевой техники.

— Жаль, что не пошли сегодня на Красную площадь, — сказала я Михаилу Кузьмичу, который с высоты своего роста раньше меня увидел ракеты.

— С моими-то ногами? Вряд ли бы я выстоял, — ответил он с виноватой улыбкой.

Мимо нас медленно проплывала темно-зеленая громада. И вдруг совсем рядом раздался звонкий мальчишеский голос:

— Деда, — громко спросил мальчуган, восседавший на плечах пожилого, но еще бодрого, подтянутого человека, — а кто делал эти самые главные ракеты?

— Этого знать нам пока не положено, — ответил дед внуку. И неожиданно добавил: — Эх, посадил бы я

на эту самую ракету главного конструктора да провез торжественно по Красной площади, чтобы все видели.

— Прокатился бы? — шепотом спросила я Михаила Кузьмича.

— Верхом?! — изобразил он на лице шутливый испуг.

...Ракеты скрылись вдали. Мы выбрались из толпы и направились к дому. Уходя, услышали, как дед, обращаясь то ли к внуку, то ли к себе, произнес:

— Дай срок, узнаем и фамилию и имя.

Михаил Кузьмич вынул сигарету, закурил.

Кто-то из ребятишек выпустил из рук большую связку цветных шаров, и они медленно воспарили к крышам домов.

— Знаешь, Ирина, — сказал, приостановившись, муж. — К славе я никогда не стремился. Но сейчас что-то дрогнуло внутри, когда я услышал этот разговор. Наверное, все же не зря прожил жизнь. Спроси меня кто-нибудь сейчас: «Если бы дана тебе была возможность прожить жизнь сначала, то что бы ты в ней изменил, переделал?» — и я, не задумываясь, отвечу: «Оставил бы все как было, как есть».

С того дня прошло более десяти лет. В осенний октябрьский день по тому же Садовому кольцу, заполнив его протяжными гудками, проплыла длинная вереница машин. Венки, траурные ленты...

Прохожие останавливались, смотрели вслед траурной процессии. И кто знает, не стоял ли в толпе на углу Садовой и Малой Бронной тот самый, только повзрослевший мальчуган, с тем самым, только постаревшим дедом?..

Каждый школьник в грядущем мире
вашей жизнью
хвастаться будет...
Низкий, низкий поклон вам,
люди.
Вам,
великие.
Без фамилий.

...«Rex tremendae». Он не хотел бы жить иначе.

Пятый инфаркт миокарда.

Михаила Кузьмича привезли в больницу на рассвете.

Привезли из санатория, где мы лечились. Ему стало плохо ночью.

Еще накануне он чувствовал себя вполне прилично. Шутил, играл в шахматы. Впервые за долгое время врачи разрешили ему после обеда съездить в Москву на какое-то важное совещание. До этого к нему приезжали практически ежедневно и сотрудники и смежники. Привозили документы, чертежи. Вели деловые беседы. Они часами просиживали у него в комнате. Сизый дымок табака привычно, как в рабочем кабинете, пропитывал ее.

С совещания Янгель вернулся немного уставший, но очень довольный тем, что вырвался «из заточения». Сказал:

— Накрутил, кому следовало, хвоста. Мои ребята без меня, наверное, сробели бы. А надо было жестко надавить.

И, понимая мой незаданный вопрос, поспешил добавить:

— За меня не волнуйся. Чувствую себя прекрасно. Все в полном порядке.

И вот ночью страшная, неожиданная атака.

Со всеми предыдущими инфарктами он справился. Конечно, при активной помощи врачей. На сердце, как следы сражений, рубцы. Сколько их уже?! Кардиологи говорили тогда, что четыре. Потом мы узнали, что их было много больше.

Последнее время врачи постоянно наблюдали за Янгелем. Виктория Александровна Ермолаева, Татьяна Николаевна Сироткина, Вячеслав Федорович Иванов... Как велика ответственность этих лечащих врачей! Янгель — больной сложный и тяжелый. А работать продолжает в полную силу — иначе не умеет.

Татьяна Николаевна говорит:

— К больным привыкаешь, как к своим детям. Думаешь о них постоянно и на работе и дома. Радуешься и одновременно печалишься при каждой новой встрече. Историю болезни знаешь наизусть. И кажется, принесут тебе два десятка электрокардиограмм — сразу безошибочно определишь: эта ЭКГ — Янгеля, а эта — Курчатова...

Врач Сироткина долгие годы вела их обоих.

— Такие разные, в чем-то они были удивительно похожи, — вспоминает Татьяна Николаевна. — Курчатов разговорчив, более подвижен. Янгель — молчаливее. Об-

щение с этими двумя учеными доставляло мне, да и любому доставило бы огромное наслаждение. В долгие ночные дежурства я не раз, сидя у постели то одного, то другого, слушала их рассказы. Врач в больнице нередко становится для больного и другом. Удивительные это были люди. Высокого полета. Сильные характером. И вместе с тем такие доступные, скромные, обаятельные... Я так переживала их утрату...

— Виктория Александровна и Татьяна Николаевна, — не раз говорил мне муж, — это женщины, которых я беспредельно уважаю, которым безгранично верю.

Я знала: когда он в их руках, можно не волноваться. Но нельзя же все время жить в четырех больничных стенах!

Последние годы болезни свели Янгеля с доктором Ивановым. Вячеслав Федорович всегда жизнерадостен, приветлив, спокоен, уверен. Для больного это немаловажный фактор.

Если доктор нас не навещает, то регулярно звонит по телефону.

— Контрольные звонки Иванова, — говорит Михаил Кузьмич. — Можно проверять по ним часы.

Вячеслав Федорович знает о нашей семье почти все. Мы делимся с ним и радостями и горестями.

Пятый инфаркт миокарда... Какое хмурое, печальное утро!

— ...Евгений Иванович! Вы не дадите ему умереть?!.

Профессор Чазов смотрит на меня без обнадеживающего (как это бывало раньше) огонька в глазах. Рядом со мной стоят Люся и Саша. Больше в длинном коридоре четвертого этажа больничного корпуса никого.

Евгений Иванович долго не отвечает. Что он может сказать?

— Вы знаете, что такое аневризма? Сердечная стенка истончена до предела. И потом это уже не первый, не второй инфаркт... Помните, когда был четвертый, я сказал вам сразу, что мы справимся, что Михаил Кузьмич вернется в строй. А сейчас можно верить лишь в чудо. Такое в медицине тоже бывает. Но, увы, не так часто.

Евгений Иванович наблюдает за Янгелем давно. Вместе с ним не раз проводили консилиумы у постели больного и такие замечательные врачи, как Дмитрий Федоро-

вич Благовидов, Павел Евгеньевич Лукомский, Александр Петрович Преображенский, Виталий Григорьевич Попов. Янгель — пациент сложный. Если бы только сердце! А то еще и гипертония, и диабет, и больные ноги...

Все растворилось в горечи, боли, тоске и страхе за его жизнь. В то предрассветное декабрьское утро я все ходила по бесконечно длинному коридору, повторяя с отчаянием и надеждой:

— Выживи... Только выживи!..

Блики света на чистом полу. Сто шагов. Еще сто. Справа и слева — двери, белые пронумерованные двери. Все четко и строго.

Я иду и, мне кажется, слышу, как за каждой из этих дверей стучат сердца. Сердца больные, усталые. И зубчатые линии невидимых осциллограмм рассказывают о прожитых жизнях. Стучат, стучат сердца...

Замедляю шаги. Самая последняя в коридоре дверь с надписью: «Реанимация». Там лежит мой муж. У его кровати люди в белых халатах. Терапевты, реаниматоры.

Долго стою у двери. И все шепчу, все повторяю:

— Только выживи...

Из палаты выходит сестра, осторожно прикрывает дверь. Говорит негромко:

— Пульс у Михаила Кузьмича лучше. Дыхание тоже Но до нормы еще далеко.

И уходит в глубину коридора. Молчаливы белые двери. Рассвет медленно входит в большие окна.

«Recordare». Он выжил.

Он сидел на скамейке в саду, подперев ладонью тяжелый, очерченный резкими тенями подбородок. Шатром раскинула рябина над ним свои ветви, украшенные яркими красными гроздьями. В исхудавших, желтых от никотина пальцах дымилась забытая сигарета. У ног лежала, не сводя с хозяина преданных собачьих глаз, овчарка Пальма.

Осень. Рядом со скамейкой чуть покачиваются от ветра качели. Как любят их его внуки, милые малыши Сережа, Андрюша, Дима!

— Пятачок радости, — говорил Янгель. — Люблю качели еще с раннего детства. Вместе со сверстниками мастерили их прямо в таежном лесу. Конструкция нехитрая: перекладина между двумя деревьями и верев-

ка. Смастерим, а потом тарзанами в захватывающий полет.

Привыкший к деловому, напряженному темпу жизни, к вечной занятости, он испытывал теперь тягостное чувство неудовлетворенности, словно жизнь идет в отраженном свете... Вдали от коллектива, в строгом окружении спокойных, равнодушных, высоких сосен.

Встать бы со скамейки и очутиться в своем КБ! Сесть в рабочем кабинете и сразу окунуться в гущу телефонных звонков, срочных бумаг, заседаний, совещаний... А затем, обсудив неотложные дела, пройтись без особой спешки по этажам, где сидят конструкторы, проектанты, где разрабатывают узлы и блоки, компонуют системы управления и питания двигателей. Сколько подкинул бы он новых идей, родившихся за последнее время! Все увидели бы: главный не потерял за время вынужденной разлуки ни одного часа.

Мысленно он уже в цехе, идет по «Ракетному проспекту». А вот и она: могучая, красивая. Ждет, скоро ли распахнутся выездные ворота. Как хотел бы он, хоть на одно мгновение, прикоснуться к ней рукой, шепнуть: «Доброго тебе старта!»

Вчера к нему заезжали ребята из своей, кабэшной многотиражки. Он был так рад встрече с ними.

— Вы не ответите, Михаил Кузьмич, на несколько вопросов? — спросил редактор. — В канун вашего шестидесятилетия...

Янгель долго держал в руках листок с вопросами. Кажется, такие обычные. А за ними — вся его жизнь.

— Начало вашей трудовой деятельности?

Написал на оставленном для ответа поле бумаги: «1927 год. Ученик школы ФЗУ при текстильной фабрике имени Красной Армии и Флота».

Задумался. Вспомнил шумный цех, дымящийся самовар на столе в помещении коммуны. Давно это было...

— Как вы пришли в авиационный институт?

«Был принят в МАИ по путевке Пушкинского РК ВЛКСМ».

А в памяти первые лекции. Как он радовался, когда узнал, что его зачислили на первый курс!

— Когда вас избрали секретарем комитета комсомола МАИ? Как вы совмещали учебу с общественной работой?

Улыбнулся. Давний вопрос: хорошо учиться и вместе

с тем быть активным общественником. Конечно, нелегко, но при желании вполне возможно. Написал аккуратным почерком: «В первые дни учебы был избран секретарем комсомольской организации потока, потом — самолетного факультета. В 1933 году был избран членом парткома МАИ и рекомендован комсомольской конференцией на пост секретаря комитета комсомола».

Обернулся ко мне:

— Тогда-то мы и встретились с тобой.

— Где встретились? — не поняла я сначала.

А он с улыбкой:

— Отвечаю на вопросы корреспондентов.

И дописал на оборотной стороне листа, сделав сноску: «К пункту 3. Благодаря помощи товарищей по группе учебу не прерывал, но защитил диплом на три месяца позже своего потока».

— Когда и как вы пришли в новую технику?

Ответил он и на этот вопрос. Двадцать лет дружит с ракетами.

— Ваши пожелания молодежи предприятия?

На это ответить, пожалуй, легче всего.

«Инженерам — ни на один шаг не отставать от быстро идущего научно-технического прогресса в нашей и смежных областях, остальным — учиться, учиться и учиться, как завещал Владимир Ильич Ленин».

Последний вопрос:

— Если бы начать все сначала, какую бы избрали вы профессию?

Начать сначала... Прожить жизнь еще раз... К сожалению, такого не дано. Что ответит молодежи главный конструктор, академик? «Параллельно с учебой в МАИ приобрел бы специальность летчика, а потом, работая конструктором, пытался бы стать космонавтом».

Да, он хотел бы летать. Сам. Остальное все сбылось — изменить ничего не хотел бы. Он смотрит на облака, медленно плывущие над землей. Единственно, о чем он все-таки жалеет, — что не летал над нашей голубой планетой на космическом корабле.

...Осень. Думал ли он, что она будет последней в его жизни? Сбивчивый, усталый ритм сердца, ночные судороги в ногах, частые сбои дыхания предупреждали: крепчайшей силы и закалки организм сибиряка сдает. Но Янгеля не так-то легко списать. За двенадцать последних лет он выдержал пять сокрушительных нокдаунов. И пос-

ле каждого врачи открывали счет: можно повернуться, можно встать на ноги, можно сделать шесть осторожных шагов до кресла, можно выйти на улицу...

Казалось, ему ли не знать той горькой истины, что с сердцем шутить рискованно?! Однако, едва поднявшись на ноги, он ухитрялся всеми правдами и неправдами тут же включаться в работу. Советы и настойчивые просьбы докторов «щадить себя» бессильны были что-либо изменить: работать в четверть, в половину силы он просто не умел.

Тихонько поднялся со скамейки. Как шуршат под ногами осенние опавшие листья... Хозяйским взглядом окинул молодой сад. Эта крестьянская тяга к земле не угасала в нем с годами. Осторожно взял грабли, стоявшие у дерева.

— Папа! Тебе нельзя!

Дочь тут как тут. Стерегут его все поминутно: так велели врачи.

Люся отнесла грабли в сарай, грозит отцу пальцем.

— Да я только хотел поставить их на место. Бросили тут. Непорядок...

И, вздохнув, он медленно идет к дому.

В большой комнате потрескивают в камине дрова. Березовые поленья горят дружно. То тут, то там ярко вспыхивают завитки бересты.

— Как стартовый огонь, — говорит он, протягивая руки к камину.

Я знаю, сейчас он уйдет мыслями и мечтами туда, на стартовую площадку космодрома, где Государственная комиссия все чаще и чаще дает его ракетам «добро».

Горит в камине огонь. Потеплели протянутые к нему ладони. Что-то стали у сибиряка мерзнуть руки. А раньше, в самые лютые морозы, даже перчаток не надевал.

Спрашивает негромко:

— Так сколько дней еще до двадцать пятого?

— Десять, — отвечаю я. Такой вопрос он задает мне ежедневно.

...До празднования юбилея осталось восемь дней. Погода в эти утренние часы прохладная. Воскресенье. Мы ждем к себе гостей.

К полудню небо затягивается полотнищами хмурых туч.

— Ты только посмотри, какой валит снег!

Михаил Кузьмич стоит у окна. Белые хлопья падают на землю, на кусты, цепляются за иглы сосен.

— Непривычная для осени картина. Что только делается на дворе!

Ветви деревьев как по команде опустились вниз под белой тяжелой ношей. Особенно грустно выглядят березки: все ниже склоняют они свои верхушки, уже чуть не касаясь ими земли. Одна, не выдержав, надломилась.

— Экое бедствие, Мэм. Может быть, выйдешь во двор, попробуешь хоть немного отряхнуть с деревьев снег?!

Я надеваю валенки и выхожу из дома. Ноги тонут в белом пушистом ковре.

Как в сказочном царстве. Только в очень печальном.

Осторожно отряхиваю снег с ветвей. И они медленно поднимаются.

Хожу по саду от дерева к дереву. Снег перестал идти, и лучи выглянувшего вдруг солнца сверкают на льдинках, вмерзших в желтую листву берез.

У калитки встречаю гостей. Приехал наш давний знакомый с женой.

— Еле до вас добрались, — говорит возбужденная и разрозовевшаяся гостья. — На всем пути поваленные деревья. Словно кто порубил топором.

Вечером, проводив гостей, Михаил Кузьмич вновь подходит к окну. Говорит задумчиво:

— Ну и денек! Такой снег в октябре... Никогда не видел ничего подобного даже в наших сибирских краях. Знаешь, днем, глядя на эту необычную картину, я даже подумал почему-то: не прощается ли с кем-то Земля? И березки в скорбном поклоне...

Подошел ко мне, обнял за плечи. Заглянул в глаза:

— Как ты будешь жить, когда меня не станет?

Он впервые сказал это. Даже в тяжелые дни болезни он говорил только о жизни. Все сжалось внутри в тяжелом предчувствии.

— Этого не будет. Слышишь, Миша, не будет! И никогда не говори так, прошу тебя.

Кивнул головой, а в глазах такая печаль.

Зазвонил телефон. Кто-то из конструкторов. Долго говорил с ним, уже спокойным тоном, о делах... Потом заехали доктор Иванов с медсестрой.

— Как самочувствие, Михаил Кузьмич? — спросил Вячеслав Федорович.

— Хорошо. Вот только березка сегодня у нас надломилась.

И посмотрел на меня.

. . . .

Трижды желтела с тех пор за окном листва. Трижды зеленели весной березки, и из надреза в их коре стекал плакучий сок.

— Жизненные соки, — говорил когда-то Михаил Кузьмич, наполняя прозрачной березовой слезой граненый стакан. — Зарядка на целый год.

Подросли и давно распрямились склонившиеся в тот октябрьский снежный день деревья. Еще выше поднялись к небу верхушки берез. Я часто смотрю на них. И вспоминаю.

— Помните тот снежный буран? — говорю я березкам. — Я не забыла ваш печальный прощальный поклон моему мужу.

И слушаю, как шелестит ответно зеленая листва.

«Confutatis». Трепетное ожидание. Люди уходят, но жизнь на земле продолжается... Белые березки шелестят листвой.

В этот день он встал необычно рано.

— Волнуешься? — спросила я.

— Ничуть. И спал отлично. День-то какой солнечный!

И, поглядев на стенные часы, сказал:

— В десять ровно мы должны быть в Москве. Успеешь собраться?

— Конечно.

Накануне вечером мы еще раз обговорили распорядок юбилейного дня. С утра поедем в Москву, побудем немного на квартире. В двенадцать нас ждут в министерстве. Там пробудем часа два-три, в зависимости от его самочувствия. Никаких заседаний: просто зайдут поздравить друзья, сослуживцы, соратники. Традиция есть традиция. А вечером в ресторане — дружеская встреча.

— Вдруг утром никто не придет? Тогда тут же вернемся домой.

— Что ты, Миша! Все эти дни было столько звонков. Друзей у тебя так много.

Он вздохнул.

...Легкий завтрак. Перекинулся дружескими словами с медицинской сестрой, приехавшей сделать укол. Надел

отутюженный с вечера костюм, аккуратно прикрепил к пиджаку награды.

Приехал шофер Павел Петрович. Крепко обнялся с юбиляром. Машина сегодня начищена до блеска.

— Поехали, — сказал Михаил Кузьмич. — Пора.

И, попрощавшись до вечера с Еленой Матвеевной, не спеша зашагал, опираясь на палку, по плиткам дорожки, ведущей к калитке. Приветливо махнул рукой Пальме.

В Москве на квартире уже ждали первые поздравительные телеграммы, пачка писем, цветы. Вскоре пришел и доктор Иванов. В руках — чемоданчик с лекарствами. Сегодня он будет с Михаилом Кузьмичом весь день.

— Полный порядок, — сказал удовлетворенно Вячеслав Федорович, выслушав пациента.

Забежала Лидия Ивановна. Принесла цветы.

— Всего на одну минутку, Михаил Кузьмич. Хотела в такой день одной из первых пожать вашу руку.

— Спасибо, Лидия Ивановна. Вечером ждем вас с Борисом. Не запаздывайте!

Хотел просмотреть телеграммы, но не позволили телефонные звонки. И московские и междугородные. Краешком губ улыбался в телефонную трубку:

— Спасибо, дорогой...

— Сердечно благодарю...

— Я уже решил, что ты забыл обо мне...

— Ждем вечером...

Пришла Люся. Обняла отца.

— Мы сделали для тебя альбом с фотографиями. Там и ты с мамой, и ваши разбойники-внуки.

Звонки, звонки... По-детски восторженно рассматривает Янгель содержание аккуратного чемоданчика: лески, катушки, всевозможные крючки. Отдельно в чехле — складные удочки.

— А это что? Ну-ну... И музыкальная шкатулка, и зажигалка.

Завел осторожно. Дважды прозвучала мелодия.

Попросил меня:

— Прочти вслух несколько телеграмм.

От Владимира Васильевича Щербицкого: «...Примите, глубокоуважаемый Михаил Кузьмич, сердечные поздравления...»

От Николая Константиновича Байбакова: «...Ваши беспрерывные творческие искания и смелые решения достойны подражания, а ваша душевная простота, скромность

являются притягательными для каждого, знающего вас...»

От Бориса Евгеньевича Патона: «...Ваша многолетняя плодотворная деятельность на передовых рубежах отечественной науки и техники, широкий круг решаемых вами научно-технических проблем, деловая принципиальность и большой опыт создали вам заслуженный авторитет и снискали искреннее уважение у ваших коллег из многочисленных научных коллективов...»

— Будем читать, когда вернемся домой. Положи их на письменном столе.

Вновь в его руках телефонная трубка.

— Спасибо, дорогой.

— Буду рад пожать руку.

— Да, начинаю днями активно трудиться. Планы обширные.

Перед нашим уходом из дома пришла Лидия Демидовна с цветущим «садом» в руках.

— Это, Михаил Кузьмич, от коллектива нашего санатория. У нас все вас помнят и любят.

— А я-то думал, что за десять лет изрядно надоел всему персоналу. Передайте, Лидия Демидовна, всем товарищам мою сердечную благодарность.

Уходя, сказал дочери:

— Пока мы с мамой отсутствуем, ты, Люсенька, отвечай на звонки. Записывай, кто звонил.

...У подъезда необычно много машин.

— Все к вам, Михаил Кузьмич, — говорит референт, встречающий юбиляра.

Янгель медленно поднимается по лестнице на второй этаж. Вокруг все знакомые лица. И с его лица не сходит чуть смущенная, но такая радостная улыбка.

Знакомый зал. Сколько раз выступал он здесь! Не однажды выходил отсюда удовлетворенный принятыми решениями.

Встал у стола, покрытого зеленым сукном. Красиво пламенеют на зеленом поле гвоздики. Сколько их? Наверное, по традиции, шестьдесят?!

Долго говорит со своими заместителями. Все они сегодня нарядные, подтянутые. Безмерно рады встрече со вновь окрепшим главным.

Доктор одобрительно кивает головой: Михаил Кузьмич в хорошем состоянии, можно начинать.

И дверь в зал широко распахивается.

Поздравление от Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. Его сейчас нет в Москве — уехал во Францию с дружеским визитом. Перед отъездом написал Янгелю:

«Уважаемый Михаил Кузьмич! В день Вашего шестидесятилетия шлю Вам и Вашей семье свои сердечные поздравления.

Своей многолетней и плодотворной деятельностью в области новой техники Вы во многом способствовали укреплению могущества нашей Родины.

Желаю доброго здоровья и дальнейших творческих успехов в большой работе на благо советского народа».

Прислал поздравление и Дмитрий Федорович Устинов. Сам зайдет чуть позже.

«Дорогой Михаил Кузьмич! Сердечно поздравляю Вас — замечательного человека, коммуниста, товарища — в день шестидесятилетия.

Желаю Вам — одному из ведущих деятелей нашей промышленности, науки и техники доброго здоровья, новых больших творческих успехов и достижений в Вашей плодотворной деятельности на благо нашей Советской Отчизны.

Сердечный привет и искренние поздравления всей Вашей семье».

Стоя слушает Янгель Указ Президиума Верховного Совета Украинской ССР от «22 жовтня 1971». Он награжден Почетной грамотой «За видатні заслуги в галузі створення нової техніки і в зв'язку з 60-річчям з дня народження».

Зачитывается приказ министра с благодарностью академику Янгелю «за долгую плодотворную работу...». Совсем недавно министр вручил Михаилу Кузьмичу орден Октябрьской Революции за номером 11835, которым Янгель был награжден в апреле. Этот орден сегодня на его груди рядом с четырьмя орденами Ленина.

Люди идут и идут. Он внимательно выслушивает каждого, каждому негромко отвечает. Говорит о содружестве, о будущих делах, крепко пожимает руки.

Растет на столе гора поздравительных адресов, все больше на нем цветов, сувениров.

Доктор Иванов регулярно берет «тайм-аут»: измеряет Янгелю давление, считает пульс.

— Не устали, Михаил Кузьмич?

— Разве от такого устают, доктор?!

Юбиляра поздравляют старые друзья-маевцы, заказчики, рабочие. Теплыми словами обменивается он с Мстиславом Всеволодовичем Келдышем.

Небольшой перерыв. Закурил сигарету. Спросил у сидящих в зале своих сотрудников:

— Ничего, что я сегодня кое-кого покритиковал? Не обиделись, как думаете?

— Что вы, Михаил Кузьмич, — ответил один из заместителей. — Вы — юбиляр, а на них обижаться не положено. И возражать неудобно. И потом, сказали вы все правильно, убедительно, дружески. Пусть подумают.

Янгель улыбнулся. Да, все сказанное сегодня не случайные, мимолетные фразы, а обдуманное, столько раз взвешенное. Он давно готовился к этой встрече. И сейчас ощутил себя вновь вернувшимся в строй.

Два часа дня.

— Ты не устал, Миша?

— Вовсе нет. Но, пожалуй, скоро пора домой.

Обращаясь к референту, спросил:

— Там есть кто-нибудь еще?

— Полная приемная, да еще многие на подходе, Михаил Кузьмич.

Только что из зала группой вышли его давние друзья. Вместе с ними, тогда еще молодыми, начинал он работать. Позади нелегкий путь, волнения на стартовых площадках, радость побед. Разговор у него с ними получился короткий, но серьезный, нужный. Чуть-чуть о юбилее, а остальное — о делах.

— Может быть, попросить всех, кто ждет, зайти в зал и на этом закончить?

— Да, пожалуй. А я сегодня как на космодроме!

И он показывает рукой на стол, заставленный сувенирами, почти каждый из которых связан с ракетно-космической тематикой.

— Всеволод Иванович! Рад пожать тебе руку.

На стол ложится еще одна папка с адресом.

— Здесь самые теплые слова в ваш адрес, Михаил Кузьмич. А еще я хочу поблагодарить вас за то, что для меня лично вы всегда были примером настоящего и большого руководителя. Примите эту вещь на добрую память.

И в руке Михаила Кузьмича оказался узорчатый рог тура. Пальцы сжали тонкую цепочку... Конечно, как только будет можно, он наполнит этот рог добрым сухим вином и по древнему обычаю гор осушит его до дна. Будет пить за тех, кто пришел поздравить его с юбилеем, и за тех, кто мысленно в эти минуты был с ним. Будет пить за друзей, за родных и учителей, за наш народ и своих земляков из Сибири...

Слабо звякнув цепочкой, рог упал на ковер. Державшая его рука разжалась... Ладонь взметнулась к виску и, обмякнув, опала.

— Доктора-а-а! Скорее доктора-а!!!

Тенями мелькают люди в белых халатах. Тревожные гудки реанимационной машины врываются через окна.

Как страстно и жалобно звучит тема напрасной мольбы в «Lacrimosa».

И я, держа его за руку, глядя на часы, стрелки которых остановилась, вдруг с ужасом поняла, что для главного конструктора, для моего мужа, для Михаила Кузьмича Янгеля нет и никогда уже не будет слова «потом».

Как я буду жить без тебя?

...Когда все ложатся спать, я достаю из ящика письменного стола последние письма Михаила Кузьмича ко мне. Их не так много: его больные годы мы были большей частью вместе.

Особенно дорого мне письмо, которое я получила в день своего пятидесятилетия. Он не смог тогда приехать домой: был в дальней и, как всегда, необходимой командировке. Рано утром один из близких сотрудников Янгеля передал мне цветы и письмо.

«...В день твоего пятидесятилетия мне хочется сказать тебе: ты мой самый большой и очень хороший друг и товарищ на протяжении большей половины прожитой мною жизни. Пусть в этой жизни у нас были ветры и бури, грозы и штормы, но мы сумели все-таки пройти сквозь эти невзгоды вместе. Пусть отведенные нам При-

родой остальные годы жизни будут без бурь и штормов, но обязательно в борьбе за счастье простых людей, за счастье наших детей и внуков...»

Дома, на стенах, портреты Янгеля разных лет. Он смотрит на меня добрым, чуть печальным взглядом.

Вспомнился вдруг эпизод.

Как-то он пришел домой с двумя большими свертками.

— Угадай, что принес тебе в подарок?

Лукаво улыбаясь, разворачивает пакеты. А там что-то такое скользкое... Карпы!

— Шел мимо рыбного магазина. Вижу: продают живую рыбу. Вот, думаю, Мэм обрадуется. Красавцы-то какие!

Почему вдруг вспомнила о карпах?.. Долго смотрю на портрет...

— Я думаю, что вам сейчас нужен допинг, хотя это прием и запрещенный, — говорит мне близкий друг нашей семьи. — Уезжайте на время из Москвы. Посетите другие края. Побудьте среди людей. И еще: пишите о муже книгу.

...Пристегнуты ремни, плотно прижимающие к креслу. Ту-104 выруливает на взлетную полосу аэродрома «Домодедово». Прижавшись лицом к стеклу иллюминатора, прощаюсь с Подмосковьем. Землю, быстро убегающую вниз, скоро скрывает белая пелена кучевых облаков. Надо мной — приблизившаяся вселенная, уходящая гигантскими звездными скоплениями в бесконечность, которую невозможно представить и так трудно понять.

Лечу в Сибирь, на родину Михаила Кузьмича. Потом — на Дальний Восток. И в застывшую, казалось, жизнь властно врывается стремительный бег времени. Города, эти маленькие кружочки на географической карте, скоро станут зримыми и доступными.

Братск. Железногорск. Березняки. Зырянова. Не взять ли мне отсюда по горстке сибирской земли?!

Братская ГЭС. Стремительность Ангары. И тайга с

ее шорохами и ароматом. Прозрачная вода, стекающая с ладоней, зачерпнувших ее из Байкала... Не так ли поклонялись святыням странники? Не так ли замирали, завидев величественные храмы?!

Заполненная до краев сибирскими встречами, так много рассказавшими мне о Михаиле Кузьмиче, я вновь погружаюсь в синеву воздушного океана. Под крылом проходят, скрываясь за горизонтом, необозримые массивы лесов, изредка прорезанные извилинами рек и речушек.

Владивосток. Морской порт, у его причалов отдыхают после странствий утомленные корабли. Отсюда протянутся ниточки — маршруты моих лекций. Путевка общества «Знание» откроет мне двери многочисленных аудиторий, заполненных слушателями. Расставшись со мной, они, наверное, никогда и не узнают, что общение с ними — это могучий стимулятор жизни, который мне так сейчас нужен.

Михаил Кузьмич всегда одобрительно относился к моим поездкам по стране. Спрашивал по возвращении участливо: «Не очень устала?»

И тут же превращался во внимательного слушателя. Порой хмурил брови, порой смотрел задумчиво, а иногда от души смеялся.

— Так, значит, и просили: похлопотать в Москве, чтобы колхозу помогли приобрести свой спутник связи? Лучше будут работать в домах телевизоры?

Говорил взволнованно:

— Вот наглядный пример того, как космос становится на службу людям. И подтверждение тому, как выросла культура нашего села.

Это было, когда я вернулась из Бурятии. Побывала я тогда и в Улан-Удэ, и в Кяхте. А о спутнике связи разговор зашел с председателем колхоза-миллионера имени Ранджурова. Колхоз у самой границы с Монголией. Когда мы ехали туда, через дорогу бежали клубочки перекати-поля.

Михаил Кузьмич говорил мне: «Как это важно в жизни — не терять живой связи с людьми. Знать, как они живут, чем интересуются...»

Вернувшись из поездки по Сибири и Дальнему Востоку, я оставлю позади более сорока тысяч километров. Счет им поведут самолеты и вертолеты, поезда и автомашины, катера и белые яхты. Сотни людей пройдут пе-

ред глазами. Кому расскажу я теперь, вернувшись, об об этом? С кем поделюсь пережитым?!

...А рассказала бы я Михаилу Кузьмичу так.

Первую лекцию читала рабочим бондарного завода в Уссурийске. Она прошла хорошо. Много было вопросов. Один из рабочих спросил: «Почему сама не живешь в космосе?» Это после того, как я рассказала об эфирных поселениях Циолковского и будущем орбитальных станций.

Потом осматривала завод. Сколько прожила на свете, а не знала, как делают бочки!

...Незабываемой силы впечатление оставила встреча с пограничниками отряда имени Менжинского. Я читала лекцию в помещении клуба. Сколько в этом большом зале сидело замечательных парней!

Как дорогую реликвию, привезла домой врученный мне нагрудный знак и патрон со священной землей.

Пограничники провели меня в музей боевой славы, где не гаснет Вечный огонь. Под стеклом витрины — обагренные кровью документы Стрельникова и его боевых, тоже погибших друзей. Они были такими молодыми!

Узнав, что я люблю рыбачить, мои новые друзья решили доставить мне удовольствие. Почти весь следующий день провели на Уссури. Быстроходный катер долго вздыбливал воды быстрой реки. Шли по фарватеру.

Потом снимали с переметов рыбу. Какие огромные сазаны, толстолобики, сомы бились о плоское днище лодки. И до чего же ароматной и вкусной была уха, которую сварили на костре рыбаки.

...В бухту Витязь летели из Владивостока на вертолете. До чего красив город с вертолетной высоты! Вместе с учеными из Дальневосточного центра Академии наук СССР побывали в небольшой лаборатории. В штате ее всего пять человек. Они такие же фанатики, как и твои проектанты и конструкторы. Цель их жизни — проникнуть в тайны молекулярной биологии. А главное действующее лицо — клетка. Для исследований нужны морские гребешки. Сотрудники лаборатории сами достают их со дна шельфа, облачившись в желтые водолазные костюмы. Как увлеченно рассказывают они о своей жизни, о встречах с осьминогами, акулами! На прощание подарили нам прекрасные экземпляры морских ежей, звезд.

Возвращаясь во Владивосток, спугнули рокотом верто-

лета стадо пятнистых оленей, расположившихся на крутом склоне горы.

...А еще я была у китобоев. Флотилия стояла у владивостокского причала на профилактическом ремонте. Вот наконец и узнала, как промышляют китов! Настоящий «морской волк» — капитан с густой бородой и дымящейся во рту трубкой — долго объяснял, как надо пользоваться китобойной пушкой, вмонтированной в носу китобоя. После этого нас провели на плавучую базу — завод, где разделывают китов. Ну и махина же эта «Советская Россия». Заглянула я и в каюты, где живут женщины. «Мы называем этот отсек Кашалотным переулком», — сказал, пряча улыбку, загорелый моряк. Не правда ли, как хорошо звучит: «Кашалотный переулок!»

...Дорога в этот город шла равниной, окаймленной сопками. Удивительное у города название: Камень-Рыболов. Озеро Ханка набегает волной на его берег. А когда волны уходят, в каменной чаше на окраине города остается нерасторопная рыба. Бери ее хоть голыми руками.

В Камень-Рыболове удивительно гостеприимные люди. Вместе со мной к труженикам рисовых полей поехала женщина — секретарь райкома.

С интересом посмотрела, как растет рис. Смотрела, как его убирают комбайны, как потом сушат зерно. В поле сорвала колосок, показать тебе в Москве. Урожай риса в этом году небывалый!

...Супутинский заповедник. Когда я шла по заросшим тропам, все думала, что уссурийская тайга непохожа на твою, сибирскую. Могучие кедры то и дело преграждали путь. В одном месте егерь сказал: «Взгляните. След недавно прошедшего тигра».

Здесь можно встретить, если повезет, цветок женьшеня. И мне все казалось, что вот-вот навстречу выйдет из чащи Дерсу Узала.

На обратном пути при свете фар постояли у памятника Бонивуру. В ночном небе ярко светились звезды ковша Большой Медведицы. Вспомнила, как у нас на даче, они тоже над головой. И как ты всегда пересчитываешь звезды: не утащил ли кто одну из семи.

...В Находку летели тоже вертолетом. Все тот же пилот Иван Мамонович прокладывал воздушную трассу вдоль Лазурного берега.

Пролетели над высокогорной станцией метеороло-

гов «Воробей». Осень уже бросила на тайгу первую желтизну. И Сучанская долина выглядела удивительно красиво.

Вертолет долго кружил над стоящими в порту кораблями. А потом опустился в самом центре города Находки — на футбольном поле. Сразу набежали мальчишки!

В Находке я читала лекцию в мореходном училище. После нее проехали в порт. Сколько там флагов разных стран! Я спросила: «Наши корабли швартуются тоже у этих причалов?» — «А как же! — ответил гид. — Вот, например, у этого десять дней стоял «Академик Янгель». Красавец сухогруз! Многие жители города приходили полюбоваться им».

Он стоял у причала, огромный океанский пароход, носящий твое имя. И когда мощные портовые краны наполнили грузом его глубокие, вместительные трюмы, ушел за горизонт к чужим, далеким берегам.

А как смогу я рассказать тебе об этом?!

Под крылом самолета давно уже ночь. Темная. Настороженная. Вверху такие яркие и обманчиво близкие звезды. Пассажиры дремлют в откинутых креслах. Высота полета — девять тысяч метров.

Под крылом самолета в ночи редкие огоньки. Они словно прижались к теплой земной коже. Мелькнул один... И еще один... Сколько их горит сейчас на темной стороне планеты? Кто зажег их? Кому дарят они свой свет?

Огоньки планеты. Там, где горят они сейчас, — там жизнь во всех ее сложных, порой таких противоречивых и необычных проявлениях. Провожаю взглядом один огонек, потом другой...

И вдруг как яркий факел, как россыпь сверкающих драгоценных камней огни столицы, огни Москвы. И нет больше темноты ночи, а лишь одно огненное, яркое, искрящееся море...

Самолет Ту-114, выполняющий рейс Хабаровск — Москва, после девятичасового перелета касается колесами шасси бетона посадочной полосы аэропорта «Домодедово».

...«Domine Iesu». Беру чистый лист бумаги и пишу на нем: «Глава первая». Я не буду спешить. Впереди у меня тридцать с лишним лет уже однажды прожитой вместе с Мишей жизни.

Тридцать первое декабря 1972 года. До конца старого года остаются считанные минуты. Кончается високосный год.

На этот раз я встречаю Новый год в Кисловодске. Здесь с Михаилом Кузьмичом мы не бывали, и воспоминания не будут так сильно тревожить душу.

...Из окна моей комнаты в санатории «Красные камни» хорошо видны сверкающие на солнце снежные хребты.

Сегодня встала рано.

Воздух в Кисловодске так чист, так прозрачен.

Вчера на Тополиной аллее, возле небольшого ларька с аппетитными пирожными и горячим кофе в бумажных стаканчиках, я встретила мальчугана. Он забавно играл с лохматой кавказской овчаркой по кличке Букет. Возле крутились еще две собаки: породистая, черная, с перебитой лапой и обычная дворняжка.

Отдыхающие ласково относились к этим собакам, особенно к Букету. Часто приносили им завернутые в бумажку гостинцы. Наиболее кредитоспособные специально покупали жареную печенку.

Мальчик, встретившийся мне на тропе, такой же, как и тысячи мальчишек на Земле. Он ласково трепал Букета за лохматые уши и, жмурясь на ярком солнышке, приговаривал картавя:

— Ты хорошая, славная собака Букет! Ты, конечно, не знаменитость. Ты не Белка, не Стрелка... Ты не Лайка, не Ветерок и не Уголек... Ты — просто Букет, еще малоизвестная пока собака. Мой хороший, мой славный Букет!

— Сколько тебе лет? — спросила я мальчика.

— В прошлую субботу стукнуло восемь.

И, вспомнив о торжественном дне, он обнажил частокол наполовину выпавших зубов.

— А знаешь, кто такие Лайка, Ветерок, Уголек?

Он снисходительно посмотрел на меня.

— Кто же про них не знает? Разве вон те отсталые дружки Букета?!

— А что именно ты знаешь? — продолжала допытываться я.

— То, что они настоящие космические собаки. Космобаки...

И, погладив Букета, сказал доверчиво:

— Из него тоже могла бы получиться отличная космобака. Только живет он далеко от космодрома.

Мне понравился этот мальчик и это новое для меня слово «космобака».

— Задержись еще на минутку. В каком ты классе? Как тебя зовут?

— Мы с Букетом готовимся к полету. Правда, пока на Земле. Задерживать старт нельзя... Десять. Девять. Восемь...

Сложив ладонь трубочкой, он вел отсчет предстартовым секундам. Ему по-мальчишески нравилось, я видела это, мое неожиданное внимание к нему.

— Докладываю! — озорно кричал он. — И пусть слышат все. Космонавт Михаил Ковшов с подопытным Букетом чувствуют себя отлично... Поехали-и-и!

Мальчика зовут Михаил Ковшов?! Нет, я не ослышалась.

— Погоди, — кричу я ему. — Погоди.

Но он уже не слышит меня: вместе с восторженным Букетом мчится по склону горы. И за ними, как всплеск огня, — белый снег.

Смотрю им вслед.

И перед глазами — мальчик из Зыряновой. Бежит проворно по таежной тропинке. И что-то сжимает горло. «Янга» — это значит «ковш».

Миша Ковшов, мальчик из предгорий Кавказа. Каким будет его жизненный старт? Придет время, и судьбы мира, судьбы людей окажутся в руках таких же, как он, подростков.

— Редкое явление. Сразу отчетливо видны обе шапки седого Эльбруса.

Обернулась, — один из отдыхающих нашего санатория показывает мне вдаль рукой. Две белые шапки на голубом фоне.

— Старожилы говорят, что если виден весь Эльбрус, то день назавтра будет ясный, погожий.

Я посмотрела на склон горы, куда устремился мальчик с Букетом. Две фигурки все еще скользили по снегу. Дружный «космический экипаж» уверенно выходил на «расчетную орбиту».

— Счастливого тебе пути, малыш!

— Вы что-то сказали?

— Это я Мише Ковшову.

Мой собеседник оглянулся: рядом с нами больше ни-

кого нет. Посмотрел на меня, покачал сочувственно головой.

«Hostias»... Михаил Кузьмич очень любил детей. Солнечных, ясных стартов вам, ребята! Судьбы мира скоро будут в ваших руках.

Папки с адресами. Голубые, белые, ярко-красные. Но большинство строго коричневой кожи. И на всех число «шестьдесят», то арабскими, то римскими цифрами. На одной, из светлого дерева, — две Золотые Звезды.

Папки. Погруженные в строгую задумчивость, лежат они на полках книжного шкафа. Юбилейные поздравительные адреса. Сколько в них хороших, искренних слов!

— Знаешь, Ирина, чем они дороги мне? — спросил Михаил Кузьмич, указывая на все растущую горку папок с адресами, всего за несколько минут до горького финала. — Тем, что за каждой подписью — человек, которого я знал, с кем работал, дружил.

Одну за другой беру в руки папки. Не ко всем успела прикоснуться его рука.

Внимательно перечитываю. Повторений много. И это понятно. Думаю: если прибегнуть к языку математики, то можно сказать, что об этом написано «в квадрате», об этом — «в кубе», а об этом — «в четвертой степени».

Так что хотели сказать главному конструктору, академику Янгелю его друзья, ученые, соратники в день его шестидесятилетия?

Вам слово, юбилейные адреса!

«Президиум Академии наук СССР сердечно поздравляет Вас, выдающегося ученого, государственного и общественного деятеля, с шестидесятилетием со дня рождения.

Мы приветствуем Вас, крупнейшего ученого-инженера, ученого-конструктора, человека неиссякаемой энергии и смелого таланта, вся жизнь которого посвящена делу большой государственной важности...

Под Вашим руководством и при Вашем непосредственном участии решены многие научно-технические и инженерно-конструкторские проблемы, разработано и внедрено в производство большое количество образцов современных изделий с высокими техническими и эксплуатационными характеристиками.

Глубоки и оригинальны Ваши инженерные идеи, изящны и просты используемые Вами методы решений. Вам

всегда присущи чувство нового, четкое понимание первостепенных задач сегодняшнего дня, бескомпромиссность и настойчивость в достижении поставленной цели.

Высокая требовательность и партийная принципиальность в сочетании с большой эрудицией во многих областях науки и техники позволили Вам воспитать замечательный творческий коллектив, успешно решающий поставленные перед ним задачи...»

И далее пожелания здоровья, многих лет жизни, творческих успехов. Внизу подписи: М. В. Келдыша, В. А. Котельникова, Г. К. Скрябина.

Адрес от выдающегося конструктора, исследователя и ученого в области ракетных двигателей. Валентин Петрович Глушко пишет:

«...Мы знаем Вас, дорогой Михаил Кузьмич, как крупного ученого, талантливого организатора конструкторских разработок, обеспечивших приоритет нашей Родины.

...Вами создана целая школа ученых и конструкторов, усилиями которых под Вашим непосредственным руководством разработаны и созданы лучшие и наиболее современные образцы важнейшей для страны техники.

Многолетняя работа с Вами всегда доставляла нам большое удовлетворение, как самим процессом труда, так и теми ощутимыми результатами, которые приносил этот труд...»

А вот этот адрес подписал еще один крупный ученый — академик-секретарь отделения механики и процессов управления Академии наук СССР Борис Николаевич Петров.

«...В широких инженерных кругах Вы известны как выдающийся ученый, талантливый инженер и блестящий конструктор, чьи работы отличаются четкой прикладной направленностью. Вы обладаете замечательной способностью не только выдвигать новые оригинальные идеи, но также воплощать их в конкретные конструкторские разработки и доводить до завершающего этапа — серийного выпуска».

Много адресов от смежников и основных заказчиков. Они пишут:

«...Нам особенно приятно отметить неразрывную, тесную связь, товарищеские взаимоотношения и взаимопомощь, сложившиеся в течение ряда лет совместной работы с вашими коллективами».

«...Те, кому довелось встречаться с Вами на работе, ин-

женеры, конструкторы, испытатели высоко ценят Ваши личные человеческие качества — пытливый ум, неуемную энергию, целеустремленность и настойчивость в решении вопросов, простоту в обращении...»

«...Вкладывая в дело всего себя, всю душу, много сил и здоровья, Ты дал путевку в жизнь великолепным образцам новой современной техники...»

Несколько адресов от различных подразделений его коллектива. Ну, конечно, кто может сказать лучше, теплее, чем люди, искренне любившие своего Кузьмича и работавшие с ним рука об руку почти два десятка лет.

«Этот день знаменателен не только для Вас лично, но и для большой семьи Ваших питомцев, с которыми Вы проработали лучшие годы своей жизни.

Каждому из нас Вы щедро отдаете на этом нелегком пути частицу своего разума, своего богатейшего опыта. Мы по праву гордимся тем, что нам выпало огромное счастье работать вместе с Вами — замечательным человеком, неутомимым тружеником, принципиальным и требовательным, строгим и чутким старшим товарищем. Все, что создано нами за эти годы совместной работы, неразрывно связано с Вашим добрым именем...»

А этот адрес, так красиво оформленный, с летящим ввысь самолетом, прислали из ОКБ, которое возглавлял Артем Иванович Микоян. В этом прославленном коллективе еще немало старых «поликарповцев», с которыми Янгель начинал свой инженерный путь.

«Более тридцати лет с присущим вам энтузиазмом Вы самоотверженно трудитесь над созданием новейших образцов...

Успех результатов Вашего труда всегда радовал нас потому, что это успех нашего Янгеля...»

Космонавты. Михаил Кузьмич многих из них знал очень близко.

«Вся Ваша жизнь, — говорится в адресе с космической эмблемой, — является образцом беззаветного служения социалистической Родине, партии и народу. Вы идете в первых рядах ученых-новаторов, ученых-исследователей, способствуя развитию научно-технического прогресса нашей страны. Нам приятно сознавать, что в осуществлении космических полетов, прославивших на весь мир нашу Родину, есть большая доля и Вашего труда...»

«Sanctus». Сегодня так красочно и доходчиво напо-

мнили о пройденном когда-то Михаилом Кузьмичом пути лаконичные, выразительные строки юбилейных адресов.

В один из горестных дней мне позвонила по телефону наша близкая знакомая.

— Вечером буду у вас.

Она только что прилетела из Венгрии, где ее застала печальная весть о кончине Янгеля.

И вот вечером мы сидим в полутемной комнате опустевшей московской квартиры и по-женски, не стесняясь друг друга, плачем. За окном — тоскливый октябрьский дождь. Невыразимо тяжело. Я больше молчала. Говорила моя гостья о том, что в историю нашей страны навечно вписаны многие славные имена.

— Наш бурный двадцатый век, — говорила она, — дал такие таланты, как Курчатов, Янгель, Королев... Дал целую плеяду славных, светлых умов в науке и технике. Поверьте мне, Михаила Кузьмича не забудут никогда.

Я вспоминаю эти слова, когда иду по Новодевичьему кладбищу. Иду к могиле Янгеля. Черный гранит подножия, устремленные ввысь стелы. А в просвете — контур ракеты. Скульптор сумел передать свойственное Михаилу Кузьмичу выражение лица: доброе, внимательное, чуть задумчивое.

Как много его друзей и соратников уже покоится на Новодевичьем! Что делать? Ход времени неумолим. Я подолгу стою у небольших, так недавно появившихся холмиков, у торжественно-печальных надгробий. Этих людей близко знал Михаил Кузьмич... За фамилиями Туполев, Бабакин, Миллионщиков, Арцимович, Петровский — жизнь уходящего поколения.

Память о Янгеле. Улицы городов, мемориальные доски на зданиях, статьи и книги. И пик на Памире. И сухогруз. И кратер на Луне.

Память о Михаиле Кузьмиче Янгеле.

...Теплоход «Академик Янгель» ушел в первое плавание от пирса Херсонского ордена Ленина судостроительного завода 28 марта 1972 года. Об этом сообщила «Правда» коротенькой заметкой: «Херсон, 30. Корабелы Херсонского судостроительного завода торжественно проводили в первое плавание новый океанский сухогруз «Академик Янгель» водоизмещением 18 400 тонн. Судно

оборудовано совершенными навигационными приборами».

С дочерью и внуком Андреем мы ездили в Херсон на спуск сухогруза.

Херсонские судостроители радушны и гостеприимны. Мы долго сидели в кабинете директора завода Всеволода Федоровича Заботина. На его пиджаке блестит звезда Героя Социалистического Труда. Рассказывает он о заводе с законной гордостью.

— Вступил в строй в сорок восьмом. А через три года уже дал морякам неплохие самоходные баржи, потом и первый танкер, названный «Херсон»... А сейчас и не сосчитаешь, сколько наших судов плавает по морям-океанам, заходит с грузами в зарубежные порты.

Сегодня получает «морскую путевку» сухогруз «Академик Янгель». Построен он в рекордно короткий срок. Идем к причалу, где стоит сухогруз. Капитан Юрий Иванович Сурков проводит нас по кораблю.

Удобные каюты. Поражающее размерами и мощностью двигателей машинное отделение. Просторная палуба. И везде — на каждой шлюпке, на каждом спасательном круге, на колоколе, на дверях — родное «Академик Янгель».

На причале все готово для проведения митинга. Люди как гроздья на мачтах соседних судов.

К носу сухогруза тянется красная лента. На ней покачивается традиционная бутылка с шампанским. Люся волнуется: ей предстоит исполнить роль «крестной матери». Взмахом ножниц разрезав ленту, надо разбить бутылку о борт.

Моряки суеверны: в понедельник не уходят в море, тринадцатого числа все на приколе. И бутылка шампанского обязана разбиться «с первого захода», иначе... Ну как не волноваться в данной ситуации крестной матери?!

Митинг начался. Первым выступает директор завода, за ним — капитан. Потом и я: сердечно благодарю корабелов. Поднятый на руках Андрюша детским срывающимся голосом говорит в микрофон: «Счастливого тебе плавания, «Академик Янгель»!» Мелькают в руках людей платки.

К микрофону подходит Люся: «Нарекаю тебя именем

«Академик Янгель». Счастливого тебе плавания, «Академик Янгель»!»

Взмах ножниц. Крики «ура». Пенистое пятно на борту ловит солнечные блики. Под звуки гимна капли шампанского стекают по могучему корпусу и падают в море.

Руан, Антверпен, Нагоя, порты далекой Кубы. «Академик Янгель» пересечет экватор, и бородатый Нептун окрестит новичков... В трюмах — сахар, мука, магнезитовый клинкер, трубы.

В пути будут штормы, тайфуны. Будут девятые валы и легкая зыбь... В кубинском порту Сьенфуэгос останется автограф: «Здесь был «Академик Янгель».

Как это у Маяковского?

...чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

Памяти Янгеля.

Труднодоступное ущелье Касвир на Юго-Западном Памире. С этих вершин открывается редкая панорама: одновременно видны Афганистан, Пакистан, Индия и Китай.

Альпинисты настойчиво идут к вершине. Шестеро отважных штурмуют безымянную высоту. И вот вершина взята!

— Самый близкий к звездам памятник Михаилу Кузьмичу Янгелю на Земле, — говорят альпинисты и бережно устанавливают на камне мемориальную доску.

Пик Янгеля. Высота — пять тысяч девятьсот пятьдесят метров.

Памяти Янгеля.

Это улица в Чертанове в Москве. Это школы его имени в Березняках, на Байконуре... Янгелевцы — так называют себя пионеры его родного края с красными галстуками и небесной синевы глазами.

Памяти Янгеля. Его светлой памяти...

Недавно мне попалась на глаза книга Фукидида, родоначальника исторической науки, жившего более двух тысяч лет тому назад. Афинянин писал ее в свое время на папирусах, часть которых дошла до нас и бережно хранится в музеях мира.

Далекое прошлое из истории человечества словно

оживает на пожелтевших от времен страницах изданной у нас более шестидесяти лет тому назад «Истории».

«Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы стать достоянием навеки», — пишет в начале книги Фукидид.

В те времена было принято, чтобы выбранное государством лицо, по общему признанию обладающее выдающимся умом и занимающее высокое положение в государстве, произносило над усопшими подобающие похвальные слова.

Фукидид повествует: для прощальной речи над первыми павшими в войне афинянами был выбран Перикл, сын Ксанфиппа.

...Медленно двигались десятки колесниц с кипарисовыми гробами. Тут же, по традиции, и пустое ложе для погибших без вести, останков которых не нашли.

«Могилою знаменитых людей служит вся Земля, и о них свидетельствуют не только надписи на стелах в родной стране. Не столько о самих подвигах, сколько о мужестве незаписанное воспоминание вечно живет, вплетенное в ткань жизни других людей...»

Так говорил Перикл в погребальной речи.

...Земля — гробница всех людей: воинов, мыслителей, государственных деятелей, ученых, поэтов и простых, скромных тружеников. Они жили и во времена Фукидида, и во времена цветущего Ренессанса, и в наш уходящий постепенно в историю двадцатый век. Каждое поколение дарило и будет дарить миру людей примечательных, память о которых проходит через века. Другие Фукидиды писали и будут писать о жизни выдающихся людей. Будут писать на греческом, русском, испанском, французском, английском, итальянском и многих других языках.

«Benedictus»! В «тканях жизни» других людей живут дела и думы прекрасных сыновей и дочерей планеты. Не это ли самый лучший памятник на Земле?

Тюльпаны степей Байконура. Желтые, оранжевые, палево-красные. Темный бархат сердцевины, причудливая резьба каемки листа.

Утренние лучи солнца нежно касаются их лепестков, а порывистый, почти не стихающий ветер склоняет к-

кие чашечки то вправо, то влево. Но стебли цветов цепко держатся за землю, уходя корнями в толщу песка, хранящего в своей глубине весеннюю влагу.

Недавно я побывала в этих ставших легендарными краях. Открытие на космодроме памятника академику Янгелю пришлось на 19 апреля 1975 года. В этот день мощная советская ракета вывела на околоземную орбиту первый искусственный спутник дружественной Индии. В создание ракеты-носителя большой вклад внес Михаил Кузьмич Янгель и его коллектив.

На площадке, где установлен бюст Янгеля, многолюдно. И как становится тихо, когда белое полотнище медленно спускается на землю.

Как он похож! Смотрит на собравшихся здесь людей добрым янгелевским взглядом.

...Так вот где начинались первые старты! Сухая, неласковая земля. Как ценится здесь каждая капля воды! И деревья и кусты зеленеют под палящим солнцем только потому, что их любовно поливают живущие в этих степях люди. И как радует их каждое темное облако, обещающее грозу или дождь.

По этой земле шагал когда-то мой муж. Отсюда присылал коротенькие записки: «Предельно занят», «Здоров», «Дни стоят жаркие».

Вспоминают его друзья.

Накануне старта он обычно уходил один к реке. Медленно шел вдоль берега. Еще раз все продумать. Придирчиво, строго пройти шаг за шагом по всем этапам намеченной программы. Он смотрел на быстрое течение своенравной реки и, может быть, в эти минуты вспоминал свой родной Илим.

Блекли розовые краски заката. Небо становилось синевато-фиолетовым, а потом черным. Наступала темная казахстанская ночь. Крохотными фонариками зажигались звезды.

Когда полет был удачным, он тоже вечерами уходил в степь. Огонек сигареты прослеживал в темноте его путь. Янгель подставлял лицо теплому ветру и, наверное, улыбался. Пройден еще один этап. Трудный. Важный.

Но бывали и неудачи. И каким бы по счету ни был старт, для всех, даже для зрителей, он связан с предельным напряжением. Что же говорить о главном конструкторе?!

...Люди долго стоят у памятника Янгелю. Загорелые, волевые лица... Кто-то недавно сказал мне, что если выстроить в ряд несколько человек, то можно сразу безошибочно сказать, есть ли среди них ракетчик, по характерной синеве в глазах.

Кто подарил им эту синь? Голубая атмосфера Земли? Они так часто смотрят в ее уходящую глубину, провожая взглядом ракету.

Быть может, эту синеву подарило им Аральское море? Они всегда пролетают над ним по пути в Байконур. Недавно проплыло оно под крылом самолета, на котором я летела на космодром. Море было действительно синеесинее.

...Я смотрю на стоящих у памятника людей. У всех синева в глазах.

Фанатики, фанатики... Такие же, каким был мой муж... «Люди, чьих фамилий я не знаю...» Долгие годы работали они вместе с Янгелем, искренне его любили. «Янгель доступен и прост, — говорили они. — И вместе с тем бескомпромиссно строг, когда дело касается главного. С ним было и приятно и интересно работать».

К микрофону подходят ученые, конструкторы.

С Янгелем командовали они когда-то первыми стартами. Трудными, очень трудными, потому что первыми. Мне говорили, что в минуты удач эти строгие, мужественные люди плачут. И в это нельзя не поверить.

Стоят у памятника ученики Янгеля. Они начинали свой путь вместе с главным конструктором. Росли и мужали в этих степях. Янгель по-прежнему в их думах, в их делах. Как часто повторяли они: «Кузьмич говорил», «Главный советовал».

У подножия памятника лежат тюльпаны. Люди подходят и бережно, осторожно кладут на камень степные цветы. Яркие, нежные, пропитанные солнцем и ветром. Их очень любил Михаил Кузьмич.

Я смотрю на тюльпаны, и в памяти всплывает далекий февральский день.

Суровая зима. Термометр показывает тридцать ниже нуля. Со стекол не сходит морозная роспись.

Уже не первый день Михаил Кузьмич приходит домой усталый, хмурый. Много курит, подолгу сидит, задумавшись за письменным столом. Звонит куда-то по телефону, задает один и тот же вопрос: «Все еще без перемен?» И, вздыхая, кладет трубку.

Однажды, собираясь на работу, говорит:

— Уложи, пожалуйста, чемодан. Возможно, сегодня улечу. И надолго. Если опять будут неполадки, хоть пулю в лоб...

Такого с ним еще не бывало.

— О чем ты говоришь, Миша?!

— Понимаешь, Ирина, неимоверно тяжелая сложилась обстановка. Вчера я не сказал тебе: у меня был долгий и трудный разговор. Все понимают, что в нашем деле возможны сбои. Но последнее, такое сейчас нужное слово — мое. А у меня, видимо, начали сдавать нервы.

И я поняла, что это очень серьезно. После ухода Михаила Кузьмича сняла телефонную трубку.

На том конце провода меня поняли.

— Пройдете в Кремль через Спасские ворота. Возьмите паспорт. Жду вас в пять вечера.

И вот я в строгом, деловом кабинете.

Разговор длится более часа. Я понимаю, как дорога каждая минута у человека, который говорит со мной. Стараюсь быть предельно краткой, но он сам задает мне вопросы, внимательно слушает.

При прощании говорит:

— Спасибо, что пришли. За Михаила Кузьмича не волнуйтесь. Мы постараемся сделать так, чтобы он ни на минуту не оставался без должного внимания.

Выхожу из здания. Медленно иду по территории Кремля. Мороз крепчает, покалывая щеки. В небе ярко сияют кремлевские звезды.

На другой день Янгель улетел. Далеко и надолго. Прощаясь со мной, сказал:

— Что говорил недавно, в памяти не держи. Уверен, что и на этот раз выйдем победителями.

Прозвенел весенней капелью март, сбросил с крыш снег, украсил карнизы острыми сосульками. Прошагал по земле и апрель с ярким солнцем, первыми песнями скворцов. А Михаил Кузьмич все еще в командировке. Изредка по телефону звонят то референт, то товарищи, приехавшие с космодрома: «Михаил Кузьмич здоров», «Скучает», «Дела идут успешно».

Перед Майскими праздниками позвонили: прилетает в воскресенье служебным самолетом.

Всей семьей готовимся к долгожданной встрече. За-

мешиваю тесто для пирогов с капустой. Блестят натертые воском полы. Во всех вазах — цветы.

— Только погода была бы летной, — волнуется Люся.

— Для папы она всегда летная, — убежденно говорит Саша.

Аркаша рисует и вешает на двери спальной красочный плакат: ракета, а на ней верхом Михаил Кузьмич.

И вот он дома. Стоит в передней загорелый, улыбающийся. Предупреждает:

— Только осторожно, не помните.

В руках у него большой мешок, зашитый через край и перевязанный бечевкой. Что в нем?

— Весна, — отвечает Михаил Кузьмич и осторожно вынимает из мешка тюльпаны. Кладет их на белую скатерть стола.

— Взял вчера у ребят лопату и пошел в степь. Все до одного выкопал сам. Их там целое море.

— Так, значит, удача, Миша?!

— Да. И большая. Закончен важный этап. У ракет, как у людей, бывает неимоверно трудный характер. И хотя дел впереди еще много, но самые ответственные испытания позади. Должен сказать, что на этот раз обстановка для работы была удивительно спокойной: никаких дерганий.

Посмотрел на цветы.

— Правда, меня излишне много опекали. Один товарищ буквально не отходил ни на шаг. Я его даже спросил: «Ты что, влюбился, как девушка?» А он в ответ: «Вдвоем веселее. Ты уж, Кузьмич, не обижайся, но пока буду твоей тенью».

И я вспомнила строгий кремлевский кабинет и человека, так внимательно выслушавшего меня в феврале.

«Agnus Dei. Lux aeterna»... Вот и пробежали еще раз прожитые годы.

Последний аккорд замирает в стенах Домского зала. В цветных витражах, или это только почудилось мне, мелькнули огненные блики.

«Реквием Янгеля». Что сильнее всего звучит в аккордах прожитой жизни бесконечно дорогого моего человека?

И я без колебания отвечаю:

— Могучая сила жизни.

А перед глазами тюльпаны. Те, что привез он из степей Байконура. Что пламенели на белой скатерти стола. И сам он — загорелый, улыбающийся, счастливый. Человек, вышедший победителем в нелегкой очередной схватке.

Тюльпаны с космодрома. В степях, где расцветают они, берут старт могучие ракеты. Они выводят на орбиту Земли спутники, орбитальные станции. Все это очень нужно людям. И еще им нужно мирное небо над головой.

Тюльпаны с космодрома. Символ весны, символ всепобеждающей жизни. Пусть цветут они так же ярко, так же красиво на нашей Земле, как той далекой весной, которую так радостно встретил когда-то Михаил Кузьмич Янгель — человек, очень любивший жизнь, людей, Родину и уходящие с космодрома в ярком стартовом пламени огня ракеты.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3
Глава первая. Встреча на развилке 5
Глава вторая. Письма из-за океана 33
Глава третья. Илимские напевы 72
Глава четвертая. Необычные интегралы 120
Глава пятая. Огненные сороковые... 152
Глава шестая. Школа «короля истребителей» . . . 192
Глава седьмая. Испытание временем 223
Глава восьмая. Очень мало, но о ракетах 246
Глава девятая. В плену у ракет 274
Глава десятая. На перекрестках дорог 316
Глава одиннадцатая. Реквием 352

Стражева И. В.

С83 Тюльпаны с космодрома. М., «Молодая гвардия», 1978.

400 с. с ил.

Эта книга о дважды Герое Социалистического Труда, академике Михаиле Кузьмиче Янгеле. Крестьянский парень из таежной сибирской деревушки Зыряновой, рабочий подмосковной текстильной фабрики, авиационный конструктор и, наконец, главный конструктор ракетно-космических систем. Таков жизненный путь этого удивительного человека — коммуниста, прожившего порой нелегкую, но светлую жизнь.

С $\frac{70302-259}{078(02)-78}$—276—78 **6Т6(09)**

ИБ № 1463

Ирина Викторовна Стражева

ТЮЛЬПАНЫ С КОСМОДРОМА

Редактор **Е. Любушкина**

Художник **А. Андрющенко**

Художественный редактор **А. Степанова**

Технические редакторы **Р. Грачева, В. Мещаненко**

Корректоры **Г. Василёва, Т. Пескова**

Сдано в набор 16/I 1978 г. Подписано к печати 4/X 1978 г. А06020. Формат 84×108[1]/32. Бумага № 1. Печ. л. 12,5 (усл. 21,0)+ + 16 вкл. Уч.-изд. л. 23,8. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 80 к. Т. П. 1978 г., № 276. Заказ 2246.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.